

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2016
4 (30)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

**ВОПРОСЫ
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**

2016
4 (30)
Москва

**JOURNAL
OF
PSYCHOLINGUISTICS**

2016
4 (30)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор филологических и биологических наук, профессор СПбГУ, заведующая лабораторией когнитивных исследований, зам. директора-координатор когнитивного направления НБИК-центра НИЦ «Курчатовский институт», Санкт-Петербург, Москва (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2016

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2016

© НОУ ВПО «Московская международная академия», 2016

© Авторы, 2016

Подписано в печать 16.12.2016. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17,23. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

---

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, doctor of Philology and Biology, Professor of St. Petersburg State University, Head of Laboratory for Cognitive Studies, Deputy Director-Coordinator of the Cognitive Branch of Kurchatov Institute, Saint-Petersburg, Moscow (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied research.

4 issues per year. The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2016

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2016

© Moscow International Academy, 2016

© Authors, 2016

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

85 лет Ревекке Марковне Фрумкиной.....	10
75 лет Александру Петровичу Василевичу.....	11
Василевич А.П. (<i>Москва, Россия</i>) Опыт анализа самоотчетов в эксперименте по свободной классификации (на материале слов, описывающих «радость»).....	12

COLLEGIUM

Балясникова О.В. (<i>Москва, Россия</i>) «Отчуждение» в конфликтной коммуникации.....	20
Белякова Л.И., Филатова Ю.О. (<i>Москва, Россия</i>) Психофизиологический инструментарий в пространстве изучения речи ребенка.....	30
Вашунина И.В. (<i>Москва, Россия</i>) Особенности восприятия креолизованных текстов.....	39
Дырхеева Г.А. (<i>Улан-Удэ, Россия</i>) О ядре языкового сознания бурят-билингвов.....	54
Ерофеева Е.В., Низгулов Т.С. (<i>Пермь, Россия</i>) Гибридизация специальных и обыденных понятий (на примере понимания юридических терминов).....	63
Зарипов Р.И. (<i>Москва, Россия</i>) Способы создания стереотипов о России на основе политических метафор.....	80
Ковшова М.Л. (<i>Москва, Россия</i>) Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов...90	
Комалова Л.Р. (<i>Москва, Россия</i>) Вербальная реализация агрессии как продукт социально-когнитивной депривации.....	103
Крейдлин Г.Е., Хесед Л.А. (<i>Москва, Россия</i>) Взаимодействие физических признаков телесных объектов и социальных характеристик их обладателей.....	116
Маховиков Д.В., Степанова А.А. (<i>Москва, Россия</i>) Идеологемы в языковом сознании русских: межпоколенческая специфика.....	129
Найденова Н.С. (<i>Москва, Россия</i>) Механизмы речевого воздействия в экономическом дискурсе: на примере текстов выступлений глав ФРС США..146	
Новикова В.П. (<i>Челябинск, Россия</i>) Интеллект-карта как эффективный инструмент работы с художественным текстом.....	156
Радина Н.К., Александрова Н.С. (<i>Нижний Новгород, Россия</i>) Семиотика мультимедийного текста: креолизованные тексты в профессиональной онлайн-коммуникация (на материале официального сайта НИУ ВШЭ).....	164
Пильгун М.А., Дзялошинский И.М. (<i>Москва, Россия</i>) Интерпретация событий октябрьской революции в языковом сознании современных пользователей: анализ контента.....	181
Раренко М.Б. (<i>Москва, Россия</i>) Проблемы взаимодействия языков на территории современной Шотландии.....	194
Степанова А.А. (<i>Москва, Россия</i>) Этническая идентичность и языковое сознание носителей бурятского языка: социо- и психолингвистические исследования.....	206

Содержание

Ильина В.А., Маховиков Д.В., Нистратов А.А., Синячкина Н.Л., Тарасов Е.Ф. (Москва, Россия) Проблемы конструирования инокультурного ценностного сознания.....	216
Трошина Н.Н. (Москва, Россия) Кто такие «немецкие турки»? О языковом аспекте проблемы.....	236
Ханова А.Ф. (Набережные Челны, Россия), Станкевич Е.А. (Елабуга, Россия) Автостереотипы и гетеростереотипы русских и татар в Республике Татарстан.....	244
Хекало Т.В. (Хабаровск, Россия) Изучение личностных смыслов физико-химических объектов методом семантического дифференциала.....	256
Чулкина Н.Л. (Москва, Россия) Морально-этические регулятивы «совесть», «Стыд», «хорошо»/ «плохо», «нельзя» в русском и татарском обыденном языковом сознании (по материалам «русского ассоциативного словаря» (РАС-1) и пилотажного эксперимента в Татарстане).....	266
Трибуна молодых ученых	
Воронцов К.А. (Москва, Россия) Уровневая организация внутреннего лексикона.....	274
Кормазина О.П. (Владивосток, Россия) Воспоминания о детстве: особенности жанра в аспекте возрастных различий рассказчиков.....	283
Полянская А.Г. (Москва, Россия) Лингвистические особенности текстов «посадочных» страниц.....	290
Янь Кай (КНР) Художественный текст, культура, сознание: психолингвокультурологический подход.....	298
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
XVIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент» конференция. Москва, 24-26 мая 2016 г. (А.Д. Козлова).....	310
Круглый стол «Актуальные проблемы проведения и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов» (А.В. Рудакова, И.А. Стернин).....	312

ИНФОРМАЦИЯ

Content

OUR ANNIVERSARIES	
On the 85th Anniversary of Professor Frumkina.....	10
On the 75th Anniversary of Professor Vasilevich.....	11
Alexander P. Vasilevich (<i>Moscow, Russia</i>) Inquiry into Respondents' Reports in the Course of Free Sorting the Words Denoting "Joy".....	12
COLLEGIUM	
Olga V. Balyasnikova (<i>Moscow, Russia</i>) "Alienation" in Conflict Communication.....	20
Lidia I. Belyakova, Yulia O. Filatova (<i>Moscow, Russia</i>) Psychophysiological Tools in the Field of Child's Speech Study.....	30
Irina V. Vashunina (<i>Moscow, Russia</i>) Features of Creolized Texts Perception.....	39
Galina Al. Dyrkheeva (<i>Ulan-Ude, Russia</i>) On the Kernel of Language Consciousness of Buryat Bilinguals.....	54
Elena V. Erofeeva, Timur S. Nizgulov (<i>Perm, Russia</i>) Hybridization of Special and Common Concepts (Based on Legal Terms Comprehension).....	63
Ruslan Ir. Zaripov (<i>Moscow, Russia</i>) Main Ways of Russia's Stereotyping on the Basis of Political Metaphors.....	80
Maria L. Kovshova (<i>Moscow, Russia</i>) Cultural and National Specificity of Phraseological Units and Explication of Their Cultural Meanings.....	90
Liliya R. Komalova (<i>Moscow, Russia</i>) Verbal Implementation of Aggression as a Product of Social and Cognitive Deprivation.....	103
Grigory E. Kreydlin, Lidia A. Khesed (<i>Moscow, Russia</i>) The Correspondence between Physical Features of the Somatic Objects and Social Characteristics of their Owners.....	116
Denis V. Makhovikov, Anna A. Stepanova (<i>Moscow, Russia</i>) Ideologemes in Russian Language Consciousness from an Intergenerational Perspective.....	129
Natalia S. Naydenova (<i>Moscow, Russia</i>) Mechanisms of Persuasion in Economic Discourse: Case Study of Speeches Delivered by Heads of the US Federal Reserve System.....	146
Vera P. Novikova (<i>Chelyabinsk, Russia</i>) Mind-Map as an Effective Instrument to Perfect the Study of the Fiction Text.....	156
Nadezhda K. Radina (<i>Nizhny Novgorod, Russia</i>) Semiotics of Multimedia Text: Creolized Texts in Professional Online-Communication (Based on the HSE Official Website).....	164
Maria A. Pilgun, Joseph M. Dzyaloshinsky (<i>Moscow, Russia</i>) The Interpretation of the Events of the October Revolution in Modern Users' Language Consciousness: Content Analysis.....	181
Maria B. Rarenko (<i>Moscow, Russia</i>) Language Situation in Modern Scotland....	194
Anna A. Stepanova (<i>Moscow, Russia</i>) Ethnical Identity and Language Consciousness of Buryats: Sociolinguistic and Psycholinguistic Studies.....	206
Violetta A. Ilyina, Denis V. Makhovikov, Alexander A. Nistratov, Natalya L. Sinyachkina, Evgeniy F. Tarasov (<i>Moscow, Russia</i>) Problems of Constructing Foreign Culture Consciousness.....	216

Content

Natalia N. Troshina (<i>Moscow, Russia</i>) Who are German-Speaking Turks? On the Language Aspect of the Problem.....	236
Aigul F. Khanova (<i>Naberezhnye Chelny, Russia</i>), Ekaterina A. Stankevich (<i>Elabuga, Russia</i>) Autostereotypes and Heterostereotypes of Russian and Tatar in the Republic of Tatarstan.....	244
Tatyana V. Khakalo (<i>Khabarovsk, Russia</i>) Study of Personal Meaning of Physical and Chemical Objects by Means of Semantic Differential.....	256
Nina L. Chulkina (<i>Moscow, Russia</i>) Moral and Ethical “Regulatives”: “Conscience”, “Shame”, “Good / Bad”, “One Cannot Do” in Russian and Tatar Everyday Language Consciousness (Based on a Pilot Experiment in Tatarstan).....	266
YOUNG SCHOLARS’ STUDIES	
Kirill A. Vorontsov (<i>Moscow, Russia</i>) Level Organization of the Internal Lexicon.....	274
Olga P. Kormazina (<i>Vladivostok, Russia</i>) Recollections of Childhood: Genre Peculiarities in Terms of Narrators Age Differences.....	283
Anastasiia G. Polianskaia (<i>Moscow, Russia</i>) Language Features of Landing Pages Texts.....	290
Yan Kai (<i>China</i>) Fiction, Culture, Mind: Psycho-linguo-cultural Approach.....	298
SCIENTIFIC LIFE	
The 18 th International Symposium of Psycholinguistics and Theory of Communication “Theory of Speech Activity: Practices and Experiments”, Moscow, 23–26 May 2016 (Anastasiya D. Kozlova).....	310
The Round Table “Acute Problems of Psycholinguistic Experiments and Interpretation of Their Results» (Alexandra V. Rudakova, Iosif A. Sternin).....	312
INFORMATION	

Ученым движет мысль, подобно тому, как влюбленным движет страсть. Сама по себе страсть не гарантирует взаимности, но сообщает переживаниям ценность и осмысленность. И хотя результат очень важен, ученый интенсивно живет процессом поиска, сколь бы мучительным он ни был.

Р.М. Фрумкина

Сердечно поздравляем с 85-летием!

Ревекка Марковна Фрумкина более полувека украшает собой нашу науку. Тернистый путь от м.н.с. до д.ф.н., профессора и главного научного сотрудника она прошла, не уронив высокого звания ученого. Десятки книг и сотни статей – это ее выдающийся вклад в отечественную науку, который вдохновлял и будет вдохновлять не одно поколение исследователей. Ее отличает постоянное стремление открывать новые пути, работать профессионально, глубоко вникать в сущность любой проблемы, виртуозно отделять зерна от плевел.

Редакция уже имела удовольствие поздравить Ревекку Марковну с ее предыдущей юбилейной датой (ВП, 2011, № 2). За прошедшее с тех пор время наша любовь и уважение к ней остались прежними. Хочется лишь дополнительно упомянуть о ее бескорыстии (профессия ученого вообще дает пожизненную гарантию от похищения с целью выкупа) и выразить восхищение мужеством, с которым она борется с многочисленными сбоями своего организма, оставаясь в строю: достаточно назвать два очередных издания ее учебника по психолингвистике, который по праву считается настольной книгой студентов сразу нескольких специальностей. А сочетание ее огромной эрудиции, научного склада ума и легендарной «легкости пера» позволили освоить новый для нее жанр – интернет-публикации. Ее работы неизменно попадают в центр внимания коллег и самого широкого круга интеллектуалов. Недаром она стала лауреатом Премии в области просветительской литературы.

Ревекка Марковна задала в науке планку, которую не многим дано преодолеть, но, по крайней мере, мы все имеем эталон, с которым может соизмерять собственные возможности и собственные достижения.

Василевич Александр Петрович
Сердечно поздравляем с 75-летием!

Доктор филологических наук, профессор. Более 45 лет проработал в секторе психолингвистики Института языкознания РАН. В настоящее время заведует кафедрой лингводидактики МГОУ. Области научных интересов: психолингвистика, теория эксперимента, раннее обучение иностранному языку, тестовый подход к контролю знаний. Неоднократно получал исследовательские и издательские гранты Фонда «Культурная инициатива», РГНФ, РФФИ, Центра тестирования Министерства образования РФ, МГОУ. Лауреат конкурса инновационных проектов и двух конкурсов на лучшую научно-популярную статью. Опубликовал 16 монографий и более 180 научных статей. Много лет был членом комиссии Российской академии наук по экспертизе школьных учебников. В настоящее время эксперт Российского Совета олимпиад школьников.

**ОПЫТ АНАЛИЗА САМООТЧЕТОВ В ЭКСПЕРИМЕНТЕ
ПО СВОБОДНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВ, ОПИСЫВАЮЩИХ «РАДОСТЬ»)**

Василевич Александр Петрович

доктор филологических наук, зав. кафедрой лингводидактики МГОУ
107241 Москва, Амурская ул. 19 кв. 22
e-mail: basilevich@mail.ru

Метод свободной классификации является принятой экспериментальной процедурой для исследования представления наивных носителей языка о семантической близости слов. Обычно выводы делает экспериментатор, опираясь на усреднение индивидуальных группировок. Более перспективным представляется анализ прямых высказываний испытуемых, объясняющих основания (принципы классификации), которыми они руководствовались в своих решениях. Возможности такого подхода иллюстрируются на примере анализа 30 самоотчетов по результатам свободной классификации 20 русских прилагательных с общим значением «радость». Обобщение самоотчетов позволило выделить два основных семантических признака, присущих словам данной группы: 1) степень интенсивности выражения радости 2) отнесение данной эмоции к сиюминутной ситуации или к общей характеристике человека.

Ключевые слова: метод свободной классификации, семантическая близость, самоотчеты, лексическая группа с общим значением 'радость'.

Одной из фундаментальных проблем в сфере изучения мышления является проблема выяснения сущности механизмов установления психологической эквивалентности, действие которых позволяет человеку выделять в окружающем мире классы объектов, принимаемых на определенном уровне рассмотрения как неразличимые. Конкретные экспериментальные исследования в этой области обычно строятся по следующей схеме. Экспериментатор предъявляет испытуемому некоторую совокупность объектов (реальные предметы, их изображения, либо обозначающие их слова), т.е. материал с заданием выбрать среди него схожие объекты (либо те, которые по какой-либо причине могут быть объединены). В качестве экспериментальной методики обычно используется процедура свободной классификации.

Метод свободной классификации одно время широко использовался в исследованиях семантики лексических групп [Коул, Скрибнер 1977; Мостовая 1985; Олвер, Хорнсби 1985; Фрумкина, Михеев 1985]. Его суть состоит в том, что исследуемый набор слов выдается испытуемым с инструкцией разделить слова на группы в соответствии с их представлениями о сходстве данных слов по смыслу. Число групп может быть любым. Количество слов в группе – также.

Результаты деятельности испытуемых обобщаются экспериментатором в виде матрицы, где для каждой пары слов указывается, сколько раз эти слова встретились вместе в одном классе. Это позволяет впоследствии выявлять подгруппы наиболее близких по смыслу слов, а анализ выделенных подгрупп приводит к гипотезе

тезам относительно конкретных семантических признаков, присущих этим словам [ср. Михеев 1988]. Накопление разнообразных экспериментальных данных позволило перейти к обобщениям относительно самого механизма осуществления категоризации [Звонкин, Фрумкина 1980; Фрумкина 1984; Wierzbicka 1984].

Заметим, что подавляющее большинство упомянутых исследований выполнялось на материале конкретной лексики. Не удивительно, что среди выявленных оснований классификации наиболее существенными оказывались форма предмета, его размер, функциональность и т.д. [Михеев 1988]. При этом производимая экспериментатором интерпретация делается *post factum*, исходя из усредненных группировок слов. При этом индивидуальные группировки в известной мере нивелируются, а ведь в них может содержаться полезная информация. Производя группировку каждый отдельный индивид руководствуется своим видением семантического сходства / различия, которое в результате «остаётся за кадром».

В этом смысле весьма перспективным представляется нам подход, при котором инструкция требует от испытуемых *объяснение* произведенной им группировки [Аллмере 1985; Михеев 1985]. Следует сказать, что обобщение подобных объяснений оказывается весьма не простым делом; отдельные авторы даже считают, что «однозначное отнесение каждого классификационного решения... в общем случае не представляется возможным в силу комплексности и многозначности даваемых испытуемыми объяснений» [Михеев 1988: 92]. Однако мы решили все-таки сделать попытку реализовать данный подход. Более того, мы усложнили себе задачу тем, что в качестве материала привлекли не конкретную лексику, а группу абстрактных прилагательных. Впрочем, ранее у нас уже был достаточно удачный опыт проведения эксперимента по свободной классификации прилагательных, обозначающих эмоции¹. При усреднении индивидуальных группировок слов с общим значением «грустный» наиболее сильные связи были, в частности, получены для слов *сумрачный, мрачный, пасмурный, хмурый* (интерпретация этой категории: слова манифестируют признак, связанный с явно внешним проявлением эмоционального состояния); *горестный, кручинный, скорбный, несчастный* (слова передают самую сильную степень эмоционального состояния); *унылый, скучный, тоскливый* (слова приложимы не только к состоянию человека, но и к описанию погоды) и т.д.

Итак, в настоящей работе мы попытались напрямую обратиться к мнению испытуемых относительно обоснования их индивидуальных группировок, т.е. получить данные самоанализа ответов. С этой целью обычная инструкция эксперимента по свободной классификации была дополнена следующей просьбой: «Объясните (в письменной форме), на каком основании вы поместили слова в ту или иную группу». Мы полагали, что анализ полученных результатов (выделенные классы и относящиеся к ним объяснения) даст возможность определить те основания (принципы классификации), которыми руководствовались ии. в своих решениях.

Для исследования были отобрано 20 русских прилагательных, имеющих прямое отношение к концепту «радость» (*веселый, довольный, бодрый, взволнованный, восторженный, ликующий, лучезарный* и т.д.).

---

¹ Василевич А.П., неопубликованные материалы.

В эксперименте приняли участие 30 носителей русского языка.

Надо признать, что при выполнении дополнительного задания испытуемые в целом не проявили большого энтузиазма. В некоторых случаях информация, зафиксированная в анкетах, была малосодержательной. Приведем пример одного такого самоотчета (табл. 1).

Таблица №1

Пример самоотчета испытуемого И.А.

Состав выделенных подгрупп	Комментарий испытуемого
<i>праздничный, счастливый, восторженный, лучезарный, радужный, сияющий, взволнованный</i>	Выражение чего-то светло-возвышенного; счастье
<i>веселый, бодрый, возбужденный, жизнерадостный, оживленный, ликующий, радостный, довольный</i>	Что-то связанное с движением. Очень шумные люди, они громко говорят, жестикулируют и т.д.
<i>просветленный, блаженный, очарованный, светлый, удовлетворенный</i>	Тихая радость. Человек от чего-то балдеет. Что-то не от мира сего.

Однако, как правило, самоотчеты все же давали довольно ясную картину понимания испытуемым основного семантического компонента выделяемых ими групп, и в 30 протоколах нам удалось найти достаточно данных для проведения обобщающего анализа.

На первом этапе мы составили список признаков, которыми пользовались ии. в своих самоотчетах и проанализировали, насколько часто они встречались у разных ии. Оказалось, что к числу важнейших, встречающихся у многих ии., можно отнести лишь два: «интенсивность эмоции» и «возможность отнесения слова к эмоциональному состоянию в данный момент или вообще к характеру человека». Остальные признаки назывались в единичных случаях и пока к анализу не привлекались. Что же касается двух отмеченных признаков, то оценки по ним были обобщены и сведены в соответствующие шкалы.

Степень интенсивности эмоции

Для сопоставления слов по степени интенсивности выражения «радости», мы разработали следующую статистическую процедуру.

1. Определяется показатель n – число испытуемых, которые в своих самоотчетах упомянули данный признак (ср. записи типа, «высокая степень радости», «сильная степень выражения эмоционального состояния», «средняя степень радости» и т.д.).

2. Для каждого слова a выписывается, сколько раз оно было отнесено к одной из трех категорий (A – сильная степень качества, B – средняя степень, C – слабая степень).

3. Подсчитывается суммарный балл слова a по формуле

$$\Sigma_a = [+3A] + [+1B] + [-2C]$$

4. Определяется максимально возможный суммарный балл слова a :

$$\max_a = 3n+3$$

5. Вычисляется индекс интенсивности слова a по формуле

$$int_a = \Sigma_a : \max_a$$

Понятно, что чем выше показатель int_a , тем выше степень интенсивности признака «радость» слова a в представлении носителей русского языка. Приведем полученные результаты (табл. 2). Слова в таблице в зависимости от величины int_a разделены на четыре категории.

Таблица №2

Шкала интенсивности слов, выражающих «радость»

Категория шкалы	Состав группы	Диапазон значений показателя int_a
Высокая степень интенсивности	сияющий, взволнованный, ликующий, лучезарный, радужный, восторженный, счастливый	0,71 – 0,98
Средняя степень интенсивности	праздничный, жизнерадостный, очарованный, возбужденный, оживленный, бодрый, довольный,	0,26-0,56
Довольно низкая степень интенсивности	веселый, светлый, просветленный, блаженный	0,07-0,19
Самая низкая степень интенсивности	удовлетворенный	- 0,366

Другим признаком, который чаще всего привлекался в качестве обоснования произведенных группировок, была отнесенность слова к эмоции как таковой (описывает эмоциональное состояние, настроение) в противоположность характеру (описывает константное, постоянное свойство человека). Слова *блаженный, меланхоличный* скорее всего характеризуют человека в целом, в то время, как *взволнованный, удрученный* – почти всегда сиюминутное состояние. В некоторых случаях одно и то же слово может быть употребительным в обоих случаях (ср. *счастливый* или *унылый*). Интересно было попытаться расположить слова на шкале «характер – состояние» (назовем ее $char_a$), получив для них конкретные численные оценки. Значения слов на шкалы $char$ высчитывались точно так же, как на шкале int . Высокое значение $char_a$ означает, что слово описывает характер, темперамент человека, а не его конкретное состояние в данный момент. В табл. 3 приведены значения $char_a$ для всех слов набора.

Таблица №3

Шкала [темперамент/характер – настроение/состояние]

Категория шкалы	состав группы	Диапазон значений показателя $char_a$
Без сомнения описывает характер	светлый, радужный, просветленный, лучезарный, блаженный	0,92 – 0,93

Наши юбиляры

Описывает скорее характер, чем сиюминутное состояние	восторженный, жизнерадостный,	0,33 – 0,46
Описывает скорее состояние, чем характер	веселый, бодрый, сияющий, счастливый, ликующий,	- 0,15 – 0,10
Без сомнения описывает состояние человека	удовлетворенный, возбужденный, оживленный, взволнованный, довольный, очарованный, праздничный, радостный	- 0,76 – - 0,27

Коль скоро каждое слово a имеет две оценки (int_a и $char_a$), имеет смысл оценить близость всех слов набора на двумерной плоскости. На рис. 1 показано взаимное расположение 20 наших слов по осям значений двух шкал. Слова на рисунке заменены цифрами следующим образом:

1. сияющий	6. радужный	11. возбужденный	16. просветленный
2. ликующий	7. взволнованный	12. оживленный	17. блаженный
3. лучезарный	8. праздничный	13. бодрый	18. веселый
4. восторженный	9. очарованный	14. радостный	19. удовлетворенный
5. счастливый	10. довольный	15. светлый	20. жизнерадостный

Для удобства анализа мы разделили плоскость на 9 квадрантов и перенумеровали их.

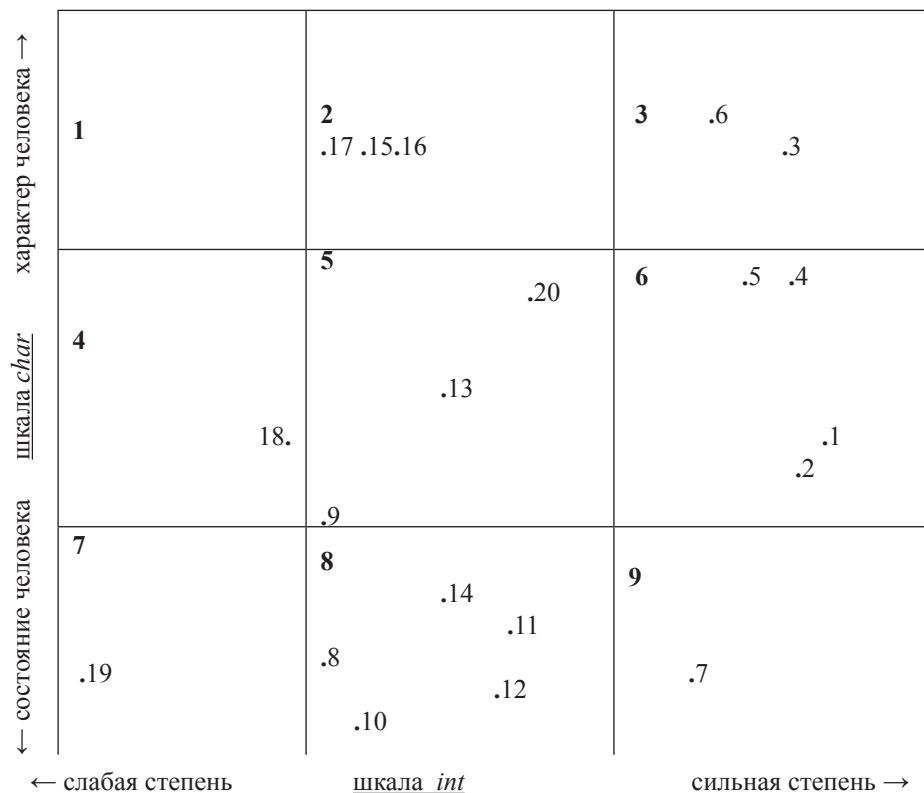

Рис. 1. Расположение слов группы «радость» на плоскости

Обсуждение результатов

Группировки слов внутри квадрантов выглядят вполне разумно. Ср.:
квадрант 8 – { *радостный, праздничный, оживленный, возбужденный* } ;
особняком стоит *довольный* ;
квадрант 6 – { *сияющий, ликующий* } и { *счастливый, восторженный* } ;
квадрант 2 – { *светлый, просветленный, блаженный* }

Заметим, что наибольшее число слов лежит в диапазоне средней степени интенсивности. Этот результат представляется нам несколько неожиданным. Еще Аристотель считал: «У того, кто стоит посередине, нет имени». Существует множество свидетельств того, что если необходимо лексически обозначить степень качества по определенной шкале, то любой язык располагает развитой синонимией для обозначения концов этой шкалы и весьма беден при обозначении ее середины [Арутюнова 1988]. Этот факт был, в частности, экспериментально подтвержден нами на материале слов, описывающих фигуру человека [Vasilevich 1990].

Обращает на себя внимание отсутствие слов в квадранте 1.

Полученные результаты требуют подтверждения в двух отношениях. Во-первых, следует провести аналогичные исследования для других групп слов, обозначающих эмоции («гнев», «грусть», «страх» и т.д.). Во-вторых, желательно применить описанную методику к аналогичной лексике других языков. Обе задачи, как мы надеемся, будут выполнены в скором будущем, и тогда можно будет судить о степени универсальности выводов, сделанных в настоящей работе.

Литература

- Аллмере Р.А.* К проблеме обработки результатов эксперимента по свободной классификации // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. – М.: Наука, 1985. – С. 55-65.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988.
- Звонкин А.К., Фрумкина Р.М.* Свободная классификация: модели поведения // НТИ – сер. 2. – 1980. – № 6. – С.1-6.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977.
- Михеев А.В.* Свободная классификация набора предметов (эксперимент в Нагорном Карабахе) // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. – М.: Наука, 1985. – С. 78-93.
- Михеев А.В.* Принципы обоснований в классификационных экспериментах. // Речь: восприятие и семантика. – М.: Наука, 1988. – С. 77-93.
- Мостовая А.Д.* Опыт сравнения научных и «наивных» толкований (на материале слов конкретной лексики). // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. – М.: Наука, 1985. – С.35-54.
- Олвер Р., Хорнсби Дж.* О составлении групп эквивалентных предметов. // Исследование развития познавательной деятельности. Под ред. Дж. Брунера и др. – М., 1971. – С. 99-118.
- Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. – М., Наука, 1984.

Фрумкина Р.М., Михеев А.В. «Свобода» и «нормативность» в экспериментах по свободной классификации // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. – М.: Наука, 1985. – С. 66-77.

Vasilevich A.P. Can we find a word to designate an ‘average’ human figure? // Soviet contributions to some topical linguistic issues. – М.: Наука. – 1990. – С. 51-59.

Wierzbicka A. Apples are not “a kind of fruit”. The semantics of human categorization. *American Ethnologist*, 1984, vol. 11, № 2, p. 313-328.

INQUIRY INTO RESPONDENTS’ REPORTS IN THE COURSE OF FREE SORTING THE WORDS DENOTING “JOY”

Alexander P. Vasilevich

Moscow State Regional University
ap.22, 19 Amurskaya str Moscow 107241
e-mail: basilevich@mail.ru

Free classification is a typical kind of experimental procedure to investigate naïve conception of semantic relationship. Usually it is the experimenter who makes conclusions basing on averaging the individual grouping of stimuli. It seems more challenging, however, to appeal to respondents’ direct reports as to their reason why they place such and such stimuli into one group. The virtue of this approach is demonstrated by the results of the experiment in which 30 respondents’ comment their way of grouping 20 Russian adjectives expressing the concept ‘joy, happiness’. The data analysis enables to pick up two key semantic features of the word group in question:

- 1) expressing the intensity grade of the feeling;
- 2) referring the emotion to the given situation rather than identifying an individual’s character.

Keywords: free sorting, semantic proximity, reflection reports, group of words denoting “joy, happiness”.

References

Allmere R.A. К проблеме обработки результатов эксперимента по свободной классификации [On the problem of data analysis in the free-classification experiments] / *Lingvisticheskie i psiholingvisticheskie struktury rechi*. М., Nauka, 1985, str. 55-65

Arutjunova N.D. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. [Types of sign meaning. Evaluation, event, fact] М., Nauka, 1988.

Koul M., Skribner S. Kul’tura i myshlenie. [Culture and mentality] М., 1977.

Miheev A.V. Svobodnaja klassifikacija nabora predmetov (jeksperiment v Nagornom Karabahe) [Free classification of a set of objects (experimental study in Nogorny Karabakh)] / *Lingvisticheskie i psiholingvisticheskie struktury rechi*. М.: Nauka, 1985, str.78-93.

Miheev A.V. Principy obosnovanij v klassifikacionnyh jeksperimentah [Principles of reasoning in free-classification experiments] / Rech': vosprijatje i semantika. M., Nauka, 1988, str. 77-93.

Mostovaja A.D. Opyt sravnenija nauchnyh i «naivnyh» tolkovanj (na materiale slov konkretnoj leksiki). [The endeavor of comparing scientific and “naïve” interpretation (while dealing with concrete lexics)] / Lingvisticheskie i psiholingvisticheskie struktury rechi. M: Nauka, 1985, str.35-54.

Olver R., Hornsbi Dzh. O sostavlenii grupp jekvivalentnyh predmetov [On grouping similar objects] / Issledovanie razvitija poznachatel'noj dejatel'nosti. Pod red. Dzh. Brunera i dr. M., 1971, str. 99-118.

Frumkina R.M. Cvet, smysl, shodstvo. [Colour, meaning, similarity] M., Nauka, 1984.

Frumkina R.M., Miheev A.V. «Svoboda» i «normativnost'» v jeksperimentah po svobodnoj klassifikacii. [“Variability” and “standards” in free-classification experiments] / Lingvisticheskie i psiholingvisticheskie struktury rechi. M: Nauka, 1985, str. 66-77.

Vasilevich A.P. Can we find a word to designate an ‘average’ human figure? // Soviet contributions to some topical linguistic issues. – M.: Hayka. – 1990. – С. 51-59.

Wierzbicka A. Apples are not “a kind of fruit”. The semantics of human categorization. American Ethnologist, 1984, vol. 11, № 2, p. 313-328.

Zvonkin A.K., Frumkina R.M. Svobodnaja klassifikacija: modeli povedenija [Free classification: modes of Ss' behavior] / NTI, ser. 2, 1980, № 6, str. 1-6.

«ОТЧУЖДЕНИЕ» В КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ**Балясникова Ольга Вениаминовна**

старший научный сотрудник

ФГБУН «Институт языкознания РАН»

Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

e-mail: olg-balyasnikova@yandex.ru

Статья посвящена описанию фрейма «отчуждение» и его реализации в конфликтных текстах. Отчуждение в них имеет вид речевого действия (акта, субжанра); степень вовлеченности участника конфликтной коммуникативной ситуации непосредственно в конфликтный диалог определяет формы актуализации отчуждающего субъекта. В целом фрейм «отчуждение» может быть представлен в многочисленных жанрах конфликтных текстов, получая в них конкретные наименования. При разнообразных модификациях фрейма в процессе естественной языковой коммуникации константной остается идея движения отчуждаемого объекта к границе соположения «своего» и «чужого» пространств. Особое значение для выражения идеи отчуждения в интолерантной речи приобретают дейктики, противопоставляющие локусы отчуждающего субъекта и отчуждаемого объекта, а также глаголы, описывающие отчуждение в составе стереотипных конструкций.

Ключевые слова: Конфликтный текст, конфликтная речевая коммуникация, отчуждение, фрейм, пространственность, отчуждающий субъект.

Введение

Отчуждение является объектом внимания авторов исследований в области философии, социальной и педагогической психологии, где отчуждение трактуется как абстрактно-философская категория, имеющая многообразные формы своего существования [Исмагилов 2010, Мухина 2009, Шетулова 2009, Шугуров 1999]. В конфликтном дискурсе оно рассматривается на уровне стратегий и тактик [Зацепина 2006, Третьякова 2009] или всего коммуникативного акта [Косова 2010]. Во фрейме «Отчуждение» актуализируются темпоральные и локусные слоты, фиксирующие начало и конец движения объекта отчуждения на пути к своему новому состоянию, поэтому его можно называть и фреймом-сценарием, в котором заключена идея перемещения объекта в «своем – чужом» пространстве; в результате происходит утрата его связи с объектом соотношения и качественные изменения первого.

«Свое» пространство связано с фактическим или мыслимым «приближением» объекта к эгоцентру, ср. *свой человек – близкий (родственник, друг), чужой человек – посторонний, далекий по духу* [БТС]. Сферу «отчужденности» составляют удаленные от «своего» пространства объекты, в том числе неизвестные, в описании которых присутствует номинация типичных (также мифических) «чужих», а также квазионим: *за тридцать земель, за морем, за кудыкиной горой, черт-те где, у черта на куличках* и др.

В целом сближение/удаление – градуальная оппозиция, компоненты которой противопоставлены по ряду параметров, например, в сфере тактильных ощущений: *теплые чувства, теплота в отношениях, горячая преданность/любовь, жаркие объятия* противопоставлены *холоду/холодку в отношениях* как знаку отчуждения, предполагающего дистанцирование и охлаждение (чувств). «Температурная» сфера относится к области эмоций и подразумевает способность/неспособность к эмпатии.

Сама же граница, если обобщить словарные толкования значения слова, осмысливается в двух своих ипостасях: *внешняя граница* – прототип, территориальное пространство, нарушаемая извне или защищаемая изнутри. *Внутренняя граница*, существование которой предполагает ограничение свободы действий человека особыми правилами или типичность этого поведения для большинства ситуаций, может «пересекаться» при нарушении правил взаимодействия людей, в том числе при общении.

Связь внешней и внутренней границ отражена в свободных и фразеологизированных сочетаниях: *закрывать дверь / закрыть свое сердце – открыть дверь / открыть душу, закрыться / замкнуться открыться (кому-либо)* и просто *открытый / закрытый (замкнутый) человек*. «Держать свое при себе, быть себе на уме, не доверять, скрытничать, держать камень за пазухой» – обозначение замкнутости, недоступности, закрытости внутреннего мира.

Словарные толкования в целом разделяют *границу* и *грань*, которые в значении «предел допустимого» могут совпадать: *Ну / это на грани / вообще-то* (спонтанная устная речь). *Это уже все границы переходит* и т.п. Взаимодействие двух типов границ выражается в сценарном ходе защиты – изгнания, типичном в конфликтной коммуникации.

В настоящей статье представлены результаты анализа текстовой репрезентации фрейма на материале двух типов. Первый - ок. 7000 текстов различного объема, объединяемых общей установкой актора на конфликт, полученных из онлайн-комментариев к новостным событиям в Интернете (знаком конфликта служила в данном случае реакция собеседника). Второй – более 300 текстов конфликтных диалогов, составленных носителями русского языка в возрасте от 17 до 25 лет (данные были собраны с 2005 по 2015 гг.). Оба вида деятельности характеризуются ограниченностью ее результатов (текстов) во времени и пространстве: обычно это небольшие речевые произведения, средний объем которых составляет 5-7 реплик.

Необходимо отметить, что, хотя записанные респондентами тексты опираются на представления о типовых ситуации конфликта и о типовом конфликтном диалоге, они не могут рассматриваться как примеры естественной конфликтной коммуникации. Личность автора оказывает влияние на видение ситуации, в частности на распределение функций между участниками диалога (инициатор конфликта или уходящий от конфликта) и статусно-ролевые соответствия этим функциям. В отдельных случаях воображаемый участник конфликтного диалога соответствует по ряду параметров (полу, возрасту, социальному положению) самому автору текста – как правило, такой участник не является инициатором конфликта. Стиль многих текстов имеет гибридный характер: в них встречаются элементы художественной речи, что

обусловлено позицией автора как постороннего наблюдателя, не включенного в непосредственное конфликтное взаимодействие. Кроме того, примерно в 15% случаев конфликт не развивается (хотя текст квалифицируется респондентами как конфликтный) или не разрешается естественным способом. Сказанное свидетельствует об отличиях «искусственных» моделей конфликтных текстов от моделей тех же текстов, представленных в естественной коммуникации. Однако, несмотря на подобную деформацию модели конфликтного взаимодействия, такие тексты в сопоставлении с конфликтными диалогами участников интернет-общения обнаруживают констатные, свойственные общему конфликтному текстотипу особенности, состоящие прежде всего в частотном использовании конфликтогенных языковых средств в отличие от текстов неконфликтного характера. Основываясь на последнем аргументе, мы рассматривали эти материалы как взаимодополняющие.

«Отчуждение» как пересечение границы пространств

При организации своего взаимодействия участники могут ориентироваться на различные социокультурные нормы, определяющие правила общения. Соблюдение таких норм не предполагает выхода за пределы установленной «границы», но при их нарушении акт отчуждения осуществляется нередко. В результате устанавливаются правильные, с точки зрения отчуждающего субъекта, пространственные границы. Отчуждение создает вокруг перемещаемого через границу объекта особое концептуальное пространство, в котором могут быть выделены следующие компоненты:

1) формы отчуждения (изгнание, ссылка, изоляция и др.). Номинации форм отчуждения могут различаться в зависимости от фокуса внимания на объект отчуждения или объект соотношения;

2) причины, в том числе отдаленные от самого акта отчуждения (преступление, ссора, отъезд и др.).

(Примечание: группы 1 и 2 могут строго не различаться или допускать двоякую трактовку, поэтому ниже они объединены в общую группу.)

2) состояние отчужденного объекта (страх, чувство одиночества, потерянности);

3) объекты соотношения, от которых происходит отчуждение (эго, человек, люди, определенные сообщества);

4) типы пространств, на котором локализуется отчужденный объект (тюрьма, чужой город, монастырь или неопределенный пространственный объект);

5) имя отчуждаемого или уже отчужденного объекта (затворник, враг, преступник, чужой).

Данная модель отображена в ассоциативном поле стимула «отчуждение» [ЕВРАС], приведенном ниже:

ОТЧУЖДЕНИЕ: одиночество **53**; изгой **12**; неприязнь, от мира, отказ, страх, уход, чужой **10**; отстранение **9**; зона **8**; от всех, отречение **7**; отшельник **6**; один, отдаление, отторжение, полное **5**; боль, грусть, забвение, собственности, холод **4**; глупость, ненависть, нет, от общества, отвержение, отрицание, плохо, чувство **3**; боязнь, вражда, всего, замкнутость, лед, люди, мысль, не знаю, негатив, непринятие,

неприятно, общества, от всего, от коллектива, от человека, отвергнутый, отвращение, ото всех, отречение, отшельничество, потерянности, тишина, тоска, уединение, Чернобыль 2; ?, апатия, аскет, АЭС, бежали, безразличие, бесит, бояться, брат, бродяга, в, в глазах, в стране, везде, вера, вероятно, взгляд, внутреннее, во взгляде, восприятие, врач, врозь, всегда, всему, всех, выезд, глаза закрытые, гоп, Готы, далеко, даль, депрессия, деревня, другой, жесть, жизнь, жилье, забирать, забитость, забор, забытые, закона, закрытость, запрет, затворничество, земли, злота, игнор, избегание, изгнание, изгнания, изгою, изоляция, имущества, иначе, иногда, испытывать, канал, клеток, кого-либо, кого-то, красный, куда, лес, лицемерие, личности, ложь, людей, между друзьями, миграция, миром, монастырь, монах, мука, мыслей, наверно, навсегда, наркотики, народа, не бывает, не наш, не нравится, не от чего, не совсем, нельзя, немислимо, неопрятный, непонятное, непризнание, неприятное, никчемность, норма, о мире, обида, обособленность, общественности, общество, общины, одет, одинок, одинокий, одиночество, одиночка, одна, ОМГ, органа, оставить в стороне, остров, от, от близких, от веры, от группы, от людей, от мыслей, от него, от Парасуткина, от правил, от родных, от себя, от семьи, отбор, отбытие, отворачиваться, отдаленность, отрезился, отстой, отступление, отталкивать, отчаяние, плохое, покинутость, порода, потерянный, право, предательство, предубеждение, принуждение, принятие, притяжение, приятие, пропасть, прострация, противоположность, пустота, пустыня, путь, разлука, разногласия, разочарование, разрыв, ревность, решетка, робот, Родины, родные, родных, родственники, свобода, своих, связи, сильное, скука, слезы, смерть, совесть, сон, ссылка, страдание, странный, странствие, территории, территория, тканей, труппа, туман, ужасное, уйти, фир, холодное, холодность, церкви, церковь, часто, чего-либо, человека, что-то, что?, чудо, чужое, чужой город, чье-то, школа, яйца 1; **513+248+44+193**

Самая многочисленная группа реакций называет **формы** отчуждения, представленные квазисинонимами стимула, в причинно-следственной взаимосвязи: *одиночество/одинок/одинокий/один/одна* (12,28%), *отказ* (2,33%), *уход* (1,94%), *отстранение* (1,75%), *отдаление, забвение, отвержение, отречение, отторжение, потерянности/потерянный, неприятие, свобода, тишина, уединение, отрицание, выезд, запрет, миграция, затворничество, игнор, непризнание, никчемность, отбытие, оставить в стороне, отречение, отступление, отталкивать, предательство, разлука, разногласие, разрыв, смерть, сон, ссылка, странствие* (ок. 1%). Отчуждение связано с отдалением, потерей прежних связей; при этом результат отчуждения человека – *изоляция*, неодушевленного объекта – *смена владельца* (собственника).

Вторая по частотности группа реакций называет связанные с отчуждением **эмоции и состояния**: *неприязнь* (2,34%), *страх/бояться/боязнь* (2,72%), *грусть, ненависть, плохо/плохое, боль, вражда, глупость, негатив, апатия, забитость, закрытость, замкнутость, лицемерие, депрессия, жесть, не нравится, отвращение, неприятное, обида, мука, ложь, отчаяние, отстой, прострация, скука, слезы, страдание, тоска, ужасное* (ок.1%). Сюда можно отнести и немногочисленную группу «синестетических» реакций: *холод / холодное / холодность, лед* (0,78%).

Выделяется группа реакций, указывающих на **объект соотношения** – лицо, чаще группу людей, – от которого, собственно, и происходит отдаление, отчуждение: *от / ото всех / от всего* (1,75%), *от мира* (2,34%), *общества/от общества* (0,97%), *от человека*, *от близких*, *от коллектива*, *общины*, *между друзьями*, *от себя* и т.д.

В группе «**объект отчуждения**» количественно почти равны одушевленные (*личности, людей, человека, кого-то, всех*) и неодушевленные (*собственности, жилье, имущества, всего, чего-либо*) объекты. В ассоциативном поле слова имеется единичное указание на невозможность изменения ситуации (*всегда/навсегда*).

Группу «**место**» составляют три основных **локуса**: место изоляции (*зона* (1,56%), *монастырь /церковь*), природный объект – как правило, без определенных границ (*пустыня, лес, пропасть*), отдаленное место (*далеко/даль/отдаленность*) или способное быть некомфортным для субъекта место, обстановка (*деревня, чужой город, территория, школа, Чернобыль, АЭС*).

Имя «отчужденного» – это *изгой* (2,34%), *чужой* (1,95%), *отишельник* (1,17%), *отвергнутый, монах, робот*. Несколько единичных реакций могут быть интерпретированы как импликации знака отчужденности, своеобразной **границы**: *во взгляде, глаза закрытые, решетка*.

Ассоциативное поле сфокусировано на двух компонентах сценария: процессе отчуждения и объекте отчуждения, но отчуждающий субъект оказывается невыраженным, что демонстрирует, в частности, группа «эмоции и состояние». Это происходит по причине того, что отчужденный и отчуждающий могут совпадать (отчуждение понимается как сознательное действие отчужденного), либо отчуждающий – не активный субъект действия (предполагаются обстоятельства, условия, приводящие к совершению действия отчуждения).

В интолерантной коммуникации отчуждение имеет характер речевого действия (речевого поступка). В этом случае сохраняются почти все компоненты фрейма и прототипический объект «граница», а также проявляет себя субъект отчуждения – что может указывать на наличие речевого конфликта.

«Отчуждение» как речевое действие

В интолерантную коммуникацию, образцы которой приведены ниже, субъект включен непосредственно, более того, является ее активным участником. В этих условиях говорящий определяет позицию в «своем» локусе и акт отчуждения объекта понимается как процесса движения за «границу», в результате чего восстанавливается желаемое положение дел. Формально указанная актуализация осуществляется с помощью дейктических средств, модальных слов и форм предиката.

Применительно к конфликтным диалогам, возникающим в сети Интернет и в межличностном общении (в том числе воображаемом), отчуждение может трактоваться также как отдельный субжанр или тактика: «минимальные единицы типологии речевых жанров, равные одному речевому акту и выступающие в конкретном внутрижанровом взаимодействии как тактики, организующие сюжетные повороты в развитии интеракции» [Седов 2011: 36]. Подобные реплики также понимаются

как эмоционально-агрессивные речевые действия, имеющие характер аффекта [Там же].

Действительно, агрессивная направленность многих таких действий очевидна, в том числе и тем, что акту отчуждения структурно соответствует заключительная часть конфликтного диалога, после чего взаимодействие обычно прекращается. Существуют, однако, неагрессивные речевые действия, инициирующие отчуждение (см. Таблицу).

Результаты анализа конфликтных онлайн-комментариев, представленных в сети Интернет (К) и конфликтных диалогов, записанных респондентами (Д), отражены в Таблице и сопровождаются типовыми примерами.

Таблица 1.

Компоненты фрейма «отчуждение» в конфликтных текстах

Компоненты	Текст	
	К	Д
Формы отчуждения	1) Надо <i>отправить</i> их домой, чтобы не жили тут у нас в таких условиях (01.04.2013) 2) <i>Гнать</i> их всех надо отсюда. 3) <i>Гнать</i> надо этих дикарей обратно туда, откуда они приползли. 4) Не реально нужно консолидироваться и всех гостей всем миром <i>отправить</i> отдыхать в свои республики (27.072014).	1) а) Да <i>выгоните</i> его кто-нибудь! б) <i>Пошла вон</i> отсюда! в) <i>Иди</i> откуда пришел. г) Ну и <i>идите</i> в другой магазин. 2) а) Если до завтрашнего утра не будет все готово, нам придется с вами <i>попрощаться</i> . б) Мне не нужны Ваши извинения! <i>Свободны!</i> 3) а) Я больше не хочу с тобой разговаривать. б) Однако это ваши проблемы.
Объект соотношения	Мы <i>Локус</i> : Россия, Москва, тут, здесь	Я <i>Локус</i> : личное пространство (тело)
Объект отчуждения	Иногородние Иностранцы	Ты / вы Он(а/и) (при присутствии референта в поле восприятия)

Место	Домой Не определено Отсюда / из России / из Москвы	Неопределенный либо идентичный локус Отсюда / от меня / от нас
Имя объекта	Эвфемизм Демонстратив + этноним Местоимение 3 л. Инвектива	Местоимение 2 и 3 л. Инвектива

Объект отчуждения, определяемый как нарушитель границы / нормы взаимодействия; обычно обозначается местоимениями 2 и 3 лица, которые здесь противопоставлены эгоцентру внутри «своего» локуса. Типичной тактикой является в данном случае прямая инвектива (как имя объекта отчуждения) или эвфемизация, в том числе ироническая. Осуществляется логическая импликация начальной и конечной точки движения отчуждаемого объекта: из сферы «своего» пространства для говорящего за пределы «границы». Ср. типичный пример:

Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)

Насмотрелась я на консультации и в судах на жён, которые в слезах говорили, что когда соглашались на «удобный вариант оформления» не думали, что через год (полгода / два года) он будет говорить: «Уходи из моей квартиры!» [НКРЯ]

Характеристика типов пространств, в которых локализуется отчужденный объект, заслуживает отдельного рассмотрения, сейчас отметим только, что они разнообразны: локус может либо вообще не актуализироваться (примеры К2, Д1а, б), быть неопределенным (К3, Д1в) либо, наоборот, определенным и конкретным, имеющим границы (примеры К4, Д1г).

В особо грубой речи такой локус актуализируется в стереотипных конструкциях и является инвективным центром высказывания. Локализация нетипична в официальной, этикетной речи (Д2) или при косвенном выражении интенции отчуждения (Д3).

Заключение

Фреймовая структура «отчуждения» является в целом достаточно стандартной независимо от ситуации общения, однако в конфликтной коммуникации могут актуализироваться те или иные ее компоненты. В целом в конфликтных высказываниях, содержащих речевое действие «отчуждение», оказываются наиболее выраженными следующие особенности:

- увеличение стереотипности языковых структур одновременно с возрастанием конфликтности высказываний;
- выраженность компонента «формы отчуждения», которые, в свою очередь репрезентированы семантически ограниченным числом глагольных форм;
- пейоративная номинация субъекта отчуждения и всего «чужого» локуса;
- оценка перемещения объекта в пространстве по отношению к границе, пейоративная номинация этого перемещения;

– констатация наличия субъекта отчуждения внутри «своего» локуса и оценка этого состояния, выражаемая разнообразными средствами языка;

– прагматически отмеченная маркированная или общая посессивность.

К дополнительным особенностям репрезентации фрейма «отчуждения» в конфликтном тексте можно отнести тактики:

– выражение установок, стереотипов – в том числе неоценочное;

– апелляция к закону, нормам, этическим принципам;

– апелляция к общественности, придание публичности высказыванию;

– утверждение знания законного, правильного положения дел (в отличие от констатируемого);

– ирония, эвфемизация;

– дисфемизация.

Подводя итог, отметим, что для понимания сущности конфликтных текстов необходим анализ соотнесенных с ними и связанных друг с другом фреймов. Такой подход, несмотря на его пока неширокую применимость к конфликтным текстам (лишенным явных признаков конфликтности), представляется достаточно продуктивным.

Литература

БТС: Большой толковый словарь русского языка / Кузнецов С.А. (гл. ред.). – СПб., 2000.

ЕВРАС: (электронная версия), 2008 – 2013.

Зацепина М.В. Концептуализация феномена «отчуждение» в русской и немецкой этноконцептосферах: диссертация... кандидата филологических наук. – Екатеринбург, 2006 – 238 с.

Исмагилов К.Н. Формы отчуждения как вехи социогенеза. – Уфа: Академия ВЭГУ, 2010. – 136 с.

Косова О.А. Коммуникативная ситуация отчуждения: диссертация... кандидата филологических наук. – Иркутск, 2010. – 198 с.

Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения. – М.: Прометей, 2009. – 704 с.

Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. – М.: Лабиринт, 2011. – 336 с.

Третьякова В.С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 231 с.

Шетулова Е.Д. Отчуждение в историческом процессе и будущее России. К методологии проблемы / под ред. К.Г. Мальцева; Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. – Нижний Новгород, 2009. – 157 с.

Шугуров М.В. Человек: бытие и отчуждение. Опыт антропологической герменевтики. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 376 с.

“ALIENATION” IN CONFLICT COMMUNICATION

Olga V. Balyasnikova

senior researcher

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

125009, Russia, Moscow, Bolshoi Kislovsky per.1,

e-mail: bn.post@yandex.ru

The paper gives a description of “alienation” phenomenon in terms of conflict texts representing the concepts in native Russian speakers’ consciousness. In the texts “alienation” is reflected as a typical speech action with the idea of space (territory) and locating the alienator and the alienating object in it. In general, frame “alienation” can be realized in various genres of conflict texts, being named specifically in every particular event. Although the idea of alienating object’ moving towards the border between ‘own’ and ‘other’s’ spaces seems to be a constant principle of “alienation”-frame organization.

Keywords: conflict text, conflict speech interaction, alienation, frame, space, broad, alienator.

References

BTS: Bol’shoj tolkovyj slovar’ russkogo jazyka / Kuznecov S.A. (gl. red.). [Great Dictionary of the Russian Language], SPb., 2000.

EVRAS: (jelektronnaja versija) [EVRAS (electronic version)], 2008 – 2013.

Zacepina M.V. Konceptualizacija fenomena “otchuzhdenie” v russkoj i nemeckoj jetnokontseptosferah: dissertacija... kandidata filologicheskikh nauk. [The conceptualization of the phenomenon of “alienation” in Russian and German etnokontseptosferah: the dissertation... The candidate of philological sciences] Ekaterinburg, 2006. 238 p.

Ismagilov K.N. Formy otchuzhdenija kak vehi sociogeneza. [The forms of alienation as milestones sociogenesis]. Ufa, Akademija VJeGU, 2010. 136 p.

Kosova O.A. Kommunikativnaja situacija otchuzhdenija: dissertacija... kandidata filologicheskikh nauk [The communicative situation of alienation: the dissertation ... The candidate of philological sciences], Irkutsk, 2010. 198 s.

Muhina V.S. Otchuzhdennye: Absoljut otchuzhdenija [Alienated: Absolute exclusion] M., Prometej, 2009. 704 p.

Sedov K.F. Diskurs kak suggestija: Irracional'noe vozdejstvie v mezhlichnostnom obshhenii. [Discourse as a suggestion: Irrational impact in interpersonal communication] M., Labirint, 2011. 336 p.

Tret'jakova V.S. Rechevaja kommunikacija: garmonija i konflikt [Speech Communication: harmony and conflict] Ekaterinburg: Izd-vo GOU VPO «Ros. gos. prof.-ped. un-t», 2009. 231 p.

Shetulova E.D. Otchuzhdenie v istoricheskoj processe i budushhee Rossii. K metodologii problemy / pod red. K.G. Mal'ceva; Nizhegorod. gos. tehn. un-t im. R.E. Alekseeva. [Alienation in the historical process and the future of Russia. By methodology issues], Nizhnij Novgorod, 2009. 157 p.

Shugurov M.V. Chelovek: bytie i otchuzhdenie. Opyt antropologicheskoy germenevtiki [Man: being and alienation. Experience anthropological hermeneutics], Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1999. 376 p.

**ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ
В ПРОСТРАНСТВЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧИ РЕБЕНКА**

Белякова Лидия Ивановна

профессор кафедры логопедии Института детства
Московского педагогического государственного университета
8-3-207, улица 26 Бакинских комиссаров, 119526, Москва

Филатова Юлия Олеговна

профессор кафедры логопедии Института детства
Московского педагогического государственного университета
38-3-406, улица Академика Анохина, 119602, Москва
e-mail: yofilatova@yandex.ru

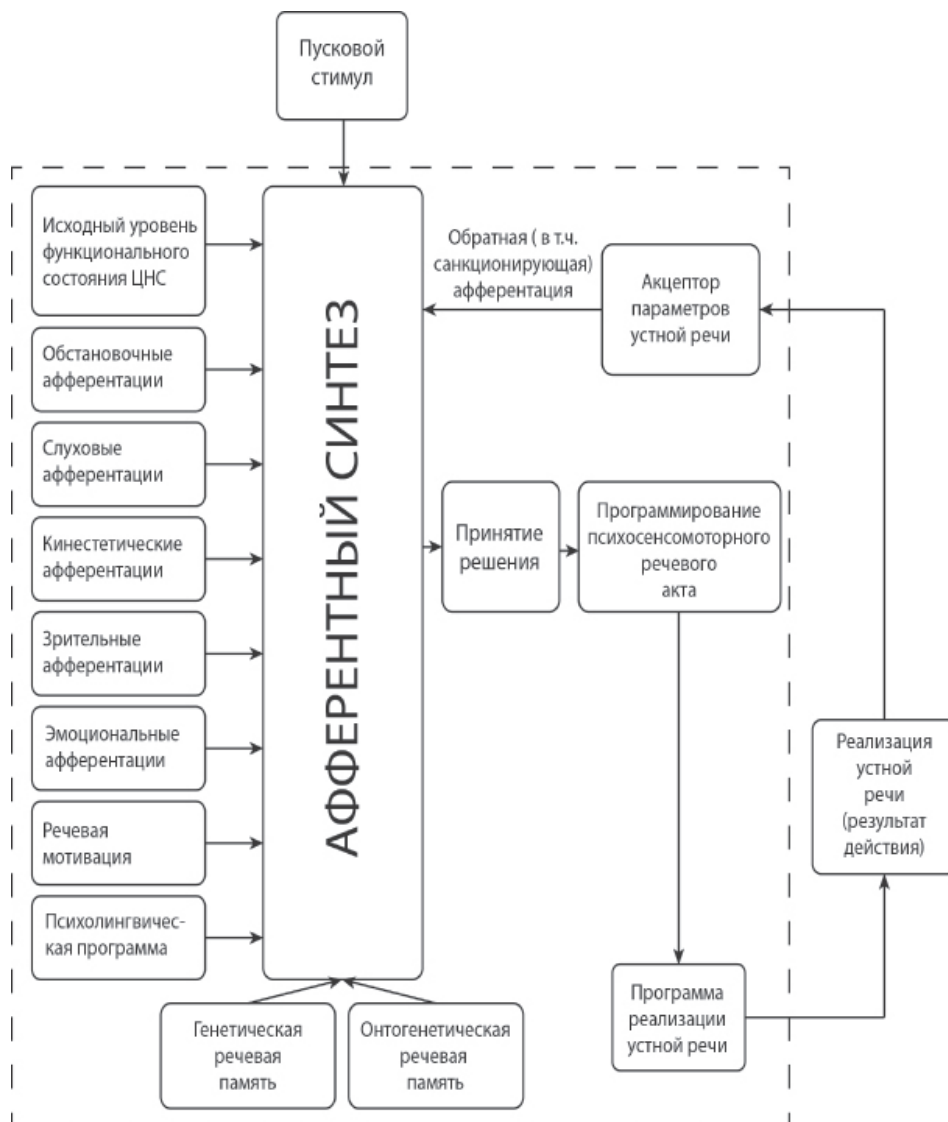
Авторы вводят понятие «психосенсомоторный речевой стереотип» как результат действия функциональной системы речи, последовательно рассматривая составляющие его компоненты. Внимание уделяется формированию филогенетической и онтогенетической речевой памяти в ходе развития речи ребенка и включению других компонентов в формирующийся речевой стереотип: речевой мотивации, обстановочным, слуховым, кинестетическим, зрительным, эмоциональным афферентациям, психолингвистической программе и проч. Экспериментально доказана поэтапность и гетерохронность ритмического взаимодействия и взаимосодействия формирующихся психомоторной и психолингвистической программ, входящих в психосенсомоторный речевой стереотип.

Ключевые слова: системный анализ, психосенсомоторный речевой стереотип, биологические компоненты речи, психологические компоненты речи, онтогенез, ритмическая организация речи.

Речь представляет собой тончайший и точнейший индикатор здоровья человека. Это происходит в силу того, что в процессе становления речи, согласно нашим представлениям, формируется сложноорганизованная материальная структура, обозначаемая нами как «психосенсомоторный речевой стереотип» [Белякова 1981; Белякова Филатова 2008]. Данное понятие выделено нами в результате системного анализа «результата действия» самой сложной системы природы – речевой.

Мы исходим из того, что психосенсомоторный речевой стереотип как результат действия функциональной системы речи интегрирует в себе все афферентации, как внешнего, так и внутреннего порядка, которые эволюционировали в процессе фило- и онтогенеза функциональной системы речи, что проявляется в моменте реализации устной речи.

Теория функциональных систем, созданная П.К. Анохиным [Анохин 1968; 1980] как система поведенческого акта и осмысленная нами как функциональная система речедвигательного акта [Белякова 1976; 1981; Белякова Филатова 2008; Филатова 2012] используется нами как основной метод анализа (рисунок 1).

Рисунок 1.

Функциональная система речедвигательного акта [Белякова Филатова 2008: 41; Филатова 2012: 65]

Главным положением данной теории является то, что процессы реагирования, поведения и обучения направлены на достижение определенной цели, или «результата действия», как достижения заданных параметров образца. Результат действия, или будущее событие, является центральным системообразующим фактором для разных функциональных систем на всех уровнях их организации (как низших, так и высших). Не останавливаясь на рассмотрении универсальных для

разных функциональных систем узловых механизмов, укажем лишь, что любая функциональная система обладает специфическими для нее свойствами, позволяющими формировать специальную программу действия, и имеет постоянную связь с периферическими органами исполнения результата.

Известно, что в формировании любого поведенческого акта, к которому относится и речь, наиболее важным моментом является стадия афферентного синтеза. На этой стадии мозговыми структурами анализируются те внешние и внутренние воздействия, которые в дальнейшем будут учтены при составлении содержания программы действия. Именно это положение имеет особое значение для формирования психосенсомоторного речевого стереотипа, поскольку для этого учитываются сигналы моторных, психических и вегетативных структур мозга.

Центральные механизмы функциональной системы речи имеют не только сложную архитеконику, но и сложное ритмическое «взаимоСОдействие». Экспериментальные исследования и теоретические размышления приводят к мысли о том, что ритмическая активность является тем психобиологическим процессом, на базе которого реализуются сложные и разнообразные взаимоотношения организма с факторами внешней и внутренней среды.

Представленная на рисунке 1 схема содержит основные компоненты, входящие в афферентный синтез. На самом деле количество компонентов, участвующих в афферентном синтезе речевой системы, гораздо обширнее. Многие из них пока недоступны исследованию. Те, которые представлены на рисунке 1, изучаются. К ним относятся: исходный уровень функционального состояния ЦНС, обстановочные, слуховые, кинестетические, зрительные, эмоциональные афферентации, речевая мотивация, психолингвистическая программа, генетическая и онтогенетическая речевая память. Большая часть этих компонентов относится к психомоторным программам речи (они больше изучены) и меньшая – к психологическим.

В контексте данной работы мы даем краткую характеристику лишь некоторых компонентов функциональной системы речи, имеющих прямое отношение к формированию речи ребенка. К ним относятся, в первую очередь, **генетическая и онтогенетическая речевая память**, которые, по П.К. Анохину, лежат в основе афферентного синтеза любой функциональной системы.

Под **генетической речевой памятью** нами понимается врожденная способность мышц гортани к производству голосовых реакций, проторечевой артикуляции, интонации, что реализуется в крике, гулении и на первых этапах развития лепета под влиянием разнообразных стимулов, как внешних, так и внутренних (врожденная рефлекторная деятельность). Сокращения артикуляторных и голосовых мышц в этот период демонстрируют большую свободу действий.

Акустические характеристики голоса младенца в последние годы начинают все более интересовать исследователей, о чем свидетельствуют работы Т.В. Базжиной [Базжина 2008], Е.Е. Ляко [Ляко 2005], Т.Н. Ушаковой [Ушакова 2008] и других. Число этих исследований невелико, т.к. объект изучения доступен в исключительных условиях, когда родители младенца сами принимают участие либо способны к проведению исследования.

Наблюдениями давно обнаружено и отражено в многочисленных публикациях активизация гуления при общении с близким взрослым. Нами экспериментально

выявлены изменения показателей частоты основного тона голоса в зависимости от модельной ситуации, в которой производилась запись голосовых реакций младенца в возрасте 2-х месяцев при общении с родителями (таблица № 1).

Таблица №1

Изменения показателей частоты основного тона голоса младенца в зависимости от модельной ситуации*

Возраст	Частота основного тона голоса (ЧОТ)	Модельная ситуация	Комментарии
2 месяца 13 дней	170-200 Гц	«лицом к лицу» с матерью	показатели ЧОТ голоса приближены к показателям ЧОТ спокойного голоса матери
2 месяца 22 дня	200-500 Гц	«лицом к лицу» с отцом	показатели ЧОТ голоса приближены к ЧОТ эмоционально окрашенного голоса отца

* использованы данные, полученные Т.Э. Озеренской (2015)

Эти инструментальные исследования подтверждают, что у младенца есть подражательная способность, в том числе голосу матери / отца, что можно считать подтверждением наличия в определенных структурах мозга так называемых «зеркальных нейронов», открытых нейрофизиологами относительно недавно [Рицоллатти, Синигалья 2012; Rizzolatti, Craighero 2004]. Наряду с врожденным характером этих голосовых реакций и преимущественным участием моторных систем мозга, следует подчеркнуть наличие у младенца в этот момент эмоционального реагирования в ответ на общение с близким взрослым [Лисина 1997 и др.].

В конце второго полугодия первого года жизни ребенка в связи с определенным уровнем зрелости ЦНС происходит «запуск» формирования *онтогенетической речевой памяти* под влиянием специфических акустических сигналов – речи окружающих людей. После 6 месяцев начинается переход от чисто биологического феномена преимущественно моторного реагирования к разворачиванию речевого онтогенеза, что освещено в работах многих исследователей. Особое значение, по нашему мнению, имеет возраст 8-ми месяцев. Именно с этого времени разнообразие сократительной активности артикуляторных и голосовых мышц становится все более ограниченным и однотипным, постепенно стремясь к речевым эталонам национального языка; идет интенсивное накопление звуков родного языка и угашение тех звуков, которые ему не соответствуют. Возможно, в этот период, наряду с другими отделами мозга, начинают интенсивно формироваться эмоциогенные структуры и речевые корковые зоны, о чем может свидетельствовать острая реакция малыша на определенные внешние раздражители. Так, согласно нашим наблюдениям, если поместить ребенка этого возраста в новую среду, где нет матери, до этого бывшей с ним в тесном контакте, то он реагирует длительным молчанием и другими реак-

циями, которые можно назвать псевдоневротическими: исчезает лепет, снижается аппетит, нарушается сон и в целом поведение ребенка меняется.

Продолжают формироваться разные компоненты функциональной системы речи: фонационное дыхание, артикуляторные программы, фонематический слух, фонологическая память, понимание речи и проч.

К концу 1-го года жизни особое значение начинает приобретать доминирующая роль сенсомоторной области мозга, которая первой из мозговых структур реагирует на любые внешние или внутренние стимулы. В дальнейшем двигательная активность, наряду с ритмом, становятся для ребенка стержневым психобиологическим процессом, на базе чего начинают развиваться и оформляться собственно эндогенные ритмы организма, которые, как известно, имеют моторную природу [Алякринский, Степанова 1985 и др.].

В процессе возрастного созревания функциональной системы речи сначала возникает ритмический образ слова [Швачкин 1995 и др.]. В дошкольном возрасте по мере накопления словаря и развития лексико-грамматического структурирования появляется способность произносить законченную в смысловом отношении и интонационном плане фразу на едином выдохе, постепенно исчезает физиологическая неритмичность речевого высказывания, связанная с незрелостью интеграционных процессов, приводя к плавности речи [Филатова 2012]. Интенсивно формируются фонематическое восприятие, уточняются и закрепляются артикуляторные программы, продолжает формироваться речевое дыхание. Артикуляторные программы, регистрируемые на электромиограмме, сокращения дыхательных, голосовых и речевых мышц становятся специфическими сначала для каждого звука, а затем для каждого слога и слова, что отражает закономерности формирования психосенсомоторного речевого стереотипа в его психических и моторных компонентах [Белякова 1981 и др.]. Это служит базисом для становления всей системы родного языка.

В процессе онтогенеза речи постоянно происходит перестройка центральных механизмов, что связано с созреванием определенных мозговых структур, изменением функциональных отношений между ними, развивающейся интеграцией различных компонентов речевой системы. Эта интеграция в процессе устной речи обеспечивается постепенным развитием сложнейшей системы координации, которая внешне выступает в виде ритма речевой деятельности. Уже у новорожденного идут ритмичные согласования напряжения голосовых складок и момента выдоха. Эти ритмические взаимодействия продолжают усложняться по мере становления у ребенка его речевых возможностей на всех этапах развития: филогенетическом и онтогенетическом.

Ритм является тем организационным стержнем речевой функциональной системы, который объединяет все подструктуры в систему и выстраивает их во времени и пространстве для достижения нужного результата действия – производства устной речи. То есть производство устной речи тесно связано с формированием такой материальной структуры, как психосенсомоторный речевой стереотип.

Представление о психосенсомоторном речевом стереотипе как результате действия функциональной системы речи позволяет изучать относительно самостоятельные биологические и психологические компоненты как изолированно, так

и во взаимосвязи. Исследование этих параметров является интересной и сложной задачей для нейропсихологов, психофизиологов и психолингвистов, так как каждый из компонентов в свою очередь может рассматриваться как самостоятельная функциональная система.

Временное согласование программ лексических и грамматических средств выражения, моторной реализации речевого высказывания (куда входят речевое дыхание, голос, артикуляторная программа), а также «компоновка» общей программы устного сообщения как комплекса психолингвистических и психофизиологических компонентов устной речи происходит благодаря центральным ритмическим процессам.

Нами экспериментально установлено, что в характеристиках речевого ритма у детей в норме имеется четкая динамика последовательности созревания ритмических процессов на разных иерархических уровнях речи – от слогового и словесного уровней речевого ритма у дошкольников до синтагменного ритма речи младших школьников [Белякова Филатова 2010; Филатова 2012]. Как показали наши исследования, любое нарушение речи обязательно сопровождается нарушением ее ритмической организации [Белякова, Филатова 2012; Филатова 2015]. Эти сложнейшие внутренние процессы ритмической организации речи являются доступными для внешнего наблюдения и оценки через анализ выделенного нами показателя, как плавность речевого высказывания, т.е. произнесение законченной по смыслу фразы в процессе одного выдоха.

Таким образом, изучение речи ребенка в ее биологическом и психологическом пространстве нами замыкается на понятии «психосенсомоторный речевой стереотип». Его становление осуществляется в результате поэтапного и гетерохронного ритмического взаимодействия и взаимосодействия формирующихся психомоторной и психолингвистической программ в процессе речевого онтогенеза, что внешне выражается в виде ритмически организованной речи. Разработанные представления о психосенсомоторном речевом стереотипе, по нашему мнению, дают возможность применения нового инструментария, расширяющего пространство изучения речевой деятельности.

Литература

- Алякринский Б.С., Степанова С.И.* По закону ритма. М.: Наука, 1985. 176 с.
- Анохин П.К.* Функциональная система // Ежегодник БМЭ. 1968. Т. 1. С. 1300–1322.
- Анохин П.К.* Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980. 196 с.
- Бажжина Т.В.* Ранние крики детей: сегодня и четверть века назад // Речь ребенка: проблемы и решения; под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 115–129.
- Белякова Л.И.* Нарушение функциональной системы речи при заикании // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1976. № 10. С. 1555–1558.
- Белякова Л.И.* Клинико-физиологический анализ центральных патогенетических механизмов заикания: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1981. 44 с.

Белякова Л.И., Филатова Ю.О. Механизм речедвигательного акта в свете логопедического анализа // Речь ребенка: Проблемы и решения; под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 40–54.

Белякова Л.И., Филатова Ю.О. Эволюционный аспект исследования регуляторных механизмов речевой функции // Дефектология. 2010. № 5. С. 21–30.

Белякова Л.И., Филатова Ю.О. Ритм речевых и неречевых процессов у детей в норме и при речевой патологии // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2 (16). С. 84–91.

Лисина М.И. Генезис форм общения у детей // Возрастная и педагогическая психология. М.: Изд-во Московского университета, 1997. С. 210–229.

Ляко Е.Е. Вокально-речевая имитация в диаде «мать-ребенок»: первый год жизни // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 81–93.

Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012. 222 с.

Ушакова Т.Н. Узловые проблемы раннего речеязыкового развития ребенка // Речь ребенка: проблемы и решения; под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 13–39.

Филатова Ю.О. Ритм речи и движений у детей: теоретические и прикладные проблемы логопедии: монография. М.: МПГУ, 2012. 218 с.

Филатова Ю.О. Речевые и моторные ритмические процессы и модель их развития у детей с нарушениями речи: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2015. 43 с.

Швачкин Н.Х. Развитие речевых форм у младшего дошкольника // Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста: сб. статей; под ред. А.Н. Леонтьева, А. В. Запорожца. М., 1995. С. 102–111.

Rizzolatti, G. & Craighero, L. (2004). The mirror–neuron system // Annual Review of Neuroscience. Vol. 27. P. 169–192.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL TOOLS IN CHILD'S SPEECH STUDY

Lidia I. Belyakova

professor of Speech & Language Pathology Department, Institute of Childhood,
Moscow State University of Education

Yulia O. Filatova

professor of Speech & Language Pathology Department, Institute of Childhood,
Moscow State University of Education
e-mail: yofilatova@yandex.ru

The authors are introducing «psychosensorimotor speech stereotype» components as a result of speech system functioning. Special attention is paid to peculiarities of forming the phylogenetic and ontogenetic speech memory in the child's speech development and inclusion in forming speech stereotype such components as speech motivation, situational, auditory, kinesthetic, visual and emotional afferentations; psycholinguistic program, etc. It is experimentally shown step-by-step and nonlinear rhythmic interaction of forming psychomotor and psycholinguistic programs forming psychosensorimotor speech stereotype.

Keywords: system analysis, psychosensorimotor speech stereotype, speech biological components, speech psychological components, rhythmical organization of speech.

References

Alyakrinsky B.S., Stepanova S.I. Po zakonu ritma [To principle of rhythm]. Moscow: Nauka, 1985.

Anokhin P.K. Funczionalnaya sistema [Functional system]. Egegodnik BME [BME Annual], 1968, no. 1, pp. 1300–1322.

Anokhin P.K. Uzloviye voprosy teory funczionalnoy systemy [Basic questions of functional system theory]. Moscow: Nauka, 1980. 196 p.

Bazgina T.V. Ranniye krika detey: segodnya i chetvert' veka nazad [Early infant's cries: today and a quarter of a century ago]. Rech rebenka: problemi i resheniya [Child's speech: problems and solutions]; pod red. T.N. Ushakovoy. Moscow: Institute psikhologii RAN, 2008, pp. 115–129.

Belyakova L.I. Narusheniye funkzionalnoy syatemi rechi pri zaikanii [Impairment of speech functional system at stuttering]. Guralan nevropatology i psichiatry im. S.S. Korsakova [Neuroscience and Behavioral Physiology], 1976, no. 10, pp. 1555–1558.

Belyakova L.I. Kliniko-fiziologicheskii analiz zentralnih patogeneticheskikh mehanizmov zaikaniya: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk [Clinical and physiological analysis of central pathogenic mechanisms of stuttering]. Leningrad, 1981. 44 p.

Belyakova L.I., Filatova Yu.O. Mehanizm rechedvigatel'nogo akta v svete logopedicheskogo analiza [Mechanism of speech-motor act in the field of logopedic analysis]. Rech rebenka: problemi i resheniya [Child's speech: problems and solutions]; pod red. T.N. Ushakovoy. Moscow: Institute psikhologii RAN, 2008, pp. 40–54.

Belyakova L.I., Filatova Yu.O. Evolyzionny aspekt issledovaniya regul'yatornih mehanizmov rechevoy funkzii [Evolutionary Aspect of Speech Function Control Mechanisms Study]. Defectology [Journal of Special Education "Defectology"], 2010, no. 5, pp. 21–30.

Belyakova L.I., Filatova Yu.O. Ritm rechevih i nerechevih processov u detey v norme i pri rechevoy pathology [Rhythm of speech and nonspeech processes at children in norm and at speech & language pathology]. Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2010, no. 2 (16), pp. 84–91.

Lisina M.I. Genezis form obscheniya u detey [Genesis of children communication forms]. Vozrastnaya i pedagogicheskaya psihologiya [Psychology of Child and Education]. Moscow: Moscow University Publ., 1997, pp. 210–229.

Lyakso E.E. Vokalno-rechevaya imitaziya v diade "mat'-rebenok": perviy god gizni [Vocal-speech imitation in "mother-infant" dyad: first year of life]. Psichologichesky gurnal [Journal of Psychology], 2005, vol. 26, no. 3, pp. 81–93.

Rizzolatti G., Sinigalia K. Zerkala v mozge. O mehanizmah sovmestnogo deystviya i soperegivaniya [Mirrors in the brain. How our minds share actions and emotions]. Moscow: Yaziki slavyanskikh kultur, 2012. 222 p.

Ushakova T.N. Uzloviye problem pannego rechevazikovogo razvitiya rebenka [Key problems of early speech and language development of a child] // Rech rebenka: problemi i resheniya [Child's speech: problems and solutions]; pod red. T.N. Ushakovoy. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2008, pp. 13–39.

Filatova Yu.O. Ritm rechi i dvigeniy u detey: teoreticheskiye i prikladniye problemi logopedii [Speech and nonspeech rhythm at children: theoretical and applied problems of logopedia]. Moscow, MPGU, 2012. 218 p.

Filatova Yu.O. Recheviye i motorniye ritmicheskiye prozessi i model ih razvitiya u detey s narusheniyami rechi: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Speech and motor rhythmic processes and model of their development in children with speech disorders]. Moscow, 2015. 43 p.

Shvachkin N.X. Razvitiye rechevih form u mladshogo doshkolnika [Speech forms development at primary preschool child] // Voprosi psihologii rebenka doshkolnogo vozrasta [The psychology of preschool age child]; pod red. A.N. Leontyeva, A.V. Zaporogza. Moscow, 1995, pp. 102–111.

Rizzolatti, G. & Craighero, L. (2004). The mirror–neuron system // Annual Review of Neuroscience. Vol. 27. P. 169–192.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Вашунина Ирина Владимировна

профессор Всероссийской академии внешней торговли

119285, Москва, ул. Пудовкина, д. 4а

e-mail: vashunina@yandex.ru

В статье представлены результаты психолингвистического эксперимента, проведенного с целью выявления особенностей восприятия креолизованных текстов, в ходе которого доказано, что креолизованный текст является неразрывным единством, сплавом вербальной и визуальной составляющих. Материал эксперимента – 30 креолизованных текстов, составленных на базе шести вербальных текстов. Методика эксперимента – шкалирование по 50 шкалам семантического дифференциала. Выявлено наличие изменения восприятия текста под влиянием входящей в его состав иллюстрации и установлены параметры изображения, влияющие на оценку текста по отдельным шкалам. Этими параметрами являются реалистичность изображения, понятность изображения, нетривиальность изображения, преобладающие на изображении геометрические формы, цветовое оформление изображения (использование цвета, яркость, светлота тона, использование при иллюстрировании цветов минорной или мажорной гаммы, соответствие цветовой гаммы иллюстрации содержанию вербального текста и изображения, соответствие цветовой гаммы иллюстрации геометрическим формам). Определены возможности визуализации 50 качеств и установлено, что одно и то же содержание не может быть передано абсолютно идентично разными способами – вербальным и визуальным. Статистически установленные корреляции вербальных и визуальных параметров позволяют включить визуальные характеристики в содержание вербальных единиц, не являющихся их номинацией. В результате исследования выявлено существование гендерных отличий в оценке креолизованных текстов.

Ключевые слова: креолизованный текст, экспериментальное исследование, семантический дифференциал, визуальное представление информации.

Введение. Креолизованные / поликодовые тексты в последние десятилетия стали объектом пристального внимания ученых. Первые (по времени создания) служащие базой для многих работ классификации [Анисимова 2003; Большаянова 1986; Головина 1986; Пойманова 1997; Сазонов, Шошников 1974; Чаплыгина 2002; Воск 1983; Sauerbier 1978] получают дальнейшее развитие в трудах исследователей креолизованных / поликодовых текстов (И.М. Белякова, Л.С. Большаковой, Ю.В. Варламовой; Ю.О. Веревкиной, М.М. Донской, И.А. Кольцова, О.В. Овчинниковой, Т.Г. Орловой, П.А. Пименова, Т.Ф. Семьян, Н.В. Чумичевой, Л.Ф. Шарафутдиновой, М.Б. Шинкаренко и др.).

Креолизованный текст как феномен. Называя текст «креолизованным», мы констатируем наличие в его составе составляющих разных знаковых систем, образующих неразрывное единство, сплав. Как известно, впервые термин «креоли-

зованный» был употреблен Ю.В. Кнорозовым, затем повторен Вяч. Вс. Ивановым, который под креолизацией понимал взаимодействие оптических систем (изобразительного искусства, языка жестов и мнемотехнических средств) и звукового языка [Иванов 1961: 10]. В практику научных исследований этот термин введен Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым. «Креолизованные тексты (КТ) – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180]. Для обозначения текстов с такими характеристиками в лингвистике употребляются также термины «мультимедийный», «поликодовый», «полисемиотический», «видеовербальный», «изобразительно-вербальный», «иллюстрированный». Изучение этих текстов не может ограничиваться их описанием и классификацией, поскольку наиболее важным является вопрос взаимовлияния составляющих КТ в процессе их восприятия реципиентами. Давно известно, что сочетание иллюстрации с вербальным текстом меняет восприятие его содержания. Еще в первой половине XX века С. Эйзенштейн открыл закон кадра, объясняющий возникновение смысловых связей между объектами, находящимися в одном кадре. Как именно меняется восприятие содержания вербального текста под воздействием иллюстрации, можно установить экспериментальным путем.

Описание эксперимента: материал. С целью исследования восприятия КТ нами был проведен психолингвистический эксперимент [Вашунина 2009]. Материалом служили 30 креолизованных текстов. Они были созданы на основе шести вербальных текстов: научно-фантастического, художественного прозаического и художественного стихотворного по двум темам (Урал и змея). Каждый текст сопровождался одной из пяти иллюстраций: две из них выполнены в реалистической манере (мы назвали их реалистическими), три другие являются символическими или имеют в своем составе символические элементы. Эти три иллюстрации были названы нами фантастическими. Реалистические иллюстрации представляют собой графический черно-белый рисунок (мы называем его реалистической черно-белой иллюстрацией) и живописный рисунок (созданный на базе графического), выполненный с использованием естественных цветов (мы называем его реалистической цветной иллюстрацией). В основе трех фантастических иллюстраций также лежит один рисунок, выполненный в трех вариантах: в черно-белом, в минорной гамме и в мажорной гамме. Основу минорной гаммы составляют холодные, темные, мрачные тона: различные оттенки синего, зеленого, фиолетового, коричневого. А основу мажорной – теплые, яркие, «веселые» цвета: оттенки красного, оранжевого, желтого. Эти три фантастические иллюстрации мы называем соответственно «фантастическая черно-белая», «фантастическая минорная» и «фантастическая мажорная». Таким образом, из каждого базового вербального текста было создано пять креолизованных: с реалистической черно-белой иллюстрацией, с реалистической цветной иллюстрацией, с фантастической черно-белой иллюстрацией, с фантастической минорной иллюстрацией и с фантастической мажорной иллюстрацией.

Содержание экспериментальных вербальных текстов не может быть полностью переведено на визуальный язык. Однако во всех текстах четко определяются основные объекты: Урал и змея. Слово «Урал» вызывает в представлении

образ прохладного, сурового края: горы, реки, хвойные леса, камни, промышленные предприятия, что ассоциируется с зеленым, голубым, синим, серым цветами. Цветовые ассоциации подтверждаются названиями отдельных цветов: «русский ландшафт» (буровато-зеленый), «дикий лес» (темно-зеленый), «задумчивая гора» (серо-голубой), «звенящая даль» (серебристо-голубой), «каменный цветок» (малахитовый), «низкое небо» (мрачно-серый), «светлый горизонт» (бледный голубой) [Василевич 2002]. Поскольку Урал – это горы, то им соответствуют ломаные, угловатые формы.

Змея ассоциируется с круглыми формами, гладкостью, скользкостью, враждебностью, ядовитостью [Караулов 1996]. Природные цвета неопределенные: серый, коричневый, зеленоватый. Термин «цвет змеиной кожи» относится к одному из оттенков зеленого цвета [Василевич 2002]. Поэтому цвета минорной гаммы могут считаться естественными цветами для представления понятий «Урал» и «змея». Цветовая гамма отдельных иллюстраций в разной степени соответствовала предполагаемым представлениям об объекте.

Описание эксперимента: метод. Методика эксперимента представляла собой шкалирование КТ по шкалам семантического дифференциала. Полученные в результате эксперимента данные были подвергнуты обработке при помощи программ Principal Component Analysis и Varimax with Kaiser Normalization. При обработке данных выделено шесть факторных структур и найдены нагрузки шкал по этим факторам. Выделенными факторами являются следующие: «Оценка содержательной стороны текста» («Оценка содержания»), «Оценка выразительной стороны текста» («Оценка выражения»), «Эмоциональная оценка» (соответствует классическому фактору «Оценка»), «Комфортность», «Активность» и «Сила».

Интерпретация результатов эксперимента

Изменение восприятия текста под влиянием параметров иллюстрации.

В результате интерпретации оценок КТ испытуемыми доказано наличие изменения восприятия текста под влиянием входящей в его состав иллюстрации. КТ с одной и той же вербальной составляющей, но с различными иллюстрациями оцениваются по-разному. В результате анализа оценок различных КТ стало возможным определить, какие параметры изображения влияют на оценку по отдельным шкалам. В случае если повышение или понижение оценки по определенной шкале зафиксировано более чем в 50% случаев, мы говорим, что параметр «в большинстве случаев повышает (понижает) оценку по шкале ...». Если такое изменение зафиксировано в 25% – 50% случаев, мы говорим, что параметр «может повысить (понизит) оценку по шкале ...».

1. *Реалистичность изображения.* Изображение высокой степени реалистичности (выполненное в реалистической манере в естественной цветовой гамме) в большинстве случаев повышает оценку КТ по шкалам *неправильный – правильный, нелогичный – логичный, ненужный – нужный, глупый – умный, фантастический – реальный, бессодержательный – содержательный, неинтересный – интересный, далекий – близкий, может повысить оценку по шкалам лживый – правдивый, вредный – полезный, абстрактный – конкретный, несправедливый – справедливый, невыразительный – выразительный, бедный – богатый, отталкивающий – привлекательный, вялый – энергичный, безобразный*

– *прекрасный, твердый – мягкий, старый – молодой, тревожный – спокойный, враждебный – дружелюбный, отрицательный – положительный, противный – приятный, плохой – хороший, печальный – радостный.* Предполагаемое повышение оценок происходит в том случае, если вербальный текст и иллюстрация имеют нейтральное содержание.

Если содержание вербального текста или изображения вызывает неприятие (неприятен объект, сюжет), или же если это содержание ассоциируется с качеством отрицательного полюса шкалы, то реалистическая иллюстрация может понижать оценку по шкалам *лживый – правдивый, ненужный – нужный, вредный – полезный, абстрактный – конкретный, неинтересный – интересный, отталкивающий – привлекательный, враждебный – дружелюбный, злой – добрый, грубый – нежный, отрицательный – положительный, противный – приятный, плохой – хороший, печальный – радостный.* На материале нашего исследования как объект, вызывающий неприятие, рассматривается змея. Так, КТ «Змея» с реалистической живописной иллюстрацией имеет по многим шкалам более низкие оценки, чем КТ с той же вербальной составляющей и фантастической иллюстрацией. Негативное отношение к змее усложняет сам процесс восприятия, привнося в него дополнительную составляющую. Эскалация качеств, относящихся к положительному полюсу одного из факторов, вызывает у реципиентов подсознательное усиление негативного отношения к КТ. Такое отношение мешает объективной оценке КТ вплоть до отрицания имеющихся у него характеристик. Очевидно, при этом восприятие и оценка протекают отчасти на основе бессознательных процессов. Подобные случаи можно рассматривать также как неготовность к восприятию определенной информации, обусловленную (не)желаниями и опасениями реципиентов [Брунер 1977: 50].

Реалистическая графическая иллюстрация к тексту любого содержания понижает оценку КТ по шкалам *банальный – оригинальный, обычный – необычный.* Отсутствие цвета воспринимается как банальность.

2. *Понятность изображения.* Понятность подразумевается как необходимый параметр КТ, получающего высокие оценки по шкалам почти всех факторов. Сложность, некоторая непонятность изображения (сложно устанавливаемая объектная отнесенность отдельных компонентов изображения) может понижать оценку по шкалам *лживый – правдивый, глупый – умный, фантастический – реальный, абстрактный – конкретный, несправедливый – справедливый.*

3. *Нетривиальность изображения.* Тривиальные («обычные», ожидаемые, чаще всего черно-белые) иллюстрации могут в отдельных случаях понижать оценку КТ, однако количество таких случаев не является значимым. Нетривиальные иллюстрации (фантастические, символические, абстрактные, с использованием неестественных цветов) могут повышать оценку по шкалам *вредный – полезный, банальный – оригинальный, обычный – необычный, безжизненный – живой, отрицательный – положительный, противный – приятный, плохой – хороший.* Этим параметром чаще руководствуются мужчины, чем женщины.

4. *Преобладающие на изображении геометрические формы.* Изображение с округлыми формами, плавными кривыми линиями в большинстве случаев повышает оценку КТ по шкале *твердый – мягкий,* может повысить ее по шкале *тревожный*

– *спокойный*, понижает оценку по шкале *тяжелый – легкий*. Изображение с угловатыми формами, ломаными линиями может понижать оценку КТ по шкалам *тревожный – спокойный, враждебный – дружелюбный, злой – добрый*.

5. Цветовое оформление изображения

5.1. *Использование цвета*. КТ с живописными иллюстрациями почти по всем шкалам (за исключением шкал фактора «Сила») получают более высокие оценки, чем КТ с черно-белыми иллюстрациями.

Черно-белая цветовая гамма в большинстве случаев понижает оценки по шкалам *бледный – яркий, банальный – оригинальный, обычный – необычный, невыразительный – выразительный, безжизненный – живой, бедный – богатый, вялый – энергичный, безобразный – прекрасный, твердый – мягкий, холодный – теплый, старый – молодой, далекий – близкий, тревожный – спокойный, грубый – нежный*, может понизить оценки по шкалам *неправильный – правильный, ненужный – нужный, неинтересный – интересный, отталкивающий – привлекательный, враждебный – дружелюбный, злой – добрый, отрицательный – положительный, противный – приятный, плохой – хороший, печальный – радостный, успокаивающий – возбуждающий, тихий – громкий, медленный – быстрый, неподвижный – подвижный, усталый – бодрый, расслабленный – напряженный*.

Черно-белая цветовая гамма может повышать оценку по шкале *узкий – широкий*. Черно-белые иллюстрации отличаются степенью контрастности. Иллюстрации с низкой степенью контрастности (практически серые) понижают оценку по шкалам *редкий – густой, слабый – сильный*, могут понизить ее по шкалам *простой – сложный, маленький – большой, поверхностный – глубокий*. Черно-белые иллюстрации с высокой степенью контрастности повышают оценку по шкале *поверхностный – глубокий*, могут повысить ее по шкалам *простой – сложный, слабый – сильный*.

5.2. *Яркость цветового оформления*. Иллюстрации в ярких, интенсивных цветах всегда повышают оценки по шкалам фактора «Активность» *тихий – громкий, неподвижный – подвижный, расслабленный – напряженный, успокаивающий – возбуждающий, усталый – бодрый*. Бледные, неяркие иллюстрации понижают оценку КТ по этим шкалам, а также по шкалам *маленький – большой, редкий – густой, слабый – сильный*. Яркие иллюстрации могут понизить оценку КТ по шкале *узкий – широкий*, а бледные иллюстрации могут повысить оценку по этой шкале.

5.3. *Светлота тона*. Этот параметр определяет оценку по шкале *темный – светлый*. Чем темнее иллюстрации, тем ниже оценка, чем светлее – тем выше. Иллюстрации в темных тонах могут понизить оценку по шкалам *маленький – большой, старый – молодой*.

5.4. *Использование при иллюстрировании цветов мажорной гаммы*. Иллюстрация в мажорных тонах в большинстве случаев повышает оценку по шкалам *бледный – яркий, старый – молодой, усталый – бодрый, маленький – большой, слабый – сильный*, может повысить оценку по шкалам *безжизненный – живой, бедный – богатый, отталкивающий – привлекательный, вялый – энергичный, безобразный – прекрасный, холодный – теплый, далекий – близкий, враждебный – дружелюбный, грубый – нежный, печальный – радостный, простой – сложный, редкий – густой*. Такая иллюстрация может понизить оценку по

шкале *легкомысленный – серьезный*. Иллюстрация в цветах мажорной гаммы (за исключением розового) может понизить оценку по шкале *твердый – мягкий*.

1.5.5. *Использование при иллюстрировании цветов минорной гаммы.* Иллюстрация в минорных тонах в большинстве случаев повышает оценку по шкалам *легкомысленный – серьезный, тихий – громкий, поверхностный – глубокий*, может повысить оценку по шкалам *глупый – умный, тревожный – спокойный, твердый – мягкий*. Такая иллюстрация в большинстве случаев понижает оценку по шкале *маленький – большой*, может понизить ее по шкалам *вялый – энергичный, старый – молодой, далекий – близкий, печальный – радостный, простой – сложный, редкий – густой, слабый – сильный*.

1.5.6. *Соответствие цветовой гаммы иллюстрации содержанию вербального текста и изображения.* Содержание текста складывается (условно) из объекта и сюжета. Как говорилось выше, оба объекта (Урал и змея) имеют так называемые естественные цвета, которые (в большинстве случаев) являются компонентами образа объекта в сознании людей. Цветовая гамма отдельных иллюстраций может в разной степени соответствовать предполагаемым представлениям об объекте. В самом общем виде мы считаем соответствующими цветами – цвета минорной гаммы, черный, серый, коричневый, а явно не соответствующими – цвета мажорной гаммы (красный, желтый, оранжевый).

Вторым компонентом содержания текста является сюжет. Описание, например, змеи может быть 1) научно-натуралистическим (как в научно-популярном тексте); 2) драматическим (как в приведенном нами прозаическом отрывке); 3) лирическим (как в стихотворении) и т.п. Очевидно, что цветовое иллюстрирование сюжета не столь однозначно, как изображение объекта. Однако, опираясь на имеющиеся исследования семантики цвета, можно предположить в первом случае соответствующими естественные цвета объекта (а несоответствующими – любые неестественные), во втором – черный, бордовый, фиолетовый (не соответствуют любые «веселые», «праздничные» цвета – оранжевый, розовый, определенные оттенки красного и желтого), в третьем случае – нежные голубой, розовый, сиреневый, мистический фиолетовый (не соответствуют любые яркие «грубые» цвета). Очевидно, не всегда иллюстрирование сюжета может быть однозначным, однако в большинстве случаев ясно, какие цвета являются несоответствующими.

Иллюстрация в цветовой гамме, соответствующей содержанию текста и изображения, в большинстве случаев повышает оценку по шкале *невыразительный – выразительный* (на пике положительных оценок во всех случаях оказывается КТ либо с реалистической живописной либо с фантастической минорной иллюстрацией), может повысить ее по шкалам *лживый – правдивый, глупый – умный, абстрактный – конкретный, несправедливый – справедливый, неинтересный – интересный, отрицательный – положительный, противный – приятный, плохой – хороший*. Иллюстрация в цветовой гамме, не соответствующей содержанию вербального текста и изображения, понижает оценку по шкале *фантастический – реальный*, может понизить ее по шкалам *лживый – правдивый, неправильный – правильный, глупый – умный, абстрактный – конкретный, несправедливый – справедливый, отрицательный – положительный, противный – приятный, плохой – хороший*.

1.5.7. *Соответствие цветовой гаммы иллюстрации геометрическим формам.* Поскольку составляющие изображения имеют определенное содержание, между ними существуют содержательные отношения. Базой для их определения послужила классификация отношений между понятиями в логике [Войшвилло 1989]. Мы рассматривали соотношение геометрических форм и цветовой гаммы иллюстраций. Эти параметры сравнимы, поскольку любая геометрическая форма и любая цветовая гамма производят впечатления упорядоченности / хаотичности, активности / пассивности, тяжести / легкости и пр.

Отношения подчинения и соподчинения исключаются, поскольку ни признаки геометрической формы, ни цветовая гамма не создают структурированных содержательных пространств. Не могут существовать также и отношения противоречия (да – нет), поскольку ни один из параметров не может дать отрицания другого, свободного от признаков своей формы, то есть возможны только отношения противоположности.

Сомнения вызывает также существование отношений равнозначности. Содержание, которое несет в себе цвет, является обычно довольно сложным и нюансированным, что практически исключает возможность его полного совпадения с содержанием формы. Чисто теоретически можно предположить существование определенной геометрической фигуры и конкретного цвета, которые будут полностью совпадать по своей семантике. Однако практически это маловероятно. Кроме того, не совсем ясно, будут ли даже одинаковые признаки целиком совпадать по своему объему (например, «острый» для характеристики цвета и формы).

Таким образом, возможные логические отношения между геометрической формой и цветом – это перекрещивание и противоположность по определенному признаку. Примером первого типа отношений могут являться ломаные геометрические формы, окрашенные красным цветом (отношения перекрещивания по признаку «активность»), а второго типа – округлые, плавные геометрические формы, окрашенные красным цветом (отношения противоположности по признаку «активность»). Для целей нашего эксперимента в самом общем виде предполагалось (на основе данных исследований [Иттен 2000; Кандинский 1996; Лупенко 2008]), что округлые геометрические фигуры имеют максимальную степень перекрещивания содержания с цветами холодной гаммы, а угловатые – с цветами теплой гаммы.

Иллюстрация, цветовая гамма которой соответствует геометрическим формам, в большинстве случаев повышает оценку по шкале *расплывчатый – четкий*, может повысить ее по шкале *несправедливый – справедливый*. Несоответствие цветовой гаммы иллюстрации геометрическим формам понижает оценку по этим шкалам.

В ходе эксперимента было установлено, что на оценку по всем факторам, за исключением фактора «Сила», влияют стиль и манера исполнения иллюстрации. КТ с реалистическими иллюстрациями чаще всего высоко оцениваются по факторам «Оценка содержания», «Оценка выражения», «Комфортность», а женщинами и по фактору «Оценка». Объясняется это, вероятно, следующим образом. По фактору «Оценка содержания» играет роль максимальное (из представленных в нашем материале) перекрещивание информации вербального текста и иллюстрации, что характерно для реалистических изображений. То есть, в этом случаях

наиболее силен эффект двойного кодирования информации и защиты смысловых отношений текста. Для факторов «Оценка выражения» и «Комфортность» важно соответствие реалистического изображения ожиданиям реципиентов. Некоторый «консерватизм» женщин, предпочтение шаблонов определяет высокую оценку КТ с реалистическими иллюстрациями по фактору «Оценка».

КТ с фантастическими иллюстрациями всегда оказываются на положительном и отрицательном пике оценки по фактору «Активность» (что объясняется большим воздейственным потенциалом искусственно создаваемых экспрессивных форм по сравнению с естественными) и получают высокие оценки мужчин по фактору «Оценка», в чем проявляется стремление мужчин к новизне и оригинальности.

Гендерные отличия в восприятии креолизованных текстов. В результате исследования выявлено существование гендерных отличий в оценке КТ. Основные из них заключаются в следующем. Возможна разная, вплоть до противоположной, оценка мужчинами и женщинами одного и того же текста, что объясняется гендерными отличиями в восприятии информации. Женщины значительно выше мужчин оценивают реалистичность изображения, в то время как мужчины часто дают максимальные оценки КТ с фантастическими иллюстрациями. Для мужчин более значимым, чем для женщин, является параметр «(Не)тривиальность изображения», что может приводить к низкой оценке ими КТ с тривиальными (реалистическими) иллюстрациями и к высокой оценке КТ с наиболее нетривиальными фантастическими иллюстрациями. Эти оценки связаны с гендерными особенностями восприятия информации, согласно которым женщины при восприятии стремятся к шаблонам, а мужчины предпочитают новизну и оригинальность. Женщины сильнее, чем мужчины, ориентируются в своих оценках на эстетическую ценность цвета. Также в процессе исследования в общем были установлены цветовые предпочтения представителей разных полов. КТ с иллюстрациями в минорной цветовой гамме во многих случаях высоко оцениваются мужчинами и низко – женщинами. Следовательно, можно считать, что мужчины предпочитают цвета минорной гаммы, а женщины их отвергают. Отличия в восприятии представителями разных полов цветов минорной гаммы значительно более существенны, чем в восприятии цветов мажорной гаммы. При анализе оценок КТ с мажорными иллюстрациями удалось установить лишь некоторую тенденцию предпочтения их женщинами (что выражается в незначительном превышении числа максимальных оценок этих текстов женщинами по сравнению с мужчинами) и неприятия мужчинами (это подтверждается только увеличением числа крайних отрицательных оценок КТ с мажорными иллюстрациями). Женщины склонны давать более выраженные оценки качеств как положительного, так и отрицательного полюса шкалы (что подтверждает данные предшествующих исследований – [Ричардсон 2006: 91] со ссылкой на Френдли). В ходе эксперимента была выявлена несколько большая зависимость оценок мужчин от иллюстрации, однако разница между оценками мужчин и женщин не является значительной: она составляет всего 6%.

В процессе анализа удалось установить, что иллюстрации в различной степени влияют на оценки по отдельным факторам. Наиболее сильно влияние иллюстрации на оценку по фактору «Комфортность», что свидетельствует о тесной

связи оценок по шкалам этого фактора с характеристиками визуальной части КТ. Слабо влияет иллюстрация на оценки мужчин по фактору «Оценка выражения», женщин – по фактору «Активность». Следовательно, оценки по шкалам этих факторов в основном зависят от вербального текста и лишь в незначительной степени подлежат корректировке посредством иллюстрации.

По фактору «Комфортность» оценки мужчин и женщин в основном совпадают. На основании этих данных можно заключить, что шкалы фактора «Комфортность» могут быть наиболее легко визуализированы и при этом одинаково понимаются представителями обоих полов. По фактору «Оценка» наблюдается наибольшее несовпадение оценок мужчин и женщин, что свидетельствует о неоднозначности в трактовке отрицательного / положительного, противного / приятного, печального / радостного и т.п. Оценка по этим шкалам сильно социально и гендерно обусловлена. В ее основе лежит картина мира реципиента, которая связана с его социальным статусом, возрастом, половой, национальной, религиозной принадлежностью, образовательным цензом, личным опытом. Взаимодействие множества факторов при оценке КТ отдельным человеком осложняет прогнозирование оценки группой разнополых реципиентов.

Принципиальное различие передачи содержания вербальным и визуальным способом. В результате исследования было установлено, что одно и то же содержание не может быть передано абсолютно идентично разными способами – вербальным и визуальным. Информация, представленная вербально, в принципе не может быть идентичной информации, представленной визуально (исключение, вероятно, составит описание графиков и схем). «По ходу “ословливания”... наблюдается известная редукция сложившегося образа вещи, выбор той его черты или черт, которые могут представлять объект в целом» [Кубрякова 2004: 357]. То есть процесс символизации образа является процессом его редукции [Кубрякова 2004: 349]. В процессе вербализации исходный образ сознания редуцируется и получает «дополнение» в виде характеристик вербальных единиц (таких, например, как деление на части речи). При визуализации образ также редуцируется (однако по-иному, чем в процессе вербализации, что объясняется различными выразительными возможностями средств разных модальностей) и дополняется за счет семантики визуальных параметров. В результате неизбежно существование отличий между двумя вариантами овнешнения образа сознания.

Визуальные характеристики могут быть соотнесены с содержанием вербальных единиц, не являющихся их словесным обозначением. Например, изображение округлой формы актуализирует не только понятие «округлый», но и отчасти (с разной вероятностью) понятия «тяжелый», «мягкий», «вялый». Возникающий при этом понятийный комплекс «округлый – несколько тяжелый – несколько мягкий – несколько вялый» сложно вербализуем (о чем свидетельствует выражение «несколько ...», очень условно и приблизительно передающее содержание изображения), это синестетическое явление. И очевидно, что содержание этого изображения будет отличаться от содержания слова «округлый».

Возможности визуализации вербальных единиц. В процессе эксперимента были установлены возможности визуализации 50 качеств, и ни в одном случае не выявлено однозначного соответствия «качество – визуальный

параметр изображения». Даже если вербально обозначаемое качество имеет единственный вариант визуального представления в 100% случаев, то содержание соответствующего параметра изображения оказывается более широким. Например, определение «бледный» визуализируется с помощью использования бледных тонов изображения. Однако визуальный параметр «бледный» имеет еще и содержательный компонент «легкий», который отсутствует в слове «бледный». То есть вербализация этого визуального признака как «бледный» будет кодировать только часть его значения.

Встает вопрос, на чем основано соотношение визуальных характеристик и вербальных единиц, не являющихся их именованим. Есть группа качеств, обозначение которых базируется на основе физиологической реакции человеческого организма на стимул. Это характеристики, относящиеся к фактору «Активность» (возбуждающий, энергичный и пр.), оценку по которому повышают яркие мажорные цвета (они действительно физиологически оказывают возбуждающее действие на человека), а понижают бледные минорные цвета и черно-белая гамма (бледные цвета, к которым относится и серый цвет неконтрастной графической иллюстрации, действуют на человека успокаивающе).

Однако в подавляющем большинстве случаев такая связь между визуальными и вербальными параметрами не может быть выявлена. Например, почему визуальный параметр «круглый» – это тяжелый, а «бледный» – это легкий. Вероятно, на этот вопрос невозможно ответить без обращения к понятию «первичный символ», который «соотносится с чем-то определенным в содержательности сознания» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 185] и служит «вещным инструментом включения в сознание» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 138]. Первичные символы, как пишут М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский, «лежат на уровне спонтанной жизни сознания и спонтанного отношения индивидуально-психических механизмов к содержательностям сознания» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 133].

Символ не может иметь единственного толкования. Множественность интерпретаций символов есть способ их существования. Из этого проистекает свойство незавершенности символизированного [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 148]. Различные «срезы-интерпретации» [там же] помогают получить возможно более полное овнешнение символа сознания. Поэтому закономерно существование разных экспликаций: глупый – неприятный, неестественно окрашенный, черно-белый; окрашенный в мажорные тона – теплый, молодой, дружелюбный, добрый, твердый, легкомысленный и т.д.

Поскольку символ характеризуется незавершенностью, поиск экспликации может продолжаться всегда. Такое свойство символа порождает творческую деятельность художников, писателей, поэтов, музыкантов. Люди искусства находятся в бесконечном поиске выражения образов сознания, иногда заходя настолько далеко, что их творения отрицательно воспринимаются массовым реципиентом (который не видит в них никакой связи между символом и его овнешнением). Случаи отрицательного восприятия доказывают принципиальную выразимость образов сознания, поскольку существуют критерии (иногда сложно формулируемые вербально), по которым массовый реципиент отличает

овнешненные символы от любых случайных явлений (в которых обладающий богатым воображением человек тоже может увидеть символ, которого там нет).

Из первичной символики выводится вторичная, которая используется культурой. В рамках вторичной символики мы рассматриваем ассоциации, которые вызывают визуальные параметры. Можно говорить о смене времен суток как объяснении воздействия мажорных и минорных цветов: солнечность дня, темнота и опасность ночи. Острое можно трактовать как опасное (для человека), следовательно, злое и враждебное. Анализируя вторичные символы, можно выявить принцип, «по которому то, что положено в первичной системе, делается для субъекта психики естественно понятным и само собой разумеющимся во вторичных» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 140].

Однако при готовности проследить возможные пути возникновения вторичной символики во многих случаях это невозможно, так как мы имеем дело с развертыванием «во вторичную систему того, что есть в первичной и что спонтанно в ней порождено, того, что мы не можем объяснить никакими причинными связями...» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 133]. Почему серьезный – синий, черно-белый – старый, тревожный, далекий, грубый и т.д., не объяснить исходя из вторичной символики. Вероятно, некоторые соотношения вербальных и визуальных параметров относятся к первичной символике. А «первичные символы суть символы, говорящие ни о чем в том смысле, что физическая жизнь этих символов предполагает, что им не может быть придан предмет, ибо любое придание является приданием конечной размерности символу, а символ в действительности – выражение совсем другого, выражение космического характера сознания» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 202]. М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский ставят вопрос, «может ли вторичное символическое образование показать «в себе» картину своего происхождения». Они полагают, что «если это вторичное символическое образование действительно связано с первичным (ибо есть масса вторичных образований, для которых вообще нет первичных), то оно несет в себе тенденцию к затемнению, маскировке своего происхождения из первичного символического образования» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 146], что объясняется особенностями функционирования сознания.

Статистически установленные корреляции вербальных и визуальных параметров позволяют говорить о визуальных характеристиках как содержании вербальных единиц. Если, как говорилось выше, округлость форм является компонентом содержания вербальной единицы «мягкий», то «мягкий» вызывает не только тактильное ощущение «податливости», «пластичности» (что является его денотатом), но и «видение-ощущение» округлости. Это легко поверить путем рефлексии.

Подобные компоненты содержания с трудом поддаются выявлению без использования средств невербальных модальностей. Например, чтобы задать испытуемому вопрос (мягкий – это какой: квадратный, круглый, плоский и пр.?), нужно сначала определить параметры, о которых следует спрашивать. Существует большое количество визуальных параметров (а также параметров других модальностей), которые могут быть соотнесены с вербальными единицами. Выбор из них интуитивным путем не может быть достаточно продуктивным, поскольку

мы не осознаем наличия некоторых компонентов содержания вербальных единиц. Мы можем «увидеть» их только когда они оказываются «в фокусе». Помочь в таком исследовании могут психолингвистические эксперименты с КТ, состоящими из компонентов различных модальностей. Вероятно, подобные асимметричные отношения могут быть обнаружены и между средствами других модальностей (а не только вербальной и визуальной), в которых создаются креолизованные тексты.

Резюме. Креолизованный текст с точки зрения его восприятия не является простым сочетанием вербального текста и изображения. Это по сути сплав двух составляющих, который воспринимается как единое целое. При этом реципиент воспринимает 1) содержание вербального текста (учитывая возможное содержание его формы); 2) содержание иллюстрации (и ее формы); 3) содержание, возникающее в результате взаимодействия вербального текста и иллюстрации. Наличие содержания, обозначенного в третьем пункте, делает креолизованный текст синтетическим феноменом, для исследования восприятия которого необходимы специальные методы. Эти методы должны быть в первую очередь экспериментальными, поскольку креолизованные тексты стали отдельным объектом анализа относительно недавно и в настоящий момент ощущается недостаток научных данных о реальном восприятии их реципиентами.

Литература

- Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Academia, 2003. 128 с.
- Большаинова Л.М.* Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: содержание и структура: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 17 с.
- Брунер Дж.* Психология познания. М. : Прогресс, 1977. 412 с.
- Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С.* Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002. 99 с.
- Вашунина И.В.* Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: дисс. ... докт. фил. наук. М.: ИЯз РАН, 2009. 511 с.
- Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления. М. : Изд-во МГУ, 1989. 239 с.
- Головина Л.В.* Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста : дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. 173 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. М. : Изд-во АН СССР, 1961. Вып. 7. № 3. 44 с.
- Иттен И.* Искусство цвета. М.: Д. Аронов, 2000. 95 с.
- Кандинский В.В.* О духовном в искусстве // Психология цвета. М. : Рефл-бук, Ваклер, 1996. С. 181 – 220.
- Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Т.А.* Русский ассоциативный словарь. Кн. 3. М.: Ин-т русского языка РАН, 1996. 212 с.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Лупенко Е.А. Исследование психологической природы интермодальной общности ощущений // Психологический журнал. 2008. № 1. С. 66 – 78.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Языки русской культуры, 1997. 224 с.

Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста : дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997. 237 с.

Ричардсон Дж.Т.Э. Мысленные образы. Когнитивный подход. М.: Когнитивный Центр, 2006. 250 с.

Сазонов В.В., Шошников К.Б. О соотношении вербальной и визуальной информации в прессе// Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств в массовой коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 374-389.

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Институт языкознания РАН, 2005. 220 с.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 180 – 186.

Чаплыгина Ю.С. Юмористические креолизованные тексты: структура, семантика, прагматика (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 24 с.

Воск М. The influence of pictures on the proceeding of texts: reading time, intelligibility, recall, aesthetic effect, need for rereading // Psycholinguistic Studies in Language Processing. Berlin - New York: W. de Gruyter, 1983. 218-236.

Sauerbier S.D. Wörter bildlich Bilder wörtlich. Schrift und Bild als Text. Die Einheit der semiotischen Dimensionen// Arbeitsgruppe Semiotik (ed.): Die Einheit der semiotischen Dimensionen. Arbeitsgruppe Semiotik (ed.): Die Einheit der semiotischen Dimensionen. Tübingen, 1978. 27-94.

FEATURES OF CREOLIZED TEXTS PERCEPTION

Irina V. Vashunina

professor, Russian Foreign Trade Academy

4a ul. Pudovkina, Moscow 119285

e-mail: vashunina@yandex.ru

The article presents the results of a psycholinguistic experiment conducted to identify the perception of creolized texts. It is proved that a creolized text is an indissoluble unity, fusion of verbal and visual components. 30 creolized texts, based on six verbal texts were experimentally studied.

50 scales of semantic differential were used. The presence of changes in the perception of the text under the influence of the included illustration has been revealed and the image parameters influencing individual scales were registered. These parameters are image realism, clarity, non-triviality, prevailing geometric shapes, image color design (use of color, brightness, lightness, use of minor or major colors, image color compliance with the verbal text and illustration content, image color compliance with geometric shapes). Visualization possibilities for 50 qualities have been identified and it has been proved that the same content cannot be transferred absolutely identically in different ways - verbal and visual. Statistically established correlations of verbal and visual settings allow us to include visual characteristics in the contents of the verbal units. The study has revealed the existence of gender differences in the evaluation of creolized texts.

Keywords: creolized text, experimental study, semantic differential, visual information presentation.

References

Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov). [Text linguistics and intercultural communication (on creolized texts)]. M. : Academia, 2003. 128 s.

Bol'shijanova L.M. Verbal'noe soprovozhdenie fotoizobrazhenija v sovremennoj britanskoj presse: soderzhanie i struktura: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Verbal support for images in modern British press: content and structure]. L., 1986. 17 s.

Bruner Dzh. Psihologija poznaniya. [Beyond the information given]. M. : Progress, 1977. 412 s.

Vasilevich A.P., Kuznecova S.N., Mishhenko S.S. Katalog nazvanij cveta v ruskom jazyke. [Catalogue of color names in Russian language]. M.: Smysl, 2002. 99 s.

Vashunina I.V. Vzaimovlijanie verbal'nyh i neverbal'nyh (ikonicheskikh) sostavljajushchih pri vosprijatii kreolizovannogo teksta: diss. ... dokt. fil. nauk. [Interaction of verbal and iconic components in creolized text perception] M.: IJaz RAN, 2009. 511 c.

Vojshvillo E.K. Ponjatie kak forma myshlenija. [Cognition as a form of thinking]. M. : Izd-vo MGU, 1989. 239 s.

Golovina L.V. Vzaimovlijanie ikonicheskikh i verbal'nyh znakov pri smyslovom vosprijatii teksta : diss. ... kand. filol. nauk. [Interaction of iconic and verbal characters in the semantic text perception]. M., 1986. 173 s.

Ivanov Vjach. Vs. Jazyk v sopostavlenii s drugimi sredstvami peredachi i hranenija informacii [The language in comparison with other means of information transmitting and storing] // Doklady na konferencii po obrabotke informacii, mashinnomu perevodu i avtomaticheskomu chteniju teksta. [Reports at the conference on information processing, machine translation and automatic reading of text]. M. : Izd-vo AN SSSR, 1961. Vyp. 7. № 3. 44 s.

Itten I. Iskusstvo cveta. [The art of color]. M.: D. Aronov, 2000. 95 s.

Kandinskij V.V. O duhovnom v iskusstve [Concerning the spiritual in art] // Psihologija cveta. [Psychology of color]. M. : Refl-buk, Vakler, 1996. S. 181 – 220.

Karaulov Ju.N., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F., Ufimceva N.V., Cherkasova G.A. Russkij asociativnyj slovar'. [Russian associative thesaurus]. Kn. 3. M.: In-t russkogo jazyka RAN, 1996. 212 s.

Kubryakova E.S. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. [Language and knowledge. On the way of obtaining knowledge about the language: parts of speech from cognitive point of view]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 s.

Lupenko E.A. Issledovanie psihologičeskoj prirody intermodal'noj obshhnosti oshhushhenij [Study of psychological nature of intermodal unity of sensations] // Psihologičeskij zhurnal. [Psychological journal]. 2008. № 1. S. 66 – 78.

Mamardashvili M.K., Pjatigorskij A.M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdenija o soznanii, simvolike i jazyke. [Symbol and consciousness, similarity and differences]. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 224 s.

Pojmanova O.V. Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta : diss. ... kand. filol. nauk. [Semantic space of videoverbal text]. M., 1997. 237 s.

Richardson Dzh.T.Je. Myslennye obrazy. Kognitivnyj podhod. [Imagery]. M.: Kognito-Centr, 2006. 250 s.

Sazonov V.V., Shoshnikov K.B. O sootnoshenii verbal'noj i vizual'noj informacii v presse [On correlation of verbal and visual information in the press] // Predmet semiotiki. Teoreticheskie i praktičeskie problemy vzaimodejstvija sredstv v massovoj kommunikacii. [The subject of semiotics. Theoretical and practical problems of means interaction in mass communication]. M.: Izd-vo MGU, 1974. S. 374-389.

Sonin A.G. Ponimanie polikodovyh tekstov: kognitivnyj aspekt. [Understanding of polycode texts: cognitive aspect]. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2005. 220 s.

Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija [Creolized texts and their communicative function] // Optimizacija rečevogo vozdejstvija. [Optimization of speech influence]. M.: In-t jazykoznanija RAN, 1990. S. 180 – 186.

Chaplygina Ju.S. Jumoristicheskie kreolizovannye teksty: struktura, semantika, pragmatika (na materiale anglijskogo jazyka): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Humorous creolized texts: structure, semantics, pragmatics (in the English language)]. Samara, 2002. 24 s.

Bock M. The influence of pictures on the proceeding of texts: reading time, intelligibility, recall, aesthetic effect, need for rereading// Psycholinguistic Studies in Language Processing. Berlin - New York: W. de Cruyter, 1983. 218-236.

Sauerbier S.D. Wörter bildlich Bilder wörtlich. Schrift und Bild als Text. Die Einheit der semiotischen Dimensionen// Arbeitsgruppe Semiotik (ed.): Die Einheit der semiotischen Dimensionen. Arbeitsgruppe Semiotik (ed.): Die Einheit der semiotischen Dimensionen. Tübingen, 1978. 27-94.

О ЯДРЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ БУРЯТ-БИЛИНГВОВ

Дырхеева Галина Александровна

главный научный сотрудник
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д.6
e-mail: an5dag1@mail.ru

Статья посвящена выявлению особенностей трансформации языкового сознания билингвов на примере бурятско-русского двуязычия. На основе данных ассоциативного эксперимента, проведенного среди бурят-билингвов, а также сопоставления с материалами по «Русскому ассоциативному словарю» делается попытка определить общие и специфические черты семантического наполнения таких базовых понятий как *человек* и *дом* в бурятской языковой картине мира. В результате проведенного эксперимента установлено, что пока сила влияния национального языкового кода достаточно высокая, соответственно, поддерживается национально-культурное своеобразие бурятского языкового сознания, в частности, оно более миролюбивое, менее агрессивное.

Ключевые слова: бурятский язык, языковая картина мира, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, двуязычие.

Основной задачей большинства современных лингвокультурологических исследований является описание и анализ языковой картины мира (ЯКМ) того или иного народа. При этом считается, что основу ЯКМ составляет ядро языкового сознания, которое, в том числе, возможно выявить с помощью анализа ассоциативно-вербальных сетей. Очевидно, что выявление и анализ основных единиц семантической сети позволяет не просто показать специфику духовной системы изучаемого этноса, ее развитие и трансформацию, но и (в случае сопоставительного исследования) общее и специфическое в языковом сознании носителей разных языков и культур. Однако наибольший интерес, по нашему мнению, представляет изучение ядра языкового сознания в целях выявления особенностей влияния одного языка на другой, поскольку, как показывают многие исследования, иноязычное влияние способствует не просто изменению лексического состава и коммуникативных норм того или иного языка, оно трансформирует его культурную и ценностную систему.

В связи с этим материалом для данного анализа послужил ассоциативный эксперимент, вошедший как часть в лингвистический тест на основе 84 слов-стимулов, включающих слова как различных тематических групп (персоналии, цвета, реалии др.), так и частей речи (существительные, прилагательные, глаголы), представленных на двух языках – бурятском и русском, поскольку очевидно, что язык и сознание неразделимы, именно в языке зафиксированы особенности мышления, когнитивные стили, устойчивые стереотипы и т.д.

В эксперименте участвовали по 140 испытуемых (70 – буряты, носители бурятского языка, 70 – буряты, носители русского языка), бурятско-русские билингвы в возрасте от 18 до 65 лет. Выбор слов-стимулов был обусловлен как задачами данного исследования, так и возможностью использовать их в дальнейшем в различных сравнительных лингвокультурологических и психолингвистических исследованиях. Всего на бурятском языке выявлено 2580 разнообразные реакции, на русском – 2924.

Предварительный анализ полученных результатов позволил в целом отметить равные объемы и наполненность семантических полей в обоих языках.

Итак, для бурятского языкового сознания самыми важными (в скобках указано количество гнезд (6 и более), куда входят эти слова) являются:

Персоналии: *хун* ‘человек’ (21), *нүхэр* ‘товарищ, друг, муж’ (16), *зон* ‘народ’ (10), *басаган* ‘дочь, девочка, девушка’ (9), *үхибүүн* ‘ребенок, дитя’ (8), *үбгэн* ‘старик’ (8), *хүбүүн* ‘сын, мальчик, юноша’ (7), *багша* ‘учитель’ (7), *аба* ‘отец’ (7), *аха* ‘старший брат’ (7), *эхэ* ‘мать’ (7), *айлиан* ‘гость’ (6).

Реалии: *гэр* ‘дом’ (23), *байдал* ‘состояние, положение, ситуация’ (15), *наһан* ‘возраст, годы, век, жизнь’ (14), *һанаан* ‘мысль, намерение, желание’ (12), *юмэн* ‘вещь’ (12), *нютаг* ‘родина’ (11), *хубсаһан* ‘одежда, платье’ (10), *хэрэг* ‘дело, нужда, вопрос’ (10), *наран* ‘солнце’ (10), *сэдьхэл* ‘мысль, намерение’ (10), *ухаан* ‘ум, разум, рассудок’ (10), *эдеэн* ‘пища, еда’ (9), *ном* ‘книга’ (9), *ажал* ‘работа’ (9), *саг* ‘время’ (9), *үдэр* ‘день’ (9), *дуран* ‘любовь’ (8), *тэнгэри* ‘небо’ (8), *ажабайдал* ‘жизнь’ (8), *һонин* ‘новость’ (8), *дэлхэй* ‘мир, земля, свет’ (8), *тала* ‘поле, степь’ (8), *арад* ‘народ’ (7), *бодол* ‘мысль, мнение’ (7), *бэе* ‘тело, организм’ (7), *хэлэн* ‘язык’ (7), *түрэл* ‘родня, родство’ (7), *газар* ‘земля’ (7), *хүл* ‘нога’ (7), *һургуули* ‘школа’ (7), *сэсэг* ‘цветок’ (6), *гүрэн* ‘государство’ (6), *алтан* ‘золото, золотой’ (6), *дасан* ‘дацан’ (6), *жаргал* ‘счастье’ (6), *жэл* ‘год’ (6), *зүрхэн* ‘сердце’ (6), *мүнгэн* ‘деньги’ (6), *шажсан* ‘религия’ (6), *эрдэм* ‘наука, образование, знание’ (6).

Качества-оценки: *һайн* ‘хороший, добрый’ (23), *сэбэр* ‘чистый’ (16), *хүнэй* ‘человеческий’ (15), *сагаан* ‘белый’ (11), *бураад* ‘бурятский, бурят’ (10), *һайхан* ‘красивый’ (9), *хара* ‘черный, темный’ (9), *гоё* ‘нарядный, красивый’ (9), *дээдэ* ‘верхний’ (7), *үндэр* ‘высокий’ (6), *дулаан* ‘теплый’ (6), *ехэ* ‘большой’ (6), *муу* ‘плохой’ (6), *түргэн* ‘быстрый’ (6), *холо* ‘далеко, далекий’ (6), *шэнэ* ‘новый’ (6).

Действия: *ябаха* ‘идти’ (8), *байха* ‘быть’ (6).

Следует отметить, что распределение лексем по данным категориям было затруднено, что связано с некоторыми языковыми особенностями. Например, слово *бураад* ‘бурятский, бурят’, как и многие другие слова в бурятском языке, можно рассматривать и как существительное, и как прилагательное, а слова типа *һайн* ‘хороший, добрый, хорошо’ – как прилагательное и наречие. В нашем случае отнесение, например, слова *бураад* ‘бурятский, бурят’ к оценочно-качественной группе определялось конкретно рассмотренными случаями, которые показали, что в данном эксперименте оно чаще встречается в функции определения.

Выделение в качестве самостоятельной реакции слова *хүнэй* ‘человеческий’ – совпадающего с формой родительного падежа от слова *хун* ‘человек’ – также объясняется его более частой встречаемостью в качестве прилагательного.

Очевидно, что в ряде случаев наблюдается существенное несовпадение семантических полей некоторых слов, которое повлияло на типы реакций, например, для бурятского слова *бодохо*, имеющего два омонимичных значения ‘думать’ и ‘вставать’, характерно преимущество смежных реакций. Соответственно, реакции испытуемых представлены на оба значения и разнятся с реакциями на русское слово ‘думать’, среди которых преобладают реакции типа ‘думать о будущем’. Интересно, что для бурятского варианта оказалась нехарактерной группа реакций типа ‘думать о будущем, о здоровье, о семье, о хорошем, о близких и т.д.’ Подобные реакции чаще приводятся также на многозначное парное к *бодохо* слово *hanaха* ‘вспоминать, думать’.

Как и в случае заполнения анкет носителями русского и других языков [Капулов 2003: 63], тактики их заполнения испытуемыми различались. Несомненно, что большинство из них использовало тактику предикации. Однако встречаются анкеты, содержащие по две-три реакции на один стимул, для которых характерна «пропозициональная» тактика, например: *наран – гэрэл, туяа, дулаан* ‘солнце – свет, луч, тепло’, *үүдэн – барюул, нээхэ* ‘дверь – ручка, открывать’, *унэн зүб – хуули, гурим* ‘справедливость – закон, порядок’.

Можно также отметить, что достаточно частой является реакция – дефиниция стимула, пояснение, описание в виде словосочетания, например: *булаг уһан эм* ‘родниковое водное лекарство’ на стимул *аршан, нюдэээ анимаар* ‘сощурившись’ на слово *гашуун* ‘горький’, *орожо ерэнэн хүн* ‘пришедший человек’, *бурханай гэр* ‘дом бурхана’ на слово *дацан, ондоо гүрэнэй* ‘другого государства’ на слово *хариин* ‘иностранный’ и т.д. В качестве реакций приводятся даже поговорки: *ябаһан хүн яһа зууха* ‘под лежащий камень вода не течет, букв. ходящий человек кость держит’.

Самые частые слова-реакции бурят на русском языке:

Персоналии: человек (21), друг (12), я (мой, моя, мое) (12), люди (11), мама (10), близкие (7), мужчина (7), народ (7), друзья (6), отец (6), бог (5), дети (5), учитель (5).

Реалии: жизнь (27), дом (15), любовь (12), все (10), время (9), мир (9), работа (9), тепло (9), день (8), радость (8), сила (8), чистота (8), душа (7), земля (7), красота (7), страх (7), вера (6), дело (6), добро (6), конь (6), луч (6), правда (6), счастье (6), чувство (6), деньги (5), надежда (5), поклонение (5), свет (5), страна (5), труд (5), уют (5), что-то (5).

Качества-оценки: хороший (17), чистый (11), добрый (11), любимый (11), новый (11), родной (11), белый (10), большой (10), веселый (9), дорогой (9), светлый (9), красивый (8), святой (8), старый (8), вечный (7), священный (7), интересный (6), один (6), самый (6), сильный (6), яркий (6), верный (5), плохой (5).

Как видно, в первой группе реакций-персоналий при общем совпадении самых частых слов *человек* и *друг* (по данным Н.В. Уфимцевой [2009], в русском ЯС эти понятия также являются самыми важными) имеются достаточно существенные отличия. Так, можно отметить появление в русскоязычной группе личного местоимения *я* (*мой, моя, мое*), а также такого понятия как *Бог*. И если *я* также входит в самую частотную группу по данным РАС [Русский ассоциативный словарь, 1994], и его появление можно объяснить влиянием русского языка на бурятское языковое сознание, то выделение слова *бог*, скорее всего, связано с тем, что среди

слов-стимулов были заданы такие специфичные регионализмы как *дацан*, *сэржэм* и *Будда*. Можно также отметить, что показателем важности для бурят родовых отношений является сохранение в этой группе слов *мама*, *близкие* и *отец*, которые отсутствуют как самые важные в русском языковом сознании. Характерно также то, что в отличие от русского языкового сознания в двуязычном бурятском сознании отсутствуют такие слова с пейоративной окраской, как *дурак* (занимающее, по данным РАС, третье место в списке русских реакций-реалий) и *мужик*.

Совпадения реакций бурятских респондентов на родном и русском языках и данных по РАС, представленных Уфимцевой [2011: 236] о языковом сознании русских, подтверждает наличие такого общего круга ценностей, как *дом*, *жизнь*, *родина*, *друзья*, *работа*, *мир*, *любовь*. Иными словами, независимо от этнокультурной принадлежности система общечеловеческих культурных ценностей стабильна.

Возможно, религиозной принадлежностью бурят к традиционной буддийской культуре объясняются расхождения в оценке таких понятий, как *ум*, *деньги*, *книга*, *учитель*, а также практически в отсутствие среди самых частотных отрицательных оценочных реакций, как среди реакций-реалий, так и среди реакций-персоналий и качеств-оценок.

Особенностью бурятского ЯС является высокая оценка значимости *учителя* (*багша*) и *гостя* (*айлшан*). Несомненно, что вхождение *учителя* (*багша*) в высокочастотную группу и на русском, и на бурятском языках подтверждает общеизвестную характеристику такой этнической особенности бурят, как стремление к получению образования и, соответственно, поддержка авторитета *учителя*. Так, например, одной из наиболее частых реакций на образную характеристику 'умный, как' [Дырхеева 2008] также является учитель – *багша*.

Для монголоязычных народов характерны такие психологические черты как эмоциональная сдержанность (саморегуляция), рассудительность. При этом они открыты, искренне расположены к общению, гостеприимны. Бурятское гостеприимство – это национальная черта, норма поведения, морали, которая складывалась веками. Это своего рода ритуал, поэтому очевидно вхождение в высокочастотную группу слова *айлшан* 'гость'.

Как показывает большинство исследований, посвященных специфике национальных ЯКМ, центральное место в них занимает образ *человека*. Однако очевидно, что лексико-семантические наполнения таких понятий у каждого народа различаются, в связи с этим попытаемся показать особенности бурятской ЯКМ на примере такого базового концепта, как *хун* 'человек', а также выявленной наиболее высокочастотной лексемы-реалии *гэр* 'дом'. Постараемся выявить общие черты и различия в их наполнении и степени детализации тех или иных свойств *человека* и *дома*, а также их трансформации в связи с активным владением бурятами русским языком.

Итак, слово *хун* 'человек', как и по результатам тестов на других языках, является одной из самых частых реакций-персоналий. По данным свободного ассоциативного эксперимента, у представителя бурятского этноса ассоциативное поле *хун* 'человек' представлено следующими различными реакциями: *арад* 'народ', *болохо* 'становиться', *буряад* 'бурят, бурятский', *гар* 'рука', *жаргал* 'счастье', *наһан* 'возраст, годы', *улад* 'люди, народ', *ябана* 'идти' и т.д. Однако в первую очередь в

бурятском языковом сознании *хун* ‘человек’ – это прежде всего *нүхэр* ‘товарищ, друг, муж’.

В целом в ассоциативном поле *хун* ‘человек’ выделяются универсальные обобщающие реакции (*амитан* ‘живое существо, животное’, *ажабайдал* ‘жизнь’, *арьяатан* ‘хищники’), реакции, характеризующие человека как существо разумное (*сэсэн* ‘мудрый’, *ухаатай* ‘умный’, *hanaan* ‘мысль’), представляющие его качества (*хайн* ‘хороший’), его наружность (*гар* ‘рука’, *хул* ‘нога’, *яһан* ‘кость’). Достаточно существенную группу составляют реакции, которые определяют человека как социальное существо, представителя цивилизации, нации, человеческой семьи, общества: *улад* ‘люди’, *арад* ‘народ’, *зон* ‘народ, люди, население’, *дэлхэйн эзэн* ‘хозяин земли, мира’, *юртэмсын эзэн* ‘хозяин вселенной’, *буряад* ‘бурят’, *түрэлтэн* (*хун түрэлтэн* ‘человечество’). Очевидно влияние на типы реакций на бурятском языке такой специфической грамматической особенности, как парное словообразование (*хун зон*, *хун амитан*, *арад зон*), а также устойчивого словообразования (*эрэ хун* ‘мужчина’, *эмэ хун* ‘женщина’).

Если сравнить ассоциации русских и бурят, то можно обнаружить как сходные, так и различные реакции на стимул *хун* ‘человек’. При этом можно отметить, что реакции бурят, представленные на русском языке, в целом ближе к реакциям русских. В частности, это связано с появлением такой нехарактерной для бурятского языкового сознания реакции, которая относится к самому информанту, как местоимение *я*. Связано это и с реакциями, отличающими человека от животных, – *hoto sapiens* и *хомосапиенс* и с реакциями, подчеркивающими его индивидуальность, – *личность*, *индивид*, *индивидуальность*. Однако в отличие от русского языкового сознания русскоязычное бурятское языковое сознание не содержит таких негативных характеристик, как *глупость*, *жадность*, *слабость*, *скотина*, *страшный* и т.д. Пейоративную окраску имеют только две реакции: *мужик* и *нехороший*.

Более яркую палитру характеристик человека представляет так называемый обратный ассоциативный словарь, в котором отражено количество вхождений слова в гнезда – слова-стимулы. Слово *хун* ‘человек’ является реакцией на слова: *айлшан* ‘гость’ (максимальная частота в группе реакций на данное слово – 10), *буряад* ‘бурятский, бурят’, *зайха* ‘гулять’, *хайн* ‘хороший, добрый’ (максимальная частота – 13), *гүрэн* ‘государство’, *ажаябуулга* ‘деятельность’, *нүхэр* ‘товарищ, друг, муж’, *һүнэнһэн* ‘душа’ (максимальная частота – 18), *хүсэхэ* ‘желать’, *эхэнэр* ‘женщина’ (8), *наһан* ‘жизнь, возраст’ (8), *хуули* ‘закон’, *бэеын элүүр* ‘здоровье’, *танил* ‘знакомый’ (максимальная частота – 14), *хариин* ‘иностранный, чужой’ (максимальная частота – 16), *түүхэ* ‘история’, *үнэн* ‘истина, правда’, *гоё* ‘красивый’, *дуран* ‘любовь’, *эхэ* ‘мать’, *залуу* ‘молодой’, *дарга* ‘начальник’, *шэнэ* ‘новый’, *туһалха* ‘помогать’, *өөрын* ‘свой’, *зүрхэн* ‘сердце’, *үгэ* ‘слово’, *нохой* ‘собака’, *һэихэл* ‘совесть’, *үнэн зүб* ‘справедливость’, *хара* ‘черный’, *нэрэ хүндэ* ‘честь’. Во многих случаях слово *хун* является реакцией на слова, которые выступают в функции определения: *үнэн* ‘истина, правда, правдивый, честный’.

Кроме того, слово встречается в качестве второго компонента в словосочетаниях типа: *ажалша хүн* ‘работяга’, *хари хүн* ‘иностранец, чужой человек’, *зүүн зүгэй хүн* ‘восточный’ – реакция на *хитад хүн* ‘китаец’, *наһатай хүн* ‘пожилой человек’, *хүндэтэй хүн* ‘уважаемый человек’ – реакция на слово *айлшан* ‘гость’,

хамган хүн, эмэ хүн ‘женщина’ – реакция на слово *эхэнэр* ‘женщина’, *шиираг хүн* ‘здоровяк’ – реакция на слово *бэеын элүүр* ‘здоровье’, *таниха хүн* ‘знакомый человек’, *мэдэхэ хүн* ‘знакомый’ – реакция на слово *танил* ‘знакомый’, *холын хүн* – реакция на слово *хариин* ‘иностранный’, *сэхэ хүн* ‘прямой, открытый человек’ – реакция на слово *үнэн* ‘истина, правда’, *дуратай хүн* ‘любящий, любимый человек’, эгээн дүтэ хүн ‘самый близкий человек’ – реакция на слово *эхэ* ‘мать’, *ургажа ябаһан хүн* ‘растущий человек’ – реакция на слово *залуу* ‘молодой’, *бэһэтэй/бүһэтэй хүн* ‘мужчина, букв. опоясанный человек’, *ноён хүн* ‘начальник’ – реакция на слово *дарга* ‘начальник’, *мал дээрэ туһалдаг хүн* ‘помощник по уходу за скотом’ – реакция на слово *‘сакман’*, *хатуу хүнэй* ‘жестокого человека’ – реакция на слово *зүрхэн* ‘сердце’, *үбгэн хүнэй хүндэтэ* ‘почтенного старца’ – реакция на слово *үгэ* ‘слово’, *муу хүн* ‘плохой человек’ – реакция на слово *нохой* ‘собака’, *наһатай хүн* ‘пожилой человек’ – реакция на слово *нэрэ хүндэ* ‘честь’, *ута хүн* ‘высокий человек’, *шара хүн* ‘русый’ – реакция на слово *ород* ‘русский’ и др.

Позиции слова укрепляет также форма *хүнэй* ‘человеческий, человеческий, людской’, частота встречаемости которого также высокая – в 15 гнездах-реакциях: *‘хүнэй ажабайдал* ‘человеческая жизнь’, *хүнэй тамир* ‘сила человека’, *хүнэй хуби* ‘человеческая участь’ и др .

Несомненно, что в языковом сознании бурят номинативное поле *хүн* ‘человек’ представлено языковыми единицами, характеризующими человека по половому признаку: *эхэнэр* ‘женщина’, *эмэ хүн* ‘женщина’, *эрэ хүн* ‘мужчина’.

Эксперимент, проведенный среди бурятских респондентов на бурятском и русском языках, показал, например, следующую специфику определения *эрэ хүн* ‘мужчины’: на первом месте в бурятском варианте стоит реакция *аба, эсэгэ, баабай* ‘отец’ (лексемы различных диалектов); на втором – *бэһэ, бэһэтэй, бүһэтэй* ‘пояс, опоясанный’. Внешний признак – наличие кушака – практически стал в бурятском языке и культуре определением мужчины: *бэһэтэ хүн* – ‘мужчина’. В варианте ответов на русском языке первое место занимает определение ‘сила, сильный’, на втором – ‘отец, папа’. Если особенностью русских вариантов реакций является наличие таких внешних определений ‘мужчины’, как *красивый, красавец*, то на бурятском языке значимыми являются национально-культурные определения: *хазаартай* ‘конь, аргамак’, *эмээлтэ* ‘оседланный’, *мэргэн* ‘меткий стрелок’. При этом чаще оцениваются его деловые качества: *ажалша* ‘труженик’, *ангууша* ‘охотник’, *хүдэлмэри* ‘работа’, *машина, род (продолжатель рода), агнуури* ‘промысел, охота’. На русском языке представлены только две деятельностные характеристики: *работяга* и *продолжатель рода*. Можно также отметить, что в бурятских материалах на обоих языках практически не представлены какие-либо негативные характеристики ‘мужчины’. Так, стереотипами мужского поведения в русской и других культурах считаются в том числе: трус, скряга, пустомеля, гуляка и т.д. Для бурятской же языковой культуры, и это отмечается другими авторами, характерна даже такая оценка ‘мужчины’, как *эрдэни* ‘драгоценность’.

Гэр ‘дом’ (23) – самое частое слово-реакция в группе бурятских реалий. Его ассоциативное поле включает такие качественные характеристики, как *дулаан* ‘теплый’, *арюун* ‘чистый, светлый’, *сэбэр* ‘чистый’, *томо* ‘большой’, *түрэл* ‘родной’, *шэнэ* ‘новый’. Чаще он может быть *модон* ‘деревянный’, реже *шулуун* ‘каменный’,

һэеы 'войлочный'. У него есть *үүдэн* 'дверь', *сонхо* 'окно', и в нем имеются *гал* 'огонь', *гуламта* 'очаг', *бараан* 'имущество, мебель', *торхо* 'кадка'. Обычно это *байшан* 'изба, дом, здание, корпус', может быть *сарай* 'сарай', однако показателем кочевого когда-то образа жизни бурят служат такие слова-реакции, как *үбэлжөөн* 'зимнее местожительство, зимовье' и *зуһалан* 'летнее местожительство, летник'. Очевидно, что *гэр* 'дом' ассоциируется с теми, кто в нем живет: *нүхэр* 'друг, супруг, муж', *эхэ* 'мать', *хүүгэд* 'дети', *ухибүүн* 'ребенок', *дүү хубүүн* 'младший (брат, сестра)'. Очень важно также, что он *байха* 'есть, имеется'. Однако самую большую группу ассоциаций на данное слово, как и на многие другие в бурятском тесте, составляют ассоциации – парные слова. Общеизвестно, что бурятский язык славится обилием парных слов и, соответственно, богатством парного словообразования. Данный факт способствовал тому, что по сравнению с реакциями на русском языке в нашем эксперименте за счет парных слов увеличена доля синтагматических реакций: *гэр бүлэ* 'семья, семейство' (самая высокая частота реакций на слово *гэр* – 23), *гэр байра* 'жилое помещение' (частота – 10). Соответственно, и по данным обратного словаря *гэр* является самой частой реакцией на эти же слова – *бүлэ* 'семья' (23) и *һуури (байра)* 'место' (19). Словами-стимулами также являются: *шэнэ* 'новый', *өөрын* 'свой', *үүдэн* 'дверь', *байха* 'быть, имеется', *үнэтэй* 'дорогой', *гал* 'огонь', *эхэнэр* 'женщина', *нохой* 'собака', *морин* 'лошадь', *һанаха* 'думать, вспоминать', *ажаябуулга* 'деятельность', *хүрэхэ (абаха)* 'доставать', *һаһан* 'жизнь', *газар* 'земля', *гоё* 'красивый', *эдиһэ* 'кушать', *эхэ* 'мать', *бараан* 'имущество, мебель', *амһарта* 'посуда'.

Так же, как и в случае с *хүн* 'человек', реакции бурят, представленные на слово *гэр* 'дом' на русском языке ближе к реакциям представителей русской национальности, для них *дом* большой, родной, уютный, свой, отчий, старый, просторный; это кров, крепость, квартира, жилище (жилье), хата, коттедж, дача. Чаще всего он деревянный. Несомненно, что он ассоциируется с семьей, уютом, теплом, отдыхом, раем, родителями, мамой. Однако интересно, что самой частой реакцией является слово *очаг* (11), как и в случае с результатами эксперимента среди англичан [Дашиева 1998: 205].

Итак, можно сказать, что бурятские базовые понятия, входящие в ядро языкового сознания, несут важную культурологическую информацию и ценны для изучения национальной языковой картины мира. По своему содержанию они очень разнообразны, так как включают в себя все параметры внутренних и внешних свойств и особенностей. В результате проведенного эксперимента было установлено, что ассоциативные поля *человек* и *дом* в бурятском и русском языках имеют как общие, так и специфические особенности. Например, как и в других языках, наиболее обширным из выделенных является микрополе лексем, характеризующих человека как общественное существо. Разница же в реакциях бурят-билингвов на том или ином языке связана с языковыми стереотипами, закрепленными за соответствующими словами, которые, в том числе, определяются системно-структурными особенностями языка и только во вторую очередь национальными различиями в представлении о мире. Можно также отметить по тесту на бурятском языке, что за редким исключением на слова-стимулы давались ответы или слова-реакции также на бурятском языке, т.е. сила влияния национального языкового кода пока доста-

точно высокая. Несомненный интерес представляет сравнение языкового сознания бурят в условиях бурятско-русского двуязычия – ассоциативные реакции бурят на русском и бурятском языках. Как показывают многие исследования, иноязычное влияние способствует не просто изменению лексического состава и коммуникативных норм того или иного языка, оно трансформирует его культурную и ценностную систему. Однако пока, как свидетельствуют наши данные, сохраняется национально-культурное своеобразие бурятского языкового сознания, в частности, оно более миролюбивое, менее агрессивное. Открытость и доброжелательность бурятского этноса определяется в том числе и тем, что наиболее частыми оценочными словами-реакциями на бурятском языке являются слова с положительной коннотацией: *хайн* ‘хороший, добрый’ (23), *сэбэр* ‘чистый’ (16), *хүнэй* ‘человеческий’ (15), *сагаан* ‘белый’ (11). Причем реакция *хайн* ‘хороший, добрый’ по частоте даже превышает слово *хун* ‘человек’.

Литература

Дашиева Б.В. Образ мира в культурах русских, бурят и англичан // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 200-207.

Дырхеева Г.А. Образные сравнения и национально-культурная специфика языкового сознания (на примере бурятско-русского двуязычия) // Вестник БГУ. Серия Филология. 2008. Вып.10. Улан-Удэ, 2008. С. 3-9.

Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителей языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. М., 2003. С. 67-97.

Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Книга 1. М., 1994. 224 с.

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4. С. 98-111.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

ON THE KERNEL OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF BURYAT BILINGUALS

Galina Al. Dyrkheeva

main research worker

Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of Siberian branch of RAS,
670047, Ulan-Ude, Sakhyanovoy street, 6
e-mail: an5dag1@mail.ru

The article is devoted to the detection of features of transformation of language consciousness of bilinguals in Buryat-Russian bilingualism. Based on data of the associative experiment performed with Buryat bilinguals, and comparison to materials of “The Russian associative dictionary” common and specific features of semantic filling of such basic concepts as the man and the house in the Buryat language picture of the world is described. As a result of the experiment it is established that the force of influence of a national language code is rather high, it is supported by national and cultural originality of the Buryat language consciousness. In particular, Buryat language picture is more peaceful and less aggressive.

Keywords: Buryat language, language picture of the world, language consciousness, associative experiment, bilingualism.

References

Dashieva B.V. Obraz mira v kulturah russkih, buryat i anglichan [Image of the world in Russian, Buryat and English culture]. Yazykovoe soznanie: formirovanie I funkcionirovanie [Language consciousness: formation and functioning]. Moscow, 1998, pp. 200-207.

Dyrkheeva G.A. Obraznye sravneniya i nacional’no-kul’turnaya specifika yazykovogo soznaniya (na primere buryatsko-russkogo dvuyazychiya) [Figurative comparisons and national and cultural specifics of language consciousness (on the example of the Buryat-Russian bilingualism)]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Buryat state university]. Seriya Filologiya, no. 10, Ulan-Ude, 2008, pp. 3-9.

Karaulov Yu.N. Tipy kommunikativnogo povedeniya nositeley yazyka v situacii lingvisticheskogo eksperimenta [Types of communicative behavior of native speakers in a situation of linguistic experiment]. Etnokulturnaya specifika yazykovogo soznaniya [Ethnocultural specifics of language consciousness]. Sbornik statej. Moscow, 2003, pp. 67-97.

Russkij asociativnyj slovar’ [Russian associative dictionary]. Ed. by Yu.N. Karaulov, E.F. Tarasov, N.V. Ufimceva, G.A. Cherkasova. Book 1. Moscow, 1994. 224 p.

Ufimceva N.V. Obraz mira russkih [Image of the world of Russians: consistency and contents]. Yazik i kul’tura [Language and culture]. No. 4, 2009, pp. 98-111.

Ufimceva N.V. Yazykovoe soznanie: dinamika I variativnost’ [Language consciousness: dynamics and variability]. Moscow: Institut yazykoznanija RAN, 2011. 252 p.

ГИБРИДИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ И ОБЫДЕННЫХ ПОНЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОНИМАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ)¹

Ерофеева Елена Валентиновна

заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614090, Пермь, ул. Букирева 15
e-mail: elenerofee@gmail.com

Низгулов Тимур Сабирович

консультант отдела претензионно-исковой работы,
Департамент имущественных отношений администрации города Перми
614000, Пермь, ул. Сибирская, 14
e-mail: tnizgulov@mail.ru

В статье рассматривается проблема смешения семантических компонентов (сем) специальных и обыденных понятий в сознании носителей языка. Данная проблема изучается на материале психолингвистического эксперимента по наивному толкованию терминов русского и английского юридических языков соответственно русскими и англичанами в зависимости от таких социальных параметров информантов, как гендер, образование, специальность. Качественный и количественный анализ сем наивных толкований показывает, что в сознании носителей языка действительно происходит смешение семантических компонентов специальных и обыденных понятий. Данный процесс предлагается назвать гибридизацией понятий, а его результат – гибридным понятием. В статье показано, что структура гибридного понятия зависит от социальных параметров информантов, при этом наиболее важным признаком, влияющим на структуру гибридного понятия, является специальность.

Ключевые слова: юридический язык, специальное понятие, обыденное понятие, гибридизация понятий, гибридное понятие, семы, структура.

Введение

Любой язык представляет собой систему связанных между собой вариантов: социолингвистических, функциональных, тематических и пр. Определенный тип языкового варианта представляет собой специальный язык, т. е. язык, использующийся при общении специалистов в определенной области. Особенностью такого типа языков зачастую является то, что они совмещают в себе черты социальных раз-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00320 «Профессиональный компонент ментального лексикона».

новидностей языка и функциональных стилей. Так, например, юридический язык, используемый специалистами по юриспруденции в соответствующей сфере, является системой, имеющей общие черты и единицы, с одной стороны, с официально-деловым и научными стилями, с другой – с профессиональными жаргонами.

Однако функционирование юридического языка не ограничено собственно профессиональной средой, в определенных ситуациях он выходит за рамки своей социальной базы и используется не только специалистами. В повседневной жизни носители языка вынуждены пользоваться терминами юридического языка, что происходит практически во всех ситуациях, которые относятся к юридическому регулированию социальной жизни. Однако не всегда носители языка понимают такие термины во всем объеме специального понятия, употребляют их именно как термины. Неадекватное использование и понимание юридических терминов размывает границы юридических понятий: зачастую в структуру специального понятия в таком случае вносятся элементы наивных представлений, т. е. происходит взаимодействие специального (научного) и обыденного понятий, их смешение, в результате которого происходит образование гибридного понятия, совмещающего в себе черты специального и обыденного понятий. Изучению данного процесса и посвящено настоящее исследование.

Специальное и обыденное понятия

Разграничение специального (научного) и обыденного понятий напрямую связано с разграничением обыденной (наивной) и научной картин мира (см., например, [Карасик 2004: 89; Касевич 2004; Урысон 1998: 3]). Сам термин «картина мира» относится к числу тех, которые активно функционируют в различных областях науки: в философии (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, В.С. Степин и др.), психологии (А.Н. Леонтьев и др.), языкознании (А.А. Уфимцева, М.М. Маковский и др.), культурологии и литературоведении (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Г.Д. Гачев, Ю.М. Лотман) и т. д. При этом многие вопросы о сущности и структуре картины мира в науке остаются открытыми: различаются подходы к определению термина, предлагаются различные классификации картин мира.

В целом «картина мира» понимается как «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 21] или, уже, как «отображение в психике человека предметной окружающей действительности» [Леонтьев 1993: 18].

Неоднородность окружающего мира приводит к выводу о вариативности картины мира, необходимости вычленения разных составляющих из «общей» картины мира, которые связывались в первую очередь с индивидуальным и социальным обобщением опыта. Ср., например: «Можно наряду с индивидуальными вариантами говорить о системе инвариантных образов мира, точнее – абстрактных моделей, описывающих общие черты в видении мира различными людьми. Такой инвариантный образ мира непосредственно соотнесен со значениями и другими социально выработанными опорами, не с личностно-смысловыми образованиями как таковыми. С теоретической точки зрения, таких инвариантных образов мира может

быть сколько угодно – все зависит от социальной структуры социума, культурных и языковых различий в нем и т. д.» [Леонтьев 1997: 72]².

Современные исследователи выделяют различные варианты картин мира: «научную», «общенаучную», «частнонаучную», «естественнонаучную», «историческую», «физическую», «биологическую» и т. п. [Корнилов, 2002: электрон. ресурс], однако самым общим и наиболее признанным является разграничение «научной» и «наивной» картин мира [Карасик 2004; Касевич 2004: 77; Степин 2010 и др.].

Наивная и научная картины мира различаются по способу познания действительности: практическому, осуществляемому в процессе трудовой деятельности и повседневной жизни, или теоретическому – целенаправленному и осуществляемому с помощью специальных методов изучения действительности или отдельных ее объектов [Садыкова 2007: электрон. ресурс]. Научная картина мира – это «логизированный свод дискурсивных знаний о внешней действительности, человеке, обществе, который на данный момент утвердился в науке (науках)», наивная картина мира – это «реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития» [Касевич 2004: 77–78], которые складываются «как ответ на, главным образом, практические потребности человека – как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру», дающая «ответы на все вопросы, которые может задать член соответствующего общества» [там же: 79].

Безусловно, формирование научной и наивной картин мира происходит параллельно, более того, их противопоставление отнюдь не абсолютно, поскольку «по мере развития общества научная картина мира становится достоянием все большего числа его членов» [там же: 78]. Однако в качестве принципиально важного различия между ними подчеркивается их функциональная разница: интенсивность проникновения научной картины в наивную не меняет основной задачи последней, а именно – «служить своего рода базой данных и базой знаний, без которых невозможно принятие любых повседневных решений как текущего, так и долговременного характера» [там же: 78].

В то же время происходит и обратное влияние. Несмотря на то что современный человек склонен рассматривать научное знание как эталон «правильных представлений» [Урысон 1998], несмотря на абстрактность, общезначимость и претензию на объективность, наука не свободна от «ценностных, образных, личностных моментов, имеющих истоком жизнь общества, народа, личности...» [Гачев 1993], вследствие чего происходит влияние наивной картины мира, т.е. житейского сознания, на формулирование тех или иных научных понятий.

Концептуальную картину мира противопоставляют языковой картине мира. Концептуальная картина мира – это когнитивная структура, которая хранит информацию, полученную человеком извне [Кубрякова и др. 1997]. Концептуальная

---

² Сравни со структурой картины мира у И.А. Стернина и З.Д. Поповой: картина мира – это «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2007: 51].

картина мира фиксируется посредством разных семиотических систем: через язык и ментальные репрезентации иного типа (образы, схемы, картинки) [там же: 25]. «Язык ... участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 11].

Составляющими картины мира, научной или обыденной, которые имеют языковое выражение, являются понятия и представления. При этом в лингвистике давно принято разграничивать научные и обыденные понятия, связывая их с понятиями разной глубины и с научным и бытовым знанием, т. е., по сути дела, с научной и бытовой картинами мира. Разведение научного и обыденного понятий основывается на предложенном А.А. Потебней разграничении «ближайшего» (собственно языкового) и «дальнейшего» (соответствующего данным науки) значения слова [Потебня 1958]. Вслед за ним разграничение разных типов значений проводили многие лингвисты (Л.В. Щерба, Д.П. Горский, Ю.Д. Апресян, И.А. Стернин, В.Б. Касевич, Н.Д. Голев и мн. др.).

Научные и/или специальные понятия и обыденные понятия противопоставлены по нескольким основаниям.

1. По способу отображения действительности: научное/специальное понятие является важной формой научного/специального мышления, а обыденное понятие связано с бытовым, обыденным мышлением [Касевич 1990 и др.].

2. По набору образующих признаков:

а) научное понятие образуют существенные признаки [Воробьева 2014 и др.], а обыденное понятие образуют антропоцентричные признаки, которые актуальны для носителя языка и которые могут быть несущественными с точки зрения противопоставления другим понятиям [Апресян 1974; Кошелев 2008 и др.];

б) в научных понятиях набор существенных признаков неизменен [Фило-софский словарь: электрон. ресурс], а в обыденном понятии набор признаков не является одинаковым и зависит от социопсихологических характеристик говорящего: «В бытовых понятиях отражаются не только наиболее существенные (научно значимые), но и малосущественные признаки предметов и явлений – признаки, существенные с точки зрения того или иного коллектива, социальной или профессиональной группы, территориального сообщества, всего народа и т. п.» [Мартинovich 2006: 167–168].

3. По способу выражения значений: содержание научного понятия определяется через дефиницию [Касевич 1990: 19], а смысл обыденного понятия определяется через слово обыденного языка и через его лексическое значение, т. е. имеет прямое языковое выражение. При этом лексическое значение не равно лексикографическому: это «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семан-

тических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Попова, Стернин 2007: 66].

Итак, в научной картине мира единицами выступают научные/специальные понятия и между ними выстраиваются четкие логические отношения. В наивной картине мира нет места четкой логике и строго определенным понятиям. Ее основа – обыденные понятия, которые не всегда четко противопоставлены друг другу.

Взаимовлияние специальных и обыденных понятий

Поскольку наивные понятия ориентированы на человека и являются частью его картины мира, то в них отражаются все существенные для человека знания, в том числе и специальные. Рассматривая структуру лексического значения слова, И.А. Стернин выделяет несколько разрядов сем, среди которых, в частности, присутствуют системные, групповые и личностные семы: системные семы – это семы, общие для всех говорящих, отражающие важные для всех носителей языка признаки; групповые семы – это семы, которые включаются в состав понятия/лексического значения определенными группами людей; личностные семы – это семы, характерные для отдельных индивидов [Стернин 1985].

Наибольший интерес представляют в этом плане, с нашей точки зрения, групповые семы: именно они отражают опыт группы, и характерно, что И.А. Стернин прежде всего называет в качестве групповых семы научные и профессиональные [там же]. Входя в состав понятия, научные/специальные семы вносят в него элементы научной/специальной картины мира, поэтому понятия в сознании говорящих могут не строго различаться как наивные/бытовые vs научные/специальные – отношения между научным и обыденными понятиями могут быть более сложными: они могут совмещаться в рамках одной единицы, включая отдельные семы как обыденных, так и специальных понятий.

С нашей точки зрения, может происходить не только включение сем специальных понятий в обыденное понятие, но и обратный процесс – включение сем обыденных понятий в специальное понятие. Обычно это происходит в таких случаях, когда функционирование специального языка выходит за пределы его социальной базы, т.е. специальным языком по той или иной причине пользуются широкие слои населения. Именно так обстоит дело с юридическим языком: его функция – регулировать общественные отношения в разных сферах жизни, поэтому пользуются им не только собственно юристы, но все люди, которым приходится в разных ситуациях сталкиваться с юридическим оформлением каких-либо отношений: семейных, трудовых, гражданских и т. п. Практически все люди в течение своей жизни неоднократно сталкиваются с различными типами договоров, актов и других юридических документов, в которых используются юридические термины. В сознании носителей языка эти термины преобразуются: некоторые компоненты юридических понятий не принимаются во внимание, но вносятся другие компоненты – семы, характерные для обыденных понятий, соотносенных со специальными.

Процесс взаимодействия специальных и обыденных понятий, при котором признаки этих понятий перемешиваются в сознании носителей языка, мы предлагаем называть гибридизацией понятий, а результат этого процесса, т. е. понятие, совмещающее в себе компоненты специального и обыденного, – гибридным понятием.

Структура гибридных понятий, закреплённая за специальными юридическими терминами в сознании носителей языка с разными социальными характеристиками, и стала предметом исследования в данной работе.

Материал и методика исследования

Для исследования был проведен лингвистический эксперимент по наивному толкованию юридических терминов. Метод наивного толкования часто используется для выяснения структуры обыденных понятий [Балашова 2007; Высочина 2000; Доценко 1984; Обыденное метаязыковое сознание 2010; 2012 и мн. др.]. В качестве информантов выступили носители английского (32 чел.) и русского языков (32 чел.). Выборки информантов были сбалансированы по следующим социальным факторам: гендер, возраст (до 25 лет, старше 25 лет), образование (среднее, высшее) и специальность (юридическая, техническая, филологическая, гуманитарная).

Носителям английского и русского языков предлагалось определить значение выбранных нами терминов. Эксперимент проводился в виде анкетирования. В анкету были включены термины семейного, трудового и гражданского права, так как эти отрасли частного права являются наиболее распространёнными и тесно связанными с жизнью людей, в связи с чем именно в этих отраслях права ожидается наибольшее влияние обыденного понятия на специальное.

Для английских информантов в качестве стимулов анкетирования был выбран 21 термин (по 7 из указанных отраслей права): термины семейного права – family ‘семья’, child ‘ребенок’, marriage ‘брак’, close relatives ‘близкие родственники’, divorce ‘развод’, acts of civil status ‘акты гражданского состояния’ и matrimonial property ‘совместная собственность супругов’; термины трудового права – forced labor ‘принудительный труд’, employee ‘работник’, employer ‘работодатель’, working overtime ‘сверхурочная работа’, wage ‘оклад’, employment contract ‘трудовой договор’, labor relations ‘трудовые отношения’; гражданское право Англии представлено терминами alienation of a share ‘отчуждение доли’, judicial procedure ‘судебный процесс’, state aid ‘государственная поддержка’, habitual residence ‘место проживания’, goods free of rights of third parties ‘товары, свободные от прав третьих лиц’, failure to perform duties the statutory period ‘невозможность исполнения обязательств в установленный законом срок’ и improper performance of the contract ‘неисполнение обязательств’.

Для русских информантов в качестве стимулов анкетирования были выбраны 33 термина, часть из которых соотносится с терминами, использованными при анкетировании англичан. Не полностью идентичные термины для анкетирования англичан и русских были выбраны сознательно: во-первых, они отражают специфику систем права каждой из стран, во-вторых, частотность терминов различна в разных странах. Семейное право в анкете на русском языке представлено терминами семья, ребенок, брак, близкие родственники, прекращение брака, прямая линия родства, боковая линия родства, степень родства, акты гражданского состояния, добросовестный супруг, совместная собственность супругов; трудовое право – терминами базовый оклад, принудительный труд, работник, работодатель, рабочее время, сверхурочная работа, сменная работа, тарифная ставка, трудовой договор, трудовые отношения, условия труда; гражданское право – терминами государственная регистрация, несостоятельность общества, отчуждение доли, судебный порядок, риск

случайной гибели имущества, товар, свободный от прав третьих лиц, неисполнение обязанности, установленный законом срок, недостаток товара, некомплектный товар, ненадлежащее исполнение договора.

Все термины, как английские, так и русские входят в число базовых для названных отраслей права и являются частотными в юридических документах; с явлениями, которые они обозначают, сталкиваются практически все люди; за словами, используемыми в этих терминах (как минимум за частью составного термина) закреплены не только специальные, но и бытовые понятия.

Всего в эксперименте было получено 1 792 реакции: 1 120 реакций русских респондентов и 672 реакции респондентов-англичан.

Полученный материал обрабатывался методом компонентного (семного) анализа. В полученных от респондентов толкованиях выделялись компоненты значения (семы), которые сопоставлялись с семами нормативных определений юридических терминов, что позволило разделить семы специальных понятий и семы бытовых понятий. Кроме того, производился количественный анализ сем как для всех реакций респондентов в совокупности, так и в зависимости от социальных параметров, заложенных в выборке информантов: гендера, возраста, образования и специальности.

Качественный и количественный анализ материала

Рассмотрим в качестве примера анализ толкований термина marriage 'брак' респондентами-англичанами (см. табл. №1). Правовое определение термина marriage – a legally accepted relationship between two people in which they live together 'юридически закрепленные отношения между двумя людьми, при которых они живут вместе'. Основными семами данного толкования являются «legally», «to accept», «relationship», «pair», «people», «to live», «together» (выделены в таблице серым фоном). Примеры толкований термина marriage носителями языка – a man and a woman living together; relationship between a man and a woman as they live together; two people that live together in a legally accepted relationship и т. п.

Таблица №1

Частота сем в толкованиях термина marriage в зависимости от социальных параметров информантов, %

СЕМЫ	Всего	Социальные факторы									
		Гендер		Возраст		Образование		Специальность			
		Мужчины	Женщины	До 25 лет	После 25 лет	Высшее	Среднее	Юридическая	Техническая	Филологическая	Гуманитарная
Relationship	68,8	56,3	81,3	75,0	62,5	56,3	81,3	75,0	62,5	62,5	75,0
Pair	56,3	87,5	37,5	56,3	68,8	68,8	56,3	62,5	62,5	62,5	62,5
Man	56,3	56,3	68,8	75,0	50,0	50,0	68,8	75,0	37,5	50,0	62,5

Woman	56,3	43,8	68,8	75,0	37,5	37,5	75,0	75,0	37,5	50,0	62,5
Husband	37,5	50,0	25,0	78,1	40,6	78,1	40,6	25,0	37,5	50,0	37,5
Wife	37,5	31,3	43,8	50,0	25,0	50,0	25,0	25,0	37,5	50,0	37,5
Legally	31,3	31,3	31,3	18,8	43,8	37,5	25,0	75,0	12,5	12,5	25,0
People	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	12,5	12,5	12,5
To live	21,9	25,0	18,8	25,0	18,8	18,8	25,0	12,5	25,0	25,0	25,0
Together	21,9	25,0	18,8	25,0	18,8	18,8	25,0	12,5	25,0	25,0	25,0
Accepted	18,8	18,8	18,8	18,8	18,8	18,8	18,8	50,0	0,0	12,5	12,5

Семь, которые повторялись не менее чем в 50% ответов респондентов, считались ядерными (выделены в таблице жирным шрифтом).

Как видно из таблицы № 1, в ядро понятия marriage, которое сформировано в сознании группы респондентов, попадают только 2 семы правового понятия: «relationship» (68,8%) и «pair» (56,3%), остальные 5 сем оказываются малосущественными для носителей языка: частота их использования в большинстве случаев не превышает 30%. Интересно, что сема «legally» актуальна только для 31,3% информантов, а сема «to accept» оказалась самой нечастотной (18,8%), т. е. в целом можно считать, что брак не воспринимается в современном английском обществе как в обязательном порядке юридически закрепленные отношения.

Кроме того, в ядро понятия marriage включаются очень важные для носителей языка семы «man» (56,3%) и «woman» (56,3%). Довольно частотными в толкованиях респондентов оказываются также семы «husband» и «wife» (по 37,5%). При этом семы «man/woman» и «husband/wife» в некоторых случаях одновременно присутствовали в толковании термина marriage, а в некоторых случаях выступали как синонимы; в целом они используются в 75% толкований. Следовательно, мы наблюдаем несовпадение между действующим юридическим определением термина marriage и тем понятием, которым пользуются респонденты.

Наблюдаются отличия в понимании данного термина в зависимости от социальных параметров информантов (см. табл. 1).

Ядра понятия marriage у мужчин и женщин значительно отличаются. Мужчины в своих толкованиях опираются на две семы правового понятия «relationship» и «pair», а также на семы бытового понятия «man» и «husband» (при этом семы «woman» и «wife» не вошли в ядро понятия у мужчин). Женщины же гораздо реже используют сему «pair» (она не попадает в ядро понятия у женщин), однако часто актуализируют семы «man» и «woman». Таким образом, мы видим, что у мужчин понятие marriage реализуется как гендерно ориентированное: из двух сторон, заключивших брак, они называют только одну, которая состоит в отношениях с абстрактной парой; женщины же подчеркивают, что брак – это отношения между мужчиной и женщиной.

Ядро толкования у респондентов младше 25 лет включает в себя шесть сем: две семы правового понятия – «relationship», «pair» и четыре семы бытового – «man», «woman», «husband», «wife». У респондентов старшей возрастной группы ядро содержит лишь две семы правового понятия («relationship», «pair») и одну сему бытового («man»). Из этого следует, что для респондентов старше 25 лет по-

нятие marriage близко понятию у мужчин, без дифференциации ролей в браке, в то время как респонденты до 25 лет видят важность этих отношений именно как отношений мужчины и женщины в социальных ролях мужа и жены.

У людей с высшим образованием, в отличие от респондентов со средним образованием, в ядре толкования содержатся семы «husband» и «wife» и не содержится, в свою очередь, сема «woman», а сема «man» менее актуальна, чем все предыдущие. Кроме того, хотя сема «relationship» входит в ядро понятий обеих групп, для людей без высшего образования она значительно актуальнее (81,3% против 56,3%). Лица со средним образованием указывают не на социальные роли находящихся в браке людей, а только на их половую принадлежность.

Юристы при толковании термина marriage продемонстрировали понятие, наиболее близкое юридическому: в ядре содержатся 6 сем, 4 из которых принадлежат правовому определению и две – бытовому понятию («man», «woman»). Только у респондентов-юристов в ядре понятия содержатся такие семы, как «legally» и «asserted», которые демонстрируют правовую природу понятия marriage. Специалисты технических специальностей достаточно часто упоминают всего лишь две семы юридического понятия («pair» и «relationship»). Филологи одинаково часто актуализируют семы «man/woman» и «husband/wife», в то время как иные гуманитарии делают упор только на семы «man» и «woman», а семы «husband» и «wife» у них не попадают в ядро понятия, т. е. для филологов более важным оказалось определение ролевого статуса участников брака.

Подобный анализ был проведен для толкований всех терминов, полученных от обеих групп респондентов.

В целом исследование понимания юридических терминов носителями разных языков, английского и русского, показало, что наблюдается разница в структурах понятий, которые формируются на базе юридических терминов в сознании у англичан и русских (см. табл. № 2).

Таблица №2

Соотношение общего числа сем и количества сем обыденных понятий в толкованиях терминов в зависимости от языка и отрасли права

Слово	Общее количество сем	Количество сем обыденных понятий		Количество сем в ядре	Количество сем обыденных понятий в ядре	
		Абс.	%		Абс.	%
Английский язык						
Семейное право	10,0	4,0	40,9	3,6	1,4	48,4
Трудовое право	10,1	3,9	39,2	4,4	1,9	40,5
Гражданское право	9,7	3,9	33,7	1,7	0,3	28,6
Русский язык						
Семейное право	21,5	15,4	69,0	1,2	0,5	27,3
Трудовое право	24,4	16,9	65,6	1,5	0,4	18,2
Гражданское право	26,8	18,5	68,4	0,4	0,2	18,2

Оказалось, что количество сем, которые используются русскими для описания понятия в 2–2,5 раза больше, чем количество сем, используемое англичанами. Однако в ядрах понятий наблюдается обратная картина: количество сем у англичан в ядре больше, чем у русских. Во всех отраслях права, кроме гражданского, англичане формируют достаточно детализированное ядро понятия, которое основывается на 3–4 семах. Для терминов гражданского права ядро оказывается основанным всего на 1–2 семах. У русских информантов в ядре понятия оказывается очень мало сем (одна или менее) вне зависимости от отрасли права, хотя у терминов гражданского права также, как и у англичан, количество сем в ядре минимально. При этом для большинства терминов гражданского права у русских информантов вообще не выделяется ядра понятия.

На рисунке № 1 показано, что форма распределения количества сем в ядрах понятий в зависимости от отраслей права примерно одинакова как для русского, так и для английского языков и их носителей, однако уровень кривой значительно ниже у носителей русского языка. Наиболее детализированные ядра понятий образуются у терминов трудового права, чуть меньшее количество признаков включают ядра понятий семейного права. Это закономерно, поскольку трудовые отношения обычно включают большее количество аспектов, чем семейные. Ядра понятий гражданского права у англичан основываются на минимальном количестве признаков (1–2 семы), т. е. реально в них включаются только область, к которой относится понятие, и/или предмет обозначения. У русских информантов ядра понятий гражданского права чаще всего не формируются в принципе: гражданское право оказывается той отраслью, о которой русские информанты имеют наименее четкие и в то же время в значительной степени индивидуальные представления.

На материале толкований юридических терминов респондентами-англичанами прослеживается тенденция более сильной гибридации понятий в отраслях права, связанных с обыденной жизнью: у англичан в понятиях семейного права наблюдается несколько более сильная гибридизация, чем в понятиях трудового права, а в понятиях трудового права – чуть более сильная, чем в понятиях гражданского (рис. № 2а). Эта тенденция усиливается и становится явной, когда мы рассматриваем только ядра понятий (рис. № 2б).

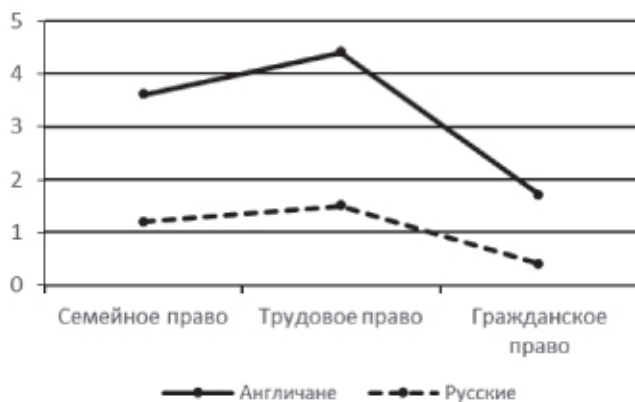
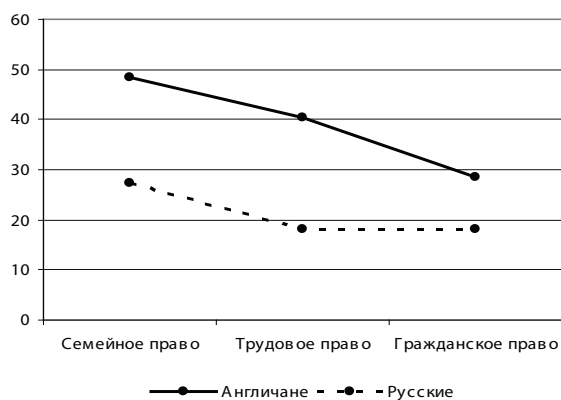
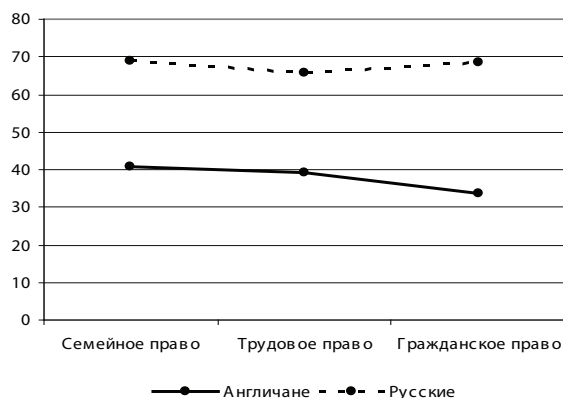

Рисунок № 1. Количество сем в ядрах понятий семейного, трудового и гражданского права

а б
Рисунок № 2. Процент сем обыденных понятий:
а – в общем количестве сем, б – в ядре

У русских гибридикация понятий значительно сильнее, чем у англичан: частотность сем обыденных понятий в толкованиях достигает 70%. Это можно объяснить историей российского права и тем, что многие юридические термины совпадают с общеупотребительными словами. При этом особой разницы в гибридикации понятий между отраслями права не наблюдается, хотя можно отметить несколько меньшую гибридикацию у понятий трудового права (рис № 2а). В ядре понятий, напротив, гибридикация значительно слабее у русских информантов (рис. № 2б). Это обусловлено тем, что у русских практически не выделяется обширного ядра понятий. При включении в ядро одной семы (а именно эта ситуация наиболее частотна для всех отраслей права), оно оказывается не гибридизированным, а либо специальным, либо обыденным. Тем не менее, чаще всего семы обыденных понятий включаются в ядро понятий семейного права, в то время как ядра понятий отраслей гражданского и трудового права в этом смысле не отличаются друг от друга.

Социальные факторы влияют на формирование структуры понятий, на включение в них специальных и обыденных сем, а также на объем и на состав ядра понятия. При этом социальные факторы действуют на каждое конкретное понятие по-разному, но в целом можно выделить общие тенденции, затрагивающие ту или иную отрасль права у англичан и русских.

Наиболее сильным фактором, оказывающим влияние на гибридикацию понятий во всех отраслях права и у англичан, и у русских оказывается «специальность». Это ожидаемый результат, поскольку материалом исследования являлись именно специальные понятия. Предполагалось, что наименьшей гибридикации будут подвергаться понятия у юристов как у специалистов в данной области, однако результаты исследования показали, что гибридикация у юристов (как у англичан, так и у русских) зачастую не меньше, а иногда и больше, чем у информантов других социальных групп (см. табл. № 3). Этот результат показывает, что специалисты так же, как и другие носители языка, подвержены влиянию обыденного сознания.

Вторым по значимости фактором оказался фактор «возраст»: у англичан он влияет на гибридикацию терминов во всех исследованных отраслях права, а у русских – в двух: семейном и гражданском.

Для русских важным фактором является фактор «гендер»: ядра понятий трудового и гражданского права у русских информантов-женщин гибридизированы значительно сильнее, чем ядра понятий этих же отраслей права у мужчин. У англичан данный фактор «работает» для понятий гражданского права: в этом случае также оказывается, что ядра понятий женщин гибридизированы сильнее.

Фактор «образование» оказывает влияние на гибридикацию понятий реже всех остальных: в области трудового права у англичан и в области гражданского права у русских.

Выводы

Введение термина «гибридное понятие» позволяет углубить представления о взаимодействии структур знания и картин мира в сознании человека. Структура понятий в сознании человека зависит от множества факторов и включает в себя как компоненты специальных понятий, так и компоненты понятий обыденных.

Гибридные понятия, сформированные на базе юридических терминов у носителей языка, зависят от истории и особенностей специального языка, т. е. от

Таблица №3

Соотношение общего числа сем и количества обыденных сем в ядре понятий терминов в зависимости от языка, отрасли права и социальных параметров информантов, %

Отрасль права	Социальные факторы									
	Гендер		Возраст		Образование		Специальность			
	Мужчины	Женщины	До 25 лет	После 25 лет	Высшее	Среднее	Юридическая	Техническая	Филологическая	Гуманитарная
Английский язык										
Семейное право	69,0	66,5	63,6	55,2	58,4	62,9	42,0	35,7	50,6	40,6
Трудовое право	13,1	11,9	14,8	10,5	12,9	26,2	9,5	14,3	17,3	12,9
Гражданское право	0,0	10,7	0,0	10,7	3,6	0,0	15,5	0,0	3,6	7,1
Русский язык										
Семейное право	18,2	15,9	13,6	20,5	15,2	18,2	17,4	9,1	31,1	33,3
Трудовое право	18,2	31,8	18,2	18,2	27,3	25,8	31,8	12,1	21,2	37,1
Гражданское право	25,0	42,9	42,9	25,0	11,1	57,1	41,7	80,0	75,0	22,2

широкого культурного контекста функционирования специального языка в рамках национального. Особенности правовых систем и юридических языков в Англии и в России влияют на понимание носителями языка сопоставимых юридических терминов.

Помимо общенациональных аспектов на формирование гибридных понятий оказывают влияние и социальные факторы, такие как специальность, гендер, возраст и образование, при этом ключевым фактором выступает в данном случае специальность. Исследование показало, что у юристов, как и у других носителей языка, формируются гибридные, а не собственно специальные понятия. Этот факт доказывает единство специальной и обыденной картин мира вне зависимости от отношения человека к специальной области. Сильнее всего гибридизация понятия проявляется у филологов, независимо от языка общения. Как в Англии, так и в России, в структуру понятий, полученных от филологов, входит наибольшее количество сем из обыденных понятий, которые тесно переплетаются с семами правового определения юридического термина. Схожая ситуация наблюдается и у представителей иных гуманитарных специальностей. Иной процесс гибридизации наблюдается у технических специалистов: их понятия содержат наименьшее количество сем как обыденного, так и правового понятия; они используют емкие понятия, описывающие суть юридического термина при помощи общеупотребительной лексики, и не вдаются в детали, даже существенные.

В исследовании была установлена взаимосвязь между близостью отрасли права к повседневной жизни человека и степенью гибридизации понятий: чем ближе отрасль права к повседневной жизни, чем чаще сталкиваются с этой сферой люди, тем выше степень гибридизации понятий терминов, обслуживающих эту сферу права. Степень гибридизации понятий в семейном праве наиболее высока, тогда как в гражданском праве она сравнительно низка и характеризуется другими закономерностями. Трудовое право, в свою очередь, представляет собой промежуточный уровень в гибридизации юридических понятий.

В целом можно утверждать, что в сознании людей происходит гибридизация понятий специального юридического языка, которая заключается в смешивании специальных и наивных понятий, фиксируемых терминами и словами обыденного языка. Данный процесс обусловлен рядом причин – от истории развития общества, до конкретных социальных факторов, влияющих на отдельно взятого индивида. Специальность, пол, возраст, образование – лишь малая часть таких социальных факторов, однако именно они оказывают наиболее явное влияние на понимание и толкование специальных терминов юридического языка в Англии и России.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974. 367 с.

Балашова Е.А. Наивная картина мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (опыт исследования четырех фрагментов) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 178 с.

Воробьева М.Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 24 с.

Высочина О.В. Иностранное слово в языковом сознании носителей русского языка // Языковое сознание: содержание и функционирование: тез. докл. XIII Междунар. симпози. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С. 115–157.

Доценко Т.И. Осознание и объяснение синтаксических дериватов в речевой деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 16 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. М.: Наука, 1990. С. 8–25.

Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык: 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 282 с.

Кошелев А.Д. О языке психолингвистики // Разумное поведение и язык. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып 1.: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. С. 21–40.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 16–21.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Мартинович Г.А. Бытовое понятие и его роль в развитии системы значений многозначного слова // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачевские чтения. СПб., 2006. С. 167–169.

Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты: коллект. монография / отв. ред. Н.Д. Голев; Кемеровск. гос. ун-т. Кемерово, 2010. Ч. 3. 459 с.

Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллект. монография / отв. ред. Н.Д. Голев; Кемеровск. гос. ун-т. Кемерово, 2012. Ч. 4. 481 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 216 с.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещ. СССР, 1958. 536 с.

Садыкова М.А. Сопоставление понятий «картина мира» и «модель мира»: архетип – миф – религия – наука // Современные проблемы науки и образования. 2007. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/15-397> (дата обращения: 11.01.2016).

Степин В.С. Научная картина мира // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 32–34.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 172 с.

Урысон Е.В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.

HYBRIDIZATION OF SPECIAL AND COMMON CONCEPTS (BASED ON LEGAL TERMS COMPREHENSION)

Elena V. Erofeeva

head of theoretical and applied linguistics,
Perm state national research university,
ul. Bukireva 15, Perm, 614090, Russia
e-mail: elenerofee@gmail.com

Timur S. Nizgulov

Claims Consultant,
administration of Perm City, Department of Property Relations
ul. Sibirskaya, 14, Perm, 614000, Russia
e-mail: tnizgulov@mail.ru

The paper deals with blending components of special and common concepts in native speakers' consciousness. The issue is studied by means of psycholinguistic experiment.

The material is naïve interpretation of Russian and English legal terms by Russian and English native speakers as dependent on the social parameters “gender”, “education”, “speciality”. Qualitative and quantitative componential analysis of naïve interpretations demonstrates that semantic components of special and common concepts are blended in native speakers’ conscience. This process is called concepts hybridization, while its results are considered as hybrid concepts. The paper shows that the structure of a hybrid concept depends on social parameters of informants; the most important of which is the “speciality” parameter.

Keywords: legal language, special concepts, common concepts, concept hybridization, a hybrid concept, semes, structure.

References

Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskije sredstva yazyka) [Lexical Semantics (synonymous means of language)]. Moscow: Nauka, 1974. 367 p.

Balashova E.A. Naivnaya kartina mira russkikh i slovencev po dannym obydennykh tolkovaniy slov (opyt issledovaniya chetyreh fragmentov) [The naive world view of Russians and Slovenes according to naive explanation of the word (first effort of researching four fragments)]. Perm, 2007. 178 p.

Vorobjeva M.E. Interpretacionnoje funkcionirovanije yuridicheskogo yazyka v obydennom soznanii (na materiale tolkovaniy yuridicheskikh terminov ryadovymi nositelyami russkogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Legal language interpretive functioning in everyday consciousness (based on the interpretation of legal terms by ordinary Russian speakers: abstract of PhD thesis)]. Kemerovo, 2014. 24 p.

Vysochina O.V. Inostrannoje slovo v yazykovom soznanii nositelej russkogo yazyka [Foreign words in language consciousness of native Russian speakers] // Yazykovoje soznaniye: sodержaniye i funkcionirovanije: tez. dokl. XIII Mezhdunar. simpoz. po psikholingvistike i teorii kommunikacii [Language consciousness: content and functioning: abstracts of XIII International symposium on psycholinguistics and theory of communication]. Moscow, 2000, pp. 115–157.

Docenko T.I. Osoznaniye i obyasneniye sintaksicheskikh derivatov v rechevoj deyatel’nosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Understanding and definition of syntactic derivatives: abstract of PhD thesis]. Leningrad, 1984. 16 p.

Karasik V.I. Yazykovoje krug: lichnost’, koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 390 p.

Kasevich V.B. Yazyk i znaniye [Language and knowledge] // Yazyk i struktura znaniya [Language and knowledge structure]. Moscow: Nauka, 1990, pp. 8–25.

Kasevich V.B. Buddizm. Kartina mira. Yazyk [Buddhism. World view. Language.]. St. Petersburg, 2004. 282 p.

Koshelev A.D. O yazyke psikholingvistiki [On the language of psycholinguistics] // Razumnoe povedenie i yazyk [Language and reasoning]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2008, V. 1.: Kommunikativnyje sistemy zhivotnykh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka [Animal Communication and Human Language. Language origins], pp. 21–40.

Kubryakova E.S. et al. Kratkij slovar’ kognitivnykh terminov [A short dictionary of cognitive terms] / E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.G. Pankrac, L.G. Luzina. Moscow, 1997. 245 p.

Leontjev A.A. Yazykovoje soznanije i obraz mira [Language consciousness and the world image] // Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost' [Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow, 1993, pp. 16–21.

Leontjev A.A. Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Smysl, 1997. 287 p.

Martinovich G.A. Bytovoje ponyatiye i jeho rol' v razvitii sistemy znachenij mnogoznachnogo slova [Everyday concept and its role in the development of a polysemantic word meanings system] // Gumanitarnyje problemy sovremennoj civilizacii: VI Mezhdunar. Likhachevskije chteniya [The humanitarian problems of modern civilization: VI International Likhachev Readings]. St. Petersburg, 2006, pp. 167–169.

Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskij i gnoseologicheskij aspekty [Everyday metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects] / ed. by N.D. Golev. Kemerovo, 2010. V. 3. 459 p.

Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskije i gnoseologicheskije aspekty [Everyday metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects] / ed. By N.D. Golev. Kemerovo, 2012. V. 4. 481 p.

Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad, 2007. 314 p.

Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira [The role of the human factor in language: Language and the world view] / ed. by B.A. Serebrennikov. Moscow: Nauka, 1988. 216 p.

Potebnaya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From papers on Russian grammar]. Moscow: Gos. ucheb.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshh. SSSR, 1958. 536 p.

Sadykova M.A. Sopostavlenije ponyatij «kartina mira» i «model' mira»: arkhetyp – mif – religiya – nauka [Comparison of concepts “world view” and “world model”: archetype – myth – religion – science] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education], 2007, № 3. [Electronic resource]. URL: <http://www.science-education.ru/15-397> (data obrashheniya: 11.01.2016).

Stepin V.S. Nauchnaya kartina mira [Scientific world view] // Novaya filosofskaya enciklopediya [New Encyclopedia of Philosophy]. Moscow: Mysl', 2010, v 3, pp. 32–34.

Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi [Lexical meaning in speech]. Voronezh: Voronezh University pub., 1985. 172 p.

Uryson E.V. Yazykovaya kartina mira vs obixodnye predstavleniya (model' vospriyatiya v russkom yazyke) [Linguistic world view vs the everyday representations (perceptual and understanding model in Russian)] // Voprosy yazykoznanija [Issues of linguistics], 1998, № 2, pp. 3–21.

**СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ О РОССИИ
НА ОСНОВЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР**

Зарипов Руслан Ирикович

Начальник группы

Центра (лингвистического) МО РФ Военного университета
117546, г. Москва, ул. Харьковский проезд, д. 7, к. 1, кв. 150

e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru

Настоящая статья посвящена основным способам создания стереотипов образа России и оказания метафорического манипулятивного воздействия на реципиента. Методология исследования сложилась под влиянием теории метафорического моделирования и дескрипторной теории метафоры, а также опирается на достижения научного направления, сложившегося на кафедре французского языка Военного университета Министерства обороны РФ и занимающегося изучением языковых средств манипуляции во французском военно-политическом дискурсе. Используются методы когнитивно-дискурсивного и контекстуального анализа, моделирования, а также лингвостатистический метод.

Кроме обычного отождествления объекта действительности с создаваемым образом существует и иной, скрытый способ изменения ценностной картины мира реципиента. Он заключается в создании такого метафорического выражения, в котором сравнение объектов завуалировано, что значительно усложняет процесс «дешифровки» образа России и манипулятивного посыла сообщения.

Ключевые слова: метафора, образ России, стереотип, манипулятивное воздействие, реципиент.

На стилистическом уровне языка одним из главных языковых средств политической и идеологической ориентированности выступает метафора. Она играет одну из ключевых ролей в формировании ложных стереотипов и предвзятых образов действительности.

В результате анализа более 400 политических текстов ведущих печатных и электронных французских средств массовой информации и более 2000 метафорических словоупотреблений, относящихся к сфере-мишени «Россия» [Зарипов 2015: 7], мы пришли к выводу, что в текстах политического дискурса манипулятивный потенциал метафор сознательно используется для переконцептуализации картины мира адресата. В современных условиях нарастающего геополитического противостояния и ведущейся против России информационной войны представляется особенно актуальным проанализировать способы формирования у аудитории стереотипных образов нашей страны на основе политических метафор. Стереотип как схематизированное, упрощенное представление о фрагменте действительности [Романов 2015: 30] выступает весьма удобным инструментом в руках политтехнологов, так как способствует передаче односложной образно-метафорической информации.

Первый способ может быть определен как прямое отождествление объекта действительности с создаваемым образом. Как правило, оно вводится через сравнительные обороты «как», «будто» и т.п., а также без них. В этом случае разгадать фактический манипулятивный посыл автора сообщения практически не составляет труда:

Таблица №1

Фактический манипулятивный посыл метафор образа России

№ п/п	Пример метафорического выражения образа России	Фактический манипулятивный посыл
1	“So, in your discussions of the nuclear freeze proposals, I urge you to beware the temptation of pride – the temptation of blithely declaring yourselves above it all and label both sides equally at fault, to ignore the facts of history and aggressive impulses of an evil empire , to simply call the arms race a giant misunderstanding and thereby remove yourself from the struggle between right and wrong and good and evil” [URL: http://www.web.archive.org/web/20040609055415/http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm]	СССР – это империя зла
2	«Сегодня Россия приходит на Восток не как завоеватель и поджигатель, но как спасительница, как последняя надежда сирийского народа, восточных христиан и самого ислама...» [URL: http://www.portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/121825-rossiya-kak-spasitel-islama/]	Россия – это спасительница ; Россия – это последняя надежда
3	“Soutenue sans faille par son parrain russe et son plus proche allié, l’Iran, la Syrie est le théâtre principal d’un vaste affrontement régional et religieux: sunnites (les majoritaires de l’islam) contre chiites (les minoritaires)” [URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2015/10/01/la-coalition-suggeree-par-poutine-pour-venir-a-bout-de-l-ei-est-une-posture-rhetorique_4779146_3232.html]	Россия – это крестный отец Сирии

В приведенных примерах причина использования прямых метафорических сравнений образа России кроется в желании автора сообщения создать в информационном пространстве новый яркий штамп или поддержать в сознании реципиента уже существующее, устойчивое клише (часто негативное). Для средств массовой информации характерно повторение и воспроизведение негативных этнических стереотипов [Губина 2011: 165]. Расчет делается на бесконечное повторение этих метафор, которые затем становятся настоящими стереотипами, а некоторые из них – практически неотъемлемыми, «приклеенными» характеристиками. Яркий тому пример – выражение «СССР – это империя зла», которое теперь трансформиро-

валось в западных СМИ в «Россия – это империя зла» [URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130312/206876584.html>]. Другой стереотип, образованный на основе метафорического сравнения в книге А. де Кюстина [Le Marquis de Custine 1843]: «Россия – это тюрьма народов» [URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kyustin.php]. Учитывая, что он появился еще в далеком 1839 году и живет в умах многих людей до сих пор, можно уверенно сделать вывод о том, что нашу страну целенаправленно стремятся метафорически приравнять к тюрьме [Зарипов 2015: 171-173].

Отметим, что в политическом дискурсе не всегда используют образно-метафорическую информацию подобным образом. В ряде случаев вместо того, чтобы навязывать реципиенту определенный образ, раскрывая тем самым свое истинное отношение к действительности, субъект речи предпочитает *второй способ*, в котором отсутствует прямое отождествление объекта действительности с каким-либо образом. В этом случае субъект речи в какой-то мере маскирует манипулятивный посыл сообщения и, только приложив серьезные интеллектуальные усилия, реципиент может вскрыть подлинные намерения, мотивы и цели отправителя сообщения. Однако реципиент не всегда утруждает себя этой «лишней» работой, забывая о том, что концептуальные и мотивационные установки *volens-nolens* воспринимаются его подсознанием. В этом и заключается манипулятивный потенциал метафоры: в способности изменить ценностную картину мира реципиента *незаметно* для него самого.

Рассмотрим различные примеры «сокрытия» фактического манипулятивно-го посыла сообщения. Как правило, его дешифровка занимает две-три операции. Для большей наглядности и лучшего понимания здесь нами представлен только русскоязычный материал:

Таблица №2

Фактический манипулятивный посыл метафор образа России

№ п/п	Метафорическое выражение образа России	Фактический манипулятивный посыл
1	«Но Сирия, где война носит не гибридный, а яркий религиозный характер (сунниты против шиитов) окончательно утопит путинский режим не позднее 2017 года» [URL: http://www.unian.net/world/1139443-siriyskiy-kapkan-dlya-putina.html]	Россия – это труп
2	«Во-первых, конечно, кто бы ни придумал это вмешательство в сирийский конфликт, это сделано гениально. Одним махом мы преодолели международную изоляцию. После выступления нашего главы государства в ООН Обама и все остальные онемели. Они не могут оттолкнуть его. Там пожар, и прибежали русские с ведрами и шлангами, и начали тушить его , а все остальные стояли, разинув рты... Может быть, кому-то он не очень нравится, но ты же не оттолкнешь его от огня и не запретишь тушить » URL: [http://www.rusnovosti.ru/posts/390362].	Россия – это пожарный

3	«В стране должна быть власть, которая основана на гражданах, а не на ресурсе. Сейчас ресурсно-вотчинное государство, а не гражданское. У нас боярин сидит, правит ресурсом, своей вотчиной, людишки несут ему меха, как в XVI веке » [URL: http://www.rusnovosti.ru/posts/391488]	Россия – это феодалное государство
4	«– Казалось бы, россияне и так все его. Крым их, то есть наш. То есть их. – Вот смотри, надо теперь новую погремушку . Надо перед лицом этого телезрителя трясти, эту погремушку убрали , теперь трясем другой... Погремушка, которой трясли вчера, ее уже нет. Ее убрали . Мы о ней забыли. Мы выпили еще и радуемся новой погремушке . Теперь Сирия» [URL: http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1632160-echo/]	Российский телезритель – это ребенок

В первом примере сообщается, что операция в Сирии «утопит путинский режим». Мы не принимаем в расчет откровенно русофобский и циничный характер приводимого примера (отмечая, однако, совершенную фантастичность и безосновательность его содержания). Крайнюю озабоченность вызывает тот факт, что подобные материалы публикуются на сайте одного из ведущих информационных агентств Украины, который каждый день открывают сотни тысяч человек. Именно поэтому наша задача состоит в определении тех концептуальных и мотивационных установок, которые «зашифрованы» в метафорических выражениях образа России и оказывают выгодное адресанту манипулятивное воздействие на адресата.

Во-первых, в русских политических текстах термин «режим», как правило, выполняет пейоративную функцию и несет отрицательную окраску, ассоциируясь с такими правителями, как Гитлер, Муссолини и т.д., обычно имея свойства дисфемизма. Несмотря на то, что режим может быть демократическим, гораздо чаще с этой лексемой употребляются прилагательные «авторитарный», «диктаторский», «монархический», «олигархический» и др. Например, понятием «режим» характеризуется государственный строй России («путинский режим»), Сирии («режим Асада»), Ливии («режим Каддафи»), однако невозможно встретить словосочетания «режим Обамы», «режим Олланда», «режим Меркель»: «Мы страна без легитимной власти. Мы страна с режимом. Режим, узурпация власти. Политические заключенные. Ведется война на чужой территории» [URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1632160-echo/>].

Во-вторых, как уже было сказано, в процессе политической коммуникации рядовой реципиент привык упрощать усваиваемую информацию, поэтому в его сознании «путинский режим» отождествляется с самой Россией по принципу метонимии (Путин = Россия). Этому способствует тот факт, что за рубежом наша страна традиционно ассоциируется с главой государства, а у российских граждан президент пользуется наибольшим доверием [Барановский 2015: 124]. На это и рассчитывает отправитель сообщения. Следующим элементом «камуфлирования» зало-

женной информации, опять-таки с целью упрощения, является логический переход вида «утопит à убьет». Наконец, ввиду традиционности обозначения метафорической модели как тождества «X – это Y», где X и Y – существительные, определяется тот скрытый метафорический образ, который возникает в результате предикатно-объектного взаимодействия уже выявленных единиц «убить» и «Россия»: «убьет Россию à Россия – это труп». Таким образом, фактический манипулятивный посыл приведенного сообщения представляет собой единичное проявление метафорической модели «РОССИЯ – это ТРУП», обладающей ярко выраженным негативным, конфликтным и агрессивным потенциалом. Стоит отметить существенную концептуальную разницу между поверхностным («Путинский режим падет») и глубоким («Россия – это труп») пониманием сообщения, которое закладывается в подсознание реципиента.

Второй пример прозвучал из уст Э. Лимонова и касается роли России в решении сирийского кризиса. Отметим, что «сокрытие» фактического манипулятивного посыла сообщения происходит и в тех случаях, когда образ России оказывается положительным. Это обусловлено рядом обстоятельств, в том числе, и тем, что спонтанный характер разговорной речи не позволяет отправителю четко сформулировать свои мысли, способствуя образованию «невных» метафор. Тем не менее, их воздействие на получателя сообщения не подвергается никакому сомнению. Так, в данном случае в сознании реципиента формируется образ человека, прибежавшего с ведрами тушить пожар à «Россия – это пожарный». Очевидно, что подача информации через такую социоморфную метафору создает у реципиента иной, соответствующий действительности и российским национальным интересам взгляд на происходящее.

Как мы заметили, во втором типе метафор компонент Y практически отсутствует, его можно лишь «дешифровать» путем анализа всего выражения. Основой для «сокрытия» фактического манипулятивного посыла может быть метафора в узком понимании («У нас боярин сидит, правит ресурсом, своей вотчиной, людишки несут ему меха, как в XVI веке» à «феодальное государство», см. пример 3), метонимия («погремушка» à «ребенок», см. пример 4) и др. тропы.

В настоящее время одна из наиболее характерных тенденций формирования стереотипного образа России за рубежом наблюдается в русскоязычном информационном пространстве Украины, в котором стремятся создать криминальный образ России (криминальная метафорическая модель). Это значит, что в политических текстах встречается большое количество криминальных метафор образа России, из которых одна из самых ярких связана с глаголом «отжимать», например: «Россия официально **отжала**» севастопольский завод Порошенко» [URL: <http://www.unian.net/politics/1063361-rossiya-ofitsialno-otjala-sevastopolskiy-zavod-poroshenko.html>].

В данном случае фактический манипулятивный посыл скрыт в предикате. Глагол, который попал в политический дискурс из криминального жаргона и связан с разгулом преступности в России 90-х годов, означает «отобрать что-либо» [URL: <http://www.argo.academic.ru/3566>]. По сути, цепочка «дешифровки» манипулятивного посыла выглядит следующим образом: «Россия отжала» à «Россия – это гопник / шпана». Самыми безобидными синонимами здесь представляются лексема «грабитель» или выражение «уличный хулиган». Дешифровка заложенного

манипулятивного посыла говорит о том, что в упомянутом информационном пространстве целенаправленно формируется крайне негативный и агрессивный образ России как страны, которая может безо всяких причин «отжать» что-то у другого государства: будь то завод или целый полуостров. Более того, такая интерпретация событий полностью извращает истинные намерения и действия российского руководства в глазах украинского реципиента. Уточним еще раз: автор сообщения сознательно использует не такие «нейтральные» по своей окраске глаголы, как «отобрать», «захватить» или даже «аннексировать» (которые и так не соответствуют реалиям), а именно «отжать», пытаясь еще более очернить образ России.

В канву криминальных метафор образа России вписывается и высказывание нынешних украинских политиков. Так, например, А. Яценюк заявил: «Позвольте мне напомнить, что три миллиарда долларов – это была **политическая взятка** экс-президенту Януковичу от президента Путина за неподписание Соглашения об ассоциации с ЕС» [URL: <http://www.economics.unian.net/stockmarket/1081646-yatsenyuk-nazval-3-milliarda-politicheskoy-vzyatkoj-putina-yanukovichu.html>]. Вторит ему и П. Порошенко: «По моей личной оценке, это была **взятка**. При этом решение о выделении средств со стороны России было принято сразу же после того, как Янукович отказался подписывать соглашение об ассоциации с ЕС в Вильнюсе» [URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/58694>]. Зачем это делается? Ведь если «дешифровать» фактический манипулятивный посыл сообщения, то выходит следующее: «Кредит – это политическая взятка России» à «Россия – это взяткодатель», то есть нарушитель закона, а если еще конкретнее – преступник. Преподнося важную экономическую сделку между Россией и Украиной сквозь призму криминальной метафоры, украинские политики целенаправленно стремятся ее дискредитировать и создать как у своего, так и зарубежного (в том числе, российского) реципиента образ России как преступника, добивающегося своих целей путем нарушения закона. Таким образом, совокупность криминальных метафор образа России, формирующих в конечном счете соответствующую метафорическую модель в политическом дискурсе, представляет политические действия России как незаконные, а ее руководство – как преступное.

Процесс создания стереотипных суждений о России, основывающихся на политических метафорах, можно описать в виде трехзвенной цепи: метафора образа России à фактический манипулятивный посыл à стереотип. Например: «Там пожар, и прибежали русские с ведрами и шлангами, и начали тушить его» à «Россия – это пожарный» à «Россия наводит порядок». Последнее звено цепочки – сам стереотип – может содержать и экспрессивную лексику (один из вариантов: «Россия тушит пожар»). Фактический манипулятивный посыл, который скрытно присутствует в подсознании человека («Россия – это пожарный»), формирует стереотип, но сам не произносится, а лишь способствует «воспроизведению» последнего. В процессе коммуникации говорящим уже будет произноситься только третья часть цепи.

Итак, метафоры образа России в политическом дискурсе представляют собой эффективное средство создания этностереотипов. Формирование стереотипных образов может осуществляться открыто, с названием и многочисленным повторением конкретных объектов сравнения, или скрытно, через завуалированное сравнение, которое остается в подсознании реципиента. Использование того или

иною способа, а также их сочетание варьируется политтехнологами в зависимости от требований, стоящих перед актом коммуникации, и его конкретных целей и задач. Достижение результата гарантируется непрерывностью и системностью метафорического манипулятивного воздействия на реципиента через средства массовой информации.

Литература

Барановский М.В. Социальные отношения доверия в управлении воинским подразделением: дис. ... канд. соц. наук. Москва, 2015. 210 с.

Губина М.В. К вопросу о роли СМИ в формировании этнических стереотипов (на материале публикаций об иммигрантах из России в чешской прессе конца XX – начала XXI в.) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 4. С. 160-166.

Зарипов Р.И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 262 с.

Лимонов: Операцией в Сирии РФ одним махом превратилась в спасителя человечества // Русская служба новостей. URL: <http://www.rusnovosti.ru/posts/390362> (дата обращения: 15.10.2015).

Ольшанский на РСН: России не стоит поддерживать Лукашенко // Русская служба новостей. URL: <http://www.rusnovosti.ru/posts/391488> (дата обращения: 16.10.2015).

Особое мнение. Виктор Шендерович // Эхо Москвы. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1632160-echo/> (дата обращения: 16.10.2015).

Порошенко назвал кредит Украине «российской взяткой» // Вести. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/58694> (дата обращения: 28.10.2015).

Путинская Россия остается империей зла (“American thinker”, США) // ИноСМИ.ru. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130312/206876584.html> (дата обращения: 16.10.2015).

Романов А.С. Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира американских военнослужащих: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 215 с.

Россия официально «отжала» севастопольский завод Порошенко // УНИАН. URL: <http://www.unian.net/politics/1063361-rossiya-ofitsialno-otjala-sevastopolskiy-zavod-poroshenko.html> (дата обращения: 20.10.2015).

Рукомедта Р. Сирийский капкан для Путина // УНИАН. URL: <http://www.unian.net/world/1139443-siriyskiy-kapkan-dlya-putina.html> (дата обращения: 02.10.2015).

Румянцев В. Кюстин Адольф де // Хронос. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kyustin.php (дата обращения: 28.10.2015).

Словарь современной лексики, жаргона и сленга // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://www.arго.academic.ru/3566> (дата обращения: 20.10.2015).

Холмогоров Е. Россия как спаситель ислама // Культура. URL: <http://www.portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/121825-rossiya-kak-spasitel-islama/> (дата обращения: 02.10.2015).

Яценюк назвал \$3 миллиарда «политической взяткой» Путина Януковичу за отказ от ассоциации с ЕС // УНИАН. URL: <http://www.economics.unian.net/stockmarket/1081646-yatsenyuk-nazval-3-milliarda-politicheskoy-vzyatkoj-putina-yanukovichu.html> (дата обращения: 28.10.2015).

“La coalition suggérée par Poutine pour venir à bout de l’EI est une posture rhétorique” // Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2015/10/01/la-coalition-suggeree-par-poutine-pour-venir-a-bout-de-l-ei-est-une-posture-rhetorique_4779146_3232.html (дата обращения: 01.10.2015).

Le Marquis de Custine. La Russie en 1839. Т. I. Paris, 1843. 403 p.

President Reagan’s speech before the National Association of Evangelicals // Wayback Machine. URL: <http://www.web.archive.org/web/20040609055415/http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm> (дата обращения: 28.09.2015).

MAIN WAYS OF RUSSIA’S STEREOTYPING ON THE BASIS OF POLITICAL METAPHORS

Ruslan Ir. Zaripov

chief of Section

Center (linguistic) of the Ministry of Defense of the Russian Federation
150, 7-1, Kharkovskiy passage, Moscow, 17546
e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru

The article focuses on the main ways of Russia’s image stereotypization and metaphorical manipulative impact on a recipient. The research methodology is based on the metaphorical modeling theory and the metaphor descriptive theory as well as on achievements of the scientific direction formed in French language Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation and researching manipulative linguistic means in French politico-military discourse. Methods of a linguostatic, contextual, cognitive and discourse analysis as well as a modeling approach are used.

Except for usual identification between a real object and created image there exists another implicit way to change recipient’s axiological worldview. It creates such a metaphorical expression that conceals hidden comparison between two objects thus making a manipulative message and Russia’s image “decoding” process more complicated.

For students and post-graduate students specialized in philology, professional interpreters and translators as well as for tutors of foreign languages.

Keywords: metaphor, image of Russia, stereotype, manipulative impact, recipient.

References

Baranovskij M.V. Social'nye otnosheniya doveriya v upravlenii voinskim podrazdeleniem: dis. ... kand. soc. Nauk [Social trust in the management of the military unit]. Moskva, 2015. 210 s.

Gubina M.V. K voprosu o roli SMI v formirovanii ehnticheskikh stereotipov (na materiale publikacij ob immigrantah iz Rossii v cheshskoj presse konca XX – nachala XXI v.) [The role of the media in the formation of ethnic stereotypes (based on publications about immigrants from Russia to the Czech press the end of XX - beginning of XXI century.)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2011. № 4. S. 160-166.

Zaripov R.I. Kognitivnye aspekty metaforicheskogo modelirovaniya v politicheskom diskurse (na materiale francuzskih politicheskikh metafor obraza Rossii) [Cognitive Aspects of metaphorical modeling in political discourse (on the material of the French political metaphors image of Russia)]: dis. ... kand. filol. nauk. Mo-skva, 2015. 262 s.

Limonov: Operacij v Sirii RF odnim mahom prevratilas' v spasitelya chelovechestva [Operation in Russia Syria in one fell swoop into a savior of mankind] // Ruskaya sluzhba novostej. URL: <http://www.rusnovosti.ru/posts/390362> (data obrashcheniya: 15.10.2015).

Ol'shanskij na RSN: Rossii ne stoit podderzhivat' Lukashenko [Russia should not support Lukashenko] // Russkaya sluzhba novostej. URL: <http://www.rusnovosti.ru/posts/391488> (data obrashcheniya: 16.10.2015).

Osoboe mnenie. Viktor Shenderovich [Special opinion. Viktor Shendervich] // Ehkho Moskvu. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1632160-echo/> (data obrashcheniya: 16.10.2015).

Poroshenko nazval kredit Ukraine «rossijskoj vzyatkoj» [Poroshenko called the loan Ukraine «Russian bribe»] // Vesti. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/58694> (data obrashcheniya: 28.10.2015).

Putinskaya Rossiya ostaetsya imperiej zla [Putin's Russia is an evil empire] (“American thinker”, SSHA) // InoSMI.ru. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130312/206876584.html> (data obrashcheniya: 16.10.2015).

Romanov A.S. Yazykovye sredstva ehksplikacii ehnticheskikh stereotipov v kartine mira amerikanskih voennosluzhashchih [Language means explication ethnic stereotypes in the film American troops World]: dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2015. 215 s.

Rossiya oficial'no «otzhala» sevastopol'skij zavod Poroshenko [Russia officially «overcame» Sevastopol plant Poroshenko] // UNIAN. URL: <http://www.unian.net/politics/1063361-rossiya-ofitsialno-otjala-sevastopolskiy-zavod-poroshenko.html> (data obrashcheniya: 20.10.2015).

Rukomeda R. Sirijskij kapkan dlya Putina [Syrian trap for Putin] // UNIAN. URL: <http://www.unian.net/world/1139443-siriyskiy-kapkan-dlya-putina.html> (data obrashcheniya: 02.10.2015).

Rumyancev V. Kyustin Adol'f de [Kyustin Adol'f de] // Hronos. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kyustin.php (data obrashcheniya: 28.10.2015).

Slovar' sovremennoj leksiki, zhargona i slenga [The dictionary of contemporary language, jargon and slang] // Slovarei i ehnciklopedii na Akademike. URL: <http://www.argo.academic.ru/3566> (data obrashcheniya: 20.10.2015).

Holmogorov E. Rossiya kak spasitel' islama [Russia as the savior of Islam] // Kul'tura. URL: <http://www.portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/121825-rossiya-kak-spasitel-islama/> (data obrashcheniya: 02.10.2015).

Yacenyuk nazval \$3 milliarda «politicheskoy vzyatkoj» Putina YAnukovichu za otkaz ot associacii s ES [Yatseniuk called the \$ 3 billion Yanukovych Putin for giving up the association with the EU «political bribe»] // UNIAN. URL: <http://www.economics.unian.net/stockmarket/1081646-yatsenyuk-nazval-3-milliarda-politicheskoy-vzyatkoj-putina-yanukovichu.html> (data ob-rashcheniya: 28.10.2015).

“La coalition suggérée par Poutine pour venir à bout de l’EI est une posture rhétorique” // Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2015/10/01/la-coalition-suggeree-par-poutine-pour-venir-a-bout-de-l-ei-est-une-posture-rhetorique_4779146_3232.html (data obrashcheniya: 01.10.2015).

Le Marquis de Custine. La Russie en 1839. T. I. Paris, 1843. 403 p.

President Reagan’s speech before the National Association of Evangelicals // Wayback Machine. URL: <http://www.web.archive.org/web/20040609055415/http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm> (data obrashcheniya: 28.09.2015).

П Л

**КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
И ВОПРОСЫ ЭКСПЛИКАЦИИ ИХ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ*****Ковшова Мария Львовна***

ведущий научный сотрудник,

Институт языкознания РАН

Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

e-mail: kovshova_maria@list.ru

Статья посвящена исследованию фразеологии как особого кода культуры, знаки которого хранят и передают культурные смыслы. Проблема культурно-национальной специфики фразеологизмов рассматривается сквозь призму культурной детерминированности фразеологических образов. Изучаются свидетельства того, как одни и те же реалии стали носителями тех или иных смыслов, закрепленных за этими реалиями в культуре того или иного народа. В ходе лингвокультурологического анализа выявляются пути внедрения культурных смыслов в языковые сущности, проводится описание фразеологизмов в их соотношении с мифологической картиной мира и свойственными ей представлениями, с архетипами культуры, оставившим след во внутренней форме фразеологизмов; с религиозными, фольклорными, литературными и т.п. слоями культуры, с кодами культуры (зооморфным, соматическим, артефактивным, костюмным, гастрономическим и т.п.). На конкретном материале русского и китайского языков выявляются установки культуры, запечатленные во внутренней форме русских и китайских идиом и поговорок, исследуется их ценностное содержание. Проводится экспликация культурных смыслов поговорок и идиом в процессе их восприятия. В статье поставлены вопросы для дискуссии с оппонентами лингвокультурологического подхода во фразеологии.

Ключевые слова: фразеологизмы, культурно-национальная специфика, смыслы культуры, установки культуры, образ, символ, эталон, коды культуры.

Положение о культурно-национальной специфике, присущей фразеологизмам, опирается, прежде всего, на **объективный фактор** обязательного наличия этой специфики. Действительно, жизнь каждого народа протекает в только ему присущей природной и историко-культурной (материальной и духовной) реальности, и на этом основании в образы фразеологизмов «падают» те вещи, явления, исторические события, названия природных реалий, животных, растений, имена людей и т.п., которые характерны для жизни данного народа. «Всякий язык проявляет избирательность по отношению к объективному внеязыковому миру и по-своему отображает его» [Гак 2010: 374]. Например, в русском языке нет фразеологизмов со словом *артишок* (пример В.Г. Гака), так как это растение нетипично для русской природы и русской гастрономической культуры; в русской идиоматике имеются лишь две-три идиомы со словом *сыр*, которое в русской пищевой культуре долгое время означало продукт наподобие творога; этот продукт уступал по значимости другим сытным и дешевым видам пищи, в большей мере отвечающим суровым

климатическим условиям России и особенностям крестьянского труда. (В отличие от французских реалий и французской пищевой культуры, где наименований сыра, как известно, столько, сколько дней в году, а фразеологизмов с этим компонентом еще больше [Ковшова 2012]). **Субъективный фактор** видится исследователям в произвольной избирательности, когда слова в разных языках, отражающие одни и те же для разных народов реальности, в составе фразеологизмов выступают носителями различных смыслов, служат выразителями различных сформированных в культуре символов, эталонов, стереотипов и т.п. Так, символами искренности и доверия в русской языковой картине мира являются *сердце, душа* (*открыть сердце, излить душу*). В китайской языковой картине мира символами искренности являются *желчный пузырь, печень*. Ср. китайские идиомы, или чэньюй (о классификации фразеологизмов в китайской лингвистике см.: [Доу Чуньяо 2016]): 沥胆披肝 букв. желчный/желчь пузырь капает/излить, открыть печень 'абсолютно искренний и верный'; 吐肝露胆 букв. выплюнуть печень, открыть/показать желчный пузырь 'открыть свое сердце' и др. В.Г. Гак в своей статье, посвященной национально-культурной специфике фразеологизмов, писал, что «быть может, следует разграничивать национальную специфику ФЕ и культурную специфику ФЕ» [Гак 1999: 260]. Действительно, **национальная** специфика фразеологизмов выявляется при сопоставлении разных языков по алгоритму лингвистического анализа: план содержания – план выражения (внешняя и внутренняя форма) – соотношение обоих планов – функционирование. **Культурная** же специфика фразеологизмов определяется лингвокультурологическим методом соотнесения образа языкового знака с другими символически нагруженными знаками материальной и духовной культуры народа, сведениями из его истории, верований, обычаев. Говоря о специфичности фразеологизмов, лингвисты неизбежно переходят в область культуры, и углубление в пространство культуры требует умения описывать связь культуры и языка на метаязыке лингвокультурологии.

Так, китайская суюй, или поговорка, 王八看绿豆 – 看对眼了 или 王八绿豆看对眼 (букв. *черепаха уставилась на горошину – глаз пришелся на глаз*) и русская поговорка *одно к одному* сходны в денотативном компоненте значения – 'подходит, соответствует', однако по сигнификативному компоненту их значение различается. Китайская суюй говорит о двух людях, о том, что они единомышленники; русская поговорка описывает череду схожих по своим результатам действий или ситуаций. В основе русской поговорки лежит пространственный образ присоединения, близости тождественных явлений; в основе китайской поговорки – уподобление по сходству предметов и их элементов из разных классов (глаз и горошина). Образ русской поговорки интерпретируется в счетно-числовом и пространственном кодах культуры; образ китайской поговорки – в зооморфном и артефактивном кодах. В русской культуре, ее зооморфном коде (то есть не только в языке, но и во всех известных фактах культуры – ее обычаях, обрядах, ритуалах, произведениях искусства и т.п.), отсутствует связь образа черепахи со смыслом соответствия. Черепаха в русской (и не только в русской) культуре является общепринятым эталоном медлительности; ср.: *двигаться как черепаха*. Произвольна ли связь образа черепахи в русском фразеологизме со смыслом медлительности? – Произвольна, поскольку в качестве измерения медлительности могли быть выбраны, и выбраны, иные ориентиры из

наблюдаемого и познанного в деятельности мира; ср., например, зооморфный образ: *ползти как вошь по струне*. Ср.: «А внизу на лестнице показалась фигурка и медленно полезла по ступеням вверх. <...> Мышлаевский поднимался сзади и изредка покрикивал: – Живее, живее, старикан! Что *ползешь, как вошь по струне?*» (М.А. Булгаков «Белая гвардия»). Произволен ли выбор образа черепахи в качестве символа соответствия в китайском фразеологизме? – Произволен, но культурно «подготовлен», детерминирован китайской культурой для воплощения и передачи смыслов, входящих «добавками» в языковое значение этого и многих других фразеологизмов с образами черепахи. В китайской культуре черепаха – «древнейший, окруженный особым почтением символ космического порядка, высокодуховное существо <...> считалась священным животным; она олицетворяла долголетие, силу, выносливость, терпение и постоянство <...> животное, покрытое темным панцирем, медлительное в своих движениях, имеет голову змеи и шею дракона, зарывается в зимнее время в землю. Она всегда напоминает о зиме и своим поведением дает знать, когда начинается и когда кончается зимний сезон <...> Долголетие черепахи стало символом вечности <...> Изображение сплетенных черепахи и змеи с глубокой древности служило зримым образом сотворения мира <...> Черепаха – составная часть идеальной картины природы, гармонии животного и растительного мира <...> В древности в Китае и Корее в особо важных случаях гадали по трещинам, появившимся на панцирях черепах» [Филимонова 2004: 72 – 74]. В китайской культуре походка красавицы отождествляется с передвижением черепахи; ср.: «Вслед за слугой ступала она по дороге, залитой солнцем, словно большая черепаха по белому песку» [Там же: 74]. В результате всего сказанного становится объяснима значимость образа черепахи для китайской культуры, видны истоки его символизации и семиотизации смысла соответствия в китайском фразеологизме.

Признание субъективности выбора того или иного образа для означивания того или иного смысла не отрицает культурную детерминированность такого выбора; в культуре возникают мифологемы, символы, формируются стереотипы, эталоны и т.д., развивается противопоставление обыденного и мифологического значения. «Обыденное значение <...> включает в себя реальный набор характеристик обозначаемого <...>, мифологическое – условный набор детерминированный определенными мифопоэтическими представлениями и стереотипами сознания, опирающийся на некоторые реальные черты, которые абсолютизируются и развиваются по собственным законам, реальный феномен <...> оказывается достаточно отдален от мифологического значения указывающего на него имени» [Гудков, Ковшова 1997: 45]. Так, медведь «награждается» в русской культуре символическим значением силы (и некоторой неуклюжести), а в китайской – глупости; символическое (или, как мы его определили, мифологическое) значение у одной и той же реалии в русской и китайской картинах мира не совпадает; ср.: *笨得像熊* букв. *глупый как медведь*. В русском языке есть другие устойчивые образы глупости; ср., например: *глупый как баран/ овца; глупый баран* и др. (подробнее о фразеологических компаративах и метафорах см. в [Ковшова 2016а]).

Культурная детерминированность фразеологических образов препятствует их «вхождению» в другой язык, если в «принимающей» культуре нет почвы для принятия непривычного образа. Так, в китайской и корейской фразеологии есть

большое количество единиц с образом журавля, которые буквально переводятся так: *бодрый, как журавль; танцует, как журавль; руки, как крылья журавля; легкий, как журавлиный пух; журавль мелкой птахе не пара; волосы, как у журавля* и т.п. Данные образные выражения не усваиваются русской фразеологией и паремиологией по объективному фактору – Россия, в отличие от Кореи, не является «страной белых журавлей». Не отвечает образ журавля русской культуре и по субъективному фактору, поскольку произвольно, но прочно связан с идеей прощания, причем эта связь частично обусловлена и онтологически – восприятием громких криков летящих высоко в небе журавлей (ср. в стихах С.А. Есенина «*И журавли, печально пролетая...*»). Улетающие в далекие страны журавли в поэтической картине мира соединились также с идеей бессмертия (ср. в стихах Расула Гамзатова «*Не в эту землю полегли когда-то, а превратились в белых журавлей...*»). Данные смыслы так или иначе перекликаются с образом журавля, который, согласно поговорке, связывается с чем-то отдаленным, недоступным; ср.: *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*. В китайской же фразеологии образ журавля добавлен символическими смыслами, имеющими глубокие корни. Так, «по мифологическим представлениям, журавли неизменно присутствовали в лаосском раю. Из яиц этих священных птиц готовили пилюли бессмертия <...> журавли переносят по воздуху небожителей <...> Журавль – птица, связанная с представлениями о бессмертном бытии» [Филимонова 2004: 76].

Академик В.В. Виноградов писал: «Способы смыслового переноса, так называемые «внутренние формы» слов историчны и национальны. В них выражается национальный стиль, дух и миропонимание эпохи, социальной среды. <...> чужезычное влияние особенно резко выступает в тех словесных значениях, внутренние формы или мотивировки которых не находят полного обоснования в семантических свойствах и процессах самого русского языка» [Виноградов 1999: 119]. И напротив, на русскую почву замечательно пришло выражение *медовый месяц*, калька с английского *the honey moon*, восходит к священным книгам Востока, где упоминается первый месяц брака – месяц меда, а второй – полыни; в русском языке с 10-20-х гг. XIX в. Почва для принятия данного выражения была подготовлена сходными по образам и тематике единицами: *мед-пиво пил* на свадебном пиру; *медовые уста; медовая речь* и т.п.

В настоящее время в лингвистике традиционное для фразеологии положение о присущей ее знакам культурно-национальной специфике подвергается значительной «редукции». Так, Э. Пиирайнен, Ф. Чермак и др. делают в своих исследованиях акцент на универсальных концептуальных моделях, лежащих в основе внутренней формы идиом и поговорок. Ср., например, попытку «дисквалифицировать» специфически русское выражение *на авось* в: [Бертеме 2016]. Действительно, во фразеологии разных языков обнаруживается много сходного; ср., например, соответствие образов и значений у большинства фразеологических компаративов в Словаре, изданном под общей редакцией Ж. Финк. Так, русское выражение *сильный, здоровый как бык* имеет полное соответствие в словенском, македонском, болгарском, украинском, польском, чешском, словацком языках [Fink-Arsovski 2006: 151]. Однако эти и другие примеры в близкородственных, а также далеких друг от друга языках не отрицают необходимость уточнения происхождения похожих единиц, описания

коннотаций, вносящих различия в их семантику; также особенными оказываются пути их трансформации.

Среди лингвистических исследований наблюдается последовательное стремление «отказаться» фразеологизмам в их роли быть знаками культуры, хранить в своей семантике символизированные смыслы, несмотря на глубокие исследования в этой области; см., например, о культурно маркированных словах-символах и словосочетаниях-символах в: [Мелерович, Мокиенко 1999]. Лингвисты отрицают способность идиом выражать концептуальную модель народной мудрости; ср.: «Странно было бы из идиомы *волка ноги кормят* делать вывод о значимости идеи быстроты перемещения для русской картины мира» [Баранов, Добровольский 2013: 37]. По мнению авторов, только пословичный фонд можно признать выразителем ценностных смыслов той или иной этнической культуры, да и то не полностью, поскольку подчас рекомендуемые способы поведения в различных проблемных ситуациях противоречат друг другу. Думается, что паремии, в силу своей нравоучительной функции, усиливают выражение ценностно значимых смыслов, заостряют их в форме прескрипций, при этом в противоречивости этих прескрипций явлен весь сложившийся спектр точек зрения на то или иное явление, показана вся сложность жизненных ситуаций и их многомерность. «Потребность любому житейскому эпизоду придавать форму нравственного образца, любое суждение облекать в форму сентенции, из-за чего оно приобретает нечто субстанциональное и неприкосновенное, короче говоря, процесс кристаллизации мысли находит свое наиболее общее и естественное выражение в пословицах» [Хёйзинга 1995: 232]. Особенность знаковой функции пословиц и поговорок состоит в том, чтобы выражать постулаты наивной этики; потому обращение к паремиям позволяет выявить присущие ментальности того или иного народа «когнитивные схемы» осмысления всего происходящего в мире и его означивания. Так, в поговорке: *Шапка волосяная, рукавицы своекожаные* (т.е. нет ничего) [Даль 1957: 90] в иронической форме описывается абсолютная нищета человека, у которого есть только собственное тело и нет необходимых для защиты этого тела от холода вещей. В образе паремии *шапка* и *рукавицы* соотносятся с костюмным кодом культуры (предписывающим иметь одежду), а *волосяные* и *своекожаные* – с телесным кодом. В паремии семиотизируется идея абсолютной незащищенности человека, его «голового» состояния. Образ паремии переосмысливается в ходе культурной интерпретации в ценностных категориях: отсутствие «правильной» шапки и рукавиц означает нарушение «костюмной нормы»; в образе гиперболизируется смысл отсутствия всякой одежды; голое тело символизирует крайнюю степень нищеты; нищенское состояние унижает человеческое достоинство. Смысл паремии ясен: ‘о голом, нищем’, но именно содержание культурной коннотации определяет ценностно-прескриптивную суть этой и веселой, и грустной поговорки: ‘человек не должен доходить до такой степени нищеты, чтобы не иметь необходимой для жизни одежды’.

Приведенная выше экспликация концептуальной метафоры в поговорке *волка ноги кормят* не подменяет собой и не отрицает культурную установку, живо воспринимаемую в коммуникации: ‘Чтобы обеспечить себя средствами к существованию, чтобы получить требуемый результат, приходится быть в его постоянном усиленном достижении’. Полагаю, что данная установка, воплощенная

в образной семантике поговорки, и составляет ценностно-прескриптивную суть выражения. Экспликация свернутых в поговорке смыслов дана в многочисленных контекстах ее употребления. Ср.: «Чтобы хорошо торговать, надо побегать. *Волка ноги кормят*. Мы поделили базар на сферы действия и, каждый в меру своих способностей, злодействовали на своих половинах, шныряя по рядам, приставая у ворот» [Анатолий Кузнецов. Бабий яр (1965-1970)]; «– Меня, Егор Иванович, трудно дома-то застать... Как говорится: *волка ноги кормят*... Я все в разъездах...» [П. Н. Краснов. Ложь (1938-1939)]; «И вот раз как-то, в ноябре в шестнадцатом годе, встал это я утром, хоть не на работу, а так – искать работу надо: *волка ноги кормят*, – и вот вдруг даже будто дом весь наш пошатнулся, и стекла будто вылетают – звякают» [С. Н. Сергеев-Ценский. Кость в голове (1932)]; «А вот вы были в Петербурге, а едете из степи. – Э, батенька, *волка ноги кормят!* Из Петербурга я проехал через Оренбург в степь, дела есть с проклятым Шахмой, а теперь качу в Заполье» [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)].

В то же время, несколько противореча собственным постулатам, лингвисты признают необходимость изучать фразеологизмы как знаки, «отражающие особенности лингвоспецифической картины мира и, соответственно, особенности менталитета народа» [Баранов, Добровольский 2013: 38]. Культурно-содержательными признаются общеизвестные по символической значимости компоненты типа *крест, кровь, море, рука, сердце* и т.п. Исследование менталитета народа по-прежнему многими фразеологами сводится исключительно к выявлению уникальных компонентов типа *самовар, лапти, гармоника, царь Горох* и т.п. При этом культурная специфичность стоящих за ними образов зачастую подвергается сомнению, если, например, есть «наличие в культуре некоторых европейских стран такого персонажа, как Бобовый король» [Там же: 226]. Действительно, образ русского фразеологизма *при царе Горохе* в своих истоках связан со средневековой европейской смеховой культурой с присущим ей юмористическим снижением образа властителя. Однако эти смеховые образы и смыслы имеют свою «конфигурацию» в культуре того или иного народа; кроме того, наблюдаемые сближения фразеологических единиц из разных языков лишь подтверждают культурную значимость фразеологизмов и важность их лингвокультурологического анализа. Осмысление дополнительного, символического, эталонного и т.п. значения в языковой семантике неизбежно «переводит» исследование в область лингвокультурологии. Даже оппоненты лингвокультурологического подхода вынуждены признавать «культурную релевантность единиц языка» при условии, что она будет поддержана «их связью с другими семиотическими кодами (в первую очередь с фольклором, мифами, верованиями и т.п.)» [Баранов, Добровольский 2013: 228].

Связь языковых знаков с другими семиотическими системами изначально и целенаправленно исследуется в лингвокультурологии [Телия 1995]. Лингвокультурология изучает общие и специфические механизмы внедрения культуры в языковые сущности, проводит описание языковых знаков в соотношении с мифологической картиной мира, с архетипами культуры как первым моделированием мира; с религиозными, фольклорными, литературными слоями культуры, с кодами культуры и т.п. Лингвокультурология исследует образы мира, запечатленные во внутренней форме языковых знаков, и выявляет культурно

значимое, мировоззренческое, содержание, которое входит дополнительным компонентом в языковую семантику. Культура воплощается в различные языковые сущности, однако фразеологизмы (особенно идиомы), выросшие из ритуалов, обычаев, мифов, обрядов, наиболее насыщены культурно-этимологической и исторической информацией; в образах фразеологизмов запечатлено выделение событий из контекста действительности и выдвигание их на мировоззренческий план. Знаки вербального кода превращаются в знаки вербального кода культуры, тем самым удваивается их вторичность [Ковшова 2016б].

Что же можно выявить мировоззренческого, бытийного, ценностного в такой простой и неясной по происхождению идиоме *конь не валялся? еще и конь не валялся?* – Полагаю, что сквозь этот образ транслируется характерная для русской ментальности концептуальная схема аврального планирования работы, нашедшая свое выражение и в других единицах; ср.: *откладывать работу на потом, тянуть до последнего, делать в самый последний момент* и т.п. В речи ученых активно бытует выражение: *готовить доклад на коленке*. Коня ли мы готовим на коленке, доклад ли у нас еще не валялся – концептуальная схема, по сути, одна: мы начинаем (по разным причинам) приступать к работе в последний момент, когда ее уже нужно заканчивать. Утешает поговорка: *Русский мужик долго запрягает, но быстро едет*.

Дискуссионным остается вопрос о когнитивной релевантности культурной информации во фразеологизме для носителя языка, или вопрос «о живом и мертвом» в семантике фразеологизма. «Живое» обычно связывают с ярким образом фразеологизма, нестертым его постоянным воспроизводством в речи. Существование же культурных слоев в семантике фразеологизма, участие культурной коннотации в восприятии фразеологизма, процесс интерпретации образа фразеологизма в пространстве культурного знания, – все это видится как «мертвое» и по-прежнему нуждается в обосновании, а «оживление», или «пробуждение», культурных смыслов – в разработке методов экспликации этого процесса. Действительно, культурные смыслы имеют разную “глубину залегания” в языковом знаке. Их актуализация зависит от культурной компетентности носителя языка, от использования фразеологизмов в бытовой речи или в публицистике, или в литературном тексте. Культурные смыслы могут быть свернуты до мельчайших сигналов, добавляемых в языковое значение фразеологизма, употребление которого выглядит зачастую автоматическим в спонтанной речи. Культурные установки могут быть в большей мере эксплицированы в пословицах, но глубоко закодированы в образах идиом; их смыслы раскрываются в контексте, ярко предстают в окказиональной, прежде всего, художественно-поэтической, «конфигурации». Надо сказать, что в большей степени подвергаются рефлексии культурные установки, стремящиеся к универсальности, недаром современные исследователи постоянно указывают, что при сопоставлении фразеологических картин в разных языках выявляется больше общего, чем различного. Полагаю, что культурно специфичные установки скрывают себя, они неявны, особенно для представителей иной культуры, и многое в ментальности другого, да и своего народа остается непонятным, при том что стереотипы, эталоны, установки со временем в культуре могут меняться, а ценности передвигаться и менять свое положение на шкале приоритетов. Лингвокультурологический подход выявляет эти «передвижения», исследует символы, стереотипы, эталоны,

мифологемы в семантике фразеологизмов в соотнесении различных семиотических систем [Ковшова 2015].

Думается, во многом сложность описания культурной семантики фразеологизмов связана с тем, что фразеологизм в процессе общения понимается, «считывается» одновременно двумя разными способами – кодом языка и кодом культуры. При этом хорошо усвоенное знание словарного значения фразеологизма делает понимание фразеологизма, его языковое «считывание» почти автоматическим и освобождает от актуализации культурных знаний. Однако культурное «считывание» фразеологизма неизбежно проявляется и выходит на первый план, если значение фразеологизма нам неизвестно.

Проведем небольшой эксперимент, основанный на методе глубокой интроспекции [Ковшова 2012], и опишем – вовлекая в эксперимент читателя данной статьи – процесс культурного «считывания» малоизвестной, не заезженной, но и не слишком загадочной русской поговорки: *Гладкая лапка, а цапка* [Иванов 1989: 140].

Образ поговорки соотносится в нашем сознании с памятью чувственного опыта, и мы его оцениваем в категориях культуры: *гладкий* переосмысливается как приятный, податливый, неопасный. Образ ведет к архетипическим оппозициям «гладкий – шероховатый, острый», а также к древнейшим противопоставлениям внешнего – внутреннему, явного – скрытому. Компонент образа *лапка* интерпретируется в зооморфном коде культуры: подключаются знания о поведении домашней кошки, актуализируются стереотипные представления о спрятанных в гладких подушечках кошки когтях, которые могут цапнуть и царапнуть. Образ выражения *гладкая лапка, а цапка*, будучи перенесен на человека и переосмыслен в культуре, приобретает негативную оценочность. Известно, что с виду гладкое оказывается в сущности своей иным; ‘не доверяй гладкому, помни, что видимость скрывает сущность’ – эта существующая в культуре установка и воплощена в образе поговорки. К восприятию образа могут «примешиваться» иные ассоциации с *гладким* как признаком приятного и красивого; это поддерживается возможным знанием поговорок: *кто гладенек, тот и миленек; тишь да гладь да Божья благодать* и др. Смысл гладкости связан с позитивными явлениями, что находит свое отражение в языке; ср.: *пригладить волосы; гладкая кожа; гладкая речь; все прошло гладко; загладить вину; сгладить противоречия; сгладить шероховатости/острые углы; остроту момента* и др. Ср. отдельные примеры употребления: «Грым покраснел, решив, что его принимают за идиота, и, чтобы *сгладить* неловкость, счел за лучшее отправиться куда ему указали» [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)]; «Он относился к африканцу очень внимательно, всегда был настороже, готовый смягчить ситуацию и *сгладить углы*» [Юрий Сенкевич. Путешествие длиной в жизнь (1999)]; «– Я понимаю Машу, – Слава вмешался в разговор очень осторожно, и в тоне его чувствовалось стремление *сгладить* возникший конфликт, – речь идет о том, что в ваше время и художников было меньше, поэтому все было на виду» [Сергей Есин. Имитатор (1985)]; «Читая письма Тургенева к отцу, видишь, что с самого начала их знакомства происходили между ними недоразумения, которые они всегда старались *сгладить* и забыть, но которые через некоторое время – иногда в другой форме – опять поднимались, и опять приходилось объясняться и мириться» [Т. Л. Сухотина-Толстая. Друзья Ясной Поляны (1908-1917)].

Однако оценочность выражений с образами *сглаживания* зачастую не является однозначно позитивной; ср.: «Вы это делаете сейчас, чтобы *сгладить* неловкость после того, как я вас уличил во лжи» [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)]; «Да вот же нравятся ему и собственные усилия не вдруг показать самого себя нагишом, смягчить и *сгладить* свои резкие слова и мысли – словом, быть в костюме» [П. В. Анненков. Письма к И. С. Тургеневу (1852-1874)] и др.

В русской культуре идея сглаживания в его переносном значении воспринимается, по преимуществу, негативно; ср.: «Чтобы *сгладить* впечатление захвата, Екатерине надобно было стать популярной в широких кругах народа, действуя наперекор предшественнику, поправляя, что было им испорчено» [В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 76-86 (1904)]; «Чтобы хоть как-то *сгладить* конфуз, военным приказали помалкивать» [Павел Евдокимов. Улус-Керт (2003) // «Спецназ России», 2003.03.15]; «Почему это сейчас просят вычеркнуть и всё *сгладить*, как будто этого вовсе не было?!» [Владимир Рецептер. Ностальгия по Японии (2000)]; «Социальное неравенство *сгладить* уже невозможно ничем, кроме апокалипсиса, спасибо-нам-всем-большое» [Евгения Пищикова. Форма // «Русская жизнь», 2012].

Также активны в употреблении речевые клише с кванторными словами, выражающими сомнение и иронию по поводу истинности, правильности всего того, что проходит гладко: *не всё так гладко/ всё не так гладко; слишком/ уж очень гладко* и т.п. См. примеры: «Ефимова хотела купить участок, а хозяева дорожили домом и не продавали, а теперь вот дома нет и они, готовы продать... *Уж больно гладко* все вышло» [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают (2014)]; «Но были некоторые его замечания, обмолвки, по которым мне казалось, что *не так всё гладко* у него складывалось» [Даниил Гранин. Зубр (1987)]; «Но когда я вернулась в Москву после запланированных ещё ранее зарубежных гастролей, на которые выехала сразу же после избрания меня председателем нового общества, то убедилась, что *всё не так гладко*, как мне обещали» [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]. Известны также поговорки с негативной оценочностью; ср.: *гладко стелет, да жестко спать; начал гладью, а кончил гадью*, а также поговорку *гладко было на бумаге, да забыли про овраги*, вышедшую из военной песни, авторство которой принадлежит Л.Н. Толстому: «Гладко вписано в бумаги, да забыли про овраги, а по ним ходить, а по ним ходить...»; история выражения описана в: [Мокиенко 2001: 61-62]. Приведем пример употребления поговорки о *гладкой лапке* в рассказе о хитром книготорговце, который умеет продать товар втридорога: «Так что думаешь? Разговорил покупателя. Вот он какой кот Иванович, пиявица из поганой лужи, а в храм каждый праздник на Рогожскую едет. Его у нас зовут: “Гладкая лапка, а цапка”» [Иванов 1989: 140].

Заключение. С точки зрения лингвиста, в образе того или иного фразеологизма запечатлено какое-либо **событие**, которому придано **значение**, составляющее семантику данного языкового знака. Лингвокультуролог скажет иначе: есть **значение** культуры, есть ценностные смыслы, которым во фразеологических образах придан вид **события** для более яркого их восприятия и прочного усвоения. Культурно-языковое значение фразеологизма является не

столько производным от того или иного события, образно описанного в языковом знаке, сколько порождением самой культуры, требованием запечатлеть ценностно значимые смыслы для их трансляции в виде экспрессивных знаков языка, всегда ярко и действенно выражающих оценочность и вызывающих эмоциональное отношение к происходящему. Тем самым, фразеология, наряду с другими кодами культуры, также является ее своеобразным кодом, в котором ищут ключ к ментальности говорящего на этом языке народа.

Литература

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. М.: ФЛИНТА, Наука, 2013. 312 с.

Бертме Е. Культурно значимые смыслы во фразеологических русскоязычных словарях // Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 102–105.

Виноградов В.В. История слов. М.: Ин-т русского языка РАН, 1999. 1140 с.

Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 261–265.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: URSS, 2010. 408 с.

Гудков Д., Ковшова М. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Даль Вл. Пословицы русского народа. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. 990 с.

Доу Чуньяо. Фразеология и её классификация в русской и китайской филологии // Вестник Орловского государственного университета. 2015. № 5 (46). С. 284–287.

Иванов Е.П. Меткое московское слово. Быт и речь старой Москвы. М., 1989. 320 с.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.

Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015. 368 с.

Ковшова М.Л. Фразеологические сравнительные конструкции с невыраженным признаком сравнения: возможности и ограничения на употребление // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Колл. монография / Отв. ред. В.М. Мокиенко. С.-Петербург – Грайфсвальд: изд-во «ЛЕМА», 2016а. С. 50–58.

Ковшова М.Л. Фразеологические коды и их роль в семиозисе культуры // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016б. С. 468–498.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 63–68.

Мокиенко В.М. (ред.) Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. /Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 704 с.

Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 30.11.2016).

Словарь привычных речений или Словарь общеупотребительных гуаньюнь-юй (Tongyong guanyongyu cidian). / Ред.-сост. Вэнь Дуань-чжэн и Шэнь Хуэй-юнь. Пекин, 2002. 265 с.

Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. М.-Обнинск, 1995. С. 102-104.

Филимонова Е.Н. Символика животных в переводных произведениях. «Священные» животные (на материале переводов с корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 51–82.

Хэйзинга Й. Осень средневековья: Соч. в 3-х тт. Т. 1. М.: изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 416 с.

Čermák, F. Somatic idioms revisited // EUROPHRAS 95 Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt, Hrsg. W. Eismann. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer (Studien zur Phraseologie und Parömiologie 15), 1995. S. 109–119.

Fink-Arsovski, Željka (ed.) Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. 1. izd. Zagreb: KNJIGRA, 2006. 439 p.

Piirainen, E. Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units. New York: Peter Lang, 2012. 680 p.

Ψ λ

**CULTURAL AND NATIONAL SPECIFICITY
OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND EXPLICATION
OF THEIR CULTURAL MEANINGS**

Maria L. Kovshova

chief Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky per., 125009 Moscow, Russian Federation
e-mail: kovshova_maria@list.ru

The current paper investigates phraseological units as a specific cultural code, signs of which store and transmit cultural senses. The problem of cultural and national specificity of phraseological units is viewed through the prism of idiomatic images' determinism in a particular national culture. The article raises a number of questions to discuss with the opponents of linguistic and cultural approach in phraseology. The linguistic signs investigated for the cultural interpretation are examples of Russian and Chinese phraseology – idioms and sayings.

Keywords: phraseological units, national and cultural specificity, cultural senses, images, symbol, etalon, cultural codes.

References

- Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O.* Osnovy frazeologii [Basics of Phraseology]. M.: FLINTA, Nauka, 2013. 312 s.
- Berteme E.* Kul'turno znachimye smysly vo frazeologicheskikh russkojazychnyh slovarjah [Culturally significant meanings in the Russian phraseological dictionaries] // Jazyk lingvokul'turologii: teorija vs. jempirija. M.: LENAND, 2016. S. 102–105.
- Vinogradov V.V.* Istorija slov [History of Words]. M.: In-t russkogo jazyka RAN, 1999. 1140 s.
- Gak V.G.* Nacional'no-kul'turnaja specifika meronimicheskikh frazeologizmov [National-cultural specificity of meronymic phraseological units] // Frazeologija v kontekste kul'tury. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 261–265.
- Gak V.G.* Jazykovye preobrazovanija [Language Conversion]. M.: URSS, 2010. 408 s.
- Gudkov D., Kovshova M.* Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju [Somatic culture code: materials for the dictionary]. M.: Gnozis, 2007. 288 s.
- Dal' Vl.* Poslovice russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. M.: Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1957. 990 p.
- Dou Chun'jao.* Frazeologija i ejo klassifikacija v russkoj i kitajskoj filologii [Phraseology and its classification in Russian and Chinese Philology] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 5 (46). S. 284–287.
- Ivanov E.P.* Metkoe moskovskoe slovo. Byt i rech' staroj Moskvy [Apt word in Moscow. Life and speech of old Moscow]. M., 1989. 320 s.
- Kovshova M.L.* Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury [Lingvokul'turologicheskij method in phraseology: Culture Codes]. M.: LIBROKOM, 2012. 456 s.

Kovshova M.L. Semantika golovnogu ubora v kul'ture i jazyke. Kostjumnyj kod kul'tury [The semantics of headgear in Culture and Language: the costume culture code]. M.: Gnozis, 2015. 368 s.

Kovshova M.L. Frazеологические сравнительные конструкции с невыразительным признаком сравнения: возможности и ограничения на употребление [Phraseological similes with covert basis for comparison: capabilities and restrictions in usage] // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Кoll. монография / Отв. ред. V.M. Mokienko. S.-Peterburg – Grafisval'd: izd-vo «LEMA», 2016a. S. 50–58.

Kovshova M.L. Frazеологические коды и их роль в семиозисе культуры [Phraseological codes and their role in culture semiosis] // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2016b. S. 468–498.

Melerovich A.M., Mokienko V.M. Formirovanie i funkcionirovanie frazeologizmov s kul'turno markirovannoj semantikoj v sisteme russkoj rechi [Formation and functioning of culturally labeled phraseological units in the Russian speech system] // Frazеология в контексте культуры. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 63–68.

Mokienko, V.M. (ed.) Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-etimologičeskij spravočnik [Dictionary of the Russian phraseological units]. Historical-etymological reference book. /Biriĥ, A.K., Mokienko, V.M., Stepanova, L.I. SPb.: Folio-Press, 2001. 704 s.

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [NKRJa]. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 30.11.2016).

Slovar' privyčnyh rečenij ili Slovar' obshheupotrebitel'nyh guan'junjuj (Tongyong guanyongyu cidian) [Dictionary of sayings]. Ed.-comp. Vjen' Duan'-chzhjen i Shjen' Hujej-jun'. Pekin, 2002. 265 s.

Telija V.N. O metodologičeskix osnovanijah lingvokul'turologii [On the methodological grounds of linguoculturology]. Logic, methodology and philosophy of science. Book of abstracts. M.-Obninsk, 1995. S. 102-104.

Filimonova E.N. Simvolika životnyh v perevodnyh proizvedenijah. «Svjashennyje» životnye (na materiale perevodov s korejskogo i kitajskogo jazykov) [Animal Symbolism in Translation. “Sacred” animals (based on translations from Korean and Chinese languages)] // Jazyk, soznanie, komunikacija. M.: MAKS Press, 2004. Vyp. 26. S. 51–82.

Hjozjina J. Osen' srednevekov'ja [The Autumn of the Middle Ages]: Soch. v 3-h tt. T. 1. M.: izd. gruppа «Progress» – «Kul'tura», 1995. 416 s.

Čermák, F. Somatic idioms revisited // EUROPHRAS 95 Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt, Hrsg. W. Eismann. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer (Studien zur Phraseologie und Parömiologie 15), 1995. P. 109–119.

Fink-Arsovski, Željka (ed.) Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. 1. izd. Zagreb: KNJIGRA, 2006. 439 p.

Piirainen, E. Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units. New York: Peter Lang, 2012. 680 p.

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ АГРЕССИИ КАК ПРОДУКТ СОЦИАЛЬНО - КОГНИТИВНОЙ ДЕПРИВАЦИИ¹

Комалова Лилия Ряшитовна

старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН»,
г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21;
ведущий научный сотрудник по НИР, ФГБОУ ВО
«Московский государственный лингвистический университет»,
г. Москва, ул. Остоженка, 38,
e-mail: GenuinePR@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования речевых следов социально-когнитивной депривации. Вербализация агрессии рассматривается как возможная реакция на воздействие комплекса депривационных факторов. Описывается речевой профиль автора сообщения, речевая продукция которого выступает стимулом, провоцирующим эмоционально-психологическое напряжение, и «заражает» агрессивными установками других участников коммуникации. Анализируются полилоги («ветки» сообщений в российской социальной сети «ВКонтакте»), тематика которых входит в семантическое поле «агрессия». Определяется жанровая характеристика дискурса, вызывающего реципиента к агрессивному ответу, и структурные составляющие организации дискурса, «заражающего» негативными эмоциями.

Ключевые слова: вербальная реализация агрессии, семантическое поле «агрессия», жанры речевой агрессии, социально-когнитивная депривация.

Введение

Согласно социально-когнитивной теории (теории социального научения) А. Бандуры [Bandura 1973; Бандура 2000], на функционирование личности оказывают влияние взаимодействие трех групп факторов: 1) поведенческих, 2) когнитивных, 3) средовых. Когнитивные способности человека позволяют ему моделировать возможные изменения внешней среды и адаптировать свое поведение соответственным образом. Следуя логике исследователя, можно предположить, что в случае невозможности предвидеть / предсказать средовые изменения человек будет действовать неэффективно, возможно, его поведение будет непродуктивным, что, в свою очередь, может повлечь снижение уровня уверенности в своих силах, привести к ухудшению эмоционально-психологического самочувствия человека, привести к смятению чувств. Иными словами, подобная неспособность может стать фрустрирующим фактором. С другой стороны, «сбой» когнитивных способностей

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ), проект №14-18-01059, «Фундаментальное исследование типологии вербальных и паравербальных детерминантов эмоционально-модального поведения коммуникантов в условиях многофакторной депривации (принадлежит к электронным медийным источникам, социальным сетям и интернет-телефонии Skype)».

может быть вызван влиянием различного рода депривационных факторов. Адаптивный процесс требует выработки определенных реакций на ситуации стресса и фрустрации, и если уйти или конструктивно действовать не удастся, то возможной реакцией может стать нападение на фрустратор или стрессор (см., например [Налчаджян 2000]).

Т.Р. Гарр, анализируя социальные и психологические акты деструктивности, побуждающие индивидов к политическому насилию, разрабатывает понятие относительной депривации (*relative deprivation*). Согласно его концепции, относительная депривация ощущается индивидом в результате восприятия и характеризуется расхождением между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями воспринимающего субъекта (индивидуального, группового, массового). «Ценностные ожидания – это блага и условия жизни, на которые, как убеждены люди, они могут с полным правом претендовать. Ценностные возможности – это блага и условия, которые люди, по их мнению, могли бы получить и удерживать» [Гарр 2005: 61]. Можно предположить, что в понятии «относительная депривация» автор пытается передать комплексный характер данного психического явления и его взаимосвязь с социальными последствиями, отразить факт взаимопроникновения различных видов депривации и формирования в реальности гибридных форм активности, детерминированных депривационными стимулами. Одной из возможных форм реакции на различные депривирующие условия реальности может выступать агрессия, в том числе речевая.

В зависимости от того, какая потребность не удовлетворяется, исследователи выделяют различные виды депривации. Обобщая существующие типологии и классификации, Е.Г. Алексеенкова вслед за Й. Лангмейер и З. Матейчек описывает следующие виды депривации [Алексеенкова 2009, цит. по Лангмейер, Матейчек 1984]:

- *сенсорная (стимульная) депривация* – пониженное количество сенсорных стимулов или их ограниченная изменчивость и модальность;

- *когнитивная (информационная) депривация (депривация значений)* – слишком изменчивая, хаотичная структура внешнего мира без четкого упорядочения и смысла, которая не дает возможности понимать, предвосхищать и регулировать происходящее извне;

- *депривация эмоционального отношения (эмоциональная депривация)* – недостаточная возможность для установления интимного эмоционального отношения к какому-либо индивиду или разрыв подобной эмоциональной связи, если таковая была создана ранее;

- *депривация идентичности (социальная депривация)* – ограниченная возможность для усвоения автономной социальной роли.

К депривации, выступающей объектом исследования в лингвистике, традиционно относят сенсорную (зрительную, слуховую, тактильную) и эмоциональную виды депривации. Несмотря на то что современная лингвистика обладает развитым инструментарием соотнесения речевых индикаторов с эмоционально-модальными признаками депривации [Potapova 2015], распознавания изменений в языковом сознании и поведения носителей различных лингвокультур (см., например [Национально-культурная специфика... 1977; Исследование речевого мышления...

1985; Язык и сознание... 1993; Уфимцева 2011]), построения речевого портрета конкретного индивида [Потапова 2015; Потапова, Потапов 2006]), социальная и когнитивная виды депривации, связанные с внешними факторами среды и общества, играющие немаловажную роль в развитии полноценной личности, а также выступающие ведущими условиями в периоды социальной нестабильности, экономических кризисов, революционных изменений, остаются зачастую неохваченными.

Актуализировавшиеся в последнее десятилетие военные действия на территории стран постсоветского пространства создают условия для возникновения социальной и когнитивной депривации граждан стран в зоне военно-экономического конфликта, а также подтверждают тот факт, что информационная война «затеивается» в квази-анонимной среде Интернета. Дефицит достоверной информации, информации в целом или перенасыщение информацией определенного типа в условиях отсутствия критической оценки может приводить к ошибкам в суждениях о фактах действительности, построению ложных выводов о текущих событиях / субъектах, искажению актуальной картины мира.

И если в случае кратковременного воздействия возможна актуализация конструктивных способов реагирования на депривацию, то длительная депривация ведет к таким негативным последствиям, как развитие чувства тревоги, необоснованного страха, депрессивных состояний и сопутствующих их когнитивных расстройств, актуализации экзистенциальных проблем личности, принятие нелегитимных паттернов поведения. Длительная неспособность справиться с возникшими трудностями (фрустрация) и лишениями (депривация) приводит к снижению общей активности и формированию негативной картины мира – формированию установки, что окружающая реальность изначально враждебна. Иной способ совладания с эмоционально-психологическим напряжением, порождаемым депривацией, – это уход в виртуальный мир.

Постулат о том, что человеческое сознание формируется посредством конструирования образа реальной действительности и через дискурсивные практики, и факт того, что в современном мире человек приобретает опыт бытия в основном опосредованно, через тексты / дискурсы, раскрывает потенциальные угрозы вербальной актуализации агрессии в интернет-дискурсе социальных сетей.

Прогнозирование агрессивного поведения участника подобного дискурса в реальной жизни по продуцируемым сообщениям представляется весьма затруднительным в силу того, что практически невозможно проверить прогноз на практике. Однако определить эффект заражения настроениями, передаваемые в сообщении, и транслирование заложенных в сообщении концептов – задача вполне реальная.

Экспериментальное исследование «следов» депривации по письменной речи пользователей социальных сетей

Целью настоящего исследования является описание речевого профиля автора сообщения, речевая продукция которого обусловлена воздействием депривационных факторов (внешняя информационная блокада страны, внутренняя политика переворота, экономический кризис, общая социальная нестабильность) и провоцирует эмоционально-психологическое напряжение, а также «заражает» агрессивными установками других участников коммуникации (в социальной сети «ВКонтакте»).

Анализируемый речевой материал, интернет-общение пользователей социальных сетей (полилоги, тематика которых входит в семантическое поле «агрессия») следует рассматривать в рамках концепции социально-сетевого дискурса (по Р.К. Потаповой). Согласно данной концепции, социально-сетевой дискурс (ССД) является «особым электронным макрополилогом, рассматриваемым как результат сочетания устной и письменной разновидностей конкретного языка» [Потапова 2015: 20-22]. Р.К. Потапова отмечает следующие свойства, отличающие социально-сетевой дискурс [там же]:

- необратимость;
- ситуативность;
- динамичность;
- нарушение иерархии социальных отношений (демократичность / псевдодемократичность);
- комбинаторика монохронности и полихронности ввиду высокой скорости (темпа) распространения информации;
- комбинаторика высказываний представителей культуры с низким контекстом и культуры с высоким контекстом;
- увеличение межличностного пространства;
- тематическая неограниченность;
- казуальная обусловленность;
- манипулирование сознанием реципиента;
- эмоционально-модальная насыщенность.

Рассматриваемые полилоги (n=5) были отобраны для анализа методом сплошной выборки из авторской базы данных² «Русскоязычный агрессивный дискурс социальных сетей (с учетом специальных параметров аннотирования)»© [Потапова, Комалова 2015]. Тематикой данных полилогов было обсуждение участниками революционных событий на Украине (март 2014 года).

Участниками полилогов выступили 102 мужчины и 32 женщины; 36 участников идентифицировали себя с русской и 24 – с украинской лингвокультурами. Одиннадцать участников не указали гендерную принадлежность, у 85 – принадлежность к лингвокультуре. В рассматриваемых полилогах участники общались на русском языке, в очень редких случаях переходя на украинский язык. Смена языкового кода обуславливалась стремлением участника резко сменить подтему обсуждения, перевести внимание на свои сообщения и наглядно разделить группу на «своих» и «чужих».

Уже на данном этапе можно отметить, что русскоязычные участники были склонны к более открытой позиции в полилоге, предъявляли свое мнение более уверенно и в более культурной форме. Это может объясняться, в первую очередь, тем, что социальная сеть «ВКонтакте» является российским ресурсом, что дает участникам, идентифицирующимся с русской лингвокультурой, повод чувствовать себя «принимающей стороной».

---

² Подробнее о принципах формирования базы данных семантического поля «агрессия», о разработке аннотированных корпусов по данной тематике см. [Потапова, Комалова 2013, 2014, 2015; Potapova, Komalova 2013, 2014].

При составлении речевого профиля каждого из участников полилогов учитывались такие показатели его / ее речевой активности, как:

- общее число постов всех участников полилога;
- общее число постов каждого участника в полилоге;
- число сообщений каждого участника полилога, которые послужили стимулами для агрессивной речевой реакции друг(ого/их) участник(а/ов);
- жанр сообщений-стимулов;
- число сообщений, в которых реализовывалась ответная агрессивная речевая реакция других участников полилога на сообщения-стимулы каждого участника полилога;
- число сообщений каждого участника полилога, в которых реализовывалась ответная агрессивная речевая реакция данного участника полилога на сообщения-стимулы других участников;
- жанр сообщений-реакций.

При подсчете реплик-стимулов и реплик-реакций учитывались только реплики с агрессивным речевым компонентом, а также гендер участника полилога. Об общей активности в полилоге конкретного участника свидетельствует соотношение числа всех его постов к общему числу постов всех участников. Речевой профиль участников полилогов конструировался на основе определения показателей общей речевой активности каждого участника (ОРА), его провокационной речевой активности (ПРА), его реакционной речевой активности (РРА), соотношения провокационной и реакционной активностей данного участника (Д), а также показателя речевой агрессии для каждого участника полилога (РАг). В таблице 1 представлены полученные в результате анализа данные по каждому из полилогов в соотношении участников-мужчин и участников-женщин.

Таблица №1

Обобщенные показатели агрессивной речевой активности участников полилогов

Анализируемый полилог №1					
(частота, в %)	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	3,5	0,1	3,5	Р	3,6
Женщины	5,1	0,3	5,3	Р	5,6
Анализируемый полилог №2					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	9,7	0,8	9,4	Р	10,2
Женщины	7,5	0,2	8,3	Р	8,5
Анализируемый полилог №3					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	2,6	0,1	3,2	Р	3,3
Женщины	4,7	0,1	2,1	Р	2,2
Анализируемый полилог №4					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	5,6	0,4	5,5	Р	5,9
Женщины	3,9	4,3	4,3	Р	4,4
Анализируемый полилог №5					

	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	1,6	0,1	0	–	0
Женщины	2,5	0,1	0	–	0

Хотя в целом анализируемые полилоги по содержанию можно охарактеризовать как агрессивный тип коммуникации, среднее число агрессивных стимулов и реакций в их структуре не превышает 10%. Из табл. 1 видно, что выделить тенденции в агрессивном речевом поведении участников полилога, определяемые гендером, не удалось: в зависимости от темы обсуждения и от количества участников полилога **агрессивная речевая инициатива** может проявляться как в речи мужчин, так и в речи женщин.

Таблица №2

Обобщенные показатели речевой активности участников полилогов по принципу «стимул – реакция»

№ полилога	Пол участника	Тип речевой деятельности (Д ³)		
		П	Р	Н
1)	мужчина	4	7	5
	женщина	0	6	3
2)	мужчина	1	6	1
	женщина	1	2	0
3)	мужчина	1	14	11
	женщина	1	3	2
4)	мужчина	0	11	4
	женщина	0	3	1
5)	мужчина	1	0	38
	женщина	1	0	9

Доминирующим типом речевой активности в анализируемых полилогах является **агрессивная речевая реакция** на речевую провокацию другого коммуниканта (см. табл. 2). В свою очередь, сообщение, которое воспринимается как речевая провокация, не всегда является инициальной речевой агрессией и может представлять собой сообщение с нейтральным по содержанию контентом, провокативный потенциал которого актуализируется за счет общего контекста коммуникации или обуславливается позицией коммуникантов, как по отношению друг к другу, так и по отношению к предмету коммуникации.

В силу того что любая реплика в социально-сетевом полилоге имплицитно адресована всем участникам коммуникации, нельзя с уверенностью сказать, на кого именно направлен стимул, но можно отследить участников, которые отвечают на речевую провокацию.

³ Условные обозначения: П – в речевой деятельности участника переписки преобладает провокативность, Р – преобладает реактивность; Н – участник переписки не реагирует на провокации со стороны других участников и / или не продуцирует агрессивные речевые стимулы. Данные указаны в абсолютных единицах.

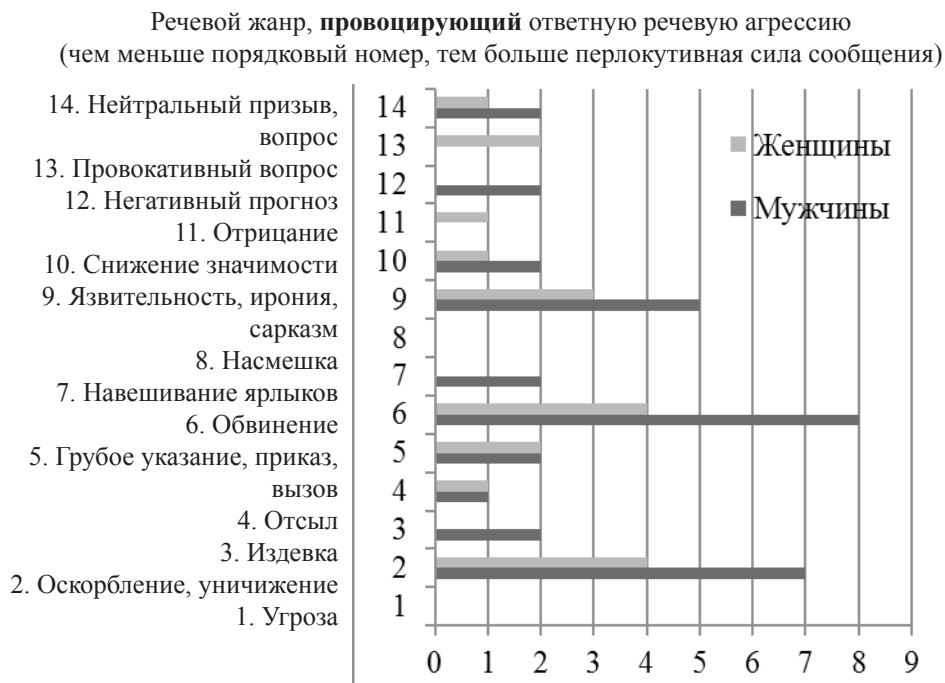

Рисунок №1

Жанровая составляющая сообщений, провоцирующих ответную речевую агрессию

Таблица №3

Соответствие речевых стимулов и речевых реакций участников исследуемых полилогов

Стимул со стороны	Частота связи	Ответная речевая агрессия со стороны
мужчины	0,53	женщины
	0,84	мужчины
женщины	0,47	женщины
	0,16	мужчины

Согласно полученным данным (табл. 3), в исследуемых полилогах мужчины более подвержены речевым провокациям и более склонны отвечать на провокации в виде речевой агрессии. Ответная речевая агрессия более вероятно будет направлена на провокатора того же пола, что и адресант. Так, мужчины более склонны вербально агрессивно реагировать на речевые провокации мужчин, женщины, соответственно, – на речевые провокации женщин.

Остановимся подробнее на определении жанровой составляющей сообщений, провоцирующих речевую реакцию в виде речевой агрессии, и непосредственно жанрах ответной речевой агрессии (с учетом гендера коммуникантов) (рис. 1-2).

В результате анализа исследуемых полилогов было выявлено, что наиболее частотными речевыми жанрами, провоцирующими ответную речевую агрессию, являются жанры обвинения, оскорбления, язвительности. Например⁴:

(1) Мужчина коллективному адресату: *О боже, одни дауны не способные думать* (оскорбление). <...> *Быдло* (оскорбление). *Гандона свергли, еще больше гандонов у власти стало* (обвинение).

(2) Мужчина женщине: *...если не ваша тупая россия у нас бы этих проблем бы не было* (обвинение) *ваша страна проблема для всех стран мира вам же ЛОХам* (оскорбление) *делать нефиг так давай нашу страну лезть* (обвинение).

(3) Мужчина мужчине: *Валерий, ой как же вы узко мыслите* (язвительность).

(4) Мужчина мужчине: *малыш* (язвительность) *давай не говорить кто узко мыслит*.

(5) Женщина женщине: *Елизавета,))) не умеете красиво проигрывать спор?* (язвительное обвинение) *Или вы тайный фанат Виктренко?)))*.

(6) Женщина коллективному адресату: *У хохлов* (оскорбление) *совсем нет ни логики, ни мозгов* (обвинение); *ни какой связи проследить не могу, тупые* (оскорбление).

Речевой жанр **ответной** речевой агрессии

(чем меньше порядковый номер, тем больше перлокутивная сила сообщения)

Рисунок №2.

Жанры ответной речевой агрессии

² Примеры приводятся в оригинальной редакции авторов сообщений исследуемых полилогов. Полу жирным оформлением текста выделены единицы, идентифицирующие речевой жанр сообщения. В скобках указано наименование данного жанра.

В результате анализа жанров ответной речевой агрессии было выявлено, что женщины еще менее активно вербально проявляют себя в ответ на речевые провокации. *Наиболее частотным жанром ответной речевой агрессии мужчин являются жанры оскорбления, язвительности, обвинения и угрозы. Например:*

(7) Мужчина женщине: *Арина, если российские солдаты начнут в нас стрелять, хоть даже по приказу, вы уж извините, ответ будет достойным (угроза ответных действий), еще одной Абхазии не будет).*

(8) Мужчина коллективному адресату: *...Украину России продали моральные уроды (обвинение-оскорбление).*

(9) Женщина женщине: *Арина, это ты решила что КРЫМ ваш???? большая а в сказки веришь (язвительность). вы же типа пришли защищать от кого то (язвительность). а сейчас что получается уже завоевывать (обвинение) ПОДЛЫЕ ПРЕДАТЕЛИ (обвинение-оскорбление).*

(10) Мужчина мужчине: *...ище будешь хуйню писать по ебалу получишь (угроза) гандон москаля! (оскорбление)*

(11) Женщина женщине: *Алина, ну ты вообще предательница (обвинение) нашей страны!!*

(12) Мужчина женщине: *Арина, если вы «свое» возвращаете то почему не забираете Аляску, и или против Америки очко играет (язвительность). <...> я костями ляжу ну не когда над моей головой не будет (угроза) возвышаться Русский флаг!*

(13) Мужчина мужчине: *Дима. Посмотри нашу историю у нас всегда так было есть и будет. Что одного вора убрали другой придёт. тк власть всегда была у нас такая (обвинение, негативный прогноз). Кроме царей который с раннего детства готовили управлять страной. А вы пошли на поводу у бандитов (обвинение) и гибли за них, так что теперь получайте лучшую жизнь.... (язвительность)*

(14) Женщина коллективному адресату: *...Ваше правительство делает ми*ет США и ЕС, а вы радуетесь... Вы были в Европе не в курортных городах??? Видели как живет простой люд в деревнях???? Нет??? Да, в ж*не они видели этот ЕС, да только тепея ни кто их оттуда не выпустит!!! помините мое слово через пару лет, если вы ступите в ЕС.... (угроза, негативный прогноз)*

(15) Женщина женщине: *...ты вообще кто такая, да ты никто, чтоб судить нацу нацию и зовут тебя никак) (оскорбление).*

(16) Женщина женщине: *Ну если это КВН, то ты просто ДУРА (оскорбление). Я даже извиняться не стану. Разговор окончен (отказ от коммуникации). Читай свои сказки (приказ) про Тягнибока.*

(17) Мужчина мужчине: *Руслан, ты только скажи, когда вас будут продавать, назовешь свой ценник... Я тебя куплю, будешь мне обувь чистить (издевка).*

(18) Мужчина мужчине: *русских тут всегда уважали и любили, но сейчас из-за вашего вождя-спасателя, захотевшего получить Крым для своих целей, все меняется в худшую сторону (язвительное обвинение).*

(19) Мужчина женщине: *Путлер (оскорбление) ввел свои войска в Крым, ни одна страна мира этого не одобряет, темболее Украина, не уберет своих – им помогут убраться, начнется война (угроза, негативный прогноз), это весь мир уже знает, кроме России.*

(20) Мужчина мужчине: ...вам что сложно нормально выбрать президента хорошего из народа а не **очередного олигарха у которого все активы и все бабло за бугром** (обвинение) и который как **марионетка от европы зависит что ему скажет то и делает** (обвинение) <...> **вы не видите очевидных фактов** (обвинение), **вы утонули во лжи** (обвинение) подаваемой вашими сми.

(21) Мужчина мужчине: ...вам есть с чем илти в бой то? И аойдете ли вы на россию матушку? **Смотрите как бы она не показала оскал свой**) мало думаю вам не покажется (угроза).

(22) Мужчина коллективному адресату: **Украинские СМИ – генератор оккупационной лжи!** (обвинение)

(23) Женщина коллективному адресату: **Не кому не желаю такого для своей страны. Все товарищи возвращается , и эта кость (Крым) вам еще поперёк горла станет!!!** (угроза)

Выводы

На основе полученных в ходе настоящего исследования данных можно заключить, что следами социально-когнитивной депривации в письменной речи индивидов, актуальная жизненная ситуация которых детерминирована продолжительной многофакторной депривацией (лишения в социальной, экономической, политической, когнитивной, эмоционально-психологической сферах жизнедеятельности), является частотное использование речевых жанров агрессивного типа при актуализации в процессе речевой коммуникации тем, ассоциируемых с фактами депривации.

По сравнению с участниками-женщинами участники-мужчины более свободны в использовании речевых жанров агрессивного типа, как в качестве речевой провокации, так и для ответной речевой агрессии. Отмеченная тенденция проявляется как в репертуаре используемых жанров, так и в частоте их актуализации в процессе коммуникации. Иными словами, можно отметить, что в исследуемых полилогах у агрессора мужское лицо.

Следует также отметить, что для нападения и защиты коммуниканты-мужчины и коммуниканты-женщины применяют схожий перечень речевых жанров агрессивного типа. К тройке наиболее часто используемых относятся такие жанры как оскорбление, обвинение, язвительность. Интерес представляет и тот факт, что речевой жанр оскорбления может быть рассмотрен в качестве предмета судебного разбирательства, т.е. может повлечь юридическую ответственность, в то время как регулирование функционирования жанров обвинения и язвительности происходит, как правило, в сфере бытового общения.

Литература

Алексеевкова Е.Г. Личность в условиях психической депривации. СПб.: Питер, 2009. 96 с.

Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005. 461 с.

Исследование речевого мышления в психолингвистике / Под ред. Е.Ф. Тарасова. М.: Наука, 1985. 240 с.

Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, Медицинское издательство, 1984. 336 с.

Налчаджян А.А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван: Изд-во «Огебан», 2000. 408 с.

Национально-культурная специфика речевого поведения / Под ред. А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. М.: Наука, 1977. 350 с.

Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – Изд. стереотип. М.: Либроком, 2015. 600 с.

Потапова Р.К. Социально-сетевой дискурс как объект междисциплинарного исследования // Материалы Второй междунаро. научн. конф. «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы». М.: МГЛУ, 2014. С. 20–22.

Потапова Р.К., Комалова Л.Р. База данных «Русскоязычный агрессивный дискурс социальных сетей (с учетом специальных параметров аннотирования)»©, 2015 (28 Мб., 277 тыс. словоформ, 208 полилогов).

Потапова Р.К., Комалова Л.Р. База данных русскоязычных текстов, содержащих единицы семантического поля «агрессия» // Семиотическая гетерогенность межкультурной коммуникации. Часть I. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 19 (705). Сер. Языкознание). С. 112–121.

Потапова Р.К., Комалова Л.Р. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 2015. 146 с.

Потапова Р.К., Комалова Л.Р. Лингвокогнитивное исследование состояния «агрессия» в межъязыковой и межкультурной коммуникации: письменный текст // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: Теория и практика. Часть II. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2013. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 15(675). Сер. Языкознание). С. 164-175.

Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Под ред. Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова (отв. ред.), Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН, 1993. 175 с.

Bandura, A. (1973). Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall.

Potapova, R. (2015). From deprivation to aggression: Verbal and non-verbal social network communication. Global Science and Innovation: materials of the VI International Scientific Conference, Chicago, November 18-19th, 2015, Vol. 1, 129-137.

Potapova, R., Komalova, L. (2013). Lingua-Cognitive Survey of the Semantic Field “Aggression” in Multicultural Communication: Typed Text. SPECOM 2013, LNAI, Vol. 8113, 227-232.

Potapova, R., Komalova, L. (2014) On Principles of Annotated Databases of the Semantic Field “Aggression”. SPECOM 2014, LNAI, Vol. 8773, 322-328.

VERBAL IMPLEMENTATION OF AGGRESSION AS A PRODUCT
OF SOCIAL AND COGNITIVE DEPRIVATION

Liliya R. Komalova

doctor of Philological Sciences, Senior researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of Russian Academy of Sciences, Moscow, Nakhimovsky prospect, 51/21, Russia;
Leading researcher, Moscow State Linguistic University, Moscow, Ostozhenka street, 38, Russia
e-mail: GenuinePR@yandex.ru

The article proposes results of the research on social and cognitive deprivation speech traces. Verbal aggression is considered to be a possible reaction to the complex of deprivation factors. Speech profile of the social network users provoking emotional-psychological tension and “infecting” with aggressive aims is described. Polylogs (written communication in Russian social network “VKontakte”) associated with the semantic field “aggression” are under investigation. Genres provoking a recipient to aggressive response and structural discourse organization infecting with negative emotions are determined.

Keywords: verbal implementation of aggression, semantic field “aggression”, genders of verbal aggression, social-cognitive deprivation.

References

- Alekseenkova E.G.* Lichnost' v usloviyah psihicheskoj deprivacii [Personality in conditions of physical deprivation]. Saint-Petersburg.: Piter, 2009. 96 p.
- Bandura A.* Teorija social'nogo nauchenija [A social learning theory]. Saint-Petersburg: Evrazija, 2000. 320 p.
- Garr T.R.* Pochemu ljudi buntujut [Why does people rebel]. Saint-Petersburg: Piter, 2005. 461 p.
- Issledovanie rechevogo myshlenija v psiholingvistike [The study of verbal reasoning in psycholinguistics] / E.F. Tarasov (ed.). Moscow: Nauka, 1985. 240 p.
- Langmejer J., Matejchek Z.* Psihicheskaja deprivacija v detskom vozraste [Physical deprivation in children's age]. Praga: Avicenum, Medicinskoe izdatel'stvo, 1984. 336 p.
- Nalchadzhan A.A.* Jetnopsihologicheskaja samozashhita i agressija [Ethno-psychological self-defense in aggression]. Erevan: Ogeban, 2000. 408 p.
- Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija [National-cultural specifics of speech behavior] / A.A. Leont'ev, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov (eds.). Moscow: Nauka, 1977. 350 p.
- Potapova R.K.* Rech': kommunikacija, informacija, kibernetika [Speech: communication, information, cybernetics]. Moscow: Librokom, 2015. 600 p.
- Potapova R.K.* Social'no-setevoj diskurs kak objekt mezhdisciplinarnogo issledovanija [Social network discourse as the object of interdisciplinary research]. *Materialy Vtoroj mezhdunarod. nauchn. konf. «Diskurs kak social'naja dejatel'nost': priority i perspektivy»* [Materials of the II International scientific conference “Discourse as the social activity: priorities and perspectives”], 2014, pp. 20–22.

Potapova R.K., Komalova L.R. Baza dannyh «Russkojazychnyj agressogennyj diskurs social'nyh setej (s uchetoj special'nyh parametrov annotirovanija)»© [Database “Russian aggressive-gen discourse of social network (with the special parameters of annotation)”], 2015 (28 Mb., 277 000 word forms, 208 polylogues).

Potapova R.K., Komalova L.R. Baza dannyh russkojazychnyh tekstov, sodержashhij edinicy semanticheskogo polja «agressija» [Database of Russian texts containing items of the semantic field “aggression”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2014, no. 19 (705), pp. 112–121.

Potapova R.K., Komalova L.R. Verbal'naja struktura kommunikativnogo akta agressii: Tematicheskij tolkovyj slovar'. Vyp. 1 [Verbal structure of communicative act of aggression: Thematic explanatory dictionary. Edition 1]. Moscow: INION RAN, 2015. 146 p.

Potapova R.K., Komalova L.R. Lingvokognitivnoe issledovanie sostojanija «agressija» v mezhjazykovej i mezhkul'turnoj kommunikacii: pis'mennyj tekst [Lingua-cognitive research of the emotional state of “aggression” in the interlanguage and cross-cultural communication: written text]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2013, no. 15 (675), pp. 164-175.

Potapova R.K., Potapov V.V. Jazyk, rech', lichnost' [Language, speech, personality]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2006. 496 p.

Ufimceva N.V. Jazykovoje soznanie: dinamika i variativnost' [Language consciousness: dynamics and variability]. Moscow: Institut jazykoznanija RAN, 2011. 252 p.

Jazyk i soznanie: paradoksal'naja racional'nost' [Language and consciousness: the paradox rationality] / Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov, N.V. Ufimceva (eds.). Moscow: Institut jazykoznanija RAN, 1993. 175 p.

Bandura, A. (1973). *Aggression: A social learning analysis*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall.

Potapova, R. (2015). From deprivation to aggression: Verbal and non-verbal social network communication. *Global Science and Innovation: materials of the VI International Scientific Conference, Chicago, November 18-19th, 2015, Vol. 1*, 129-137.

Potapova, R., Komalova, L. (2013). *Lingua-Cognitive Survey of the Semantic Field “Aggression” in Multicultural Communication: Typed Text. SPECOM 2013, LNAI, Vol. 8113*, 227-232.

Potapova, R., Komalova, L. (2014) *On Principles of Annotated Databases of the Semantic Field “Aggression”*. SPECOM 2014, LNAI, Vol. 8773, 322-328.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЗИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ТЕЛЕСНЫХ
ОБЪЕКТОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИХ ОБЛАДАТЕЛЕЙ¹**

Крейдлин Григорий Ефимович

доктор филологических наук
профессор, Институт лингвистики, кафедра русского языка
Российский государственный гуманитарный университет
125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6, ГСП 3
e-mail: grigory.e.kreydlin@gmail.com

Хесед Лидия Александровна

кандидат филологических наук
менеджер проектов, отдел искусств, Британский Совет /
Отдел культуры Посольства Великобритании в Москве
109189, Россия, г. Москва, ул. Николаямская, 1
e-mail: lidakhe@yandex.ru

В статье на материале русского языка и языка русских жестов устанавливаются и описываются связи между компонентами физической системы человека, а именно физическими признаками его тела и отдельных телесных объектов, а также социальными характеристиками человека, такими, как его пол, возраст, общественное положение, этническая и культурная принадлежность, сфера профессиональных занятий. Вводятся понятия семантической и культурной выделенности значения данного телесного признака. Показано, что семантическая выделенность значения признаков «форма плеч», «размер рук», «цвет кожи», «цвет волос», «структура языка» и некоторых других проявляется в том, что данные значения характеризуют не только соответствующие телесные объекты сами по себе, но также сообщают нечто о свойствах их обладателей (ср. *руки коротки; чернокожий; язык без костей*). В ходе анализа русских фразеологических соматизмов, а также текстов паремий и примет, в которых встречаются имена телесных объектов, устанавливается связь между характеристиками данных объектов и стереотипами, закреплёнными в русской культуре, ср. *лоб что лопата, а ума небогато; он – моя правая рука*. Особое внимание уделено проблеме перевода таких единиц на иностранные языки.

Ключевые слова: тело, физические признаки, социальные характеристики, русский язык, невербальная семиотика.

Введение. Постановка задачи

Среди систем человека можно выделить четыре основные². Это телесная, ментальная, психологическая (эмоциональная) и защитная системы. Каждая из них обладает своими особенностями и связями с остальными системами, которые от-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 16-34-00023 «Телесные манифестации ментальной и психической деятельности человека»

² О понятии «системы человека» см. [Апресян 1995: 37-67].

ражаются в естественном языке и в соответствующих невербальных знаковых кодах. При этом все эти системы соотносятся также с условиями бытования человека, его личностными качествами, положением в обществе, культурными связями и ещё многими другими его социальными и культурными характеристиками.

В центре нашего внимания будет, главным образом, одна из этих систем, а именно телесная. Мы хотим показать, что многие свойства тела и других телесных, или, иначе, соматических объектов, в русском языке и русском языке тела часто связываются с характеристиками их обладателей. Из них мы выделим, прежде всего, такие социальные характеристики человека, как возраст, пол, имущественный ценз, принадлежность к определённой социальной группе и т.п.

Порядок дальнейшего изложения будет следующим: в разделе 1 вводится понятийный и практический аппарат описания выделяемых корреляций. Особое внимание здесь будет обращено на такие понятия, как (а) семиотическая концептуализация тела и её составляющие, (б) признаковый подход к построению и описанию семиотической концептуализации тела и (в) те значения телесных признаков, которые манифестируют интересующие нас связи. Раздел 2 посвящён отдельным значениям признаков соматических объектов, а именно тем, которые обладают свойствами семантической или культурной выделенности. Анализируется ряд русских языковых и жестовых выражений, которые раскрывают семантическую или культурную выделенность некоторого признака данного объекта. В остальных разделах данной работы последовательно раскрывается роль некоторых семантически и культурно выделенных значений телесных признаков и социальных характеристик человека в формировании его основных систем.

1. Семиотическая концептуализация тела и её составляющие

В основе описания телесной системы человека лежит понятие **<наивной> семиотической концептуализации тела**³. Наивная семиотическая концептуализация тела – это модель того, что и как неискушённый носитель языка говорит о теле, его частях, органах и других телесных объектах и о свойствах, которыми эти объекты обладают. Кроме того, в семиотической концептуализации тела отображаются знаковые действия человека с телом и над телом (такие действия мы называем **жестами в широком смысле слова**⁴).

Построить семиотическую концептуализацию тела применительно к данному естественному языку и соответствующему языку тела – это, фактически, означает описать все его составляющие. К ним относятся: (1) множество соматических объектов и (2) их языковых имён, (3) множество типов (классов) и некоторых других объединений соматических объектов и (4) их языковых имён, (5) множество признаков этих объектов и (6) типов объектов, (7-8) множество значений этих признаков, (9) множество языковых имён всех этих единиц. Наконец, это (10) множество жестов, осуществляемых с телом и над телом, и (11) имён таких жестов.

³ О понятии семиотической концептуализации тела см. подробнее [Крейдлин 2008, 2010; Крейдлин Переверзева 2010].

⁴ Под жестами в широком смысле слова мы понимаем знаковые движения головы, рук, плеч и некоторых других частей тела, то есть собственно жесты, знаковые взгляды, движения лица, позы, а также знаковые вербально-невербальные комплексы – манеры (см. подробнее в монографии Крейдлин 2002).

Для построения семиотической концептуализации тела был разработан **признаковый подход**⁵, в центре которого лежит описание телесных объектов с помощью системы разнообразных признаков этих объектов, или телесных признаков, и их значений.

Для соматических объектов определены три вида признаков: **физические** (к ним принадлежат, например, признаки размера, цвета, формы и температуры данного объекта), **структурные** (например, способность данного объекта члениться на значимые составные части, его текстура, то есть свойства поверхности) и **функциональные признаки** (это собственно функции и дисфункции данного объекта).

Таким образом, признак каждого из перечисленных видов релятивизован относительно данного соматического объекта. Иными словами, говоря, например, о размере (или о каких-то значениях этого признака), мы имеем в виду размер определённого соматического объекта, а именно размер руки – это один признак, размер живота – это другой признак и т.д. Причина такой релятивизации состоит в том, что в общем случае признак соматического объекта X и одноимённый признак соматического объекта Y имеют разные значения. Например, признак «цвет глаз» имеет значение /голубой/, которого не имеет признак «цвет щёк», а функции руки иные, чем функции языка⁶.

2. Понятия семантической и культурной выделенности значения данного телесного признака

Проведённые нами исследования признаков соматических объектов, значений этих признаков и их языковых имён⁷ показывают, что значения всех видов признаков данного соматического объекта имеют самые разнообразные языковые выражения, <квази>синонимичные друг другу, причём одно или несколько из них не только говорят нам что-то о данном соматическом объекте, но и указывают на отдельные личные или социальные признаки его обладателя.

Такое семантическое свойство данного языкового выражения мы называем его **семантической выделенностью**. **Признак** называется **семантически выделенным**, если хотя бы одно из языковых выражений его значения является семантически выделенным.

Рассмотрим два примера.

(а) Признак «размер языка» имеет значение /большой/, выражаемое, в частности, следующими весьма близкими по смыслу сочетаниями *большой язык*, *длинный язык* и *язык лопатой*, ср. предложения (1) – (3) соответственно.

(1) *Теперь, щёлкая зубами и облизывая **большим языком** мокрые усы, он <Мокей> особенно стал похож на большого, смиренного пса* (М. Горький. Ледоход).

⁵ О признаковом подходе см. подробнее в работах [Крейдлин 2008, 2010; Крейдлин, Переверзева 2009, 2010].

⁶ Здесь и далее мы выделяем имена признаков знаком «», значения признаков – знаком //, языковые выражения значения – курсивом, ср. длинные ноги – языковое выражение значения /большой/ признака «размер ног».

⁷ Результаты этих исследований изложены, например, в работах [Аркадьев, Крейдлин 2010; Кадыкова, Крейдлин 2010; Крейдлин, Летучий 2006; Летучий 2008].

(2) С женою он <Скварыш> уже вдосталь наговорился о своей беде, жена ему не сочувствовала. Знай попрекала за его **длинный язык**, за детскую доверчивость (В. Быков. Бедные люди).

(3) Сделать **язык лопатой** – улыбнуться, приоткрыть рот, положить широкий язык на нижнюю губу, удерживать его под счёт от 1 до 10 (Логопедическая служба // www.school59cheb.ru).

Одно из приведённых в этих примерах выражений является семантически выделенным – это выражение *длинный язык*, указывающее не только на размер языка, но и на свойство его обладателя – его болтливость. В силу данного выше определения значение /большой/ признака «размер языка» тоже является семантически выделенным.

(б) Среди значений признака «цвет глаз» семантически выделенным является значение /красный/, потому что сочетание *красные глаза*, передающее одно из значений этого признака, является семантически выделенным: красные глаза у человека говорят о том, что он болен или что он какое-то время назад плакал. Ср. (4) *Мне было стыдно её <бабушки> красных глаз, её набрякших век, её скорбного чёрного платочка в белых горошках, но я не мог выжать ни единой слезинки* (Ю. Герт. А ты поплачь, поплачь...).

Признаки соматических объектов, их значения и языковые выражения этих значений могут передавать не только характеристики человека – обладателя данного объекта, но и стереотипные представления о нём и о его теле, закреплённые в данной культуре. Значение признака соматического объекта, говорящее наряду с характеристикой самого объекта нечто содержательное о культуре, к которой принадлежит человек – обладатель этого объекта, мы называем **культурно выделенным**.

Например, в русской культуре (и не только русской, см. ниже) значение /рыжий/ признака «цвет волос» является выделенным, во-первых, семантически, а во-вторых, культурно. С одной стороны, рыжий цвет волос говорит о психических характеристиках их обладателя, а именно о его хитрости и лукавстве, ср. вполне распространённую дразнилку *рыжий-бесстыжий*. С другой стороны, значение /рыжий/ того же признака является и культурно выделенным, поскольку в русской культуре люди с рыжим цветом волос занимают определённую социальную нишу: по стереотипным представлениям русских этот цвет волос присущ определённой социальной группе – клоунам. Ср. пример (5), отражающий этот стереотип, и пример (6), обыгрывающий его:

(5) *Появляется Зина, **рыжая, как клоун в цирке**, красногубая, зеленоглазая, в зелёном же переливающимся платье и очень добрая* (Б. Окуджава. Упразднённый театр).

(6) *Сергей Довлатов назвал когда-то свой очерк об Уфлянде «**Рыжий**». Это верно почувствовано, юмор Уфлянда – гениальная словесная клоунада. Не совсем удачно только название, потому что Чаплин **не был рыжим**, не носил рыжего парика* (Л.Лосев. Народный поэт. К 70-летию В. Уфлянда).

Русская культура наделяет рыжих людей и некоторыми другими свойствами. Остановимся на одном из них. Поскольку рыжий цвет волос – достаточно редкий, к тому же, он яркий и временами даже близкий к красному (ср. выражение *огненно-рыжий*), рыжеволосые люди выделяются среди окружающих, и потому их считают

особыми. Не случайно появилось такое выражение, как *Что я, рыжий что ли?* (ср. неправильные * *Что я, брюнет, что ли?* или * *Что я, русский что ли?*). Здесь в форме риторического вопроса выражается обида человека: он обижается на то, что его неизвестно по каким причинам отделяют от других, между тем, как он считает себя таким же, как все. Иными словами, значение фразы <X говорит Y>: «*Что я, рыжий, что ли?*» можно представить так:

‘Человек X думает, что человек Y думает, что X не может сделать некоторое P. X-у обидно то, что Y так думает. Считая себя способным сделать P, потому что он – такой же, как все те, кто может сделать P, X говорит это Y-у’.

Так, в предложении (7) Гаврилова *получает по высшей ставке, а я что, рыжая, что ли?* – сказала Таня (В. Аксёнов. Пора, мой друг, пора) Таня считает, что она выполняет свою работу хорошо, не хуже Гаврилова, а потому заслуживает такой же зарплаты.

Замечание:

Особое отношение к рыжеволосым свойственно не только русской культуре. Исследование текстов ирландского фольклора, проведённое Т.А. Михайловой [Михайлова 2000: 68-77], рыжий цвет волос является отличительным знаком сидов – inferнальных фольклорных персонажей.

О семантической и о культурной выделенности признака соматического объекта, какого-то значения этого признака или его языкового выражения обычно говорят применительно к тем телесным объектам, которые играют ключевую роль в формировании внешнего облика человека или, шире, его телесной системы, и которые воспринимаются главным образом визуально. Например, семантически выделенными являются многие значения признака «размер рук», ср. такие выражения, как *длинные руки* (данное выражение характеризует человека жадного, алчного, способного раздобыть для себя нечто, чего другой раздобыть не может) или *руки коротки* (данная языковая единица применяется по отношению к человеку, который, по мнению говорящего, не может сделать нечто, что нужно сделать, точнее, у которого нет достаточной власти, возможностей или прав сделать это нечто). Между тем сочетание *длинные пальцы* обозначают исключительно размер пальцев, а сочетания *пальцы коротки* не существует.

Свойства семантической и культурной выделенности признаков (значений признаков) соматических объектов, по-видимому, не зависят от грамматического оформления соответствующих выражений. Ср. сочетания *длинный язык* и *язык лопатой* (оба сочетания являются обозначениями семантически выделенного значения признака «размер языка»), а также сочетания *длинные ноги* и *ноги от ушей* (оба являются обозначениями семантически выделенного значения признака «размер ног»).

Важно подчеркнуть, что отмеченные свойства релятивизованы относительно данного языка. Иными словами, если языковое выражение является обозначением семантически или культурно выделенного свойства, например, в русском языке, то совсем необязательно, что переводной эквивалент этого выражения будет обозначать семантически или культурно выделенные свойства, скажем, в английском языке. Например, выражение *язык без костей* является в русском языке

семантически выделенным, поскольку обозначает человека, болтающего о том, о чём следовало бы молчать. При буквальном переводе его на *английский язык* мы получаем сочетание *boneless tongue*. Таким образом, если переводчик хочет сохранить свойство семантической (культурной) выделенности, он должен осознанно искать соответствующий эквивалент, а не переводить сочетание буквально. Разумеется, и буквальный перевод с одного языка на другой может сохранять свойство выделенности. Так, русское и английское сочетания *красный нос* и *red nose* в этом отношении эквивалентны, поскольку оба указывают не только на цвет носа, но и на то, что его обладатель склонен к обильному употреблению спиртного. Вот, например, как переводится фрагмент из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (8) на английский язык (9):

(8) *В то время как скакавшие были призваны в беседку <...>, старший брат Вронского, Александр, полковник с эксельбантами, невысокий ростом, такой же коренастый, как и Алексей, но более красивый и румяный, с красным носом и пьяным, открытым лицом, подошел к нему* (Л. Толстой. Анна Каренина).

(9) *At the time when the racers had to go to the pavilion <...>, Vronsky's elder brother, Alexander, a colonel with heavy fringed epaulets, came up to him. He was not tall, though as broadly built as Alexey, and handsomer and rosier than he; he had a red nose, and an open, drunken-looking face* (L. Tolstoy. Anna Karenina, перевод Constance Garnett).

Работу переводчика по поиску нужного переводного эквивалента, сохраняющего свойство семантической выделенности иллюстрируют фрагмент (10) из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевод (11) на английский язык:

(10) *Низенький, совершенно квадратный человек, бритый до синевы, в роговых очках, в новенькой шляпе, не измятой и без подтеков на ленте, в сиреновом пальто и лайковых рыжих перчатках, стоял у прилавка и что-то повелительно мычал* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(11) *A short, completely square, blue-jawled little man wearing horn-rims, a pristine hat with unstained ribbon, dressed in a fawn overcoat and tan kid gloves, was standing at a counter and booming away in an authoritative voice at: an assistant in a clean white overall and blue cap* (M. Bulgakov. Master and Margarita, перевод M. Glenny).

Значение /синий/ признака «цвет кожи» характеризует не только сам цвет, но и человека, который очень хорошо выбрит, то есть это значение является семантически выделенным. В английском варианте ему соответствует выделенное выражение *blue-jawled*, означающее дословно ‘с синей челюстью’, то есть при буквальном прочтении выражающее значение признака «цвет челюсти», а не «цвет кожи».

3. Семантическая выделенность признака соматического объекта и социальные характеристики его обладателя

Ниже мы покажем, что существуют корреляции между семантической выделенностью значений физических признаков телесных объектов и различными социальными характеристиками человека.

3.1. Пол

Рассмотрим сочетание *большая грудь*. Несмотря на то, что слово *грудь* имеет

несколько значений⁸, в этом контексте оно понимается однозначно: *большая грудь* – это ‘большая женская грудь’. Характеристики *большая* и *маленькая*, передающие абсолютный размер груди, – это типовые способы выражения определённых свойств именно женского тела: о мужской груди говорят не *большая* или *маленькая*, а *широкая* или *узкая* (при этом *широкая грудь* соотносится с мужской силой, а *узкая* – с хилостью, болезнью). Сочетание *высокая грудь* также характеризует красивую грудь женщины, но не мужчины.

Из фольклорных текстов хорошо известно, что *белая грудь*, то есть обозначение конкретного цвета груди, тоже является характеристикой женщины, причём красивой. Таким образом, не только размер, но и цвет груди соотносится с признаком «пол человека».

Такая характеристика формы плеч, как *квадратные плечи*, соотносится с представлением о мужчине, причём крупном, а такая характеристика формы бёдер, как *округлые бёдра* – с представлением о женщине, причём обладающей красивым телом.

3.2 Возраст

Если отбросить разного рода физические аномалии, то такой цвет волос, как *седой*, – это характеристика взрослого человека, причём как мужчины, так и женщины. То же самое можно утверждать и о разных языковых характеристиках форм подбородка⁹, таких, как *вздёрнутый*, *квадратный*, *круглый* и некоторые другие.

Детям, в свою очередь, свойственно часто разбивать колени и локти, то есть нарушать текстуру этих частей тела. Поэтому, например, сочетание *разбитые колени*, передающее значение признака «текстура коленей» одновременно является характеристикой ребёнка, ср. (12) *Когда я вырасту и стану великаном, / Я всем разбитые колени излечу* (И. Туманян, из фильма «Когда я стану великаном»).

3.3. Социальный и имущественный статус

Сочетания некоторых имён телесных объектов со словами, в своём исходном значении передающими физические признаки этих объектов, могут выражать принадлежность людей к определённому социальному классу или сословию. К таким сочетаниям относятся, например, *белая кость* или *голубая кровь*, где прилагательные *белая* и *голубая* в своих исходных значениях – это характеристики цвета. Эти сочетания в переносных значениях обозначают аристократа, человека знатного происхождения и благородного. Антонимом к сочетанию *белая кость* является *чёрная кость* – сочетание, обозначающее человека незнатного происхождения, из низших слоёв общества.

Разные представления о теле и его частях связываются у русских людей с людьми богатыми и бедными, занимающими высокое и низкое положение.

---

⁸ См. статью [Крейдлин, Хесед 2015: 321-337].

⁹ Некоторые языковые единицы в своей семантике выражают и значения других признаков (ср. массивный, выражающее значения размера и силы).

Богатство соотносится с корпулентностью и здоровьем, а бедность – с болезнью, хилостью, худощавостью. Эти стереотипные представления во многом определяют подбор актёров на соответствующие роли в театре и кино, об этом говорят также и многочисленные живописные полотна.

3.4. Этническая принадлежность

К физическим признакам соматических объектов, по которым обычно судят об этническом происхождении человека, относятся визуально воспринимаемые признаки, такие, как «цвет кожи», «цвет глаз», «форма глаз» (прежде всего, их разрез) или «цвет волос», ср. предложение (13) *Эти осколки отражали самые различные лица: и чёрное, как сажа, лоснящееся лицо негра, и узкие глаза желтолицего китайца, <...> и ярко-красное лицо индейца с затейливыми украшениями в ушах* (А. Беляев. Остров погибших кораблей).

В русском языке есть номинативные единицы, которые, обозначая конкретный физический признак человека, одновременно выделяют человека как чужого, этнически чуждого и потому воспринимаются адресатом как оскорбления разной степени грубости. Это такие слова, как *краснокожий, узкоглазый, чёрный, черномазый* или *черножопый*, обозначающие людей определённой национальности.

3.5. Профессии и занятия

Некоторые профессии и занятия непосредственно связаны с представлениями об определённых телесных параметрах людей, обладающих такими профессиями. Это, например, профессии манекенщиц, моделей, стриптизёров, стюардесс, телохранителей или занятия людей, занимающихся отдельными видами спорта, – гимнастикой, плаванием, греблей или борьбой. При наборе в спортивные секции и при приёме на работу во многих ситуациях важную роль играют те или иные требования к телесным параметрам человека. Эти требования нередко указываются даже в объявлениях о приёме на работу или в секцию. Ср. предложение (14) *Модели, кто они? Стереотип: ноги от ушей, тонкая талия, правильные черты лица* (с сайта www.volgograd-trv.ru), а также такие сочетания, как *модельная внешность, <размеры> 90-60-90, широкие плечи пловца, крупные мышцы боксёра*.

Особенно часто о профессии человека судят по характеристикам его рук (впрочем, при этом могут и ошибаться). Считается, что *тонкие пальцы* отличают пианиста, *крепкие длинные пальцы* – хирурга, *сморщенные руки* – людей, занятых домашним трудом (стиркой, глажкой, мытьём посуды и т. д.) Ср. предложения (15) – (17):

(15) *Длинные, нервные пальцы пианиста всегда находились в движении* (Е. Велтистов. Победитель невозможного).

(16) *Она <Мария> выставила руки, пальцы у неё оказались крепкими, пальцы хирурга* (О. Глушкин. Поледний рейс).

(17) *Сморщенные руки прачки указывают на то, что бедняга утонул несколько недель назад* (И. Полянская. Прохождение тени).

4. Культурная выделенность признака соматического объекта и социальные характеристики его обладателя

Напомним, что если хотя бы одно значение признака соматического объекта, наряду с характеристикой самого объекта, говорит нам нечто содержательное о той культуре, к которой относится обладатель этого объекта, то такое значение (и сам признак) мы называем культурно выделенными (см. раздел 2).

Соотношение телесных признаков людей со свойствами культуры, представителями которой являются эти люди, закреплено в фольклорных текстах, прежде всего, в пословицах, поговорках, некоторых клишированных выражениях.

Например, большой лоб у людей по данным русских паремиологических текстов, говорит об их уме, ср., например, поговорку *Лоб что лопата, а ума небогато*. Здесь предложение *лоб что лопата* является стилистически маркированным выражением значения абсолютного размера лба, то есть *лоб что лопата* означает 'большой лоб', а по стереотипным представлением русских, если человек обладает большим лбом, то он должен быть умным. Употребление союза *а* указывает на нарушение существующего стереотипа. Аналогичный анализ можно предложить и для поговорки *Семи пядей во лбу, а пороха не выдумает*. В английской культуре наличие у человека большого лба не свидетельствует о большом уме. Считается, что большой лоб выглядит некрасиво, так как нарушает пропорции лица, а потому такой лоб нужно прятать за волосами. По данным поисковых систем Интернета сочетание *big forehead* 'большой лоб' указывает только на размер лба и встречается в следующих контекстах: *как спрятать большой лоб, причёски для обладателей большого лба, как визуально уменьшить лоб* и т.п.

По представлениям, свойственным русской культуре, чёрный цвет глаз отличает злого, завистливого человека, а потому людей, обладающих таким цветом глаз, часто сторонились, боялись, что такие люди могут наводить порчу, ср. (18) *Поля бабушку боялась, считала, что у неё «чёрный глаз»* (Г. Щербакова. Ангел мёртвого озера). Таким образом, чёрный цвет глаз является культурно выделенным цветом (для русской культуры). А для южно-итальянской культуры выделенным является другой, голубой, цвет глаз (см. об этом [Крейдлин 2002: 404]).

Культурная выделенность признака соматического объекта соотносится с таким видом текстов, как приметы, связанные с данным объектом. Об этом говорят широко распространённые в народной русской культуре приметы, связанные с телом и телесным поведением, прежде всего, жестовым. Такие тексты примет, как *горит лицо, свербит в голове, чешется правая/левая рука*, выражающие физические или функциональные свойства объектов, прямо соотносятся со следующими свойствами их обладателей. Если у человека горит лицо, то по представлениям русских людей его кто-то вспоминает; когда свербит в голове, то часто говорят, что это к брани, то есть человека будут бранить, а когда чешутся руки, то это к деньгам – к их получению или отдаче.

5. Заключение

Как мы показали, физические признаки соматических объектов, такие, как размер, форма, цвет и т. д., сложным образом взаимодействуют с социальными

характеристиками человека – с его полом, возрастом, общественным положением, этнической и культурной принадлежностью.

Среди множества значений различных физических признаков особое место занимают те значения, которые мы назвали семантически выделенными и культурно выделенными. Именно эти значения являются определяющими для установления связей между физическими признаками и социальными характеристиками человека, причём средства выражения этих значений в русском языке весьма разнообразны.

Наша работа относится к числу исследований, устанавливающих связь между телесной системой и другими системами человека. Она даёт основание утверждать, что компоненты наиболее конкретной из систем человека – телесной системы – являются знаковыми манифестациями многих элементов более абстрактных систем – психической, ментальной и защитной.

Литература

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. – М.: Вопросы языкознания, «Наука», 1995, № 1. С. 37-67.

Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е. Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) // Сборник научных работ к 80-летию Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянских культур, 2010. С. 41-53.

Кадыкова А.Г., Крейдлин Г.Е. Части тела в русском языке и в русской культуре: признак «цвет» // Вестник РГГУ № 9/52. – М.: 2010. С. 47-64.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.

Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге П. Б. Дейктические жесты и речевые акты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4-8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). – М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 248-253.

Крейдлин Г.Е. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 1: тело и другие соматические объекты. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). – М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 230-234.

Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б. Концептуализация частей тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах // Русский язык в научном освещении. 2006. № 6. С. 80-115.

Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Части тела в русском языке и русской культуре: проект Института лингвистики РГГУ // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2007 и 2008. – М.: МЦНМО, 2009. С. 173-183.

Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 2: признаки соматических объектов и их значения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам

Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). – М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 235-240.

Крейдлин Г.Е., Хесед Л.А. Тело в диалоге и некоторые проблемы мультимодальной коммуникации: признак «размер соматического объекта» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог» (Москва, 27-31 мая 2015 г.). Вып. 14 (21) в 2 тт. – М.: Изд-во РГГУ, 2015. Т. 1. С. 321-337

Летучий А.Б. Часть тела/форма «кулак»: функции, концептуализация, место в системе частей тела // Вестник РГГУ (Московский лингвистический журнал). – М.: Издательский центр РГГУ, 2008. № 6 (т.10). С. 91-108.

Михайлова Т.А. Рыжая девушка, или о цвете волос как о знаке принадлежности к иному миру в ирландском фольклоре // Миф в культуре: человек – не-человек / Л.А. Софронова, Л.Н. Титова (ред.). – М.: «Индрик». 2000. С. 68-77.

THE CORRESPONDENCE BETWEEN PHYSICAL FEATURES OF THE SOMATIC OBJECTS AND SOCIAL CHARACTERISTICS OF THEIR OWNERS

Grigory E. Kreydlin

professor, Institute of linguistics, Department of Russian language
Russian State University for the Humanities
125993, Russian Federation, Moscow, Miuskaya sq., 6, OMP 3
e-mail: grigory.e.kreydlin@gmail.com

Lidia A. Khesed

projects and Partnerships Manager
British Council Russia
109189, Russian Federation, Moscow, Nikoloyamskaya str., 1
e-mail: lidakhe@yandex.ru

In the present article based on the material of Russian language and language of Russian gestures we identify and describe the correlations between components of the physical system of the human being, namely physical features of the human body and particular somatic objects, and social characteristics of the person, such as his/her gender, age, social status, ethnicity, culture and sphere of professional interests. We introduce the terms of semantically and culturally marked values of the features of the somatic objects. It is demonstrated how the semantically marked values of such features as «shape of shoulders», «size of arms», «colour of skin», «colour of hair», «inner structure of tongue» and some others not only describe the corresponding somatic objects, but also say something about their possessors (e.g. *one's arm is short*; *black <man>*; *loose tongue*). The analysis of Russian phraseological somatisms, idioms and proverbial signs

with the names of the somatic objects shows the connections between the values of the features of those objects and stereotypes peculiar to Russian culture (e.g. *big head and little wit; he is my right hand*). The special attention is paid to the problem of translation of those units into other languages.

Keywords: body, physical features, social characteristics, Russian, non-verbal semiotics.

References

Apresyan Yu.D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The Image of a Human Being in the Language: an Essay of Systematic Description] // *Voprosy yazykoznaniiya*. – M.: Nauka, 1995. № 1. P. 37-67

Arkad'yev P.M., Kreydlin G.E. *Chasti tela i ih funktsii (po dannym russkogo yazyka i russkogo yazyka tela)* [Body Parts and Their Functions (in Russian Language and in Russian Body Language)] // *Sbornik nauchnyh rabot k 80-letiyu Yu. D. Apresyana* [Collection of Scientific Works to 80s Anniversary of Yu. D. Apresyan]. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur. P. 41-53.

Kadykova A.G., Kreydlin G.E. *Chasti tela v russkom yazyke i russkom yazyke tela: priznak «tsvet»* [Body Parts in Russian Language and Culture: «Colour»] // *Vestnik RGGU № 9/52*. – M.: 2010. P. 47-64.

Kreydlin G.E. *Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i yestestvennyy yazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language] – M.: *Novoye Literaturnoye Obozreniye*, 2002. 581 p.

Kreydlin G.E. *Mekhanizmy vzaimodejstviya neverbal'nyh i verbal'nyh yedinitv v dialoge II B. Dejkticheskiye zhesty i rechevyie akty* [Mechanisms of Interaction Between Nonverbal and Verbal Language Units in a Dialog II B. Deictic Gestures and Speech Acts] // *Kompjuternaya lingvistika i intellektual'nyye tehnologii: po materialam mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog»* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Papers from the Annual International Conference «Dialogue»] (Bekasovo, 4-8 June 2008) Vol. 7 (14). – M.: RSUH, 2008. P. 248-253.

Kreydlin G.E. *Telo v dialoge (itogi projekta). Chast' 1: telo i drugiye somaticheskiye objekty* [Body in a Dialogue: Semiotic Conceptualization of the Body (Results of the Project). Part I: Body and Other Somatic Objects] // *Kompjuternaya lingvistika i intellektualnyye tehnologii: po materialam mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog»* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Papers from the Annual International Conference «Dialogue»] (Bekasovo, 26-30 May 2010). Vol. 9 (16). – M.: RSUH, 2010. P. 230-234.

Kreydlin G.E., Letuchij A.B. *Kontseptualizatsiya chastej tela v russkom yazyke i v neverbal'nyh semioticheskikh kodah* [Conceptualization of the Human Body in Russian Language and Nonverbal Semiotic Codes] // *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2006. № 6. P. 80-115.

Kreydlin G.E., Pereverzeva S.I. *Chasti tela v russkom yazyke i russkom yazyke tela: projekt Instituta lingvistiki RGGU* [Body parts in Russian Language and in Russian Body Language: Project of the Institute of Linguistics, RSUH] // *Linguistics for everybody. Linguistic summer schools 2007 and 2008*. – M.: MCCME, 2009. P. 173-183.

Kreydlin G.E., Pereverzeva S.I. Telo v dialoge: semioyicheskaya kontseptualizatsiya tela (itogi proekta). Chast' 2: priznaki somaticheskikh ob'yektov i ih znacheniya [Body in the Dialog: Semiotic Conceptualization of the Body (Results of the Project). Part 2: Features of the Somatic Objects and Their Meanings] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Trudy Mezhdunarodnogo seminaru «Dialog» [Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Proceedings of the International Conference «Dialog»] (Bekasovo, 26–30 May 2010). Vol. 9 (16). – M.: RSUH, 2010. P.235–240.

Kreydlin G.E., Khased L.A. Telo v dialoge i nekotoryye problemy mul'yimodal'noj kommunikatsii. Priznak «razmer somaticheskogo objekta» [Human Body in an Oral Dialog: the Corporal Feature «Size of the Somatic Object»] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Trudy Mezhdunarodnogo seminaru «Dialog» [Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Proceedings of the International Conference «Dialog»] (Moscow, 27-31 May 2015). Vol. 14 (21). – M.: RSUH, 2015. Vol. 1. P. 321-337.

Letuchij A.B. Chast' tela / forma «kulak»: funktsii, kontseptualizatsiya, mesto v sisteme chastey tela [Body Part / Shape «a Fist»: Functions, Conceptualization, Place in the System of the Body Parts] // Vestnik RGGU (Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal). – M.: RGGU, 2008. № 6 (vol. 10). P. 91-108.

Mikaylova T.A. Ryzhaya devushka, ili o tsvete volos kaka o znake prinadlezhnosti k inomu miry v irlandskom folklore [A Red Girl, or the Colour of the Hair as a Sign of the Other World in Irish Folklore] // Mif v kul'ture: chelovek – ne chelovek [Myth in Culture: Human – not Human] / L.A. Sofronova, L.N. Titova (ed.). – M.: Indrik. 2000. P. 68-77.

**ИДЕОЛОГЕМЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ:
МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА**

Маховиков Денис Викторович

научный сотрудник отдела психолингвистики
Института языкознания РАН
Россия, 125009, Москва,
Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
e-mail: denisrich2708@yandex.ru

Степанова Анна Александровна

научный сотрудник отдела психолингвистики
Института языкознания РАН
Россия, 125009, Москва,
Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
e-mail: st.anna@bk.ru

В статье анализируется динамика содержания идеологем – имен собственных **Сталин** и **Ленин** в языковом сознании представителей двух поколений русских – поколения, языковое сознание которого формировалось в советскую эпоху, и поколения постсоветского периода истории России.

В работе описываются подходы к трактовке понятия «идеологема» и типологии идеологем. Предлагается определение идеологемы с позиции Московской психолингвистической школы как образа языкового сознания, в содержание которого входит идеологический компонент.

Средством объективации идеологемы и материалом для анализа в настоящем исследовании выступают ассоциативные поля, представленные в Русском ассоциативном словаре и Русском ассоциативном словаре-2. Качественный и количественный анализ ассоциативных полей позволяет выявить интегральные и дифференциальные компоненты в содержании идеологем **Сталин** и **Ленин** в языковом сознании представителей двух поколений русских и способы закрепления этих идеологем в их языковом сознании, а также выстроить иерархию признаков в содержательной структуре идеологем и определить их аксиологический модус.

Ключевые слова: идеологема, языковое сознание, образ языкового сознания, имя собственное, Сталин, Ленин.

Активно используемый в философии, социологии, культурологии и других гуманитарных науках термин «идеологема» получает в лингвистике свое осмысление. В поле лингвистического определения и описания идеологем большая работа была проведена, в частности, Н. А. Купиной [1995; 2000; 2003; 2005]. Изначально она определила идеологему как мировоззренческую установку, облеченную в языковую форму [Купина 1995: 43]. Впоследствии эта формулировка была

конкретизирована, и под идеологемой автор стала понимать языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический [Купина 2000: 183].

Интерес к проблеме и активное оперирование термином «идеологема» при описании советского новояза и анализе дискурса советского времени привели к формированию нескольких подходов к определению идеологемы. На сегодняшний день, по свидетельству Е. А. Нахимовой [2011], можно выделить два ведущих направления в трактовке идеологем – лингвистическое и лингвокогнитивное. Лингвистическое направление, в свою очередь, представлено семиотическим и лексикологическим подходами. Не обсуждая очевидную спорность подобного деления, кратко охарактеризуем каждое из этих направлений.

В рамках лингвистического направления идеологема понимается либо максимально широко (семиотическое измерение), либо достаточно узко (лексикологический взгляд). В первом случае идеологемой, фактически, признается любой феномен, акцентирующий принадлежность к советской идеологии: имена, цитаты, буквы, даже русский алфавит при его использовании неславянскими народами, падежные окончания, портреты, географические карты (см., напр., [Гусейнов 2004]). Во втором – идеологемами признаются только слова или устойчивые словосочетания с идеологическим компонентом.

Лингвокогнитивное направление в попытках определить идеологему оперирует понятием концепт. Идеологема – это «многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Мальшева 2009: 35].

В понятийном поле, в котором работают авторы настоящей статьи, идеологеме можно определить как образ языкового сознания, в содержание которого входит идеологический компонент.

Кроме проблемы определения идеологемы, в лингвистике решалась проблема типологии идеологем. Например, А. П. Чудинов выделяет два вида идеологем: идеологемы-слова (словосочетания), по-разному понимаемые сторонниками различных политических взглядов, и идеологемы-наименования, используемые только сторонниками определенных политических взглядов [Чудинов 2007: 92–93]. Е. Г. Мальшева классифицирует идеологемы в зависимости от их аксиологического модуса: идеологемы с положительным аксиологическим модусом, идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом и идеологемы со смешанным аксиологическим модусом [Мальшева 2009: 37].

Особым видом идеологем признаются имена политических лидеров, которые именуются личностными идеологемами (термин Н. И. Клушиной), при этом некоторые из них выступают как идеологемы-архетипы (термин Е. Г. Мальшевой). Последние заинтересовали нас с точки зрения динамики их содержания в языковом сознании представителей двух поколений – поколения, воспитанного на идеалах советской эпохи, и поколения, которое появилось на свет уже в демократической России и о советском периоде истории знает только из внешних источников.

Мы предлагаем анализировать содержание идеологем – имен собственных, опираясь на ассоциативное поле как модель образа языкового сознания соответствующего имени собственного. Исследование проводится на материале ассоциативных полей **Сталин** и **Ленин**, которые мы позаимствовали из Русского ассоциативного словаря (РАС) и Русского ассоциативного словаря-2 (РАС-2). РАС создавался на основе свободного ассоциативного эксперимента с носителями русского языка, языковое сознание которых формировалось в советскую эпоху (Русские-1), в то время как для составления РАС-2 использовались данные экспериментов с представителями поколения постсоветского периода истории России (Русские-2).

Мы предполагаем, что содержание (и в том числе оценка / аксиологический модус) данных идеологем у двух поколений русских различно, что обуславливает специфику речевого общения между двумя поколениями. Данный тезис мы рассматриваем в качестве *гипотезы* нашего исследования.

Соответственно, *целью* исследования является выявление интегральных и дифференциальных компонентов в содержании идеологем **Сталин** и **Ленин** в языковом сознании представителей двух поколений русских. В качестве *задач*, необходимых для решения поставленной цели, мы ставим следующие:

1. описать ассоциации, которые идеологемы вызывают у русских двух поколений, и тем самым то, как они закреплены в их языковом сознании в качестве стереотипа;

2. выявить иерархию содержательных компонентов ассоциативных полей идеологем в РАС и РАС-2 и проследить динамику изменения их содержания, если такие изменения имеют место;

3. определить роль идеологем в образе мира русских.

Возможный ход анализа содержания идеологемы продемонстрируем для начала на примере ассоциативных полей стимула **Сталин**. Ассоциативное поле РАС сформировано из 105 реакций (из них 2 отказа от ответа), соответствующее поле РАС-2 – из 507 (из них 13 отказов от ответа). Для 10,5% Русских-1 **Сталин** – *вождь*, столько же испытуемых ассоциируют его с Лениным (*Ленин*), 4,8% называют самый характерный атрибут внешности вождя – *усы*. Русские-2, как и Русские-1, в качестве самой частотной реакции дают ассоциат *вождь* (18,3%), связывают **Сталина** с Лениным (*Ленин* – 5,3%) и называют его имя (*Иосиф* – 4,7%). Среди трех самых частотных реакций поля у Русских-2 оказывается характеристика вождя – *тиран* (4,7%).

Анализ ассоциативных полей позволяет выделить следующие содержательные компоненты идеологемы **Сталин**:

1. понятийный компонент:

Русские-1	Русские-2
<i>вождь</i> 10,5	<i>вождь</i> 18,3
<i>властитель</i> 1,0	<i>правитель</i> 0,8
<i>генералиссимус</i> 1,0	<i>руководитель</i> 0,8
<i>генеральный секретарь</i> 1,0	<i>коммунизм</i> 0,6
<i>генсек</i> 1,0	<i>коммунист</i> 0,6
<i>полководец</i> 1,0	<i>президент</i> 0,6
<i>правитель</i> 1,0	<i>власть</i> 0,4
<i>ученый</i> 1,0	

	<i>генералиссимус 0,4</i> <i>глава 0,4</i> <i>лидер 0,4</i> <i>партия 0,4</i> <i>политик 0,4</i> <i>предводитель 0,4</i> <i>большевик 0,2</i> <i>вожак 0,2</i> <i>генсек 0,2</i> <i>главный 0,2</i> <i>деятель 0,2</i> <i>правление 0,2</i> <i>управляющий 0,2</i> <i>ЦК 0,2</i>
<i>Ленин 10,5</i> <i>Берия 1,9</i> <i>Брежнев 1,9</i> <i>Гитлер 1,0</i> <i>Жуков 1,0</i> <i>и Ленин 1,0</i> <i>Хрущев 1,0</i>	<i>Ленин 5,3</i> <i>Гитлер 1,2</i> <i>Путин 0,8</i> <i>Брежнев 0,6</i> <i>Берия 0,2</i> <i>Володя 0,2</i> <i>Горбачев 0,2</i> <i>и Ленин 0,2</i> <i>Махно 0,2</i> <i>Медведев 0,2</i> <i>Хрущев 0,2</i>
<i>Иосиф 1,0</i>	<i>Иосиф 4,7</i> <i>Иосиф Виссарионович 0,8</i> <i>Гугошвили 0,2</i> <i>Джугашвили 0,2</i> <i>И.В. 0,2</i> <i>Йосиф 0,2</i>
<i>грузин 1,0</i> <i>мужчина 1,0</i>	<i>грузин 1,4</i> <i>человек 1,2</i> <i>мужик 0,8</i> <i>калмык 0,2</i>
Итого: 38,8%	Итого: 45,3%

При анализе понятийного компонента ассоциативного поля РАС-2 обнаруживаются некоторые особенности, отражающие специфику содержания данной идеологемы в сознании нового поколения русских. В частности, обращает на себя внимание наличие:

- а) реакций, обозначающих политическую стратегию Сталина (*коммунизм, коммунист, партия, большевик*);
- б) номинаций, не свойственных сталинской эпохе, а используемых в настоящее время (*президент, лидер, управляющий*), а также разговорного в данном контексте слова *вожак*;
- в) имен современных политических деятелей (*Путин, Володя¹, Медведев*) и общее расширение списка имен собственных, соотносимых с именем **Сталин**.

¹ Возможна, но, на наш взгляд, менее вероятна интерпретация этой реакции через принадлежность Ленину.

2. (эмоционально-)оценочные характеристики:

Русские-1	Русские-2
<p>диктатор 2,9 деспот 1,9 тиран 1,9 вождь-тиран 1,0 гад 1,0 дьявол 1,0 злой 1,0 как сталь 1,0 маньяк 1,0 отвращение 1,0 паранойя 1,0 строгость 1,0 урод 1,0 фашист 1,0 чувак 1,0 (18,7%)</p>	<p>тиран 4,7 диктатор 2,6 деспот 1,0 болезнь 0,4 жесткий 0,4 жестко 0,4 зло 0,4 злой 0,4 лох 0,4 сволочь 0,4 строгий 0,4 iron tap 0,2 агрессия 0,2 агрессор 0,2 воля 0,2 гад 0,2 дедок 0,2 дерзкий 0,2 дурак 0,2 железная хватка 0,2 жестокый 0,2 жестокость 0,2 зло 2 0,2 идиот 0,2 изверг 0,2 истребитель 0,2 клоун 0,2 козел 0,2 комуняка 0,2 не очень 0,2 не уважаю 0,2 ни разу 0,2 палач 0,2 сталь 0,2 супостат 0,2 чмо 0,2 (15,5%)</p>
<p>вождь всех времен 1,0 вождь народа 1,0 отец всех народов 1,0 отец народов 1,0 ура! 1,0 (5,0%)</p>	<p>герой 0,8 молодец 0,8 гений 0,4 личность 0,4 бог 0,2 великий 0,2 величие 0,2 добро 0,2 знаменитый 0,2 идол 0,2 красавчик 0,2 наш 0,2 необходимо 0,2</p>

	<i>отец народа</i> 0,2 <i>победитель</i> 0,2 <i>прав</i> 0,2 <i>тонкий</i> 0,2 <i>фигура</i> 0,2 <i>я его не знал</i> 0,2 (5,4%)
Итого: 23,7%	Итого: 20,9%

Обе группы испытуемых оценивают Сталина прежде всего как диктатора, деспота и тирана. В обоих полях встречаются реакции-оценки с ярко выраженной негативной эмоциональностью, имеющие низкий стилиевой статус (*гад, урод, чувак* в РАС-1 и *лох, сволочь, гад, дедок, дурак, идиот, изверг, козел, комуняка, чмо* в РАС-2). Полнос положительных оценок в группе Русские-1 представлен реакциями-штампами, которые закрепились в сознании советских людей благодаря пропаганде и отражают специфику риторической традиции советской эпохи. Ассоциаты Русских-2 за исключением единичной реакции *отец народа*, в искаженном виде воспроизводящей штамп, выражают их субъективные оценки, иногда ироничные (*красавчик*).

С данным компонентом тесно связан следующий компонент; многие из образующих его слов-реакций имеют ярко выраженную оценочность, однако оценка, которую они выражают, направлена не на образ самого Сталина, а на события и ситуации, которые имели место быть во время его руководства страной.

3. реалии:

Русские-1	Русские-2
<i>война</i> 1,9 <i>культ личности</i> 1,9 <i>портрет</i> 1,9 <i>репрессии</i> 1,9 <i>репрессия</i> 1,9 <i>враг народа</i> 1,0 <i>геноцид</i> 1,0 <i>горе</i> 1,0 <i>диктатура</i> 1,0 <i>застой</i> 1,0 <i>лагерь</i> 1,0 <i>лагеря</i> 1,0 <i>продукты</i> 1,0 <i>расстрел</i> 1,0 <i>режим</i> 1,0 <i>страшно</i> 1,0 <i>террор</i> 1,0	<i>война</i> 2,2 <i>репрессии</i> 1,6 <i>град</i> 0,6 <i>победа</i> 0,6 <i>репрессия</i> 0,6 <i>товарищ</i> 0,6 <i>тоталитаризм</i> 0,6 <i>Великая Отечественная война</i> 0,4 <i>ГУЛАГ</i> 0,4 <i>железный занавес</i> 0,4 <i>звезда</i> 0,4 <i>культ личности</i> 0,4 <i>террор</i> 0,4 <i>враг</i> 0,2 <i>горе</i> 0,2 <i>дисциплина</i> 0,2 <i>жесть</i> 0,2 <i>жить стало лучше, жить стало веселее</i> 0,2 <i>занавес</i> 0,2 <i>и репрессии</i> 0,2 <i>издевательство</i> 0,2 <i>красный флаг</i> 0,2 <i>культ</i> 0,2 <i>лагерь</i> 0,2 <i>муки</i> 0,2

	<i>правда 0,2</i> <i>правило 0,2</i> <i>приказал 0,2</i> <i>промышленность 0,2</i> <i>профиль 0,2</i> <i>пятилетие 0,2</i> <i>разруха 0,2</i> <i>режим 0,2</i> <i>родина 0,2</i> <i>семинария 0,2</i> <i>слезы 0,2</i> <i>ссылка 0,2</i> <i>Сталинград 0,2</i> <i>страх 0,2</i> <i>таран 0,2</i> <i>тоталитарный 0,2</i> <i>убийцы 0,2</i> <i>ужас 0,2</i> <i>фашисты 0,2</i>
Итого: 21,5%	Итого: 15,4%

Некоторые реакции РАС-2 воспроизводят устойчивые сочетания, возникшие во время правления Сталина, – обращение к вождю «Товарищ Сталин», фразу самого Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселее!», лозунг «За Родину, за Сталина!».

4. атрибуты:

Русские-1	Русские-2
<i>усы 4,8</i> <i>трубка 3,8</i>	<i>усы 2,8</i> <i>усатый 0,6</i> <i>трубка 0,4</i> <i>усы, трубка 0,4</i> <i>брови 0,2</i> <i>курить 0,2</i> <i>трубка, усы 0,2</i> <i>усатый батька 0,2</i> <i>усы и трубка 0,2</i>
Итого: 8,6%	Итого: 5,2%

Мы видим, что рассматриваемый образ достаточно стереотипно представлен в сознании как Русских-1, так и Русских-2. Характерными атрибутами образа испытуемые двух групп называют усы и трубку, которую курил Сталин. Следует, однако, отметить:

а) более разнообразную комбинаторику ассоциативного ряда атрибутов у Русских-2 (кроме однословных реакций респонденты дали сочетания *усы, трубка; трубка, усы; усатый батька; усы и трубка*);

б) варьирование частеречной принадлежности внутри ряда (*усатый* наряду с *усы*);

в) наличие дополнительных содержательных характеристик (*брови, курить*).

5. временная перцепция (темпоральные характеристики):

Русские-1	Русские-2
<i>умер</i> 2,9 <i>история</i> 1,9 <i>был</i> 1,0 <i>быль</i> 1,0	<i>СССР</i> 3,4 <i>умер</i> 1,8 <i>история</i> 1,4 <i>жив</i> 0,6 <i>был</i> 0,4 <i>прошлое</i> 0,4 <i>в молодости</i> 0,2 <i>всегда</i> 0,2 <i>Дети Арбата</i> 0,2 <i>игра</i> 0,2 <i>Михалков</i> 0,2 <i>оттепель</i> 0,2 <i>памятник</i> 0,2 <i>Россия</i> 0,2 <i>смерть</i> 0,2 <i>старое</i> 0,2 <i>это история</i> 0,2
Итого: 6,8%	Итого: 10,2%

Реакция *игра* отражает восприятие образа Сталина современными русскими через название компьютерной игры «Сталин против марсиан».

Затруднения вызвала интерпретация реакции *рог* (1,0%) в ассоциативном поле РАС и реакция *резина* (0,2%) из ассоциативного поля РАС-2.

Иерархию содержательных компонентов идеологема **Сталин** по материалам РАС и РАС-2 отразим в таблице:

Содержательный компонент	Русские-1 (%)	Русские-2 (%)
понятийный компонент	38,8	45,3
(эмоционально-)оценочные характеристики	23,7	20,9
реалии	21,5	15,4
атрибуты	8,6	5,2
временная перцепция (темпоральные характеристики)	6,8	10,2

Проведенный анализ показывает, что в содержании идеологема **Сталин** у представителей двух поколений русских наблюдаются как общие, так и специфические черты.

1. Идеологема **Сталин** в сознании Русских-2 фиксируется / «живет» в том числе и в знаках современной эпохи (*президент, лидер, управляющий, Путин, Володя, Медведев*) либо в искаженных по форме знаках советской эпохи (*пяtilетие* вместо «пяtilетка»).

2. Русские-2 дают более разнообразные оценки образу, при этом положительные оценки не воспроизводят советские штампы, как у старшего поколения, а выражают субъективное отношение испытуемых. Таким образом, у современных русских идеологема **Сталин** получает дуальную оценку.

3. Вместе с тем внешний облик вождя сохраняется в памяти поколений в неизменном виде.

4. Большее процентное соотношение реакций, отражающих временную перцепцию образа, и их содержательные характеристики дают основание предполагать,

что для Русских-2 Сталин в большей степени воспринимается как история, нечто прошлое, не связанное с настоящим, чем для русских конца 80-х – начала 90-х гг. XX века.

Перейдем к анализу содержания идеологемы **Ленин**. Обратимся к данным ассоциативных словарей. Ассоциативное поле РАС сформировано из 102 реакций (из них 3 отказа от ответа), соответствующее поле РАС-2 – из 825 (из них 6 отказов от ответа). Самая частотная реакция Русских-1 на стимул **Ленин** – *вождь* (16,7%), ассоциаты *жив* (8,8%) и *великий* (3,9%) воспроизводят части прецедентных высказываний. Не менее важной в смысловом отношении является реакция *мавзолеей* (3,9%), которая у Русских-2 становится самой частотной (40,2%). Как и Русские-1, Русские-2 называют Ленина вождем (*вождь* – 9,8%) и связывают его со Сталиным (*Сталин* – 4,7%).

Анализ ассоциативных полей позволяет выделить следующие содержательные компоненты идеологемы **Ленин**:

1. понятийный компонент:

Русские-1	Русские-2
<i>вождь</i> 16,7	<i>вождь</i> 9,8
<i>большевизм</i> 1,0	<i>коммунизм</i> 2,8
<i>коммунист</i> 1,0	<i>большевик</i> 1,2
<i>КПСС</i> 1,0	<i>партия</i> 1,2
<i>и партия</i> 1,0	<i>коммунист</i> 0,8
<i>партия</i> 1,0	<i>власть</i> 0,6
<i>член</i> 1,0	<i>красный</i> 0,5
	<i>пролетариат</i> 0,5
	<i>большевики</i> 0,2
	<i>лидер</i> 0,2
	<i>марксизм</i> 0,2
	<i>правитель</i> 0,2
	<i>президент</i> 0,2
	<i>революционер</i> 0,2
	<i>социализм</i> 0,2
	<i>глава</i> 0,1
	<i>еще вождь</i> 0,1
	<i>и буржуазия</i> 0,1
	<i>имя</i> 0,1
	<i>как предводитель</i> 0,1
	<i>капитал</i> 0,1
	<i>КПСС</i> 0,1
	<i>лидер большевиков</i> 0,1
	<i>политик</i> 0,1
	<i>политика</i> 0,1
	<i>правленец</i> 0,1
	<i>шеф</i> 0,1

<i>Владимир Ильич</i> 2,0 <i>Ильич</i> 1,0	<i>Ильич</i> 1,2 <i>Владимир Ильич</i> 1,0 <i>Владимир</i> 0,8 <i>В.И.</i> 0,6 <i>Ульянов</i> 0,6 <i>Илья</i> 0,2 <i>Вова</i> 0,1 <i>Ульянин</i> 0,1 <i>фамилия</i> 0,1
<i>Маркс</i> 1,0 <i>Сталин</i> 1,0	<i>Сталин</i> 4,7 <i>Путин</i> 0,2 <i>Гитлер</i> 0,1 <i>Крупская</i> 0,1 <i>Сталин, Лена</i> 0,1
<i>человек</i> 1,0	<i>человек</i> 0,6
Итого: 28,7%	Итого: 30,5%

Как и при анализе понятийного компонента ассоциативного поля **Сталин** в РАС-2 в ассоциативном поле **Ленин** фиксируются специфические реакции, характеризующие языковое сознание современных русских:

а) номинации, несвойственные ленинской эпохе (*лидер, президент, разг. правленец*) либо предстающие в искаженной форме (*Ульянин*);

б) имя сегодняшнего российского президента (*Путин*), а также ряд других имен, соотносимых с Лениным, за счет чего происходит расширение списка ИС.

Реакция *партия*, встречающаяся в обоих ассоциативных полях, приобретает особую значимость при анализе идеологемы **Ленин**. Ленин являлся не просто создателем Российской социал-демократической рабочей партии (партии большевиков), но само имя вождя отождествлялось с партией. Ср. у В. В. Маяковского в поэме «Владимир Ильич Ленин»:

Партия и Ленин –	близнецы-братья
кто более	матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,	подразумеваем –
мы говорим	партия,
партия,	подразумеваем –
	Ленин.

Симптоматична в этой связи реакция *и партия* в ассоциативном поле РАС-1.

2. (эмоционально-)оценочные характеристики:

Русские-1	Русские-2
<i>великий</i> 3,9	<i>дедушка</i> 0,8
<i>дедушка</i> 2,0	<i>великий</i> 0,6
<i>великий человек</i> 1,0	<i>личность</i> 0,4
<i>вождяра</i> 1,0	<i>отец</i> 0,4
<i>голова большая</i> 1,0	<i>гений</i> 0,2
<i>мысль</i> 1,0	<i>батюшка</i> 0,1
<i>наш</i> 1,0	<i>бог</i> 0,1
<i>отец</i> 1,0	<i>был прав</i> 0,1
<i>отец, учитель</i> 1,0	<i>владыка</i> 0,1
<i>патриот</i> 1,0	<i>красава</i> 0,1
<i>прав</i> 1,0	<i>красавчик</i> 0,1
<i>совесть нашей эпохи</i> 1,0	

<p><i>ура</i> 1,0 <i>хороший</i> 1,0 (17,9%)</p>	<p><i>легенда</i> 0,1 <i>молодец</i> 0,1 <i>папа</i> 0,1 <i>позитивно</i> 0,1 <i>умный</i> 0,1 <i>царь</i> 0,1 <i>человечище</i> 0,1 (3,7%)</p>
<p><i>демагог</i> 1,0 <i>дурак</i> 1,0 <i>жалко</i> 1,0 <i>злой гений</i> 1,0 <i>ничтожество</i> 1,0 <i>странный</i> 1,0 <i>фу, фу...</i> 1,0 (7,0%)</p>	<p><i>дурак</i> 0,2 <i>зло</i> 0,2 <i>вредный</i> 0,1 <i>гад</i> 0,1 <i>дядька</i> 0,1 <i>дядя</i> 0,1 <i>жесткий</i> 0,1 <i>идиот</i> 0,1 <i>козел!</i> 0,1 <i>лох</i> 0,1 <i>лучше бы не знать</i> 0,1 <i>мудак</i> 0,1 <i>нехороший человек</i> 0,1 <i>никто</i> 0,1 <i>ошибся</i> 0,1 <i>плохо</i> 0,1 <i>плохой</i> 0,1 <i>политика маразма</i> 0,1 <i>провокактор</i> 0,1 <i>сволочь</i> 0,1 <i>скотина</i> 0,1 <i>чмо</i> 0,1 <i>шпион</i> 0,1 (2,5%)</p>
<p>Итого: 24,9%</p>	<p>Итого: 6,2%</p>

В отличие от ассоциативного поля **Сталин**, где и у Русских-1, и у Русских-2 значительно преобладают отрицательные оценки, ассоциативное поле **Ленин** как в РАС-1, так и в РАС-2 демонстрирует положительную оценочность. Первые три положительные оценки в обеих группах испытуемых во многом совпадают. У Русских-2, как и в ассоциативном поле **Сталин**, встречаются иронические оценки *красава* и *красавчик*. Это неслучайно, так как наблюдение за употреблением этих слов показывает, что в подавляющем большинстве контекстов они выражают общую оценку, то есть фактически являются современными коррелятами общеоценочного «хороший». Наряду с этим Русские-2 демонстрируют большую стилистическую свободу: среди реакций на стимул можно обнаружить лексемы низкого стилистического статуса (*дурак*, *гад*, *идиот*, *козел!*, *лох*, *мудак*, *сволочь*, *скотина*, *чмо*).

3. реалии:

Русские-1	Русские-2
<p><i>революция</i> 2,0 <i>17 год</i> 1,0 <i>в Горках</i> 1,0 <i>манифест</i> 1,0</p>	<p><i>революция</i> 2,1 <i>СССР</i> 0,5 <i>комсомол</i> 0,4 <i>гражданин</i> 0,2</p>

	культ 0,2 1917 0,1 1922 г. 0,1 броневик 0,1 бронетранспортер (БТР) 0,1 вольт 0,1 вперед 0,1 дети 0,1 долг 0,1 и СССР 0,1 конка 0,1 красный флаг 0,1 Кремль 0,1 лампочка 0,1 ленточка 0,1 октябрь 0,1 пионер 0,1 пионерия 0,1 революция и смерть 0,1 террор 0,1 товарищ 0,1 товарищи 0,1 ужас 0,1 учеба 0,1 учиться 0,1 учиться, учиться и еще раз учиться 0,1 Чека 0,1
Итого: 5,0%	Итого: 6,0%

При анализе этого компонента образа невозможно не заметить совпадения в обеих группах испытуемых первой реакции, объективирующей его содержание – *революция*, причем совпадение касается и частотности реакции.

Ассоциаты *гражданин*, *товарищ* и *товарищи* фиксируют характерные для советской эпохи обращения, вошедшие в обиход после Февральской революции.

Реакция *лампочка* отсылает к названию первых бытовых ламп накаливания, появившихся в домах крестьян и колхозников в СССР в ходе электрификации страны, – лампочек Ильича. По-видимому, к ней примыкает и реакция *вольт*.

После подписания Лениным указа «Об уравнении всех военнослужащих в правах» в 1917 году на государственных наградах перестает использоваться Георгиевская лента, которая в царской России являлась частью высшей армейской награды – ордена Святого Георгия (Георгиевский крест). На смену ей пришла Гвардейская лента, идентичная Георгиевской за исключением ширины оранжевой окантовки, которая также украсила высшую военную награду – орден Славы. Вероятно, этим можно объяснить появление в ассоциативном поле реакции *ленточка*.

В 1917 году при Совете народных комиссаров РСФСР была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК при СНК РСФСР). Слово «чекист» происходит именно от аббревиатуры «ЧК». Испытуемый, реагируя на стимул, использует нетипичную форму этого сокращения (*Чека*).

Ассоциаты *учиться* и *учиться, учиться и еще раз учиться* в разных формах воспроизводят один из так называемых заветов Ильича.

4. атрибуты:

Русские-1	Русские-2
лысый 2,9	лысый 0,8 кепка 0,2 бородка 0,1
Итого: 2,9%	Итого: 1,1%

Как мы видим, внешний облик Ленина у Русских-2 предстает более конкретизированным. Испытуемые кроме лысины указывают на кепку и бородку.

5. временная перцепция (темпоральные характеристики):

Русские-1	Русские-2
жив 8,8 мавзоль 3,9 умер 2,9 в октябре 2,0 с нами 2,0 всегда жив 1,0 жив, жил 1,0 живой 1,0 жил, Ленин жив, Ленин будет жить 1,0 мед 1,0 музыка А. Пахмутовой 1,0 на трибуне 1,0 памятник 1,0 памятник вождю 1,0 памятник на площади Советов 1,0 партия! комсомол! 1,0 Партия, Комсомол 1,0 Телец 1,0 Ульяновск 1,0 учил 1,0	мавзоль 40,2 жив 3,0 памятник 1,7 умер 0,8 гриб 0,5 история 0,5 мертв 0,5 молодой 0,5 в мавзолее 0,4 Москва 0,4 был 0,2 всегда молодой 0,2 труп 0,2 Ульяновск 0,2 бюст 0,1 вечно молодой 0,1 вокзал 0,1 всегда 0,1 Гроза 0,1 давно 0,1 жив, жил, будет жить 0,1 жив, Ленин жил, Ленин будет жить 0,1 жил, жив и будет жить 0,1 значок 0,1 Красная площадь 0,1 мир, СССР 0,1 музей 0,1 на полпути 0,1 начало 20 в. 0,1 перевернувший 0,1 площадь 0,1 прошлое 0,1 распад России 0,1 родился 0,1 смерть 0,1 снег 0,1 спит 0,1 старость 0,1 такой молодой 0,1 эпоха 0,1
Итого: 34,6%	Итого: 51,9%

После смерти Ленина его образ получает различные формы символизации. В марте 1924 года В. В. Маяковский пишет стихотворение «Комсомольская», рефрен которого «Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить» становится символом бессмертия вождя (реакции *жив; жив, жил, (будет жить); жил, Ленин жив, Ленин будет жить; жив, Ленин жил, Ленин будет жить; жил, жив и будет жить*). В октябре того же года поэт заканчивает работу над поэмой «Владимир Ильич Ленин», строки которой «Ленин с нами! Да здоровствует Ленин!» (реакция *с нами*) он позднее включает в стихотворение «Ленин с нами!». Эти идеологические послы начинают эксплуатироваться другими авторами. В частности, в известной песне Л. И. Ошанина и С. С. Туликова «Ленин всегда с тобой» есть такие слова: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой...» (реакция *живой* и соотносимые с ней *всегда жив, всегда*) и «В каждом деле Ленин с нами» (*с нами*). В 1960 году к девяностолетию Ленина были написаны по крайней мере две песни с одноименным названием «Ленин с нами». Авторы первой – Е. А. Долматовский и В. И. Мурадели, вторую написали М. М. Вершинин и А. Г. Новиков. Идея вечной молодости вождя нашла свое воплощение и в песне Н. Н. Добронравова и А. Н. Пахмутовой (реакция *музыка А. Пахмутовой*) «И вновь продолжается бой...»: «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!» (*молодой, такой молодой* и соотносимые *всегда молодой, вечно молодой*). А реакции *партия! комсомол!, Партия, Комсомол* воспроизводят строчку «Ленин, Партия, Комсомол!» из другой песни тех же авторов.

В 1930-м году А. М. Герасимов пишет картину «Ленин на трибуне» (реакция *на трибуне*), а в 1937-м году М. И. Ромм снимает художественный фильм «Ленин в Октябре» (*в октябре*). В честь вождя устанавливаются многочисленные памятники и бюсты (реакции *памятник, памятник вождю, памятник на площади Советов, бюст*), изготавливаются памятные значки с его изображением (*значок*), город Симбирск, в котором родился Ленин, переименовывается в Ульяновск (*Ульяновск*).

Совершенно иной характер носит символизация и мифологизация Ленина на исходе советской эпохи. В 1991 году на Ленинградском телевидении выходит передача «Ленин – гриб», в основе которой лежит сюжет-мистификация, придуманный музыкантом Сергеем Курёхиным и журналистом Сергеем Шолоховым. Согласно сюжету программы, Ленин в больших количествах употреблял галлюциногенные грибы и сам в результате превратился в гриб. Передача транслировалась на весь СССР и имела широкий общественный резонанс. Вероятно, это может служить одним из объяснений появления в ассоциативном поле РАС-2 реакции *гриб*.

Реакция *мир, СССР*, возможно, отсылает к первому в истории человечества радиопосланию к внеземным цивилизациям «Мир, Ленин, СССР», отправленному в 1962 году из Евпаторийского Центра Дальней Космической связи.

Ассоциат *Нинел* (1,0%) в РАС – реакция на форму слова.

Остальные реакции в ассоциативных полях, такие как *мышь* (1,0%) в РАС и *воздух, ком, не ходить, серое небо* (совокупно 0,4%) в РАС-2 выражают личностные смыслы испытуемых, потому не поддаются однозначной интерпретации.

Выстроим иерархию содержательных компонентов идеологемы **Ленин** по материалам РАС и РАС-2 и отразим ее в таблице:

Содержательный компонент	Русские-1 (%)	Русские-2 (%)
временная перцепция (темпоральные характеристики)	34,6	51,9
понятийный компонент	28,7	30,5
(эмоционально-)оценочные характеристики	24,9	6,2
реалии	5,0	6,0
атрибуты	2,9	1,1

Анализ содержания идеологемы **Ленин** в языковом сознании русских, принадлежащих к двум поколениям, приводит нас к следующим выводам.

1. Доминирование темпоральных характеристик образа в обоих ассоциативных полях еще сильнее, чем в случае с идеологемой **Сталин**, фиксирует этот образ в контексте прошлого. Симптоматичен в этой связи существенный разрыв между темпоральным и понятийным компонентами содержания образа у Русских-2. Актуальность идеологемы **Ленин** в языковом сознании обеспечивают в основном прецедентные высказывания и тексты.

2. «Историчность» образа в сознании Русских-2 усиливается средствами его вербального овнешнения, среди которых встречаются знаки современной эпохи (*лидер, президент, Путин*) либо знаки-искажения (*Ульянин* вместо «Ульянов»).

3. По сравнению с образом Сталина образ Ленина не переживается современным поколением русских эмоционально. Несмотря на широкий репертуар средств выражения оценки, большинство реакций Русских-2 единичные. У Русских-1, напротив, эмоционально-оценочные реакции занимают существенное место в содержательном наполнении образа, причем положительные оценки преобладают.

3. Статистические данные, приведенные в таблице, показывают, что в одинаковой степени значимым для обеих групп испытуемых является исторический контекст (группа реакций-реалий), который связан с анализируемым образом.

Представляется, что обращение к психолингвистической традиции исследования содержания образов сознания может существенно дополнить и скорректировать данные исторического, социологического, культурологического и других видов анализа.

Литература

Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. 289 с.

Купина Н. А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2005. С. 90–104.

Купина Н. А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика: бюл. Урал. лингв. о-ва. Екатеринбург, 2003. Вып. 11. С. 93–101.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995. 143 с.

Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1. С. 182–189.

Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.

Нахимова Е. А. Идеологема *Сталин* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 153–157.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 252 с.

IDEOLOGEMES IN RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS FROM AN INTERGENERATIONAL PERSPECTIVE

Denis V. Makhovikov

researcher at the Department of Psycholinguistics
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Bolshoy Kislovskiy per., 1/1, Moscow 125009, Russia
e-mail: denisrich2708@yandex.ru

Anna A. Stepanova

researcher at the Department of Psycholinguistics
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Москва 125009
Bolshoy Kislovskiy per., 1/1, Moscow 125009, Russia
e-mail: st.anna@bk.ru

The paper analyzes the dynamics of the content of the ideologemes **Stalin** and **Lenin** in the language consciousness of two generations of Russians – the generation whose language consciousness was formed in the Soviet era, and the generation of the post-Soviet period of Russian history.

The article describes approaches to the interpretation of the concept “ideologeme” and typologies of ideologemes. The authors propose a definition of ideologeme from the point of view of the Moscow psycholinguistic school as an image of language consciousness whose content includes an ideological component.

Representations of the ideologemes and material for analysis in this study are associative fields presented in the Russian associative dictionary and the Russian associative dictionary-2. A qualitative and quantitative analysis of the associative fields reveals integral and differential components in the content of the ideologemes **Stalin** and **Lenin** in the language consciousness of two generations of Russians and ways of anchoring these ideologemes in their language consciousness as well as to build a hierarchy of attributes in the content structure of the ideologemes and determine their axiological modus.

Keywords: ideologeme, language consciousness, image of language consciousness, proper name, Stalin, Lenin.

References

Gusejnov G.Ch. Sovetskie ideologemy v russskom diskurse 1990-h. [Soviet ideologemes in Russian discourse]. Moscow: Tri kvadrata, 2004. 289 p.

Kupina N.A. Zhivye ideologicheskie processy i problemy kul'tury rechi [Live ideological processes and problems of speech culture]. *Jazyk. Sistema. Lichnost'* [Language. System. Personality], 2005, pp. 90–104.

Kupina N.A. Ideologemy kak kljuchevye edinicy politicheskogo jazyka [Ideologemes as key units of political language]. *Lingvistika: bjul. Ural. lingv. o-va* [Linguistics: Bulletin of Ural linguistic society], 2003. no. 11, pp. 93–101.

Kupina N.A. Totalitarnyj jazyk: slovar' i rechevye reakcii [Totalitarian language: lexicon and speech reactions]. Ekaterinburg; Perm': ZUUNC, 1995. 143 p.

Kupina N.A. Jazykovoje stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem [Language planning: from a system of ideologemes to a system of culteremes]. *Russkij jazyk segodnja* [Russian language today], 2000, no. 1, pp. 182–189.

Malysheva E.G. Ideologema kak lingvokognitivnyj fenomen: opredelenie i klassifikacija [Ideologeme as a cognitive phenomenon: definition and classification]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2009, no. 4 (30), pp. 32–40.

Nahimova E.A. Ideologema *Stalin* v sovremennoj massovoj kommunikacii [Ideologeme *Stalin* in modern mass communication]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2011, no. 2 (36), pp. 153–157.

Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]. 2-e izd., ispr. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 252 p.

**МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ: НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ВЫСТУПЛЕНИЙ ГЛАВ ФРС США*****Найденова Наталья Сергеевна***

доктор филологических наук
доцент кафедры иностранных языков
Российского университета дружбы народов
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
e-mail: nns1306@mail.ru

Статья посвящена анализу текстов выступлений глав ФРС США с целью исследования механизмов речевого воздействия на участников финансовых рынков. Выявляется взаимозависимость различных разновидностей дискурса (экономического, религиозного, политического). Подробно рассматривается *Fedspeak* как специфическая речевая разновидность, используемая А. Гринспеном, Б. Бернанке и Дж. Йеллен в ходе проведения вербальных интервенций с целью управления рыночной конъюнктурой. Характеризуются основные дискурсивные стратегии, используемые ведущими мировыми экономистами. Анализ текстов выступлений, охватывающий грамматический, лексико-семантический и синтаксический уровни, позволяет выявить основные лингвостилистические средства, служащие для выработки дискурсивных стратегий. Значительной частотностью отличается использование модальности и условного наклонения. Особый акцент сделан на анализе лексического наполнения текстов выступлений руководителей американского центрального банка. Оно характеризуется рядом детерминант, подвергающемуся постоянному изменению, а также довольно высокой метафоричностью. В числе приемов, используемых с целью речевого воздействия, также рассматривается эффект очевидности и использование квазилогических аргументов. Проведенный анализ доказывает властную природу современного экономического дискурса, через средства массовой информации оказывающего непосредственное воздействие на конструирование реальности и поведение ведущих игроков мировых финансовых рынков.

Ключевые слова: экономический дискурс, речевое воздействие, *Fedspeak*, Гринспен, ФРС США.

Введение

В современных условиях информационной открытости мировых рынков особую роль в формировании экономической конъюнктуры обретает дискурс, при этом на первый план выходит его властная природа, состоящая в способности конструировать социальную реальность. В.П. Визгин, исследователь творчества М. Фуко, подчеркивает, что, по мнению французского постструктуралиста, «слова, вещи и индивиды включены в разнообразные системы отношений господства, обслуживаемого очагами их генерации в разнообразных социальных «локусах»», поэтому основной задачей дискурсивного анализа становится необходимость «установить, каким образом власть подчиняет себе знание и заставляет служить своим целям или

же как она отпечатывается на нем и налагает на него идеологические ограничения и содержания» [Визгин 1995: 117]. Любое знание стремится к своей легитимации и не формируется вне системы коммуникации, которая предполагает регистрацию, накопление, трансляцию и которая сама по себе есть форма власти [Чебанюк 2010: 317].

Ни одна из разновидностей дискурса не может существовать автономно. Не является исключением и экономический дискурс, находящийся в тесном взаимодействии с политическим, а также морально-этическим и религиозным дискурсами. Яркий пример такого взаимодействия приводится в книге «Эпоха потрясений» бывшего главы ФРС США А. Гринспена, где он цитирует выступление одного из сенаторов: «Знаете, я баптист. У нас, баптистов, есть сборник гимнов. И в этом сборнике есть гимн “Надежно держит якорь”. Так вот, я наблюдал за вами на протяжении всего экономического подъема, и я считал, что вы – достойная часть этого якоря. В последние годы я слушал, как вы говорили о необходимости погашения долга, что это – самое главное. Я думаю, вы были правы тогда, и теперь я чувствую себя неуютно оттого, что якорь этот дрогнул» [Greenspan 2008: 221; Гринспен 2010: 221]. В приведенной цитате соплагаются все вышеупомянутые виды дискурса: высказываясь по поводу экономических вопросов, политик успешно использует в своем выступлении религиозные (баптистский гимн) и морально-этические (обманутое доверие) компоненты. Не зря А. Гринспен так охарактеризовал ремарку сенатора: «Такие сентенции запоминаются» [Там же].

Адресат экономического дискурса – общественное мнение, отличающееся гетерогенностью, подвижностью и изменчивостью. Как отмечает А. Гринспен, «люди, в большинстве своем, лавину долю времени ощущают себя неспособными самостоятельно решить стоящие перед ними задачи и ищут наставления со стороны религии, родственников, президентов... Взгляды руководства на практике становятся господствующими взглядами общества» [Там же: 266]. По словам английского экономиста Дж.М. Кейнса, «часто самому прозорливому выгоднее не предугадывать реальный ход событий, а понимать психологию толпы» [Keynes 1971: 323].

Современному экономическому дискурсу присуще стремление к персонификации рынка, который уподобляется толпе: он столь же непредсказуем, пуглив, легко возбуждаем, ненасытен. Рынок словно находится в постоянных поисках «одного-единственного, неограниченно господствующего бога-отца» [Фрейд 2012: 108]. И он обретает его в лице ключевых фигур, воплощающих господство над мировыми рынками, например, глав Федеральной резервной системы США или Европейского центрального банка.

В настоящей работе мы постараемся проследить, какие языковые средства используют ведущие мировые экономисты с целью воздействия на складывающуюся рыночную ситуацию. Материалом исследования послужили выступления глав Федеральной резервной системы США – американского центрального банка, в число функций которого входит обеспечение стабильности финансовой системы страны. В состав ФРС входит Федеральный комитет по операциям на открытом рынке (ФОМС), отвечающий за разработку денежно-кредитной политики государства. В настоящее время (с 2014 г.) ФРС США возглавляет Джанет Йеллен. В числе ее предшественников – Бен Бернанке (2006–2014гг.) и Алан Гринспен (1987–2006 гг.).

FedSpeak и его роль в вербальных интервенциях

Именно в годы правления А. Гринспена широкое распространение получил так называемый *FedSpeak*, специфическая разновидность дискурса, присущего официальным заявлениям ФРС США. В честь своего отца-основателя *FedSpeak* также иногда именовался *Greenspeak*. Данный термин создан по аналогии с *NewSpeak* (новояз из романа Дж. Оруэлла «1984»). Сам А. Гринспен в одном из интервью дал этому термину следующее определение: «Это намеренно туманный способ самовыражения для того, чтобы избежать возникновения определенных вопросов <...> когда вместо «Без комментариев» или «Я не буду отвечать» <...> я говорю четыре-пять фраз, каждая из которых менее понятна, чем предыдущая» [Dauble 2007]. А. Гринспен прибегал к подобной дискурсивной стратегии намеренно с целью предотвратить внезапное возникновение резких колебаний рынка. Как он отмечает в своей книге «Эпоха потрясений», публичные заявления ФРС «тщательно формулировались и выверялись до мельчайших деталей» с целью дать рынку необходимый намек [Greenspan 2008: 108; Гринспен 2010: 115]. Квинтэссенция *Greenspeak* содержится в следующем знаменитом высказывании американского экономиста: «Полагаю, мне следует предупредить Вас, что если, по Вашему мнению, я выразился достаточно ясно, вы вероятно неверно меня поняли» [Ricks 1990: 257].

С приходом Б. Бернанке в 2006 г. и сменившей его в 2014 г. Дж. Йеллен наметился определенный переход от *FedSpeak* с его нарочито расплывчатыми формулировками к так называемому *plain English*, излагающему политику ФРС более доступным языком. Однако и их дискурс – *Central Bank Speak*, по замысловатости подобный, по мнению аналитиков Bloomberg, «названиям товаров в магазине Икеа» по-прежнему недостаточно прозрачен и неизбежно влечет за собой необходимость «гадания на кофейной гуще» (*reading the Fed tea leaves*) [Bloomberg 2015].

Высказывания глав ФРС США зачастую вызывают неоднозначную трактовку и ведут к значительным рыночным колебаниям. Например, свое выступление на ежегодном заседании Федерального комитета по операциям на открытом рынке в Джексон Хоул в 2012 г. Б. Бернанке завершил словами о том, что ФРС продолжит политику стимулирования экономического роста и стабильного улучшения условий рынка труда, «принимая должным образом во внимание присущие ей ограничения» (*taking due account of the uncertainties and limits of its policy tools*) [Bernanke 2013]. Буквально через несколько минут на интернет-сайтах ведущих изданий появились следующие заголовки: «Бернанке стремится подтолкнуть ФРС к более активным действиям для стимулирования роста» (*Bernanke Makes Forceful Case for More Fed Action to Spur Growth, New York Times*), «Выступление Бернанке в Джексон Хоул: дополнительное смягчения пока не ожидается» (*Bernanke at Jackson Hole: No More Easing, For Now, CNBC.com*), что не могло не сказаться на рыночных котировках.

Анализ дискурсивных стратегий глав ФРС США: лингвистический аспект

Дискурсивные стратегии, используемые руководителями ФРС США, затрагивают все языковые уровни. Так, на морфологическом уровне отмечается использование прилагательных и наречий с отрицательными префиксами в сочетании с глаголами в отрицательной форме:

...we **should not underestimate** <...> ...нам все же не следует
the complexity of the interactions of asset недооценивать сложность
markets and the economy [Greenspan 2008: взаимосвязей между рынками
177]. активов и экономикой [Гринспен
2010: 180].

...our extraordinary housing boom... ...необычайный бум в сфере жилья...
cannot continue indefinitely into the future не может продолжаться бесконечно
[Greenspan 2008: 508]. [Гринспен 2010: 480].

Ораторы очень часто прибегают к использованию модальности и условного наклонения:

On the one hand, if economic conditions were to improve faster than expected, and inflation appeared to be rising decisively back toward our objective, the pace of asset purchases could be reduced somewhat more quickly. On the other hand, if the outlook for employment were to become relatively less favorable, <...> the current pace of purchases could be maintained for longer [Bernanke 17.04.2013].

С одной стороны, если экономическая ситуация будет улучшаться быстрее, чем ожидается, а инфляция начнет ускоренно повышаться к нашему целевому значению, темпы покупок активов могли бы быть уменьшены в определенной степени быстрее. С другой стороны, если перспективы занятости станут относительно менее благоприятными, <...> то текущие темпы выкупа активов могли бы быть сохранены на более продолжительный срок¹.

На лексическо-семантическом уровне отмечено использование бинарных оппозиций, а также языковая игра на основе антонимов и синонимов. Так, в приводимой ниже цитате из официального выступления Председателя ФРС США Б. Бернанке, охарактеризованной журналистами как «практически непроницаемая», речь идет о намерении ФРС США не ослаблять контрольные механизмы и удерживать процентные ставки на низком уровне с целью стимулирования экономики:

¹ При переводе использованы материалы сайта www.fedspeak.ru.

*Recognizing the drawbacks of persistently **low** rates, the FOMC actively seeks economic conditions consistent with sustainably **higher** interest rates. Unfortunately, withdrawing policy accommodation at this juncture would be highly unlikely to produce such conditions. A premature tightening of monetary policy could lead interest rates **to rise** temporarily but would also carry a substantial risk of slowing or ending the economic recovery and causing inflation **to fall** further. Such outcomes tend to be associated with extended periods of **lower, not higher**, interest rates, as well as poor returns on other assets. Moreover, renewed economic weakness would pose its own risks to financial stability [Bernanke 22.05.2013].*

Признавая недостатки режима длительного сохранения низких ставок, Комитет по операциям на открытых рынках активно работает над созданием экономических условий, которые бы были совместимы с устойчиво более высокими процентными ставками. К сожалению, отход от стимулирующей денежно-кредитной политики в настоящий момент с очень малой вероятностью привел бы к созданию таких условий. Преждевременное ужесточение денежно-кредитной политики могло бы привести к временному росту процентных ставок, но также несло бы существенный риск замедления или прекращения экономического восстановления, а также дальнейшего падения инфляции. Такие результаты ассоциируются скорее с продолжительными периодами более низких, а не повышенных ставок, а также с низкой доходностью других активов. Кроме того, новое ослабление экономики само по себе поставило бы под угрозу финансовую стабильность².

Данный фрагмент выступления построен на оппозициях «высокий – низкий», «рост – падение». Пары антонимов повторяются в составе каждого фразового единства. Отмечено превращение антонимов в синонимы за счет использования одного из них в отрицательном значении (*lower, not higher interest rates*).

В приведенной цитате задействуется и грамматический уровень. Оратор широко прибегает к модальности за счет использования собственно модальных глаголов (*could*), условного наклонения (*would* + глагол) и глаголов с модально-оценочным значением (*tend to*).

Ряд неологизмов и метафор, созданных А. Гринспенем, получил широкое распространение в финансовом дискурсе. Один из самых ярких примеров – словосочетание *irrational exuberance* (иррациональный оптимизм), использованное главой ФРС США для характеристики рыночной конъюнктуры. Сам автор так описывает подготовку своей речи: «В моем выступлении тема стоимости активов встречалась буквально в десятке фраз ближе к концу, причем она была тщательно закамуфлирована с помощью профессионального жаргона ФРС» [Гринспен 2010: 179]. Ключевая часть выступления звучала следующим образом:

---

² При переводе использованы материалы сайта www.fedspeak.ru.

But where do we draw the line on what prices matter? Certainly prices of goods and services now being produced – our basic measure of inflation – matter. But what about futures prices or more importantly prices of claims on future goods and services, like equities, real estate, or other earning assets? Is stability of these prices essential to the stability of the economy?

Clearly, sustained low inflation implies less uncertainty about the future, and lower risk premiums imply higher prices of stocks and other earning assets. We can see that in the inverse relationship exhibited by price/earnings ratios and the rate of inflation in the past. But how do we know when irrational exuberance has unduly escalated asset values, which then become subject to unexpected and prolonged contractions as they have in Japan over the past decade? [Greenspan 2008: 176-177]

Какие цены нас интересуют? Безусловно, нас интересуют цены на производимые товары и услуги – наш основной измеритель инфляции. А фьючерсные цены? Или, что еще более важно, цены на такой товар, как акции, недвижимость и другие доходные активы? Важна ли стабильность этих цен для стабильности экономики в целом?

Конечно, устойчивая низкая инфляция снижает неопределенность будущего, а более низкая премия за риск предполагает повышение цен на акции и другие доходные активы. Об этом наглядно свидетельствует обратная связь, которая всегда наблюдалась в прошлом между соотношением «цена/прибыль» и уровнем инфляции.

Но как узнать, когда иррациональный оптимизм начинает вызывать необоснованное взвинчивание стоимости активов, чреватое обвалом и длительной депрессией, пример чего мы видим в Японии в последнее десятилетие? [Гринспен 2010: 179-180]

В приведенном фрагменте содержится ряд типичных приемов, используемых главой ФРС. Среди них можно отметить следующие:

- обилие риторических вопросов, на некоторые из которых оратор дает вполне ожидаемые ответы;

- эффект очевидности, достигаемый двумя способами. Во-первых, эксплицитно, за счет подбора соответствующих лексем: *certainly, clearly, we can see that*. Во-вторых, имплицитно, а именно благодаря предварению ключевой идеи (в данном случае *irrational exuberance*) перечислением общеизвестных фактов. То, что наибольший интерес вызывают цены на производимые товары и услуги, готов подтвердить любой обыватель, даже весьма далекий от макроэкономического анализа. Пассаж о том, что «устойчивая низкая инфляция снижает неопределенность будущего, а более низкая премия за риск предполагает повышение цен на акции и другие доходные активы» нетрудно найти в вузовских учебниках по экономике;

- использование квазилогических аргументов. Так, оратор исподволь проводит параллель между американской и японской экономиками, в то время как первая представляет собой либеральную модель экономического развития, а вторая – модель корпоративного капитализма, и потому сравнение между ними выглядит не вполне очевидным.

Подобная «дымовая завеса» не позволяет слушателю сразу вычленить ключевые слова и идеально камуфлирует истинный посыл оратора. Сам А. Гринспен дает следующую оценку своего выступления: «Конечно, мой слог далек от шекспировского. Было довольно трудно проникнуть в суть этой речи, особенно после пары-тройки бокалов, пропущенных во время перерыва в ожидании обеда» [Greenspan 2008: 177; Гринспен 2010: 180]. Тем не менее, изобретенное американским экономистом выражение об иррациональном оптимизме не осталось без внимания прессы, в которой незамедлительно появились заголовки следующего содержания: «Председатель ФРС задает вопрос: не слишком ли высоко взлетел рынок?» (*Fed Chairman Pops the Big Question: Is the Market Too High?*, *Wall Street Journal*), «Долой иррациональный оптимизм!» (*Irrational Exuberance Denounced*, *Philadelphia Inquirer*), «Скрытое послание не осталось незамеченным» (*A Buried Message Loudly Heard*, *New York Times*). За реакцией прессы последовал всплеск продаж на мировых фондовых рынках.

Fedspeak также отличает определенный набор лексических детерминант, который периодически пополняется. Так, к ставшим традиционными *accommodative policy* (мягкая денежно-кредитная политика), *taper tantrum* (паника по поводу сворачивания программы количественного смягчения) добавилось имя существительное *patience* (терпение) и его производные. В последнем случае речь идет о том, намеревается ли Комиссия по открытым рынкам «проявлять терпение» и не повышать ставки. Использование этого слова в выступлении нынешней главы ФРС Дж. Йеллен повлекло за собой множество дебатов в прессе и в конце концов было удалено из текста официального заявления ФРС [Davidson 2015]. Как отмечает РБК, рынок воспринял это как знак скорого повышения ставок, в результате чего один из ключевых биржевых индексов США – Dow Jones – вырос сразу на 1,3% [Ратников, Кашкаров 2015].

Сегодня в число детерминант *Fedspeak* имеет шансы попасть неопределенное местоимение *some*, которое было добавлено в коммюнике Федерального комитета по открытым рынкам перед словосочетанием «дальнейшее улучшение ситуации на рынке труда» (*further improvement in the labor market*), в результате чего оно превратилось в «некоторое улучшение». Подобная корректировка может свидетельствовать о том, что ФРС по-прежнему рассматривает возможность увеличения ключевой ставки, и это не может не сказываться на рыночной конъюнктуре.

Выводы

Таким образом, вербальные интервенции (*forward guidance*), представляющие собой систему заявлений о намерениях в отношении денежно-кредитной политики и процентных ставок, сегодня фактически официально признаны одним из средств воздействия на рынки, «инструментом коммуникации» (*communication tool*) [Bernanke 2012]. Они представляют собой яркий пример властной природы дискурса, в силу которой карта сегодня всё чаще и чаще предшествует территории³.

---

³ Ср. название книги А. Гринспена «Карта и территория: Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования» (*The Map And The Territory Risk, Human Nature, And The Future Of Forecasting*) [Гринспен 2015].

Fedspeak как специфическая речевая разновидность, на протяжении довольно продолжительного времени используемая руководителями ФРС США, обеспечивает смысловую диффузность высказываний и, как следствие, их манипулятивный характер.

Для достижения поставленной цели по оказанию влияния на движения рынка мировые экономисты задействуют широкую палитру языковых средств (грамматических, лексико-семантических и синтаксических), вырабатывая с их помощью эффективные дискурсивные стратегии.

Литература

Визгин В.П. Мишель Фуко – теоретик цивилизации знания // Вопросы филологии. 1995. № 4. С. 116-126.

Гринспен А. Карта и территория: Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования. М.: Альпина Паблишер, 2015. 313 с.

Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М.: Сколково, 2010. 518 с.

Ратников А., Кашкаров А. ФРС отложила повышение ключевой ставки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/finances/29/07/2015/55b90a0c9a794714e354467e> (дата обращения: 19.10.2015).

Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. СПб.: Азбука, 2012. 192 с.

Чебанюк Т.А. Методы изучения культуры: учебное пособие. М.: Наука, 2010. 349 с.

Bernanke, B. (2013). Semiannual Monetary Policy Report to the Congress before the Committee on Financial Services, U.S. House of Representatives, Washington, D.C. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/testimony/bernanke20130717a.htm> (дата обращения: 19.10.2015).

Bernanke, B. (2012). Speech at the Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Symposium, Jackson Hole, Wyoming. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20120831a.htm> (дата обращения: 19.10.2015).

Bernanke, B. (2015). The Economic Outlook. Speech at Before the Joint Economic Committee, U.S. Congress, Washington, D.C. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/testimony/bernanke20130522a.htm> (дата обращения: 19.10.2015).

Bloomberg. (2015). Yellen's Next Move. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-08-13/september-fed-rate-rise-still-seen-as-economists-shrug-off-yuan> (дата обращения: 19.10.2015).

Dauble, J. (2007). Former Fed Chairman Alan Greenspan speaks extensively to Maria Bartiromo. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnn.com/id/20819918/page/3/> (дата обращения: 19.10.2015).

Davidson, J. (2015). This One (Missing) Word From Yellen Could Change Your Finances. [Электронный ресурс]. URL: <http://time.com/money/3748929/federal-reserve-fed-janet-yellen-statement-patience/> (дата обращения: 19.10.2015).

Greenspan A. (2008). The Age of Turbulence. Adventures in a New World. New York: Penguin Books. 563 p.

Keynes, J. (1971). The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. VI. London: Macmillan, Royal Economic Society. 192 p.

Ricks, Ch. (1990). The State of the Language. Oakland: University of California Press. 531 p.

**MECHANISMS OF PERSUASION IN ECONOMIC DISCOURSE:
CASE STUDY OF SPEECHES DELIVERED BY HEADS
OF THE US FEDERAL RESERVE SYSTEM**

Natalia S. Naydenova

associate Professor, Department of Foreign Languages
Russian University of Peoples' Friendship
Ul. Maclay, d. 10/2
e-mail: nns1306@mail.ru

The article deals with the analysis of speeches delivered by heads of the US Federal Reserve System with the view of identifying discourse mechanisms of persuasion of financial market players. The analysis reveals interdependence between various types of discourse (economic, religious and political). FedSpeak as a specific type of speech used by A. Greenspan, B. Bernanke and J. Yellen for forward guidance purposes is also analyzed. The main discourse strategies used by the leading world economists are described. The examination of grammar, vocabulary and syntactic means used in the texts allows to identify the main language and stylistic devices applied to elaborate discursive strategies. Modality and conditionals turn out to be extremely frequent in such texts. A special emphasis is made on the analysis of the lexical units used by the heads of the Federal Reserve System, which are characterized by a number of determinants subject to instability and permanent changes as well as recurrent metaphors. The manipulative methods analyzed in the article include the "evidence effect" and the use of quasi-logical arguments. The research proves the dominant nature of the contemporary economic discourse achieved through the mass media and contributing to the construction of reality and the behavior of the major players of the financial markets.

Keywords: economic discourse, discursive mechanisms, FedSpeak, Greenspan, the Fed.

References

Vizgin V.P. Mishel' Fuko – teoretik civilizacii znaniya [Michel Foucault – theorist of civilization of knowledge]. Voprosy filosofii [Questions of Philosophy], 1995, no. 4. pp. 116-126.

Greenspan A. Karta i territorija: Risk, chelovecheskaja priroda i problemy prognozirovaniya [The Map and the Territory Risk, Human Nature, and the Future of Forecasting]. Moscow: Al'pina Publisher, 2015. 313 p.

Greenspan A. Jepoha potrjasenij. Problemy i perspektivy mirovoj finansovoj sistemy [The Age of Turbulence. Adventures in a New World]. Moscow: Skolkovo, 2010. 518 p.

Ratnikov A., Kashkarov A. FRS otlozhila povyshenie kljuchevoj stavki [Electronic document]. [The Fed Postpones Key Rate Increase]. URL: <http://www.rbc.ru/finances/29/07/2015/55b90a0c9a794714e354467e> (accessed: 19.10.2015).

Freud Z. Chelovek po imeni Moisej i monoteisticheskaja religija [Moses and Monotheism]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2012. 192 p.

Chebanjuk T.A. Metody izuchenija kul'tury: uchebnoe posobie [Methods of Studying Culture]. Moscow: Nauka, 2010. 349 p.

Bernanke, B. (2013). Semiannual Monetary Policy Report to the Congress before the Committee on Financial Services, U.S. House of Representatives, Washington, D.C. [Electronic document]. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/testimony/bernanke20130717a.htm> (accessed: 19.10.2015).

Bernanke, B. (2012). Speech at the Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Symposium, Jackson Hole, Wyoming. [Electronic document]. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20120831a.htm> (accessed: 19.10.2015).

Bernanke, B. (2015). The Economic Outlook. Speech at Before the Joint Economic Committee, U.S. Congress, Washington, D.C. [Electronic document]. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/testimony/bernanke20130522a.htm> (accessed: 19.10.2015).

Bloomberg. (2015). Yellen's Next Move. [Electronic document]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-08-13/september-fed-rate-rise-still-seen-as-economists-shrug-off-yuan> (accessed: 19.10.2015).

Dauble, J. (2007). Former Fed Chairman Alan Greenspan speaks extensively to Maria Bartiromo. [Electronic document]. URL: <http://www.cnbc.com/id/20819918/page/3/> (accessed: 19.10.2015).

Davidson, J. (2015). This One (Missing) Word From Yellen Could Change Your Finances. [Electronic document]. URL: <http://time.com/money/3748929/federal-reserve-fed-janet-yellen-statement-patience/> (accessed: 19.10.2015).

Greenspan A. (2008). The Age of Turbulence. Adventures in a New World. New York: Penguin Books. 563 p.

Keynes, J. (1971). The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. VI. London: Macmillan, Royal Economic Society. 192 p.

Ricks, Ch. (1990). The State of the Language. Oakland: University of California Press. 531 p.

**ИНТЕЛЛЕКТ-КАРТА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ**

Новикова Вера Павловна

доцент кафедры английского языка и методики преподавания
английского языка

Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического
университета

г. Челябинск 454048, ул. Воровского 17-в, 4
e-mail: veranovik@mail.ru

Структуры знаний в составе художественной картины мира обладают своими специфическими особенностями, вытекающими из основного ее назначения – отразить мир через призму ценностно-мировоззренческих установок художника. В рамках художественных произведений писателей эпохи модернизма этот процесс находит свое выражение в установлении новых, необычных связей между различными структурами представления знаний, а также внутри этих структур, основанных на реализации аксиологического параметра. Этот тип изменений предоставляет практически неограниченные возможности для выражения сложных смыслов, но вызывает большие трудности при интерпретации текста читателем. В данной статье мы ставим целью показать, что визуальная информация позволяет обрабатывать большие объемы данных без перегрузки, упрощая их извлечение и синтез. В качестве инструмента работы с модернистским художественным текстом нами был предложен метод составления визуализированных интеллект-карт. Нами был разработан шаблон интеллект-карты, который позволил студентам высвободить дополнительный объем рабочей памяти и тем самым упростил запоминание и удержание в сознании деталей. Наряду с концептуальным наполнением всех блоков карты, мы осуществили ее графическое оформление, пытаясь максимально избавиться от избыточности, тавтологии и противоречий. Исследование подтвердило, что визуальное моделирование способствует запоминанию информации, интеграции представлений, систематизации и структуризации материала, результатом чего становится более глубокое понимание текста, повышение мотивации к процессу обучения.

Ключевые слова: модернистский текст, лингвокультурологический анализ текста, интеллект-карта, визуальное моделирование.

Стилистический, лингвокультурологический анализ художественного текста является неотъемлемой частью учебно-образовательной программы студентов направления «педагогическое образование», профильной направленности – иностранный язык. Последнее время возникает много вопросов о необходимости глубокого погружения в материю текста и способах фасилитации работы со сложными текстами для снятия когнитивного стресса и более эффективной интеллектуальной деятельности студентов. Профессиональная установка педагога на эмпатийный способ взаимодействия с учащимися побуждает нас искать новые

формы обучения, способствующие достижению более высоких результатов обучения. Попробуем разобраться в данной проблеме поэтапно.

Интерес к тексту как речевому произведению усилился в 50-е гг. XX в., когда язык стал рассматриваться не как статическая система, а как система динамическая. В основу категории текста положено понимание его как информационно самодостаточного речевого сообщения, ориентированного по своему замыслу на своего адресата, так как текст, содержащий информацию, рассчитан на понимание, то есть на извлечение информации. Поэтому, с позиций прагматики, текст – это материал для восприятия, интерпретации реципиентом. С точки зрения психологии его создания текст рассматривается как творческий акт автора. Художественный текст представляет собой определенную модель мира автора, погруженную в другие модели мира, и изучаться он должен как сложное переплетение смыслообразующих и структурообразующих кодов. Структуры знания в составе художественной картины мира обладают своими специфическими особенностями, вытекающими из основного своего назначения – отразить мир через призму ценностно-мировоззренческих установок художника. Таким образом, текст представляет собой сложное и полифункциональное знаковое образование.

Художественный текст – это сфера духа, в которой через контекст абсолютного выражается относительное и конкретное. Анализ художественного текста способствует развитию языковой и текстовой способности человека благодаря неотъемлемому свойству сознания к активному познанию истины. Речевая активность человека коренится в аксиоматическом стремлении к абсолютному знанию. Еще Г. Гегель указывал на возможность вхождения в культурное и духовное только при осуществлении выбора в пользу «абсолюта» – высшего, вечного знания [Гегель 1999: 4].

По мнению О.С. Анисимова, работа с текстом в свете лингвокультуры обеспечивает личности «самосовершенствование и саморазвитие, обретение высших знаний и мыслительных способностей, высшего языкового самосознания» [Анисимов 2002: 45]. Это перекликается с основной задачей университетского образования, которое, по словам Ясперса, должно «отсылать учащегося во всех решающих действиях к самому себе, к своей собственной ответственности, которая именно благодаря познанию и пробуждается и приобретает значение при самом ясном сознании и на самом высоком уровне, который только возможен. Университет предьявляет требование безоговорочного стремления к познанию» [Ясперс 2006: 79].

Прочтение и анализ текста представителей такого направления в литературе, как модернизм, искусства «дегуманизированной эпохи» (термин испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета), невозможен без погружения в исторический контекст, знакомства с различными направлениями в развитии наук, критического осмысления эстетических принципов, провозглашенных модернистами.

Модернизм – совокупное наименование художественных тенденций, утвердивших себя во второй половине 19 века в виде новых форм творчества, где возобладало уже не столько следование духу природы и традиции, сколько свободный взгляд мастера, вольного изменять видимый мир по своему усмотрению, следуя личному впечатлению, внутренней идее или идее мистической.

Изучение модернизма предполагает знакомство с множеством художественных направлений, входящих в его состав: постимпрессионизмом, дадаизмом, фовизмом, конструктивизмом, имажизмом, экспрессионизмом, сюрреализмом и др. Искусство модернизма в своих манифестах заявляло себя именно как искусство протеста, эпатажа, стремясь задеть чувства благополучной буржуазии. Внешняя калейдоскопичность его художественных направлений в немалой степени определяется обширностью протеста: критическое отношение к классическим формам, неприятие человека в качестве меры мира, отрицание мимесиса как основания для актуализации средств выразительности. Пристальное изучение в XX столетии психических процессов, проходящих в человеческом сознании, привело к открытию того, что внеположно рациональному: иррационального и мистического, подсознательного и бессознательного, сексуального и архетипического, которые определяются как важнейшие составляющие человеческой культуры [Едошина 2000: 6].

По словам Л. Гинзбурга, одним из девизов модернизма было стремление «запечатлеть средствами словесного искусства дословесные, допонятийные состояния сознания» [Гинзбург 2000: 49]; ввести в текст «магму душевной жизни», что становится возможным, лишь соизмерив явленное и скрытое, зримо-иррациональное и тайно-осмысленное. В современной системе представлений эта идея приобрела широкое хождение и соотносится с балансом «*логосного*» и «*меонального*» [Гинзбург 2000: 48–49].

Правильная интерпретация модернистского текста подразумевает не только его концептуальный анализ, но всестороннее изучение всех средств языка на фонетическом, морфологическом, стилистическом уровне. Для того чтобы направить работу студентов с художественным произведением, нами долгое время использовался план в виде линейного текста. Тем не менее, анализ художественного произведения продолжал вызывать большие трудности, связанные с систематизацией, логической презентацией материала. Вполне естественно, что мы задались вопросом, что может облегчить данный процесс. В наши дни в коммерческих компаниях широко используются различные методы визуализации информации, способствуя развитию творческого мышления у сотрудников, побуждая их структурировать и систематизировать результаты их работы. Ключевое когнитивное преимущество визуализации состоит в простоте извлечения и синтеза информации. Любая форма графической репрезентации эффективна благодаря:

- большой емкости сообщения и доступности его для восприятия пользователями;

- минимализации усилий по поиску информации;
- механизму переключения внимания;
- кодированию информации.

Визуализация помогает качественно усваивать информацию за счет использования графических метафор [Гаврилова и др. 2011]. Качественно выполненная современная визуализация использует широкий инструментарий компьютерной графики, который оказывает мотивирующее действие на студентов, позволяя формировать навыки работы с компьютером как средством получения, обработки и управления информацией. Упрощая извлечение и синтез, визуальная

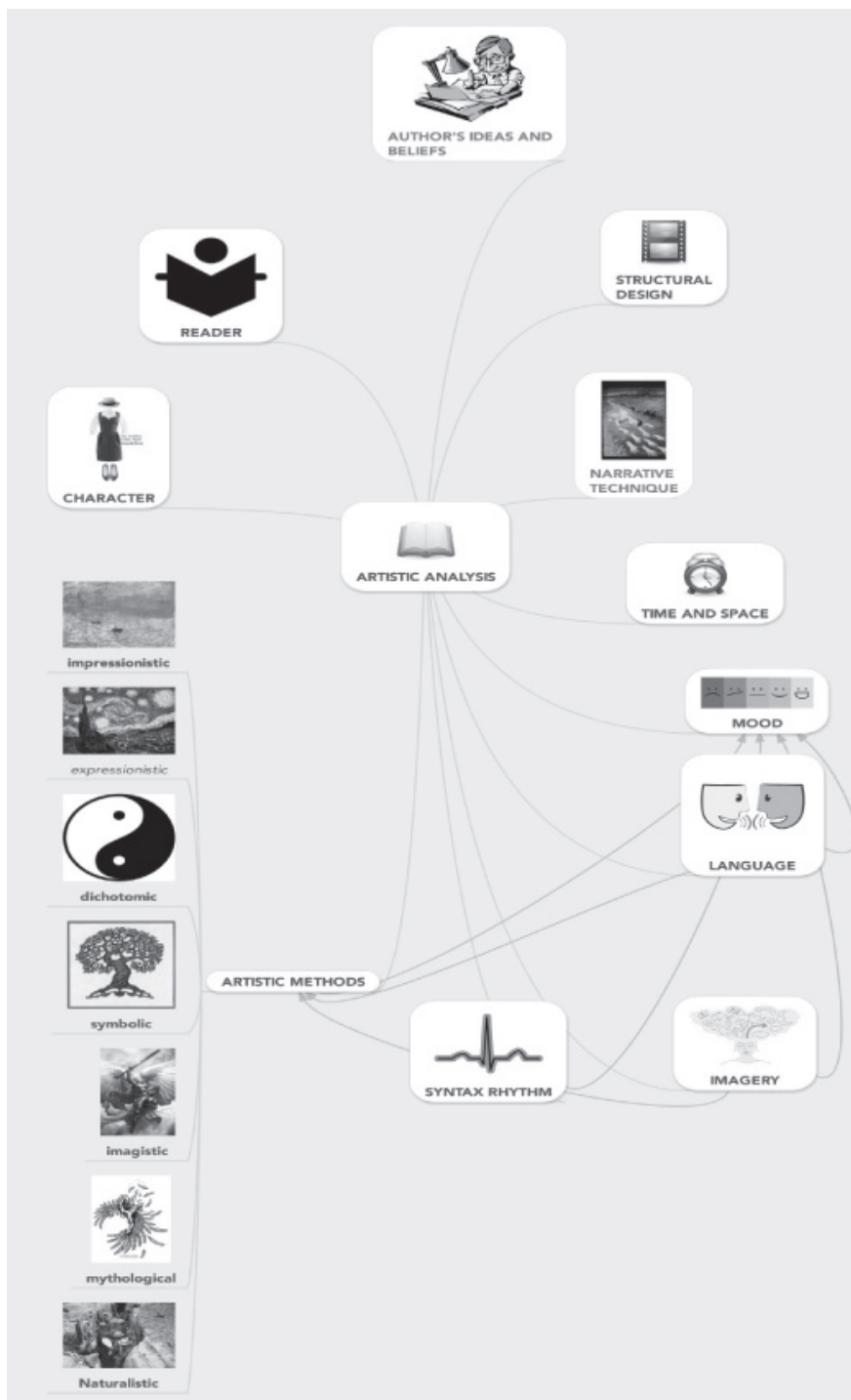

Рис. 1

информация позволяет обрабатывать большие объемы данных без перегрузки. Графический тип представления данных выявляет скрытые ментальные схемы, задействованные при принятии решений, и благоприятствует интеграции представлений. Мы решили применить метод визуализации информации и для работы с художественным текстом. Тщательно переработав имеющийся материал, нами был разработан шаблон интеллект-карты, который позволил студентам высвободить дополнительный объем рабочей памяти и тем самым упростил запоминание и удержание в сознании деталей. Термин «интеллект-карта» был предложен Тони Бьюзенем для обозначения круговых иерархических диаграмм [Buzan 2003]. Принцип построения карты достаточно прост: в центр карты помещается визуализированная основная идея, которая включает в себя или объединяет другие понятия, ассоциации, идеи. Центральной идеей нашей интеллект-карты стал «стилистический анализ художественного текста». Далее нами было выделено 12 метаконцептов, непосредственно связанных с процедурой анализа художественного текста:

- Author's ideas and beliefs (идеи и убеждения автора);
- Structural design (структура произведения);
- Narrative peculiarities (повествовательная техника);
- Time and space (время и пространство);
- Mood (атмосфера);
- Language (вокабуляр);
- Imagery (стилистические средства);
- Syntax and rhythm (художественный синтаксис и ритмичность),
- Artistic methods (художественные методы);
- Character (новый тип героя);
- Reader (читатель).

Художественные методы в свою очередь подразделяются на: импрессионистический (impressionistic), экспрессионистический (expressionistic), мифологический (mythological), дихотомический (dichotomic), имагистский (imagistic), натуралистический (naturalistic) и символический (symbolic). Каждый из представленных методов в той или иной степени присутствует в произведениях писателей-модернистов (шаблон интеллект-карты, разработанный автором, представлен на рис. 1).

Из 12 метаконцептов, представленных на карте, одним из важнейших является «время и пространство» модернистского текста. По мнению Зедльмайра, в модернистском тексте только мгновение обретает длительность, а потому обладает подлинным настоящим [Зедльмайр 2000: 235]. Такую возможность ему предоставляет длительность бытия художественного произведения во внутреннем мире человека, к которой всегда можно вернуться, чтобы продлить настоящее. Зедльмайр закономерно усматривает одну из характерных сторон художественного сознания модернизма в утрате «истинного настоящего», которое заменило пленение новизной: «Новое ищется не потому, что старое оказалось нежизненным или неплодотворным, но просто ради самой новизны, новое требуется любой ценой» [там же].

Следующий концепт, на котором хотелось бы остановиться более подробно –

это настроение или атмосфера произведения. Термин «атмосфера» («эмоциональная доминанта») широко используется не только в литературоведении, но и в психолингвистике и связан с именами В.А. Пищальниковой и В.И. Шаховского. Эмоциональная доминанта выявляется путем определения ведущей эмоции в тексте, а все ее производные считаются модификацией доминанты [Пищальникова 2003: 119]. На создание в тексте доминирующей эмоции влияет личностный смысл высказывания, личностный интерес, индивидуальная картина мира. Чтобы создать художественно-обобщенный образ действительности, автор выбирает лишь некоторые ее характеристики и целенаправленно отбирает необходимый для их изображения словесный материал (language) и стилистические средства (imagery). Кроме того, чувственное воздействие текстов объясняется их эмоциональной фоносемантической или графической доминантой, сформированной в определенной последовательности сочетаний букв алфавита и повторов [Шаховский 2004: 154]. Таким образом, лексика, стилистические приемы и ритмичность, в основе которой лежит повтор, создают неповторимую атмосферу произведения. Данная связь четко показана на нашей интеллект-карте (см. рис. 1). Осуществив концептуальное наполнение всех блоков карты, мы занялись графическим оформлением, пытаясь максимально избавиться от избыточности, тавтологии и противоречий. В ходе мозгового штурма, осуществленного на одном из занятий, каждому концепту была присвоена наиболее релевантная иллюстративная пикограмма, которая имела бы тесную связь с личным опытом. Визуализация высвободила дополнительный объем рабочей памяти и тем самым упростила запоминание и удержание в сознании многочисленных деталей.

В заключение хотелось бы отметить, что использование интеллект-карты нашло позитивный отклик у студентов. Исследование проводилось в 2014–2015 гг. со студентами старших курсов факультета иностранных языков. Многие из учащихся отметили значительное улучшение понимания анализа художественного текста (65%), проявили эмоциональный интерес к составлению, заполнению интеллект-карты, стали более логично представлять учебный материал. Некоторые из студентов критически подошли к предложенной модели, дополнив и расширив ее содержание. Однако были и такие, которые остались привержены традиционной схеме анализа. Это свидетельствует о том, что визуальный формат воспринимается обучающимися по-разному, для некоторых традиционная текстовая линейная форма более понятна. Дальнейший опыт применения интеллект-карты позволит сделать более глубокие выводы по поводу ее эффективности. Тем не менее, даже на данном этапе мы убедились, что визуальное моделирование в большинстве случаев способствует упрощению обработки и запоминанию информации, поддержанию творческой атмосферы в ходе освоения учебного материала, росту мотивации и вовлеченности студентов. Подобная методология может быть применена студентами в ходе освоения других дисциплин.

Литература

Анисимов О.С. Методологический словарь: для акмеологов и управленцев. М.: РосАКО АПК, 2002. 436 с.

Гаврилова Т.А., Лещева И.А., Страхович Э.В. Об использовании визуальных концептуальных моделей в преподавании // Вестник СПбГУ. Серия «Менеджмент». 2011. № 4. С. 125–151.

Гегель Г. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. СПб: Наука, 1999. 444 с.

Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности. Л.: Сов. писатель, 1987. 400 с.

Едошина И.А. Художественное сознание модернизма: Истоки и мифологемы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кострома, 2002. 18 с.

Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000. 271 с.

Пищальникова В.А. Эмоциональная доминанта текста: Переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград: Перемена, 2003. С. 117–120.

Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в естественной и художественной коммуникации. Волгоград, 2004. С. 147–168.

Ясперс К. Идея университета. [Электронный ресурс]. URL: <http://bsu.by/Cache/pdf/308783.pdf> (дата обращения: 17.12.14).

Gavrilova T., Alsufyev A., Yanson A.S. (2014) Modern Notation of Business Models: Visual Trend. Foresight-Russia, vol. 8. no 2, 56–70.

MIND-MAP AS AN EFFECTIVE INSTRUMENT TO PERFECT THE STUDY OF THE FICTION TEXT

Vera P. Novikova

Associate Professor of the Department of English Language and Methodology of English Language Teaching of South-Ural State Humanitarian Pedagogical University Chelyabinsk 454048, Vorovskogo 17-в, 4 e-mail: veranovik@mail.ru

Knowledge structures within the artistic picture of the world have their peculiarities, which stem from its basic need – to reflect the world through the prism of the artist's values and outlook. In a modernistic artistic text this process finds its manifestation in establishing new unusual connections between different structures representing knowledge, along with changes within these structures, based on implementation of axiological parameter. This type of modification offers unlimited possibilities to express complicated meanings, but the reader finds it difficult to interpret. It is demonstrated that visual information allows to process a great amount of information without overload, to retrieve and synthesize it without effort.

With this regard, method of compiling of visual intellect maps is proposed as the instrument of studying modernistic text. Visual modeling contributes to memorizing the information, integration of ideas, structuring and systematization of facts which results in a better understanding and analysis of artistic text. Along with filling in the conceptual blocks of the map, we created its graphical design, trying to avoid redundancy, tautology

and contradictions. Our research confirmed that visual modeling contributing to memorizing, integration, systematization and structuring of the information results in deeper understanding of the artistic text and dramatically increases motivation to learning.

Keywords: modernistic text, lingua cultural analysis of the text, mind map, visual modeling.

References

Anisimov O.S. Metodologičeskij slovar': dlja akmeologov i upravencev [Methodological dictionary: for acmeologists and managers]. M.: RosAKO APK, 2002. 436 p.

Gavrilova T.A., Leshheva I.A., Strahovich Je.V. Ob ispol'zovanii vizual'nyh konceptual'nyh modelej v prepodavani [The usage of conceptual visual models in teaching] // Vestnik SPbGU. Serija «Menedzhment» [Herald of SPbGU. «Management»]. 2011. № 4. pp. 125–151.

Gegel' G. Sistema nauk. Ch. 1. Fenomenologija duha [The system of sciences. Phenomenology of spirit]. SPb : Nauka, 1999. 444p.

Ginzburg L.Ja. Literatura v poiskah real'nosti [Literature in search of reality]. L.: Sov. pisatel', 1987. 400 p.

Edoshina I.A. Hudozhestvennoe soznanie modernizma: Istoki i mifologemy [Artistic consciousness of modernism: Origin and mythologeme]: avtoref. dis. ...dok. filol. nauk [author's abstract]. Kostroma, 2002. 18 p.

Zedl'majr G. Iskusstvo i istina: Teorija i metod istorii iskusstva [Art and truth: Theory and method of history of art]. SPb., 2000. 271 p.

Pishhal'nikova V.A. Jemocional'naja dominanta teksta: Perevodčeskij aspekt [Emotional dominant of the text: Translation aspect]// Jemotivnyj kod jazyka i ego realizacija [Emotional code of the language and its implementation]. Volgograd: Peremena, 2003. pp. 117–120.

Shahovskij V.I. Jemocional'no-smyslovaja dominanta v estestvennoj i hudozhestvennoj komunikacii [Emotional and conceptual dominant in natural and artistic communication]// Jazyk i jemocii: lichnostnye smysly i dominanty v estestvennoj i hudozhestvennoj komunikacii [Language and emotions: personal concepts and dominants in natural and artistic communication]. Volgograd, 2004. pp. 147–168.

Jaspers K. Ideja universiteta [The idea of the university]. [Electronic resource] URL: <http://bsu.by/Cache/pdf/308783.pdf>. (accessed: 17.12.14).

Gavrilova T., Alsufyev A., Yanson A.S. (2014) Modern Notation of Business Models: Visual Trend. Foresight-Russia, vol. 8. no 2, pp.56–70.

**СЕМИОТИКА МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ТЕКСТА:
КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА НИУ ВШЭ)**

Радина Надежда Константиновна

профессор департамента социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
603155, г. Нижний Новгород,
ул. Большая Печерская, д. 25/12, каб. 310
e-mail: rasv@yandex.ru

Александрова Надежда Сергеевна

магистрантка образовательной программы
«Политическая лингвистика»
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
603155, г. Нижний Новгород,
ул. Большая Печерская, д. 25/12, каб. 310
e-mail: aleksandrova.n.s@yandex.ru

В статье обсуждается роль визуального и вербального кодов при восприятии мультимедийного текста. В качестве эмпирического материала рассматриваются персональные страницы сотрудников организации (университета), в качестве исследовательского инструмента – субъективное шкалирование. Выборка исследования составляет 70 человек. По итогам эмпирического исследования заключается, что при восприятии креолизованного текста визуальный код играет ведущую роль в том случае, если разрушает нормативное представление о визуальном образе. Если креолизованный текст включает типичный визуальный образ, визуальный код используется как уточняющий и детализирующий информацию, полученную при помощи вербального кода.

Ключевые слова: креолизованный текст, контртекст, визуальный код.

1. Введение

Традиционное представление в психолингвистике о семиотически обогащенных креолизованных текстах, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной, языковой, и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык, – реклама, комиксы, афиши, плакаты) [Анисимова 1992; Бернацкая 2000; Воронина 2009; Ворошилова 2006; Головнина 1986; Кожевникова 2012; Корда 2013; Косицкая 2014; Мощева 2013; Сорокин 1990 и др.], в настоящее время расширилось за счет текстов интернет-коммуникации: персональных страниц, чатов, аватаров, блогов и т.д. [Горошко 2008; Заборовская 2006; Щурина 2010 и др.].

Креолизация оказывается важным инструментом коммуникации – привлечения и удержания внимания адресата, выражения смысловой организации текста. В то же время исследователи подчеркивают, что специфика креолизованных текстов не изучена в полной мере, виды и функции визуальных элементов в их структуре не получили развернутого научного описания, а методики исследования данных текстов требуют осмысления и обсуждения [Корда 2013].

Некоторым закономерностям при восприятии креолизованного текста в научном дискурсе уже дана первоначальная характеристика. Так, Л.В. Головина на примере иллюстраций к художественным текстам доказывает, что изображение «упрощает» текст, снижает вариативность восприятия [Головина 1986]. В психологических экспериментальных исследованиях обсуждается косвенная, опосредованная связь эмоциональной оценки образа рекламного продукта (при совмещении видеоряда и закадрового текста) и потребительского поведения [Маринова 2013; Радина, Галахова 2007 и др.]. В учебниках, раскрывающих закономерности восприятия рекламных текстов, формулируется «психология восприятия рекламы»: от иллюстрации к заголовку, от заголовка – к тексту сообщения [Сердобинцева 2010 и др.].

Однако специфика креолизованного текста заключается в том, что логика кодирования или декодирования визуального и вербального кодов может идти как последовательно, так и параллельно, их взаимовлияние, на первый взгляд, очевидно, но не может являться доказанным без эмпирического исследования. Умберто Эко только в структуре кодирования визуальной информации выделяет девять кодов: коды восприятия; коды узнавания; коды передачи; тональные коды; иконические коды (включая фигуры, знаки, семы); иконографические коды; коды вкуса; стилистические коды; коды подсознательного [Эко 1985]. Семиотика гибридного мультимедийного текста очевидно включает сложный комплекс визуальных и вербальных кодов, расшифровка которых представляет вызов для современных исследователей [Наkobyan 2015; Ryabova 2015].

Понимание особенностей взаимовлияния и взаимообусловленности процессов кодирования и декодирования визуальной и вербальной информации особенно значимо для креолизованных текстов в официальной профессиональной онлайн-коммуникации, включая персональные страницы сотрудников организаций [Полоусова 2013; Shunkina]. Персональная страница сотрудника на корпоративных интернет-ресурсах организации является креолизованным текстом и вариантом резюме, что предполагает учет особенностей жанра официально-делового дискурса [Кривоносов 2002; Тойкина 2011; Хлопкова 2006; Ярцев 2012].

Резюме сотрудника в онлайн-коммуникации (персональная интернет-страница сотрудника организации) используется для увеличения публичного капитала организации [Беккер 2012]. Поскольку основополагающей составляющей бренда организации выступает человеческий фактор, организация использует медиаресурсы для создания собственного имиджа и собственного бренда посредством «бренда сотрудника» [Гуртовенко, Левкин 2014]. Изучение креолизованного текста в контексте профессиональной онлайн-коммуникации, таким образом, можно рассматривать и с точки зрения создания образа организации.

Предполагается, что «корпоративный стиль» и унификация текста персональной страницы позволяет управлять впечатлением посетителей корпоративных сайтов, а гибридный креолизованный характер данного текста «развлекает» и при-

тягивает внимание. Тем не менее «жизненный цикл текста», существующий в логике «замысел – текст – смысл (понимание)» [Петренко 2005], представляется особенно сложным и многозначным именно на последнем этапе: читатель гибридного текста строит свой контртекст [Пешкова 2002], наполненный индивидуальными реакциями и социальными стереотипами, что наиболее вероятно разрушает иллюзию легкого управления впечатлением читателя.

Как соотносится восприятие и понимание визуального и вербального кодов читателей креолизованных текстов? Каковы особенности контртекста как реакции на сложный и гибридный – креолизованный текст? Данные вопросы, на наш взгляд, имеют особое значение именно для корпоративных ресурсов и официальной профессиональной онлайн-коммуникации.

2. Программа эмпирического исследования

Представленное исследование направлено на изучение роли текстового и иконического компонентов креолизованного текста официальной профессиональной онлайн-коммуникации в восприятии потенциальной интернет-аудитории. Персональная страница сотрудника – профессиональное резюме с визуальной информацией (фотография) – в данном исследовании определялась в предметном поле лингвистики как креолизованный текст (сочетание текста и изображения) и изучалась классическим психолингвистическим *методом субъективного шкалирования* [Денисенко, Чеботарева 2008].

Стимульным материалом исследования являлись креолизованные тексты, представленные личными страницами сотрудников Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) на официальном сайте вуза. Согласно стандарту оформления и наполнения персональных страниц работников на корпоративном портале (сайте) НИУ ВШЭ обязательными разделами персональной страницы являются фотография и официальные данные в резюме. Текстовые данные вводятся сотрудником или формируются централизованно. Выбор фотографии осуществляет сам работник. В стандарте оформления персональных страниц указывается, что фотография должна удовлетворять только двум требованиям: быть сделанной в течение последних двух лет и соответствовать определенному размеру. В связи с этим можно говорить о достаточной свободе выбора визуального образа, предоставляемой сотруднику.

Среди всего массива персональных страниц сотрудников НИУ ВШЭ экспертной группой были отобраны *15 объектов (персональных страниц)*. При отборе стимульного материала из всего массива персональных страниц сотрудников НИУ ВШЭ учитывались следующие характеристики:

- география (кампус университета, в котором работает сотрудник: Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород или Пермь);
- профессиональная сфера (преподаватель или руководитель);
- особенности фотографии на личной странице;
- пол¹.

---

¹ В данной статье используются термины как «пол», так и «гендер». В том случае, когда речь идет об идентификации респондентов или авторов изучаемых персональных страниц, используется термин «пол». На этапе анализа при обращении к социальным стереотипам используется термин «гендер» и «гендерные стереотипы», поскольку социокультурная интерпретация и социокультурная «нагруженность» понятия «пол» и является, по определению классиков гендерных исследований, «гендером» в русскоязычном дискурсе.

Андреева Елена Александровна

Преподаватель: НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде / Факультет информатики, математики и компьютерных наук / Кафедра информационных систем и технологий

Лаборант: НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде / Факультет информатики, математики и компьютерных наук / Лаборатория теории и практики систем поддержки принятия решений

Начала работать в НИУ ВШЭ в 2014 году.

[# Домашняя страница](#) Преподавание Публикации и исследования

[Прочее](#)

Владение языками

английский
французский

Контакты

Рисунок №1

Пример персональной страницы с официального сайта университета

Фотографии с персональных страниц экспертной группой были условно разделены на три группы: обычные фотографии (изображение лица сотрудника – с улыбкой или серьезного), необычные фотографии (лицо сотрудника дополнено жестом руки) и совсем необычные фотографии (с отсутствием лица, или лицом, частично скрытым предметом или логикой композиции, а также фотографии с использованием цветофильтров) (см. Приложение).

С точки зрения «географии» были отобраны 5 персональных страниц сотрудников нижегородского кампуса, 5 – московского, 4 – Санкт-Петербургского, 1 – Пермского. С точки зрения распределения руководителей и преподавателей 8 персональных страниц принадлежали руководителям, 7 – преподавателям.

С точки зрения характеристик фотографий на персональной странице 6 фотографий были маркированы как обычные, 5 – как необычные и 4 – как совсем необычные. Среди объектов стимульного материала 7 персональных страниц принадлежали женщинам, 8 – мужчинам.

Выборку психолингвистического исследования составили 70 респондентов (24 мужчины и 46 женщин) в возрасте от 20 до 30 лет с высшим или неполным высшим образованием, не являющиеся студентами или сотрудниками НИУ ВШЭ.

Стимульные объекты (креолизованные тексты – персональные страницы / резюме) оценивались участниками исследования *на основе 10 шкал* (с градацией от 0 до 10 баллов): доброта, ответственность, харизматичность, сексуальная привлекательность, амбициозность, креативность, агрессивность, оптимизм, материальный достаток, коммуникабельность. Выбор шкал для реконструкции психосемантического пространства понимания «читателей креолизованных текстов» осуществлялся согласно двум основным принципам: не синонимичность описания (охват различных сторон жизни при оценке авторов персональных страниц) и использование схожих шкал в психолингвистических и психологических исследованиях [Вовк 2012; Румянцева 2002 и др.].

Согласно *процедуре исследования* респондентам были предъявлены 15 стимульных объектов – персональные страницы с сайта НИУ ВШЭ (с сохранением цветности креолизованного текста) – с просьбой оценить степень выраженности

психологических качеств авторов резюме на основе их презентации на странице по предложенным шкалам.

Среди авторов резюме присутствовали известные и медийные фигуры, однако большинство авторов креолизованных текстов оказались респондентам не известны. Таким образом, при оценивании стимульного материала участники исследования опирались на индивидуальные субъективные суждения при восприятии фотографии (визуальная информация) и небольшого текста резюме (вербальная информация) (пример стимульного объекта – см. рисунок 1).

Полученные первичные эмпирические результаты были обработаны и проанализированы при помощи программы статистической обработки данных (IBM SPSS Statistics 19) для установления возможных связей между восприятием респондентов и характером креолизованных текстов. Ключевой рамкой представления результатов был выбран кластерный анализ, позволяющий классифицировать стимульный материал, вскрывая неочевидные связи между объектами-стимулами, детерминированные особенностями восприятия визуального в креолизованном тексте.

3. Декодирование логики восприятия креолизованного текста

Метод субъективного шкалирования представляется информативным для изучения креолизованных текстов, поскольку на основе анализа контртекстов, представленных благодаря шкалированию в форме числовых данных, возможно выяснить доминирование того или иного кода при интерпретации гибридного креолизованного текста.

Например, приписывая доброту автору персональной страницы, респондент может ориентироваться на позу или выражение лица, а также использовать прошлые стереотипы, зная, например, что автор страницы – женщина и преподаватель. Специфика индивидуального прочтения в психолингвистике теоретизируется в русле субъективных жизненных миров (А.А. Леонтьев) [Леонтьев 1997], контртекста (Н.И. Жинкин) [Жинкин 2003], «встречного текста» (А.И. Новиков) [Новиков 1982], при этом важной характеристикой текста является его «читаемость», «интерпретируемость». Интерпретируемость обусловлена содержательной структурой текста, доминирующей над внешней, а внешняя, в свою очередь, зависит от языковой компетенции читателя, психических особенностей (преимущественно познавательных) и пресуппозицией [Кирсанова 2007], включая социальные стереотипы и коммуникативный опыт [Радина, Поршнева 2014].

В процессе исследования респонденты разглядывали персональную страницу, оценивали фотографию, неосознанно идентифицировали пол и этничность по фамилии, имени и фотографии («дисплей идентичности» по И. Гофману), прочитывали информацию о географии работы сотрудника, его профессиональном статусе и некоторых профессиональных навыках (владение иностранными языками). Далее, согласно процедуре субъективного шкалирования, на основе индивидуальной интерпретации респондентом происходило оценивание презентации автора персональной страницы по шкалам субъективного шкалирования.

С нашей точки зрения, интерпретации в структуре понимания гибридного креолизованного текста, зашифрованные в показателях шкал субъективного шкалирования, являются формой «контртекста», определение которого прямо указы-

вает на возможность в интерпретации неявного, подразумеваемого, опосредованного, данного в ассоциациях [Новиков 2003]. Кроме того, мы полагаем, именно гибридность «запускает» ассоциативный механизм, позволяющий респондентам выносить суждения не только по шкалам, очевидно релевантным в нашем случае формату профессиональной коммуникации (например, «амбициозность», «коммуникабельность» или «материальный достаток»), но и подразумевать такие характеристики в самопрезентациях авторов персональных страниц, которые не связаны определенно с профессиональной деятельностью (например, «сексуальная привлекательность»).

Полученные эмпирические результаты подвергались методам математической обработки, а последующая кластеризация позволила на основе анализа логики выделения кластеров определить, визуальный или вербальный код направлял интерпретации респондентов при оценивании креолизованного текста.

Поскольку кластерный анализ упорядочивает все данные в однородные группы, а число кластеров зависит от поставленной задачи, проанализируем логику распада данных на группы (кластеры), предполагая, что за логикой распада на группы стоит доминирование того или иного, визуального и / или вербального, кода (см. таблицу № 1).

Таблица № 1

Распределение по кластерам креолизованных текстов в форме персональных страниц официального сайта университета

№	Объекты кластеризации (код объекта)	Распределение по кластерам						
		на 8	на 7	на 6	на 5	на 4	на 3	на 2
1	М-Р-Н-М	1	1	1	1	1	1	1
2	М-П-СН-М	2	2	2	2	2	2	2
3	НН-Р-Н-М	3	3	3	3	1	1	1
4	НН-П-О-Ж	4	4	3	3	1	1	1
5	НН-Р-О-Ж	4	4	3	3	1	1	1
6	НН-Р-СН-Ж	5	5	4	4	3	3	1
7	НН-П-СН-Ж	6	6	5	4	3	3	1
8	П-Р-О-Ж	7	7	6	5	4	1	1
9	СПб-П-Н-Ж	4	4	3	3	1	1	1
10	СПб-П-Н-Ж	7	7	6	5	4	1	1
11	СПб-Р-О-М	8	7	6	5	4	1	1
12	СПб-П-СН-М	3	3	3	3	1	1	1
13	М-Р-О-М	8	7	6	5	4	1	1
14	М-П-О-М	3	3	3	3	1	1	1
15	М-Р-Н-М	8	7	6	5	4	1	1

Кластерный анализ данных, полученных на основе шкалирования 15 креолизованных текстов 70 респондентами показал, что итоговый числовой массив может быть разделен вариативно – от двух до восьми кластеров.

При делении всего массива эмпирических данных на 2 кластера от объектов кластеризации отделяется и образует самостоятельный кластер объект 2 (М-П-СН-М). Согласно номеру идентификации объекта это преподаватель-мужчина из

московского кампуса с крайне необычной фотографией (на фото нет лица, только скулы, подбородок, торс и рука в жестикуляции). При создании «контртекста» респондентами именно этот «объект» был оценен особым образом, что позволило его уже на первом этапе определить в отдельную группу. Кластер, отделившийся от общего массива и образовавшийся на первом этапе кластеризации уникальную группу, был назван «Визуальный супердевиант²» (название кластера – на основании необычности изображения на фотографии автора персональной страницы).

При выделении 3 кластеров данные распадаются на три группы: «Визуальный супердевиант», группа из объектов 6 и 7 и все остальные.

Согласно номерам идентификации объектов 6 и 7 это руководитель и преподаватель из Нижнего Новгорода, обе женщины и обе с «совсем необычными фотографиями». В одном случае автор персональной страницы разместила на сайте фотографию с использованием цветных фильтров (нереалистичное сине-зеленое изображение), в другом случае на фото – усеченный женский профиль на фоне городских зданий. Следовательно, на втором этапе, при кластеризации на 3 группы, от общего массива данных по «схожести» восприятия отделилась группа «Женщин – визуальных девиантов» (название кластера – на основании необычности изображения на фотографии и пола авторов персональных страниц).

При выделении 4 кластеров повторяется знакомая логика деления. Выделяются «Визуальный супердевиант» (2), «Женщины – визуальные девианты» (6 и 7), а также группа, условно названная «Доминанты» (объекты 8, 10, 11 и 15), и другие объекты.

Кластер «Доминанты» включает в себя более или менее известных руководителей – как мужчин, так и женщин – из разных кампусов университета (из разных городов), преимущественно с обычными изображениями. Исключение составляет объект 10 (СПб-П-Н-Ж), уникальность которого заключается в особенностях фотографии (объединение с группой «Доминантов» на основе визуального кода).

Группа оставшихся, названная «Либералами» (1, 3, 4, 5, 9, 12, 14), включает известные медийные лица, которым на основании воздействия СМИ приписываются либеральные идеи, а также других преподавателей и руководителей, чьи либеральные предпочтения респондентам не известны (название кластера – на основании идентификационных характеристик медийных авторов персональных страниц).

Объект 12 (СПб-П-СН-М) из кластера «Либералы», обладающий фотографией, которую при подборе стимульного материала исследователи сочли «совсем не стандартной», не был идентифицирован респондентами как «визуальный девиант» (на фото половину лица скрывает шляпа, однако глаза на фотографии присутствуют, лицо возможно идентифицировать).

При выделении 5 кластеров логика деления повторяется, выделяется «Визуальный супердевиант» (2), «Женщины – визуальные девианты» (6 и 7), группа

---

² Девиация – образ действий, не соответствующий установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам или стандартам, девиант – тот, кто действует в нарушение норм и общепринятых правил.

«Доминанты» (объекты 8, 10, 11 и 15), «Либералы» и медийно-известный «Суперлиберал» (объект 1 откололся от основной группы «Либералы»).

При выделении 6 кластеров результаты интерпретаций расщепляют кластер «Женщин – визуальных девиантов» (обе персональные страницы крайне нетипичные, однако непохожие друг на друга). Остальные кластеры остаются без изменений.

При выделении 7 кластеров кластер «Либералы» делится по половому признаку. Остальные кластеры остаются без изменений.

При выделении 8 кластеров кластер «Доминанты» разбивается на группы «Женщины-доминанты» и «Мужчины-(супер)доминанты» на основании полового признака и социального статуса в организации. Остальные кластеры остаются без изменений.

В итоге деления всех стимульных объектов на 8 кластеров получается совокупность групп с небольшим или единичным числом объектов – персональных страниц, при этом корреляционные связи между объектами невысокие, а объекты / группы объектов выглядят относительно самостоятельными (см. рисунок 2).

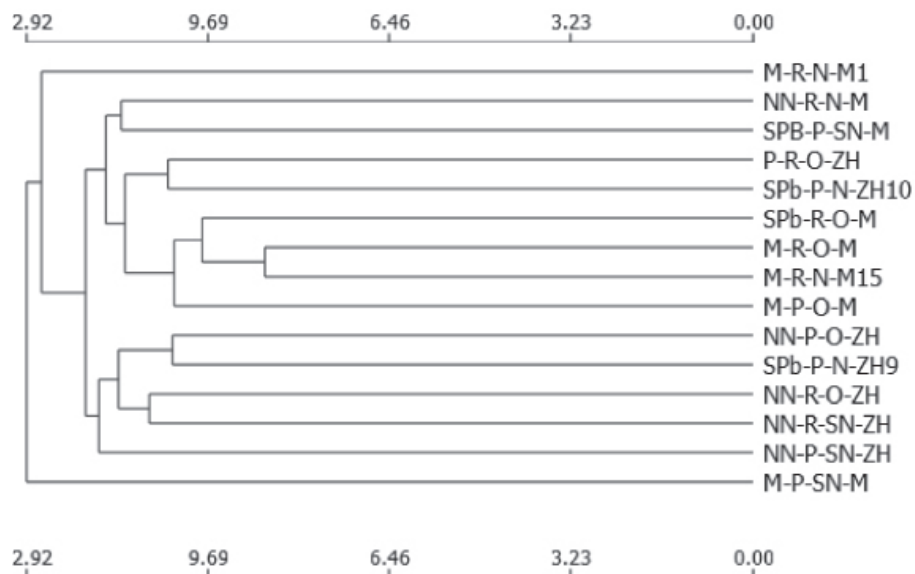

Рисунок №2
Кластерное дерево стимульных объектов

Однако логика расщепления кластеров позволяет утверждать, что «экстремальность» изображения (отказ демонстрировать свой обычный и обыденный облик) изменяет восприятие, заставляет считать особенными креолизованные тексты (в данном случае – персональные страницы) с нестандартным визуальным кодом.

В том случае, если визуальный код предсказуем (как в случае с обычными фотографиями на персональных страницах), визуальный код уточняет специфику интерпретаций вербального кода. Также восприятием и стратегией создания контртекста управляют базовые социальные стереотипы, а именно пол автора резюме (определенный по фотографии (дисплей идентичности) и тексту).

Управленческий опыт в резюме, считанный респондентами благодаря вербальному коду, – еще одна детерминанта восприятия и создания контртекста. Известность, медийность замыкает список детерминант восприятия, которые возможно было идентифицировать, анализируя логику расщепления полученных данных на кластеры. Логика классификации контртекстов показывает взаимодействие визуального и вербального кодов при интерпретации креолизованного текста (персональной страницы), однако не разъясняет глубину и принципиальность различий в интерпретациях, поэтому «доминирование» того или иного кода может статистически не подтвердиться. Чтобы выяснить, насколько статистически значимыми являются различия между контртекстами – интерпретациями персональных страниц, проанализируем содержание субъективного шкалирования на материале выделенных при кластеризации групп.

4. Стереотипность контртекстов: визуальное и вербальное

Контртексты респондентов, знакомящихся с персональными страницами, созданные в процессе понимания «виртуальных резюме», благодаря исследовательской методике были изложены в форме баллов по шкалам субъективного шкалирования. Это позволило математически выяснить статистическую значимость различий между интерпретациями основного текста персональных страниц.

Кластеризация полученных результатов объяснила логику разделения стимульного материала на группы (на основании столкновения визуального и вербального кодов при интерпретации персональных страниц), однако, с нашей точки зрения, важно также понимать существенность различий в интерпретациях и роль социальных стереотипов при интерпретации креолизованного текста. Статистически значимые различия между показателями шкал субъективного шкалирования указывают на области, наиболее подверженные стереотипизации, опирающиеся при интерпретации не столько на индивидуальный опыт, сколько на социальные стереотипы (см. таблицу № 2).

Таблица № 2

Формализованные контртексты респондентов-читателей персональных интернет-страниц корпоративного ресурса организации

№	Кластеры (группы)	Шкалы субъективного шкалирования									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Визуальный супердевиант	4,4	4,7	5,6	5,9	7,0	6,5	5,0	5,3	6,4	6,0
2	Женщины визуальные девианты	6,1	5,2	6,3	5,6	6,2	6,0	4,1	6,4	5,7	6,4
3	Суперлиберал	8,0	3,2	6,6	7,5	6,1	6,0	2,6	8,8	6,9	8,0
4	Женщины-либералы	7,0	4,7	6,9	6,3	6,4	5,9	3,4	7,6	6,5	7,5
5	Мужчины-либералы	6,3	4,1	7,1	6,7	6,8	6,1	4,3	6,4	6,9	7,0
6	Женщины-доминанты	5,2	4,6	7,4	6,1	7,3	5,8	5,6	5,8	7,0	6,0
7	Мужчины-супердоминанты	5,7	4,9	7,7	6,7	7,8	5,9	4,9	6,4	8,3	7,1

Ст. зн-ть	1/2**	1/2**	1/3*	1/3**	1/2*	1/4*	1/2*	1/2**	1/2*	1/3**
различий м/д	1/3**	1/3**	1/4**	1/5**	1/3**	1/6*	1/3**	1/3**	1/7**	1/4**
группами (кр.	1/4**	1/4**	1/6**	1/7**	1/4*	1/7*	1/4**	1/4**	2/3**	1/5**
Стьюдента);	1/5**	1/5*	1/7**	2/3**	1/7**		1/5*	1/5**	2/4**	1/7**
* - $p \leq 0,05$;	1/6*	2/3**	2/4**	2/4**	2/5*		2/3**	1/7**	2/5**	2/3**
** - $p \leq 0,01$	1/7**	2/5**	2/5**	2/5**	2/7**		2/6**	2/3**	2/6**	2/4**
	2/3**	2/6*	2/6**	2/7**	3/6**		2/7*	2/4**	2/7**	2/5*
	2/4**	3/4**	2/7**	3/4**	3/7**		3/5**	2/6*	3/7**	2/7**
	2/6**	3/5**	3/6**	3/5**	4/6**		3/6**	3/4**	4/7**	3/5**
	2/7*	3/6**	3/7**	3/6**	4/7**		3/7**	3/5**	5/7**	3/6**
	3/4**	3/7**	4/7**	3/7**	5/6*		4/5**	3/6**	6/7**	3/7**
	3/5**	4/5*	5/7**	5/6*	5/7**		4/6**	3/7**		4/5*
	3/6**	5/7**			6/7**		4/7**	4/5**		4/6**
	3/7**						5/6**	4/6**		5/6**
	4/5**						5/7*	4/7**		6/7**
	4/6**						6/7**	5/6**		
	4/7**							6/7**		
	5/6**									
	5/7**									
	6/7*									
Наименование шкал: 1 – доброта, 2 – сексуальность, 3 – ответственность, 4 – харизматичность, 5 – амбициозность, 6 – креативность, 7 – агрессивность, 8 – оптимизм, 9 – достаток (материальный), 10 – коммуникабельность.										

Самой «чувствительной» шкалой при интерпретации текста оказалась шкала «доброты», распределившая все группы по условной «линейке»: самым добрым оказался «Суперлиберал» (8,0), наименее добрым – «Визуальный супердевиант» (4,4). Самой стандартной, по которой у всех групп получились примерно одинаковые показатели, – шкала креативности.

Множество статистически значимых различий по другим шкалам убеждает, что логика кластеризации оказалась не поверхностной, объективной и глубокой, а группы изучаемых объектов (креолизованных текстов), выделенные при помощи кластерного анализа, формируют своеобразные и различные контртексты.

Следовательно, визуальный код, представленный в формате «разрушения стереотипов» («девиантные визуальные образы»), определяет специфику контртекста персональной страницы с «экспериментальным изображением». Создателей персональных сайтов с «девиантными образами» пользователи ресурсов, по данным исследования, скорее всего будут считать креативными, сексуально привлекательными (преимущественно женщин), а мужчин, возможно, даже агрессивными, но недостаточно харизматичными, ответственными и менее коммуникабельными, чем других авторов страниц. Вербальный код креолизованных текстов с визуальными девиациями не обладает той весомостью, на которую, как правило, он претендует в более стандартных случаях.

Разделение на «либералов» и «доминантов», как мы предположили ранее, также было построено при решающем влиянии визуального кода, именно поэтому часть руководителей оказались в одном кластере, а часть – в другом, интегрированными с обычными преподавателями. Данное разделение, обусловленное визуальным кодом, сформировало принципиально разные контртексты: респонденты сочли значимо различными тех, кого определили в «настоящие доминанты» и всех остальных.

«Доминанты», как правило, представляются менее добрыми, но более ответственными, амбициозными и материально обеспеченными, кроме того, женщин-доминантов считают агрессивными и не оптимистичными.

«Все остальные», названные в процессе кластеризации «Либералами» (благодаря изначальному вхождению в общий кластер известной медийной фигуры реального либерала), в формализованных контртекстах предстают добрыми, оптимистичными, коммуникабельными и относительно креативными.

Наиболее харизматичным, добрым, коммуникабельным и оптимистичным среди всех авторов персональных страниц респонденты сочли медийного «Суперлиберала».

Таким образом, более глубокий анализ формализованных контртекстов подтвердил основные гипотезы, высказанные нами по итогам кластеризации. Согласно полученным результатам специфика креолизованного текста во многом определяется спецификой визуального кода, интегрированного в гибридный текст. Визуальный код может деформировать или даже разрушать вербальный код и навязывать контртексты, независимые от вербального кода (например, в случае «девиантных образов» в структуре гибридного текста), или уточнять вербальный код, формируя ту или иную специфику контртекста. Однако все описанные процессы столкновения кодов в креолизованном тексте существуют в контексте гендерных стереотипов социального мышления читателей-интерпретаторов гибридных текстов.

5. Выводы

Таким образом, статистический анализ и кластеризация данных материалов субъективного шкалирования креолизованных текстов – персональных страниц сотрудников университета – позволяют утверждать следующее:

– результаты субъективного шкалирования при изучении интерпретации и понимания гибридного креолизованного текста возможно рассматривать как форму контртекста, при этом числовое представление элементов данного контртекста позволяет использовать методы математической статистики для последующего моделирования процесса понимания;

– при восприятии креолизованного текста визуальный код играет ведущую роль в том случае, если разрушает нормативное представление о визуальном образе («креативный визуальный код»), а в случае создания более-менее типичного образа визуальный код используется как уточняющий и детализирующий информацию, полученную при помощи вербального кода;

– различия в контртекстах, созданных респондентами при восприятии персональных страниц, детерминированы социальными стереотипами, среди которых доминируют гендерные (социокультурное понимание половых различий); то есть, определив на основе вербального и визуального кодов пол «создателя креолизованного текста», респонденты далее создают гендерно стереотипизированный контртекст;

– региональная принадлежность авторов креолизованных текстов в данном исследовании не проявилась в интерпретациях респондентов.

Дискутируя о ролях визуального и вербального кодов в интерпретации креолизованного текста, мы присоединяемся к тем исследователям, которые признают интеграцию визуального и вербального при восприятии [Кирсанова 2007

и др.], однако считаем, что контртексты, или «встречные тексты» (интерпретации креолизованных текстов), при всей их индивидуалистичности являются гендерно-стереотипизированными, следовательно, гендерная социокультурная матрица определяет семантику контртекста, а визуальный код «отвечает» за детализацию.

Итак, персональные страницы сотрудников организации в форме креолизованных текстов на интернет-ресурсах выполняют функции профессиональной коммуникации и самопрезентации организации даже в тех случаях, когда сотрудники экспериментируют с собственными образами и фотографиями и создают эксцентричные образы. Однако радикальные эксперименты с визуальным кодом существенно деформируют обычную «работу вербальных кодов», которыми обладают персональные страницы, и создают у пользователей ресурсов контртексты, на наш взгляд, менее интересные и менее продуктивные для профессиональной коммуникации.

Литература

Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–79.

Беккер Е.Г. Особенности бренда вуза // Вестник Финансового университета. 2012. № 2. С. 121–133.

Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Ред. А.П. Сковородников. Красноярск: КГУ, 2000. Вып. 3 (11). С. 104–110.

Вовк Е.В. Образ идеального собеседника в языковом сознании носителя языка (психолингвистическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 20 с.

Воронина О.А. Карикатура как вид креолизованного текста // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 2. С. 14–18.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 180–189.

Головина Л.В. Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 21 с.

Горошко Е.И. Психолингвистика интернет-коммуникаций // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 5–11.

Гуртовенко О.М., Левкин Г.Г. Бренд преподавателя высшего учебного заведения // Основы экономики, управления и права. 2014. № 6 (18). С. 55–61.

Денисенко В.Н., Чеботарева Е.Ю. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации. М.: РУДН, 2008. 258 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 160 с.

Заборовская С.В. Особенности виртуального дискурса в пространстве Интернет (на примере интернет-дневников): дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2006. 217 с.

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 22 с.

Кожевникова Е.А., Осадчий М.А. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы // Вестник КемГУКИ. 2012. Вып. 19. С. 22–28.

Корда О.А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 20 с.

Косицкая Ф.Л. Каталог моды как креолизованный текст // Вестник ТГПУ 2014. Вып. 10 (151). С. 153–156.

Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. 2-е изд., доп. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 279 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учебник. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Маринова Т.Ю. О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями // Социальная психология и общество. 2013. № 1. С. 155–161.

Мощева С.В. Дискурс массмедиа: роль и место графики и графических средств паралингвистики (на материале рекламных текстов) // Перспективы науки и образования. 2013. Вып. № 4. С. 232–242.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1982. 215 с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики 2-е изд. СПб., 2005. 480 с.

Пешикова Н.П. Психолингвистические аспекты типологии научного текста: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2002. 353 с.

Полоусова Н.В. Использование паралингвистических средств в корпоративной интернет-коммуникации (на примере постов англоязычных корпоративных блогов) // Вісник НТУ «ХПІ». 2013. № 26 (999). С. 185–189.

Радина Н.К., Галахова Е.Ю. К вопросу об эффективности рекламного воздействия, направленного на детей дошкольного возраста // Психолог в детском саду. 2007. № 3. С. 114–120.

Радина Н.К., Поршнев А.В. Психология и герменевтика: Герменевтический анализ понимания в математических схемах и моделях // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. Т. 11. № 5. С. 90–119.

Румянцева П.В. Особенности этнического самосознания и «Образа Я» старшеклассников из русско-еврейских семей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2002. 21 с.

Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных текстов. М.: Флинта, Наука, 2010. 160 с.

Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 178–187.

Тойкина О.В. Резюме как жанр официально-делового дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10 (225). Вып. 52. С. 154–158.

Хлопкова М.В. Типология и сравнительный анализ PR-текстов и текстов смежных коммуникационных сфер: в рекламе и журналистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 23 с.

Шабшин И.И. О психологических особенностях общения в интернете // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 1. С. 164–166.

Щурина Ю.В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации // Вестник Новгородского государственного университета. 2010. № 57. С. 82–86.

Эко У. О членениях кинематографического кода // Строение фильма. М.: Радуга, 1984. С. 79–101.

Ярцев С.А. Резюме как жанр деловой коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 28 с.

Hakobyan K., Šuler-Galos J. (2015) Postmodern Discourse and its Semiosis. Journal of Language & Education, Vol. 1, No. 3, 63-71.

Ryabova M. Yu. (2015) Semiotics of Everyday Life Cultural Structures. Journal of Language, Linguistics and Literature, Vol. 1. No. 5, 170-174.

Shunkina A.A. Siberian University Websites Through the Eyes of a Foreign Audience. Cross-cultural Aspects. Architecture and Social Media in Network Societies. [Электронный ресурс]. URL: http://mediaconference.architekturtheorie.tu-berlin.de/anastasia_a_shunkina.html (дата обращения: 07.03.2016).

Приложение

Таблица №1

Критерии подбора стимульного материала

№	Город	Сфера деятельности	Характеристика фотографии	Пол
1	Москва	Руководитель	Необычное фото	М
2	Москва	Преподаватель	Совсем необычное фото	М
3	Нижний Новгород	Руководитель	Необычное фото	М
4	Нижний Новгород	Преподаватель	Обычное фото	Ж
5	Нижний Новгород	Руководитель	Обычное фото	Ж
6	Нижний Новгород	Руководитель	Совсем необычное фото	Ж
7	Нижний Новгород	Преподаватель	Совсем необычное фото	Ж
8	Пермь	Руководитель	Обычное фото	Ж
9	Санкт-Петербург	Преподаватель	Необычное фото	Ж
10	Санкт-Петербург	Преподаватель	Необычное фото	Ж
11	Санкт-Петербург	Руководитель	Обычное фото	М
12	Санкт-Петербург	Преподаватель	Совсем необычное фото	М
13	Москва	Руководитель	Обычное фото	М
14	Москва	Преподаватель	Обычное фото	М
15	Москва	Руководитель	Необычное фото	М

SEMIOTICS OF MULTIMEDIA TEXT: CREOLIZED TEXTS IN PROFESSIONAL ONLINE-COMMUNICATION (BASED ON THE HSE OFFICIAL WEBSITE)

Nadezhda K. Radina

professor of the Department of Social Sciences
National Research University
Higher School of Economics
603155, Russia, Nizhny Novgorod,
25/12 Bolshaya Pecherskaya, Room 310
e-mail: rasv@yandex.ru

Nadezhda S. Aleksandrova

student of the Master's Program "Political Linguistics"
National Research University
Higher School of Economics
603155, Russia, Nizhny Novgorod,
25/12 Bolshaya Pecherskaya, Room 310
e-mail: aleksandrova.n.s@yandex.ru

The article discusses the role of visual and verbal codes in the perception of a multimedia text. Empirical research material are the personal pages of organization employees (university), the method is a subjective scaling. The sample is 70 people. According to the results of empirical research, the perception of the text creolized visual code plays a leading role, if destroying the normative idea of the visual image. If the creolized text includes typical visual image, the visual code is used as clarifying and detailing the information obtained by means of the verbal code.

Key words: creolized text, kontrtekst, visual code.

References

- Anisimova E.E.* Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannyh i gibridnyh tekstov) [Paralinguistics and text (on the problem of creolized and hybrid texts)]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics], 1992. no. 1, pp. 71–79.
- Bekker E.G.* Osobennosti brenda vuza [Brand university peculiarities]. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of The Financial University], 2012, no. 2. pp. 121–133.
- Bernackaja A.A.* K probleme «kreolizacii» teksta: istorija i sovremennoe sostojanie [On the problem of «creolization» of text: history and current state]. *Rechevoe obshhenie: Specializirovannyj vestnik* [Verbal communication: Specialized bulletin]. Ed. A.P. Skovorodnikov. Krasnojarsk: KGU, 2000, vol. 3 (11), pp. 104–110.
- Vovk E.V.* Obraz ideal'nogo sobesednika v jazykovom soznanii nositelja jazyka (psiholingvisticheskoe issledovanie) [An image of the ideal interlocutor in the native speaker's language consciousness (psycholinguistic research)]. *Avtoref. dis. ... kand. filol. n. Voronezh*, 2012. 20 p.
- Voronina O.A.* Karikatura kak vid kreolizovannogog teksta [Caricature as a kind of creolized texts]. *Vestnik CMO MGU* [Bulletin of CIE MSU], 2009, no. 2, pp. 14–18.
- Voroshilova M.B.* Kreolizovannyj tekst: aspekty izuchenija [Creolized text: aspects of stud]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics], 2006. no. 20, pp. 180–189.
- Golovina L.V.* Vlijanie ikonicheskikh i verbal'nyh znakov pri smyslovom vosprijatii teksta [Influence of iconic and verbal signals when the semantic perception of the text]. *Avtoref. dis. ... kand. filol. n. M.*, 1986. 21 p.
- Goroshko E.I.* Psiholingvistika Internet-kommunikacij [Psycholinguistics of the Internet communication]. *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of Psycholinguistics], 2008, no. 7, pp. 5–11.
- Gurtovenko O.M., Levkin G.G.* Brend prepodavatelja vysshego uchebnogo zavedenija [Brand of an instructor]. *Osnovy jekonomiki, upravlenija i prava* [Bases of economy, management and law], 2014, no. 6 (18), pp. 55–61.

Denisenko V.N., Chebotareva E.Ju. Sovremennye psiholingvisticheskie metody analiza rechevoj kommunikacii [Modern psycholinguistic methods of analysis of speech communication]. M.: RUDN, 2008. 258 p.

Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii [Speech as a conductor of information]. M.: Nauka, 1982. 160 p.

Zaborovskaja S.V. Osobennosti virtual'nogo diskursa v prostranstve Internet (na primere internet-dnevnikov) [The virtual discourse characteristics in the Internet space (by the example of Internet diaries)] Dis ... kand. filol. n. Har'kov, 2006. 217 p.

Kirsanova I.V. Mnogoznachnost' semantiki teksta kak realizacija individual'nyh strategij ponimaniya [Multi-meaning of text semantics as implementation of individual comprehension strategies]. Avtoref. dis. ... kand. filol. n. Ufa, 2007. 22 p.

Kozhevnikova E.A., Osadchij M.A. Kreolizovannyj tekst kak ob#ekt sudebno-lingvisticheskoj jekspertizy [Creolized text as an object of forensic linguistics] Vestnik KemGUKI [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012. vol. 19, pp. 22–28.

Korda O.A. Kreolizovannyj tekst v sovremennyh pechatnyh SMI: strukturno-funkcional'nye harakteristiki [Creolized text in modern print media: structural and functional]. Avtoref. dis. ... kand. filol. n. Ekaterinburg, 2013. 20 p.

Kosickaja F.L. Katalog mody kak kreolizovannyj tekst [Fashion catalogue as a creolized text]. Vestnik TGPU [Tomsk state pedagogical university bulletin], 2014, vol. 10 (151), pp. 153–156.

Krivososov A.D. PR-tekst v sisteme publicnyh kommunikacij. [PR-text in the system of public communications]. Ed.2. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 279 p.

Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki [Bases of psycholinguistics]. M.: Smysl, 1997. 287 p.

Marinova T.Y. O vosprijatii televizionnoj reklamy det'mi i ih roditeljami [On the Perception of Television Advertisement in Children and Their Parents]. Sotsial'naja psihologija i obshchestvo [Social Psychology and Society], 2013. no. 1, pp. 155–161.

Moshheva S.V. Diskurs massmedia: rol' i mesto grafiki i graficheskikh sredstv paralingvistiki (na materiale reklamnyh tekstov) [Mass media discourse: the role and place of charts and graphics paralinguistics (based on advertising texts)]. Perspektivy nauki i obrazovanija [Perspectives of science and education], 2013, vol. 4, pp. 232–242.

Novikov A.I. Semantika teksta i ee formalizacija [Text semantics and its formalisation]. M.: Nauka, 1982. 215 p.

Novikov A.I. Tekst i «kontrtekst»: dve storony processa ponimaniya [Text and context: two sides of the process of understanding]. Voprosy psiholingvistiki [Issues of Psycholinguistics], 2003, no. 1, pp. 64–76.

Petrenko V.F. Osnovy psihosemantiki [Bases of Psychosemantics]. Ed. 2. SPb, 2005. 480 p.

Peshkova N.P. Psiholingvisticheskie aspekty tipologii nauchnogo teksta [Psycholinguistic aspects of science text typology]. Dis. ... d-ra filol. n. Ufa, 2002. 353 p.

Polousova N.V. Ispol'zovanie paralingvisticheskikh sredstv v korporativnoj internet-kommunikacii (na primere postov anglojazыchnyh korporativnyh blogov) [Using of paralinguistic means in the corporate Internet communication (based on posts of English-language corporate blogs)]. Visnik NTU «HPI». [Bulletin of NTU «KhPI»], 2013, no. 26 (999), pp. 185–189.

Radina N.K., Galahova E.Ju. K voprosu ob jeffektivnosti reklamnogo vozdejstvija, napravlennogo na detej doshkol'nogo vozrasta [The effectiveness of advertising impact on preschool children]. *Psiholog v detskom sadu* [Psychologist in kindergarten], 2007, no. 3, pp. 114–120.

Radina N.K., Porshnev A.V. Psihologija i germenevtika: Germenevticheskij analiz ponimaniya v matematicheskikh shemah i modeljah [Psychology and hermeneutics: hermeneutic analysis of understanding using mathematical schemes and model]. *Psihologija. Zhurnal VShJe.* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, vol. 11, no. 5, pp. 90–119.

Rumjanceva P.V. Osobennosti jetnicheskogo samosoznaniya i «Obraza Ja» starsheklassnikov iz russko-evrejskikh semej [The ethnic identity and self-concept of high school students from russian-jewish families]. *Avtoref. dis. ... kand. psihol. n. SPb.*, 2002. 21 p.

Serdobinceva E.N. Struktura i jazyk reklamnyh tekstov. [Structure and language of advertising texts]. M.: Flinta, Nauka, 2010. 160 p.

Sorokin Ju.A. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkciya , [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizacija rechevogo vozdejstvija* [Optimization of speech effect]. M.: Nauka, 1990, pp. 178–187.

Tojkina O.V. Rezhume kak zhanr oficial'no-delovogo diskursa. [Résumé as a genre of official-business discourse]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state university], 2011, no. 10 (225), vol. 52, pp. 154–158.

Hlopkova M.V. Tipologija i sravnitel'nyj analiz PR-tekstov i tekstov smezhnyh kommunikacionnyh sfer: v reklame i zhurnalistike [Typology and comparative analysis of PR-texts and texts of related communication spheres: in advertising and journalism]. *Avtoref. dis. ... kand. filol. n. M.*, 2006. 23 p.

Shabshin I.I. O psihologicheskikh osobennostjah obshhenija v internete [About psychological features of communication on the internet]. *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal* [Moscow psychotherapeutic journal], 2005, no. 1, pp. 164–166.

Shhurina Ju.V. Komicheskie kreolizovannye teksty v internet-kommunikacii [Comic creolized texts on the internet communication]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod state university], 2010, no. 57, pp. 82–86.

Eco U. O chlenenijah kinematograficheskogo koda [Articulation of cinematic code]. *Stroenie fil'ma* [The structure of a film]. M.: Raduga, 1984, pp. 79–101.

Jarcev S.A. Rezhume kak zhanr delovoj kommunikacii [Résumé as a genre of business communication]. *Avtoref. dis. ... kand. filol. n. Rostov-na-Donu*, 2012. 28 p.

Hakobyan K., Šuler-Galos J. (2015) Postmodern Discourse and its Semiosis. *Journal of Language & Education*. Vol. 1, No. 3, 63-71.

Ryabova M. Yu. (2015) Semiotics of Everyday Life Cultural Structures. *Journal of Language, Linguistics and Literature*, Vol. 1. No. 5, 170–174.

Shunkina A.A. Siberian University Websites Through the Eyes of a Foreign Audience. *Cross-cultural Aspects. Architecture and Social Media in Network Societies*. [Electronic resources]. URL: http://mediaconference.architekturtheorie.tu-berlin.de/anastasia_a_shunkina.html (data of the usage: 07.03.2016).

УДК 81'22

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ:
АНАЛИЗ КОНТЕНТА¹**

Пильгун Мария Александровна,

профессор,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
127411, Москва, ул. Яхромская, 1-222,
e-mail: mpilgun@hse.ru

Дзялошинский Иосиф Мордкович

профессор,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
127413, Москва, ул. Азовская, 22-65,
e-mail: idzyalochinsky@hse.ru

В статье представлен анализ контента, посвященного Октябрьской социалистической революции 1917 года, для выявления оценок данного исторического события в языковом сознании современных молодых пользователей. Сложность задач, поставленных в исследовании, определила использование междисциплинарного подхода. Для получения эмпирического материала, отражающего релевантный материал, были проведены следующие процедуры: массовое анкетирование и фокус-групповое интервьюирование; анализ контента, посвященного Октябрьской революции, собранного из социальных сетей (Фейсбук, ВКонтакте, livejournal); анализ эссе, посвященных данной тематике. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью программного обеспечения «Automap». Также использовался метод координационного управления смыслом (coordinated management of meaning- СММ) (B.Pearce, V. Cronen). В ходе исследования было выявлено, что контент, посвященный событиям Великой Октябрьской социалистической революции, не занимает большого места в современном коммуникативном пространстве. Смешение фактов различных эпох в контенте, связанном с событиями 1917 года, который создают молодые пользователи, свидетельствует об отсутствии адекватной интерпретации указанных событий в их языковом сознании.

Ключевые слова: современный контент, история России, молодежь, 1917 год, Октябрьская революция.

Введение

Языковое сознание позволяет личности формировать свои представления об окружающем мире и оценочную парадигму в отношении различных событий, в

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-36-12000/16.

частности исторических. В свою очередь, историческая память – один из важных элементов самосознания общества, определяющих особенности менталитета, языковой картины мира, траектории развития. Выявление особенностей интерпретации значимых исторических событий в современном контенте, аксиологических и коннотативных оттенков при их осмыслении в сознании различных групп общества позволяют выявить многие социальные и идеологические проблемы, с определённой долей вероятности прогнозировать поведенческие особенности пользователей в он-лайн и оф-лайн среде, обозначить предполагаемые пути развития событий в современном обществе.

Изучение особенностей отношения к ключевым историческим событиям у молодых пользователей даёт возможность определить специфику гражданской идентичности, выявить факторы, влияющие на формирование оценок главных исторических событий в истории страны, а также целый ряд важных идеологических и образовательных проблем.

Предмет исследования: анализ контента, посвящённого событиям 1917 года, для выявления оценок данного исторического события в языковом сознании современного молодого поколения.

Гипотеза: идеи всеобщей справедливости, определяющие социалистическую доктрину, имеют важное значение для большей части российской молодежи. Утопичность, невозможность их достижения в современном политическом и экономическом контексте порождает депрессивные настроения, апатию и обостряют неприятие окружающей действительности.

Методология

Сложность задач, поставленных в исследовании, определила использование междисциплинарного подхода.

Для получения эмпирического материала, отражающего релевантный материал были использованы массовое анкетирование и фокус-групповое интервьюирование и др. В процессе анкетирования респонденты должны были без обращения к каким-либо дополнительным материалам и подсказкам назвать 10 важнейших событий, которые, по их мнению, потрясли Россию в XX веке.

Для проведения контент-анализа использовалась программа QDA Miner v.2.0.8 с модулем WordStat v.5.1.12, разработанные компанией Provalis Research (Canada). Описание особенностей качественного и количественного контент-анализа текстов представлено достаточно подробно [White, March 2006; Krippendorf 2012 and al.].

В ходе исследования проводилось кодирование – соотнесение частей текста с категориями, с помощью которых осуществлялся анализ. Выборка ‘корреляционного’ словаря основывалась на критерии частоты и порядка совместного расположения слов в тексте. В списке кодов для качественного контент-анализа внимание было сосредоточено не на частоте упоминания тех или иных слов, а на темах, присутствующих в тексте. Корреляционный словарь позволяет выявить смыслы, выраженные эксплицитно, а коды качественного контент-анализа отражают имплицитную информацию, заложенную в тексте.

Обработка полученных данных осуществлялась с помощью программного обеспечения «Automap» (<http://www.casos.cs.cmu.edu/projects/automap/>) и Tableau Public (<https://public.tableau.com/>).

Для определения индекса влиятельности была использована формула: [число лайков]*0.8+[число репостов]*1.7+[число комментариев к посту]*1.1.

Также использовался метод координационного управления смыслом (coordinated management of meaning- СММ) (В.Pearce, V. Cronen). СММ, созданная в рамках социокультурной традиции, восходит к таким научным направлениям, как социальный конструкционизм, прагматизм, символический интеракционизм, риторика, нарративные подходы в психологии и организационной коммуникации, этно-методология, интерпретативная этнография и т.д.

Процедуры

Исследование проводилось в три этапа:

Массовое анкетирование и фокус-групповое интервьюирование.

Анализ контента, посвященного 1917 году, собранного из социальных сетей (Фейсбук, ВКонтакте, livejournal).

Анализ эссе, посвященных данной тематике.

Материал исследования

Опрос 2 500 человек, период июнь 2015 – ноябрь 2016 г. (респонденты: студенты вузов разных специальностей, возраст: 16-25 лет, гендерное соотношение: муж. – 42.1%, жен. – 57.9).

Опрос проходил в 15 городах, репрезентирующих федеральные округа России (Волгоград, Вятка, Екатеринбург, Казань, Краснодар, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Пятигорск, Ростов-на-Дону, С.-Петербург, Тюмень, Ульяновск, Хабаровск, Челябинск).

В ходе формирования виртуального корпуса текстов Интернета по предмету исследования была собрана база сообщений, содержащих контент, посвященный 1917 году, собранных из социальных сетей (Фейсбук, ВКонтакте, livejournal). Срок сбора - с 2015 по сентябрь 2016 года. 1917 done (пертинент, полная информация). xls (139.2 Мб).

В ходе применения метода свободного сочинения на заданную тему студентам разных специальностей трех московских вузов: МГУ, НИУ ВШЭ и РГГУ (N - 300) предложили написать в аудитории, без подготовки свободное анонимное сочинение (эссе) на тему «Как вы оцениваете октябрьские события 1917 года?». На выполнение задания было выделено всего 20 минут. В эксперименте участвовали по 100 студентов из каждого вуза. Среди опрошенных 59,8% женщин; 40,2% мужчин.

Затем предоставленные респондентами тексты были подвергнуты количественному и качественному анализу, в ходе которого выяснялись ответы на следующие вопросы: 1) отношение к революции; 2) оценка революции; 3) причины революции; 4) исторические последствия революции.

Результаты

В ходе первого этапа исследования были выявлены события, набравшие более 1% (включительно) от суммарного количества событий, упомянутых респондентами (Таблица 3). Первую десятку наиболее значимых событий в истории XX века, по версии респондентов, составили: Великая Отечественная война (9,1 процента от суммарного количества событий, упомянутых респондентами); Октябрьская революция (8,8 процента); распад СССР (8,7 процента); полет в космос Ю. Гагарина (8,1 процента); Первая мировая война (7,0 процента); Вторая мировая война (4,1 процента); холодная война (4,0 процента); перестройка (3,7 процента); созда-

ние атомного/ядерного оружия (3,2 процента); взрыв на Чернобыльской АЭС (3,1 процента).

Показательно, что события Октябрьской революции занимают второе место в данном рейтинге. Закономерно, что Великая Отечественная война была названа наибольшим количеством респондентов в первую очередь, поскольку в идеологической и медийной современной парадигме именно это историческое событие является ключевым для построения различных моделей формирования общественного мнения в политической жизни российского общества. Считается, что оценка событий Великой Отечественной войны объединяет всех россиян, к какой бы социальной или политической группе они не относились. Различие трактовок хода и результатов Великой Отечественной войны российскими и зарубежными историками и политиками – одна из серьезных предпосылок мировоззренческого конфликта, противопоставления Россия – Запад.

При анализе причин, стимулировавших закрепление тех или иных событий в памяти участников исследования, можно констатировать, что в кажущейся хаотичности выделенных событий прослеживается весьма отчетливая закономерность: в исторической памяти молодых современников закрепились факты, связанные либо со значительным количеством вовлеченных людей (Великая Отечественная война, Октябрьская революция), либо с масштабом последствий для дестабилизации социальной системы. Под дестабилизацией мы понимаем не только разрушительные процессы (хотя большинство выделенных событий именно таковы); но и события, которые стимулируют социальное развитие, но в форме резкого переворота. Именно таковы полет в космос Юрия Гагарина, распад СССР, перестройка и некоторые другие исторические факты. Иногда несколько факторов сливаются в одно целое.

В ходе реализации второго этапа исследования анализ семантического наполнения сообщений позволил выделить следующие кластеры: 1917 год в исторической и сравнительной перспективе. 1917 год в мировой истории (Великая Французская и Великая Октябрьская революции – 5; Почему революция в России неизбежна (18), В кольце революций. Вспоминают дети Столыпина – Аркадий и Александра – 3; Все было хорошо, пока не пришел Петр I – 19; Генеральная прокуратура РФ рассматривает вопрос о законности признания независимости прибалтийских республик – 9 и под.). Последствия 1917 года. Важные события 1917 (орфогода (VI съезд РСДРП(б), начавший революцию - 113 и под.); Голодомор – 62; ГРЭС; Завод – 27). Последний российский император (60 фактов о последнем Русском Императоре Николае Александровиче и его правлении – 156 и под.). СССР (10 мифов об СССР - 3), Переименования, связанные с 1917 г. (станция «Войковская» – 14 и под.). Осмысление событий 1917 г. (Абсолютизм, ментальность – 4; Почему революция в России неизбежна – 18; Великая Иудейская Революция 1917 года в Российской Империи – 31; Русская Власть – 2; Вранье, ложь – 11; Вредитель – 2; Государство диктатуры люмпен-пролетариата – 8 и под.). Символы 1917 г. (Аврора – 27; Башня; Кремль – 25; Броненосец; Корабль – 28; Вояка; Памятник – 2; Герб; Символ - 61 и под.).

Экономические, социальные и политические конфликты (Анархист – рабочий – 9; Аристократия; Игра – 2; Буржуазия; Завод – 121; Буржуй; Рубль – 24; Враг; Элемент – 9; Граница; Шпион – 2; Эсер; Мятеж – 44 и под.). Участники событий

1917 г. Искусство и революция. Религия и революция (Бог; Антихрист – 74; Боженька; Украина – 2; Бунтарь; Вера – 3 и под.). Сексуальная революция. Территория революции – 19. Личность в революции. (Биография Ленина – 86; Демонтаж памятников Ленину – 57; Сталин и под.)

Коннотативные характеристики контента отражают весь спектр оценок событий 1917 года, представленный в современном обществе. Между тем следует отметить очевидное преобладание негативных характеристик, выраженных следующими номинациями: переворот, ложь, вранье, катастрофа, клика и др. Номинативными конструкциями: Государство диктатуры люмпен-пролетариата, Великая Иудейская Революция 1917 года в Российской Империи, Синяя Борода в женском обличье, монстр революции и пр.

С другой стороны, в проанализированном материале присутствует сегмент, отражающий идеализированный обожествлённый образ Ленина (ассоциативная связь Ленин – Иисус Христос).

Между тем стоит отметить, что контекст революционных событий начала XX в России для современной молодежи остается далеким и чрезвычайно туманным. Так, максимальный показатель индекса влиятельности (5787,6) и наибольшее количество лайков (6070) получил материал: *Мам, а когда Ленин умер, ты плакала? — Да, блин, и когда динозавры вымерли, тоже рыдала...* (https://vk.com/wall/-39410028_101139). Далее в рейтинге по указанным параметрам стоят материалы: о сексуальной революции (индекс влиятельности - 5326,5; количество лайков – 4871), 60 фактов о последнем Русском Императоре Николае Александровиче и его правлении (индекс влиятельности – 4572,2; количество лайков – 4232), интересные факты о Сталине (индекс влиятельности – 2930,9; количество лайков – 2497), генеральная прокуратура РФ рассматривает вопрос о законности признания независимости прибалтийских республик (индекс влиятельности 2078,5; количество лайков – 1984), демонтаж памятников Ленину (индекс влиятельности 789,4; количество лайков – 838).

Довольно показательным представляется материал «*Память Ленина и Петра I увековечили в Apple Watch*» (https://vk.com/wall/-16883015_124053).

Наибольшее количество комментариев к конкретным постам, относящимся к 1917 г., закономерно, было обнаружено в Фейсбуке (18 893, кластер «История. СССР»).

Комментарии к постам являются красноречивым свидетельством оценки событий Октябрьской революции в языковом сознании молодых российских пользователей.

Лидер рейтинга по количеству комментариев: Материалы по теме «История. СССР», ресурс «Россия - Российская Федерация - Russia» (<https://www.facebook.com/12795478538/posts/10154613036343539>). – 18 893 комментариев. Материалы по теме «История. СССР», ресурс AdMe.ru (<https://www.facebook.com/309669250171/posts/10153182831485172>) – 16771 комментариев. Материалы по теме «История. СССР», ресурс National Geographic Россия (<https://www.facebook.com/116651035075978/posts/902629456478128>) – 3679 комментариев. Материалы по теме «Сталин», ресурс Глобальный еврейский онлайн центр Jewish.Ru (<https://www.facebook.com/117612978065/posts/10154024557378066>) – 2462 комментариев.

Материалы по теме «История. СССР», ресурс Глобальный еврейский онлайн центр Jewish.Ru <https://www.facebook.com/117612978065/posts/10154022339368066> – 2342 комментария [Пильгун 2016].

В ходе третьего этапа исследования был использован метод свободного сочинения на заданную тему. Преимущество этого метода – по сравнению с анкетированием и фокус-групповой дискуссией – заключается в том, что респондент не может обнаружить замысел исследователей, свободен в своих описаниях и на него не оказывает давления группа. Подавляющее большинство студентов обозначали октябрьские события 1917 года (*далее – Событие*) как «революцию» («Октябрьскую революцию», «Великую Октябрьскую социалистическую революцию»). Примерно в 15% случаев употреблялось слово «переворот», причем иногда в одном ответе слова «революция» и «переворот» присутствовали одновременно («октябрьский переворот», «революционный переворот»). Среди других определений события: «вооруженное восстание», «заговор», «захват власти», «смена правительства», «смена политического строя».

Практически все опрошенные упоминали о том, что революция была одним из крупнейших событий XX века, повлиявшим на отечественную и мировую историю, поворотным моментом и точкой отсчета дальнейшего исторического развития.

Для формализации оценки отношения к этому событию была использована шкала из 5 вариантов, плюс вариант «затрудняюсь ответить». Рис. 1).

Рисунок №1
Отношение к Событию (% от числа опрошенных)

Почти 30% опрошенных затруднились дать какую-либо оценку событию, что вполне ожидаемо. Они объясняли это следующим образом: не берусь судить о событиях, в которых сам не участвовал и не разговаривал с очевидцами; исторических источников очень много, существуют множество противоречивых оценок,

трудно составить свое мнение.

Распространенное суждение: революция – часть истории, данность, которую мы имеем. Что случилось, то случилось. Нельзя судить, как бы все сложилось, не будь революции и страна пошла бы по другому пути развития.

Некоторым студентам (таких немного) просто неинтересна эта тема и они не хотят ее обсуждать.

Около 12% респондентов дали противоречивую оценку событий. По их мнению, революция имела как положительные, так и отрицательные последствия, и какие из них преобладают – сказать трудно. В этой группе часто ссылаются на различные оценки, взятые из литературы, но не могут определиться с собственной.

19% студентов оценивают революцию однозначно отрицательно, не упоминая ни о каких положительных последствиях. Еще 19,8% относятся скорее отрицательно, т.е. отмечают какие-то плюсы, но минусов существенно больше.

15,5% респондентов выражают скорее положительное отношение, и только 3,4% дают однозначно положительную оценку.

Таким образом, объединив все ответы в три варианта (положительное отношение, отрицательное отношение, затрудняюсь оценить или амбивалентное отношение), можно видеть, что отрицательное отношение существенно преобладает над положительным.

В своих сочинениях многие респонденты рассматривали историческую ситуацию, сложившуюся к ноябрю 1917 года, и называли причины произошедшего События. Большинство студентов согласны с тем, что в сложившихся на тот момент условиях социальный взрыв был неизбежен. Это обусловлено как внешними, так и внутренними проблемами страны (рис. 2.). Следует отметить, что все упоминавшиеся причины революции тесно связаны между собой, одно вытекает из другого, поэтому процентное распределение достаточно условно.

Рисунок №2
Причины События (% от числа ответивших)

Наиболее часто встречающиеся в сочинениях причины – участие России в Первой мировой войне (40%) и комплекс нерешенных социальных проблем (40%), в том числе: социальное неравенство, сильное расслоение общества, бесправие и обнищание простого народа.

Около трети студентов, размышлявших над причинами октябрьских событий, указывали на слабость Временного правительства, его неспособность справиться с кризисными явлениями и решить задачи реформирования страны.

Такое же количество участников исследования отмечали в качестве причины революции рост недовольства во всех слоях населения, протестные настроения, накалившиеся до предела обстановку.

Чуть меньшее количество студентов упоминали кризисные явления в экономике, говорили о том, что экономическая система России устарела, промышленность и сельское хозяйство были на грани развала.

Отмечался также тот факт, что монархия как форма политического устройства изжила себя, это сочеталось со слабостью конкретного режима Николая II; старая власть была неспособна управлять страной. (В данных ответах нельзя не отметить характерный для современных студентов анахронизм: к моменту свершения Октябрьской революции монархия уже была ликвидирована в результате Февральской революции 1917 г.) Некоторые отмечали отрицательную роль столыпинских реформ.

Кроме того, упоминалось распространение социалистических идей, революционное влияние Европы на ряд социальных групп.

Около 40% опрошенных студентов в своих сочинениях так или иначе давали оценку действий партии большевиков в ходе событий 1917 г. Вот некоторые характерные высказывания: Активные, амбициозные политики, переигравшие всех других; Оказались в нужное время в нужном месте; Подобрали власть, которая валялась на улице; Осуществили переворот практически без сопротивления; Использовали недовольство народа в своих целях; Выдвинули привлекательные лозунги, которые нравились народу; Имели поддержку народа, им не было реальной альтернативы; Были готовы на все ради достижения своих целей, прагматичны до цинизма; Ленин – яркий лидер, имел авторитет, ему удалось спасти страну от краха.

Основное внимание в своих эссе почти все студенты уделили рассмотрению исторических последствий революции.

Среди положительных последствий (*рис. 3*) наиболее часто упоминались толчок к общему развитию страны и достижение социального равенства (по 35,4% ответивших). Основные достижения в социальном плане: равные права для всех, ликвидация сословий, социальные гарантии (8-часовой рабочий день, образование, медицина и др.). 30,8% отметивших положительные последствия революции, назвали выбор нового прогрессивного (некапиталистического) пути развития страны. 23,1% считают, что революция покончила с монархией и феодальными пережитками. Для 15,4% респондентов важным оказалось повышение грамотности населения, а также доступ народа к культурным ценностям.

Интересно, как студенты трактовали влияние Октябрьской революции на другие страны. 9,2% считают, что события в России дали толчок борьбе других народов за свои права, 6,2% - что наша революция продемонстрировала, по какому

пути не надо идти, и в этом смысле показала положительный пример для всего мира.

Примерно для 10% важным положительным последствием является создание СССР – сильной, мощной державы, заявившей о себе на мировом уровне. В этой связи упоминаются дальнейшие успехи Советского Союза: победа в Великой отечественной войне, полет в космос и т.д.

Рисунок №3

Положительные исторические последствия События
(% от числа ответивших)

В некоторых эссе авторы отметили отрицательные последствия революции, первое место среди которых занимает Гражданская война - о ней упомянуло около половины ответивших (табл. 4). Почти такое же количество студентов отметили огромные человеческие жертвы, кровопролитие, насилие (речь здесь идет не только о Гражданской войне, но и о последующих жертвах нового режима).

Важным и непоправимым следствием революции стал подрыв генофонда нации (отметили 28,9%). Имеется в виду массовая эмиграция лучших представителей науки и культуры, офицерства, истребление неугодных представителей интеллигенции внутри страны.

Не менее серьезной проблемой на долгие годы стало изменение сознания людей (15,7%). В результате революции и последующей гражданской войны в сознании людей перевернулись все прежние ценности. Обесценивание человеческой жизни и родственных чувств («брат идет на брата»), жестокость и насилие, постоянный страх – все это последствия событий 1917 года.

Около четверти студентов, отметивших негативные последствия революции, указывают на создание в результате революции тоталитарного режима в стране, жестокое подавление инакомыслия, репрессии, сталинизм.

Часть респондентов считает, что нельзя было бездумно разрушать достижения Российской империи (как экономического, так и культурного плана), сложившиеся традиции и уклад жизни.

Сравнительно небольшая часть студентов (около 8% ответивших) отметила, что новая власть создала неэффективную экономическую систему, отменив частную собственность и сделав ставку на коллективный труд во благо общества. 6% упомянули об осложнении отношений России с мировым сообществом, политическую и экономическую изоляцию.

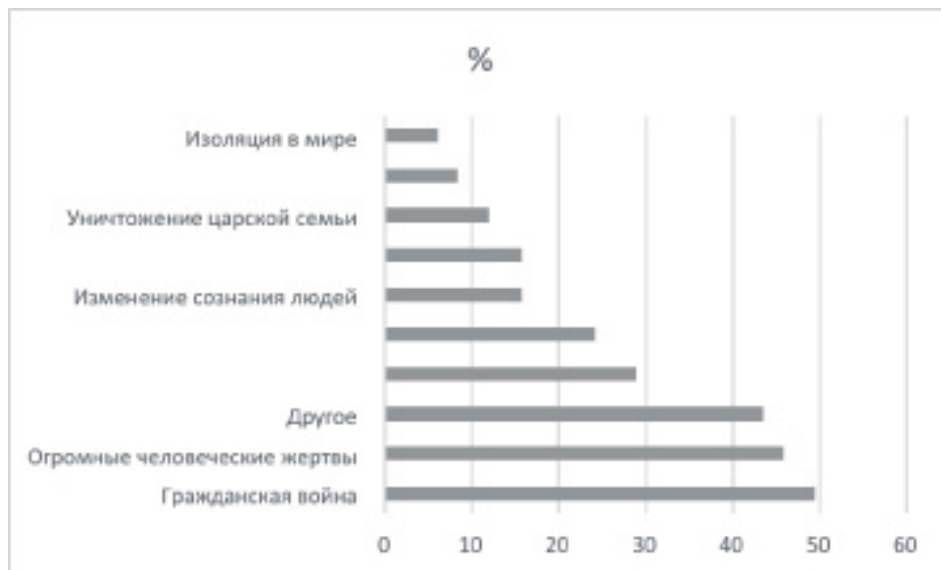

Рисунок №4
Отрицательные исторические последствия События
(% от числа ответивших)

Обобщив комментарии студентов к изучаемому событию, можно выделить еще несколько характерных мнений: Революция положила начало социальному эксперименту, который в итоге потерпел поражение; Революция была неизбежна, но оказалась слишком жестокой и кровопролитной, можно было реформировать страну в более щадящем варианте; Несмотря на все минусы, революция дала толчок к развитию, страна вышла на новый уровень, стала одной из ведущих мировых держав; Провозглашались хорошие идеи (социальная справедливость, уничтожение эксплуатации), но благая цель не оправдывает средства, которые были использованы, игра не стоила свеч; Неясно, кто финансировал деятельность большевиков, остается открытым вопрос о возможности немецкого финансирования; Эта дата ассоциируется с праздником, который до сих пор важен для старшего поколения.

Резюме

Выполненное исследование дает основание для формулирования нескольких проблем, нуждающихся в глубоком анализе.

Контент, посвященный событиям Великой Октябрьской социалистической революции, не занимает большого места в современном коммуникативном пространстве.

Смешение фактов различных эпох в контенте, связанном с событиями 1917 года, который создают молодые пользователи, в их языковом сознании, свидетельствует об отсутствии адекватной интерпретации.

Важное значение для формирования системы знаний и мнения современной молодежи имеет медийный дискурс. Очевидно, именно распространением и активным продвижением в информационном пространстве образов Великой Отечественной войны следует объяснить выведение данного факта в число наиболее значимых исторических событий, по мнению респондентов. События 1917 года занимают значительно меньшее место в коммуникативном пространстве и занимают вторую позицию в рейтинге респондентов.

При формировании идентичности современного российского молодого человека в области исторических событий лидирует Великая Отечественная война, события 1917 года занимают, по данным опроса, вторую позицию. Между тем, анализ тематического контента социальных сетей Фейсбук, Вконтакте и Livejournal позволяют говорить, что корректные трактовки, обсуждение событий 1917 года происходят только в рамках определенных ресурсов, посещаемых ограниченным кругом пользователей.

Результаты опроса московских студентов, проведенного в виде свободного сочинения (эссе), показали, что подавляющее большинство студентов равнодушно к проблемам отечественной истории, знакомы с различными трактовками событий 1917 года, стремятся осмыслить их и сформировать собственное мнение. Разброс оценок достаточно велик, но практически все понимают сложность и противоречивость исторических процессов, в которых не может быть только «черного» или «белого». Выполненное исследование подтверждает тезис о том, что 1917 год в сознании респондентов, участвовавших в исследовании, обладает двойственной символикой. С одной стороны, события этого года выступают в качестве знака значительных – по большей части позитивных – изменений в судьбе российского государства как геополитической системы. С другой стороны, это символ тупикового пути, на который свернула Россия, соблазненная небольшой группой политических авантюристов. Самое интересное, что и тот, и другой символические смыслы иногда совмещаются в одной и той же голове.

Таким образом, можно заключить, что Октябрьская революция и сегодня остается актуальным полем общественных дискуссий и активной идеологической борьбы.

Литература

Pil'gun M.A. Rerezentacija istoricheskikh sobytij v jazykovom soznanii: 1917 god [Representation of historical events in the linguistic consciousness: 1917th year], *Voprosy psiholingvistiki*. 2016, N 3 (29) pp. 241– 259. White D.M., Marsh, E.E. Content analysis: a flexible methodology // *Library trends*. 2006, 1(55). – P. 22–45.

Krippendorff, K. Content Analysis. An Introduction to Its Methodology. Third Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2012. – 456 p.

**THE INTERPRETATION OF THE EVENTS OF THE OCTOBER
REVOLUTION IN MODERN USERS' LANGUAGE CONSCIOUSNESS:
CONTENT ANALYSIS**

Maria A. Pilgun

professor,
National Research University
«High School of Economics»,
127411 , Moscow , ul . Yakhromskaya, 1-222 ,
e-mail: mpilgun@hse.ru

Joseph M. Dzyaloshinsky

professor,
National Research University
«High School of Economics»,
127413, Moscow, ul. Azovskaya, 22-65,
e-mail: idzyalochinsky@hse.ru

The article presents the analysis of the content is devoted to the events of 1917, to identify assessments of the historical events in the linguistic consciousness of modern young users. The complexity of the tasks set in the study, identified using an interdisciplinary approach. To obtain empirical material, reflecting the relevant material was conducted following procedures: a mass survey and focus-group interviewing; content analysis devoted to the 1917 harvested from social networks (Facebook, Vkontakte, livejournal); analysis of essays devoted to this subject. Data processing was carried out using the software «Automap». Also used method of coordination management of meaning - CMM (Pearce B., V. Cronen). The study revealed that the content devoted to the events of the October Socialist Revolution does not occupy a large place in the modern communicative space. A mixture of facts from different eras evidenced by the lack of adequate interpretation in the content associated with the events of 1917, which is created by young people.

Keywords: modern content, the history of Russia, the youth, 1917, the October Revolution.

References

Pil'gun M.A. Reprezentacija istoricheskikh sobytij v jazykovom soznanii: 1917 god // *Voprosy psiholingvistiki*. 2016, N 3 (29) – С. 241–259.

White D.M., Marsh, E.E. Content analysis: a flexible methodology // *Library trends*. 2006, 1(55). – P. 22–45.

Krippendorff, K. Content Analysis. An Introduction to Its Methodology. Third Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2012. – 456 p.

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ
СОВРЕМЕННОЙ ШОТЛАНДИИ*****Раренко Мария Борисовна***

старший научный сотрудник

отдела языкознания ИНИОН РАН

117997 Москва, Нахимовский просп. 51/21

e-mail: rarenco@rambler.ru

В современной Шотландии проживает около пяти миллионов человек, 98% из которых являются этническими шотландцами. Сложная языковая ситуация, наблюдаемая в начале XXI века в Шотландии, определяется непростой историей страны и ее жителей, на протяжении всей истории вынужденных противостоять завоевателям и бороться за свою независимость.

В настоящее время на территории Шотландии в качестве основных языков используются три: 1) шотландский английский, т.е. территориальный (местный) литературный вариант английского языка; 2) скотс – германский по происхождению язык, развившийся из нортумбрийского (северного) диалекта древнеанглийского языка; 3) гэльский язык – кельтский по происхождению, развившийся из языка, принесенного на территорию Шотландии ирландскими переселенцами.

Шотландский английский язык (Scottish English) формируется примерно после XVII века на почве взаимодействия языка скотс и британского английского, считается территориальным диалектом, в отличие от канадского и австралийского английского, которые имеют статус «региональных вариантов». На территории современной Шотландии ведущую роль в качестве языка, принятого в данном коммуникативном сообществе, выполняет литературный шотландский английский, использующийся во всех сферах общественной жизни, включая административно-законодательную, информационную, образовательную, культурную, однако два других языка – скотс и гэльский – также претендуют на официальное признание, что создает напряжение в обществе.

Ключевые слова: гэльский язык, скотс, шотландский английский, статус языка, государственный язык, миноритарный язык, билингвизм.

Термин «языковая ситуация» был подробно охарактеризован в работе А.Д. Швейцера «Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы» [Швейцер 1977], в которой сравниваются два определения языковой ситуации: предложенное С. Фергюсоном в работе «Структура языка и его использование» (Language structure and language use) и Л.Б. Никольским [Никольский 1975]. По С. Фергюсону, «термин языковая ситуация (language situation) ... относится к общей конфигурации использования языка в данное время и в данном месте и включает такие данные, как, сколько языков и какого рода языки используются в данном ареале, сколько человек на них говорит, при каких обстоятельствах, и каких установок и мнений в отношении этих языков придерживаются члены данного коллектива» [цит. по:

Швейцер 2012: 131]. Л.Б. Никольский трактует языковую ситуацию следующим образом: «Взаимоотношение функционально стратифицированных языковых образований изменяется во времени под воздействием общества и языковой политики и, стало быть, представляет собой некий процесс. Этот процесс распадается на ряд состояний. Каждое такое состояние и есть то, что может быть названо языковой ситуацией» [цит. по: Швейцер 2012: 132].

Необходимость изучения языковой ситуации в разных странах и регионах мира обусловлена целым рядом причин, одна из которых – интерес общества к так называемым миноритарным языкам. В настоящее время на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и его коронных владений помимо государственного¹ (английского языка) используются довольно много других языков, наделенных официальными функциями: шотландский английский (Шотландия), валлийский (Уэльс), гэльский (Шотландия, горный регион), ирландский (Северная Ирландия), мэнский (о. Мэн), корнский (Англия, Корнуолл) языки, а также скот (Шотландия) и другие. Число говорящих на этих языках значительно различается (от 55 миллионов, говорящих на английском языке (с учетом всех диалектов) до приблизительно 2000 человек, говорящих на мэнском и корнском языках), отличается и статус этих языков в обществе.

Сложная языковая ситуация, наблюдаемая в начале XXI века в Шотландии, определяется непростой историей страны и ее жителей, почти всегда, на протяжении всей истории, вынужденных противостоять завоевателям и бороться за свою независимость.

В настоящее время на территории Шотландии в качестве основных языков используются три²: шотландский английский (т.е. местный вариант английского языка), скотс и гэльский язык. Помимо перечисленных языков существуют также многочисленные диалекты.

В современной научной и научно-популярной литературе нередко термином «шотландский язык» обозначаются все три языка, функционирующие на территории Шотландии. Иногда используются уточняющие слова: «шотландский гэльский», «шотландский английский» и «литературный шотландский английский». В статье

---

¹ Согласно приведенному в кн. «Словарь социолингвистических терминов» (М., 2006) определению, государственный язык – «язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной, экономической и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Язык государственно-административных текстов, законов, распоряжений, обучения, массовой информации и др. На Г.я. осуществляется административно-политическое и социально-экономическое взаимодействие граждан целостного мегасоциума, объединенного государством, в результате чего язык становится одним из важнейших средств государственной интеграции. Формирование концепции Г.я. зависит от принципов национально-языковой политики, а принятие закона о Г.я. (или о нескольких Г.я.) является составной частью такой политики. Объем функций, выполняемых Г.я., и сферы его применения в разных государственных образованиях могут значительно различаться, поскольку это определяется традиционной социально-коммуникативной системой, сложившейся в данном социуме, и задачами языковой политики. Одна из важнейших функций Г.я. в многонациональном государстве – быть языком межнационального общения» (с. 47).

² В научной литературе не наблюдается единства в использовании терминологии, и иногда под шотландский язык понимается гэльский.

используются следующие термины: 1) «гэльский язык» – для указания на кельтский по происхождению язык, развившийся из принесенного на территорию Шотландии ирландскими переселенцами языка; 2) «скотс» – германский по происхождению язык, развившийся из нортумбрийского (северного) диалекта древнеанглийского языка; 3) «шотландский английский язык» – литературный вариант английского языка, функционирующий на территории Шотландии и представляющий собой территориальный вариант английского языка.

Шотландия – небольшая страна, площадь которой 78,7 тыс. квадратных километров. Страна характеризуется неоднородным и разнообразным рельефом, в связи с чем выделяются три основных региона: Южно-Шотландская возвышенность, Средне-Шотландская низменность (Лоуленд) и Шотландское нагорье (Хайленд), к которому исторически тяготеют Внутренние и Внешние Гебридские острова. В стране проживает около пяти миллионов человек, 98% которых являются этническими шотландцы. Для страны характерно неравномерное расселение. Три четверти населения сосредоточено в Лоуленде, где расположены крупнейшие городские и промышленные центры страны. Крупнейшие города Шотландии: Глазго (здесь проживает одна треть всего населения страны, или около 1,7 миллионов человек), Эдинбург (около 467 тысяч человек), Абердин (около 210 тысяч человек), Данди (около 194 тысяч человек), Перт (около 43 тысяч человек). В Хайленде, на Гебридских островах и в других частях Шотландии проживает около одной тысячи человек [Донскова 2007; Павленко 2003].

Когда говорят о языковой ситуации в Шотландии, в первую очередь рассматривают регион, который принято называть «равнинной Шотландией», или Лоулендом, поскольку именно здесь, в долинах рек Форд и Клайд, сосредоточено около трех четвертей населения страны, расположены промышленные и культурные центры. Однако жители Шотландии проживают и в горных районах, и на принадлежащих стране островах.

Гэльский язык – язык, по преимуществу, жителей горной части Шотландии и островов, ей принадлежащих. Гэльский³ язык (самоназвание Gàidhlig; англ. Gaelic, или Scottish Gaelic) относится к гойдельской ветви кельтских языков, носители которого – кельтская народность гэлы – традиционно проживали в горной части Шотландии, а также и на Гебридских островах.

На гэльском языке сегодня говорит часть населения западных регионов северной Шотландии и Гебридских островов. По данным на 1961 год говорящих на гэльском языке насчитывалось 81 тысяча человек, в 1971 году говорящие на гэльском языке составляли 88 тысяч человек (по другим данным – 89 тысяч), из них только 1,5 тыс. человек были одноязычными. В 1981 году численность говорящих несколько уменьшилась – до 79,5 тысяч человек, из них 3 тысячи могли только читать и писать. Число носителей гэльского языка в Шотландии, согласно переписи 2001 года, составляло 58652 человека⁴.

---

³ В научной литературе встречаются следующие варианты названия данного языка: шотландский, гаэльский, гельский, эрский, горношотландский. – Прим. авт.

⁴ Небольшие сообщества носителей гэльского языка сохранились на территории США, в Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканской Республике. Общее количество носителей языка в мире составляет, по разным оценкам, от 60 тысяч до 90 тысяч человек, при этом 500–1000 носителей языка проживают в Канаде (провинция Новая Шотландия, преимущественно на острове Кейп-Бретон). – Прим. авт.

Говорящие на гэльском языке расселены на территории современной Шотландии неравномерно: около 30% проживает в автономной области Западных островов (т.е. Внешних и Внутренних Гебридов), 21% – на материке в горной Шотландии и 31,5% – в районе г. Глазго, остальные рассредоточены по стране.

Считается, что гэльский язык развился из языка ирландских поселенцев, переселившихся из северо-восточной Ирландии в юго-западные области Шотландии в V–VI вв. н.э. Как свидетельствуют анналы и саги, около 500 г. н.э. большая часть племени Дал Риада во главе со своим вождем Фергусом Великим (около 434–501), сыном Эрка (?–474), по не вполне ясным причинам переселилась из района нынешнего графства Даун в северо-восточном Ольстере на земли нынешнего графства Аргайл (Западная Шотландия). После длительной борьбы с различными княжествами и королевствами пиктов только Кеннету МакАльпину (ок. 810–858/859) удалось объединить в 848 г. большую часть Северной Шотландии. В X–XI вв. гэльским королям удалось покорить бриттские королевства в Стратклайде и англское королевство с центром в Эдинбурге, куда они перенесли свою столицу. Однако для функционирования гэльского языка перенос столицы королевства в Эдинбург имел драматические последствия: королевская династия, двор и армия быстро англизировались, гэльский язык постепенно терял свои позиции, и к XV в. язык полностью потерял свой официальный статус, будучи сначала вытесненным англо-шотландским языком (скотс), а затем стандартным английским. До начала XIII века исследователи языка не фиксируют каких-либо существенных отклонений от ирландского языка в литературных памятниках. Лишь с середины XIII века говорят о появлении особого, отличного от ирландского, гэльского языка: «Судя по имеющимся данным, начало расхождения между ирландским и шотландским⁵ языками следует отнести к довольно позднему времени – не ранее XIII в., т.е. только к началу новоирландского периода» [Калыгин, Королев 2006: 189]. Тексты в «Дирской книге» (середина XII в.), изученные исследователями гэльского и ирландского языков, свидетельствуют о том, что период 950–1200 гг. следует рассматривать скорее как «среднеобщегэльский», а не просто как «среднеирландский». Говорить о восточногэльском языке, из которого впоследствии развились гэльский и мэнский языки, можно только после 1200 года.

Изучение гэльского языка осложняется отсутствием необходимого количества письменных источников на этом языке, поскольку вплоть до XVIII века шотландцы в качестве письменного использовали почти исключительно новоирландский литературный язык, который лишь в незначительной степени обладал местными особенностями. Древнейшие памятники на гэльском языке появляются только с начала XVI века и представляют собой сборники традиционных поэм и баллад. И только в рукописи «Книга настоятеля из Лисмора» (The Book of the Dean of Lismore), датированной 1520 годом, и в Фернаигской рукописи 1690 года был зафиксирован «почти чистый шотландский язык» [Калыгин, Королев 2006: 190]. «Лисморская книга» уникальна еще и тем, что представляет собой первую и последнюю попытку в Шотландии отказаться от традиционной ирландской орфографии;

⁵ Под шотландским языком в цитируемой работе понимается гэльский язык. – Прим. авт.

писцами использована видоизмененная орфография англошотландского языка⁶» [Калыгин, Королев 2006: 190].

Самые серьезные испытания на долю гэльского языка выпали в XVIII веке, в результате второго якобитского восстания 1745 года, которое повлекло за собой сначала размывание, а затем и полное разрушение клановой системы, и эмиграцию многих вождей и рядовых членов кланов. Мелкие арендаторы лишились своих земель. Этот процесс растянулся с конца XVIII в. до 80 годов XIX века и привел к очень малой плотности населения в горной Шотландии и большой разобщенности носителей языка при одновременно усилившемся притоке англоязычного населения.

Гонению подверглась древняя кельтская культура – было запрещено носить национальную одежду, запрещена была даже шотландская волынка, причисленная к «орудиям войны». Шотландские власти пытались искоренить и гэльский язык. Он был запрещен и в церкви, и в школах, однако трудности обучения гэльских детей были настолько велики, что в 1766 г. было принято решение разрешить употребление гэльского языка наряду с английским. В 1767 г. в Шотландии вышло Евангелие на гэльском языке, а в начале XIX в. – Библия, но это не привело здесь, как, например, в Уэльсе, к возрождению литературного языка. Гэльский язык сохранился лишь как разговорный.

Современный литературный гэльский язык начинает оформляться в конце XVIII в. – начале XIX века на основе юго-восточных диалектов, при этом он продолжает сохранять много консервативных черт, которые уже исчезли в диалектах к XVIII веку, как в орфографии, так и в лексике, и в морфологии. В появляющихся в этот период изданиях фольклорных текстов авторы пытаются как можно полнее и адекватнее передать особенности живых диалектов. Письменный гэльский язык, развившийся в таких условиях, стал синтезом некоторых черт старого (ирландского) языка с особенностями западно-центральных шотландских диалектов.

Гэльский язык долгое время не имел никакого официального статуса и даже в отдельные периоды истории страны подвергался преследованиям (так, Акт об образовании 1872 года запрещал преподавать на гэльском языке и даже просто говорить на нем). Однако в конце XX века ситуация изменилась, и с образованием шотландского парламента он был провозглашен официальным языком Шотландии. В 2005 году в стране была открыта первая средняя школа, где преподавание идет только на гэльском языке. Тем не менее, данные переписи 2001 года показали 11-процентное сокращение численности носителей этого языка по сравнению с 1991 годом, так что гэльский язык находится в серьезной опасности и причислен к языкам, которым грозит исчезновение. Тем не менее, на нем ведутся теле- и радиопередачи, издаются газеты и книги. В настоящее время в стране существует движение за более широкое использование гэльского языка в общественной жизни. Однако, несмотря на активно предпринимаемые меры по сохранению и поддержке гэльского языка, в Шотландии пока что сохраняется ситуация, когда самые сильные позиции гэльский язык удерживает на Гебридах, среди пожилого населения, численность которого с каждым годом уменьшается.

⁶ Имеется в виду язык скотс. – Прим. авт.

Исследователи отмечают, что «классификация шотландских диалектов до сих пор точно не разработана, поскольку все они связаны перекрещивающимися пучками изоглосс, хотя наиболее удаленные друг от друга географические диалекты расходятся до почти полного отсутствия взаимопонимания их носителей» [Калыгин, Королев 2006: 190]. Однако наиболее принятое деление включает в себя 1) северо-западные диалекты (Гейбридские острова), 2) юго-западные (Аргайл, о. Арран), 3) центральные и восточные (Перт, восточный Сатерленд). Более всего различия между диалектами выявляются на фонетическом и морфологическом уровнях.

Число говорящих на гэльском языке постоянно сокращается. Исключением стал период с 1961 по 1971 год, когда число говорящих увеличилось с 81 тысячи до 89 тысяч, но исследователи склонны рассматривать это увеличение как следствие некоторых экстралингвистических обстоятельств. Еще в 1891 году около 40% жителей горной части Шотландии говорили по-гэльски, а в 1921 году, спустя всего 30 лет, показатель упал до 16%. Причиной такого резкого падения следует считать миграцию жителей Горной Шотландии в крупные города Нижней Шотландии, на территорию Англии, а также дальнейшую эмиграцию в Канаду, США, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию, что почти всегда сопровождалось полной языковой ассимиляцией.

Вследствие особых исторических условий с VI в. н.э. на равнинной части Шотландии (Лоуленд) сосуществуют два языковых ареала – германский и кельтский. Именно сюда, в южную часть Лоуленда – территории к северу и югу от гор Чевиот-Хилс и реки Твид – стали заселяться англы, германское племя, войдя в состав королевства Нортумбрии. В конце X в. после нескольких войн между англосаксонскими и кельтскими королями эта часть Нортумбрии отошла шотландскому королю Кеннету III (997–1005), но по условиям договора английскому населению данного региона было разрешено сохранить свои законы и свой язык – северную ветвь нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка. До конца XI века в данном регионе использовался и гэльский язык, однако после того, как на трон объединенного Шотландского королевства взошел Малькольм III Кенмор (ок. 1031–1093), сын короля Данкена и нортумбрийки из знатного рода, шотландская династия стала фактически англосаксонской, что способствовало дальнейшему распространению северной разновидности древнеанглийского языка за счет вытесняемого гэльского.

В XIV веке на базе языковой нормы эдинбургского королевского двора и университета г. Сент-Эндрюс сформировался общенациональный языковой стандарт Шотландии того времени, получивший название *Inglis*. Во второй половине XV века этот язык стал именоваться *Scottis*, а название *Inglis* стало использоваться исключительно для обозначения близкородственного языку *Scottis* среднеанглийского языка, который был распространен на территории Англии⁷.

В 1603 году произошло объединение корон Шотландии и Англии, и *Scottis* стал постепенно утрачивать статус государственного языка, а после объединения английского и шотландского парламентов в 1707 году национальный английский

⁷ Более подробно см. [Денисова 2010].

язык того времени, развившийся на основе лондонского диалекта, полностью и окончательно утвердился в качестве языка политики, образования и религии на территории Шотландии. Еще в течение долгого времени *Scottis* оставался среди шотландцев языком повседневного, домашнего, общения, но доминирование английского языка в официальной среде постепенно привело к размыванию и, в конечном счете, фактической утрате единой нормы языка, сложившейся в XIV–XV вв. Таким образом, *Scottis* сохранился только как совокупность территориальных диалектов. Но на протяжении XVII и даже XVIII вв. иностранцы продолжали воспринимать *Scottis* как самостоятельный язык, автономный по отношению к английскому.

Первым письменным памятником, созданным на языке *скотс*, считается поэма «Брюс» шотландского поэта Джона Барбура (1316–1395), представляющая собой рифмованную хронику и описывающая историю Шотландии при Роберте Брюсе (1286–1329).

XVIII век был временем национального подъема в Шотландии, и язык *скотс* пережил своеобразное возрождение в художественной литературе: на нем создавали свои произведения шотландские поэты Роберт Фергюсон (1750–1774) и Роберт Бернс (1759–1796).

В последующем столетии возрождение языка также продолжилось. В 1808 году Дж. Джемисон⁸ опубликовал «Этимологический словарь шотландского языка». В этот же период шотландские писатели создавали художественные произведения, персонажи которых говорили на языке *скотс*. В других сферах использование языка *скотс* не поощрялось.

В 1889 году А. Эллис (A.Ellis) (1814–1890) зафиксировал девять отчетливо выделяемых территориальных шотландских диалектов, т.е. разделил Шотландию по диалектным признакам на следующие территориальные образования: 1) Шетландские и Оркнейские острова; 2) Кейтнес; 3) Нейрн, Элджин, Бэнфф, Абердин; 4) Восточный Форфар, Кинкардайн; 5) Западный Форфар, большая часть территории Перта, часть Файфа и Стерлинга; 6) Южный Айр, западный Дамфрис, Керкубри, Вигтон; 7) Юго-восточный Арджайл, северный Айр, Ренфью, Ланарк; Кинросс, Клакмэннан, Линлитгоу, Эдинбург, Хэдингтон, Бервик, Пиблз; 9) Восточный Дамфрис, Селкирк и Роксбург [Ellis 1890]. В то же время У. Грант и Дж. Диксон выделяли три группы шотландских диалектов – северную, центральную и южную, но признавали, что каждая из них имеет свои подгруппы [Grant, Dixon 1929].

К концу XIX – началу XX вв. *скотс* стал восприниматься как язык низших слоев населения. Однако интерес к языку возникает вновь в 20-е годы XX века, в период так называемого «Шотландского возрождения». В этот период была создана Шотландская национальная партия. У истоков современного шотландского национального движения стоял общественный деятель, писатель и поэт Хью Макдермид⁹ (1892–1978), который в своих художественных произведениях стремился к синтезу

---

⁸ Преподобный Джон Джемисон (англ. John Jamieson), доктор богословия (3 марта 1759 (Глазго) – 12 июля 1838) – шотландский лексикограф, сын священника. – Прим. авт.

⁹ На английском языке его имя пишется как Hugh MacDiarmid, поэтому можно встретить и другой русскоязычный вариант его имени: Хью Мак Диармид. – Прим. авт.

шотландских диалектов начала XX века с элементами языка шотландской литературы более ранней эпохи.

Однако стремления укрепить позиции языка скотс в 20–30 гг. XX века, а также после Второй мировой войны особого успеха не имели, что в значительной мере объясняется тем фактом, что все более широкое распространение получает теле- и радиовещание на литературном английском языке.

Сегодня парламент Шотландии имеет полномочия по так называемым «переданным вопросам», т.е. вопросам здравоохранения, жилья и языковой политики.

В 2001 году правительство Соединенного Королевства ратифицировало Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств, утвержденную Советом Европы в 1992 году. Правительство Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии признает язык скотс как региональный язык, указывает на необходимость сохранения языка Scottis как элемента культурного наследия, но не оказывает ему практической поддержки. При парламенте Шотландии после его утверждения в 1997 году была создана межпартийная группа по вопросам Scottis, в стране функционирует Центр языка скотс (Scots Language Centre¹⁰), одной из задач которого является издание словарей. Финансированием проектов занимается правительство Шотландии.

Важнейшей проблемой современного состояния языка скотс является то, что у языка нет единого литературного стандарта. Этот факт не позволяет языку получить статус официального языка в Шотландии. Попытки создания наддиалектного литературного варианта языка скотс, широко известного сейчас как лалланс, были предприняты еще Хью Макдермидом, который полагал, что успешное распространение лалланса может способствовать укреплению статуса языка скотс. Уровень развития литературного языка скотс в XX веке продолжал повышаться, однако диалектные формы также развивались. На сегодняшний день большое количество диалектов языка скотс по-прежнему сохраняется. В 2011 году в Шотландии состоялась перепись населения, впервые одним из вопросов на которой был вопрос о владении языком скотс, в том же 2011 году Центр языка скотс создал интернет-сайт с образцами речи на различных диалектах Scottis (Scots), чтобы говорящие сами могли определить, каким именно диалектом языка они владеют. Однако, как отмечает А.Е. Павленко, далеко не всегда просто определить диалект говорящего [Павленко 2005], поскольку даже на равнинной территории Шотландии языковая ситуация «имеет континуальный характер и для нее характерно огромное количество переходных вариантов, широкое многообразие отдельных идиолектов и зачастую непоследовательное использование говорящими языковых средств» [Там же: 175].

В мае 2011 года члены шотландского парламента от набравшей большинство голосов Шотландской национальной партии давали присягу Елизавете II на языке скотс.

Учрежденная шотландским правительством Рабочая группа по вопросам языка скотс (The Scots Language Working Group) выступила с инициативой введения

---

¹⁰ У организации есть собственный сайт. – Mode of access: <http://www.scotslanguage.com>.

в программу начальной и средней школы предмета *Scottish Studies*, который сочетал бы в себе сведения о шотландской истории, литературе, культуре, современной обстановке в Шотландии, истории языков скотс и гэльского. 21 марта 2013 года был открыт интернет-ресурс «*Studying Scotland*».

По результатам опроса, проведенного среди населения Шотландии в 2009–2010 гг., около 64% шотландцев считают, что скотс, называемый прошотландскими общественными деятелями «*mither tongue*», т.е. «родным языком», языком не является; 85% опрошенных говорят на скотс; 67% считают, что скотс должен продолжать использоваться в Шотландии. В научной литературе также до сих пор не сложилось единого мнения относительно того, как следует относиться к языковому феномену «скотс». Некоторые исследователи настаивают на том, чтобы считать его диалектом английского языка, частью парадигмы английского языка, другие – самостоятельным языком, близкородственным современному английскому. В пользу последнего указываются следующие исторические факты: 1) в период XIV–XVI вв. скотс фактически играл роль государственного языка Шотландии; 2) утрата статуса государственного языка с последующей потерей единой нормы была вызвана экстралингвистическими факторами (потерей страной независимости); 3) богатая литературная традиция на языке скотс восходит к XIV веку; 4) существует разветвленная диалектная парадигма языка скотс (известно, по крайней мере, пять групп диалектов).

Характеризуя современную ситуацию, сложившуюся вокруг языка скотс в равнинной Шотландии, где проживает подавляющее число жителей страны, А.Е. Павленко отмечает, что «в реальной действительности наиболее распространенный в настоящий момент ... речевой тип демонстрирует сравнительно низкую частотность лексических и грамматических шотландизмов и получил поэтому эпитет «*thin Scots*» (т.е. буквально «жидкий» или «разреженный» скотс) [McClure 1979: 29–31]. Этот диалект представляет собой, скорее, вариант английского языка с большим количеством разноуровневых черт, восходящих к скотс. Он крайне непоследователен в использовании лексических и прочих языковых средств и разительно отличается в этом отношении от синтетического диалекта современной шотландской литературы – лалланс» [Павленко 2005: 175].

Однако ученые, в первую очередь шотландские исследователи Э. Игл [Eagle 2005] и Н. Маккаллум и Д. Первес [Mac it new... 1995], указывают на то, что определение статуса языка скотс зависит не столько от сугубо лингвистических, сколько от политических факторов, среди которых будущее Шотландии как государства и его языковой политики, т.е. изменения в политической жизни страны способны привести к повышению престижа и возрождению языка скотс, а также переоценке его лингвистического статуса.

Шотландский английский язык (*Scottish English*) начал формироваться примерно после XVII века на почве взаимодействия языка скотс и британского английского. Считается, что через значительный промежуток времени местное кельтоязычное население было практически полностью англоязычно, причем происходило это не через естественную языковую среду – через семью, а в порядке принуждения – через церковь и школу. Шотландский английский язык всегда отличался повышенной нормативностью речи и участием литературной нормы.

Шотландский английский считается территориальным диалектом в отличие от канадского и австралийского английского, которые имеют статус «региональных вариантов».

Итак, на территории современной Шотландии ведущую роль в качестве языка, принятого в данном коммуникативном сообществе, выполняет литературный шотландский английский, использующийся во всех сферах общественной жизни, включая административно-законодательную, информационную, образовательную, культурную.

Скотс и лалланс также проникают в эти сферы, однако их использование носит чаще декларативно-идеологический характер и не становится нормой речевой практики в соответствующих сферах. В последние годы скотс получает все больше внимания в учебном процессе, например при выполнении творческих заданий, во внешкольной деятельности, например в театральных постановках учащихся. В периодической печати публикуются статьи в основном юмористического характера и заметки на скотс, описывающие национальные праздники шотландцев. В художественных произведениях использование скотс служит задаче создания местного колорита, т.е. также используется фрагментарно.

Население сельских районов Шотландии и небольших городков говорит преимущественно на территориальных диалектах скотс. Образованное население Шотландии, говорящее в основном на английском языке, использует в обиходно-разговорной речи шотландизмы, но чем выше социальный статус говорящего и его уровень образования, тем меньший процент шотландизмов будет представлен в его речи.

В соответствии с типологией языковых ситуаций, разработанной А.Д. Швейцером и Л.Б. Никольским, языковую ситуацию в современной Шотландии можно отнести к экзогlossной несбалансированной разновидности с трехкомпонентным составом. Ситуация подобного типа характеризуется бытованием в регионе трех идиомов, один из которых – язык-макропосредник (в случае с Шотландией это шотландский английский) – принят в качестве средства официальной коммуникации, а другие два (гэльский язык и скотс) функционируют в обиходной сфере.

Литература

Денисова Е.А. Язык Шотландии Scots как продукт внешних и внутренних взаимодействий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 22 с.

Донскова И.И. Шотландия: Мистическая страна кельтов и друидов. М., 2007. 320 с.

Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. М., 2006. 272 с.

Королев А.А. Шотландский язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М., 2000. С. 460–462.

Никольский Л.Б. Очерки по теории социолингвистики. Л., 1975. 337 с.

Павленко А.Е. На каком языке написан текст? Еще раз к проблеме близкородственного двуязычия // Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. СПб., 2005. С. 175–182. (Индоевропейское языкознание и классическая филология; IX).

- Павленко А.Е.* Региональный язык и его статус: (На материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). М., 2003. 243 с.
- Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с.
- Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. М., 1978. 215 с.
- Eagle A.* (2005). *Wir Ain Leid: An Innin tae modren Scots*. L. 300 p.
- Ellis A.J.* (1890). *English dialects: Their sounds and homes*. L. 703 p.
- Grant W., Dixon M.J.* (1921). *Manual of modern Scots*. Cambridge. 500 p.
- Mac it new: An anthology of twenty years of writing in Lallans (1995)* / Ed. by MacCallum N.R., Purves D. Edinburgh. 178 p.
- McClure J.D.* (1979). *Scots and its range of uses // Languages of Scotland*. Edinburgh. P. 26-48.

LANGUAGE SITUATION IN MODERN SCOTLAND

Maria B. Rarenko

senior researcher

Russian Academy of Sciences

Institute of Scientific Information for Social Sciences

Linguistic Department

117997 Moscow Nakhimovsky Prosp. 51/21

e-mail: rarenco@rambler.ru

Modern Scotland is home to about five million people, 98% of whom are ethnic Scots. The complex language situation observed in the beginning of the XXI century in Scotland is determined by the difficult history of the country and its inhabitants, who have always been forced to confront the invaders and fight for their independence.

Currently, there are three main languages in Scotland: 1) Scottish English, i.e. a local literary version of the English language; 2) Scots, a language of German origin, developed from Northumbria (Northern) dialect of Old English; 3) Gaelic, a language of Celtic origin, developed from the language brought into the territory of Scotland by Irish immigrants.

Scottish English was formed after about XVII century based on the interaction of the Scots language and the British English and is considered a territorial dialect, unlike the Canadian and Australian Englishes, which have the status of «regional options». On the territory of modern Scotland the leading role as the language adopted in the communicative community is performed by Scottish English, which is used in all spheres of public life, including administrative and legislative, informational, educational, cultural, but the other two languages – Scots and Gaelic also claim official recognition, and this creates tension in the society.

Key words: Gaelic, Scots, Scottish English, language status, official language, minority language, bilingualism.

References

- Denisova E. A.* Yazyk Shotlandii Scots kak product vneshnikh i vnutrennikh vzaimodeystviy: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver'. 2010. 22 p. [Language of Scotland Scots as a product of outside and outside interactions: thesis]
- Donskova I.I.* Shotlandia: Misticheskaya strana keltov i druidov. Moscow. 2007. 320 p. [Scotland: a mystic country of Celts and Druids]
- Kalygin V.P., Korolyov A.A.* Vvedenie v kel'tskuju filologiju. Moscow. 2006. 272 p. [Introduction to Celts' philology]
- Korolyov A.A.* Shotlandsky yazyk In: Yazyki mira: Germanskiye yazyki. Kel'tskiye yazyki. Moscow. 2000. P. 460 – 462. [Scottish language In: World languages: Germanic languages. Celtic languages]
- Nikol'sky L.B.* Ocherki po teorii sotsiolingvistiki. Leningrad. 1975. 337 p. [Articles on the theory of sociolinguistics]
- Pavlenko A.E.* Na kakom yazyke napisan tekst? Yescho ras k probleme bliskoro-dstvennogo dvuyazychiya In: Materialy chteniy, posvyashchennykh pamyati professora I.M. Tronskogo. Saint-Peterbourg. 2005. P. 175-182. (Indoyevropejskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya; IX). [What language is the text written on? Once more time to the question of close-related bilingualism In: Reading materials dedicated to the memory of the professor I.M. Tronskii]
- Pavlenko A.E.* Regional'niy yazyk i yego status: (Na materiale yazykovoy situatsii v Shotlandii). Moscow. 2003. 243 p. [Regional language and its status: language situation in Scotland]
- Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov.* Moscow. 2006. 312 p. [Dictionary of sociological terms]
- Shveitzer A.D., Nikol'sky L.B.* Vvedeniye v sotsiolingvistiku. Moscow, 1978. 215 p. [Introduction to sociolinguistics]
- Eagle A.* (2005). Wir Ain Leid: An Innin tae modren Scots. L. 300 p.
- Ellis A.J.* (1890). English dialects: Their sounds and homes. L. 703 p.
- Grant W., Dixon M.J.* (1921). Manual of modern Scots. Cambridge. 500 p.
- Mac it new: An anthology of twenty years of writing in Lallans (1995) / Ed. by MacCallum N.R., Purves D.* Edinburgh. 178 p.
- McClure J.D.* (1979). Scots and its range of uses // Languages of Scotland. Edinburgh. P. 26-48.

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ
НОСИТЕЛЕЙ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА:
СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

Степанова Анна Александровна

Институт языкознания РАН
Большой Кисловский пер. д.1 стр. 1, Москва, 125009
e-mail: st.anna@bk.ru

В статье представлен обзор социалингвистических, социологических и психалингвистических работ последних лет, посвященных бурятскому языку. Социалингвистические исследования поднимают проблемы языковой ситуации на территории Республики Бурятия и в сопредельных регионах с бурятским населением, проблемы сохранения национального языка и преподавания бурятского языка в школе. Психалингвистические исследования связаны с изучением вопросов этнической идентичности бурятского этноса, сопоставлению его с другими, а также проблемы языкового сознания современных носителей бурятского языка, основным методом изучения которого остается метод ассоциативного эксперимента. Исследователи прослеживают динамику языкового сознания, отмечается его тесная связь с культурой народа. Разрабатывается вопрос бурятской языковой личности, выделяются типы языковой личности. Отмечаются особенности коммуникации бурятского этноса в сравнении с этносом русским. В силу полиэтничности региона актуальной становится проблема выбора языка коммуникации, который происходит чаще всего не в пользу языка национального. В то же время отмечается рост числа исследований бурятского языка, бурятского языкового сознания и идентичности, что не может не радовать в эпоху глобализации, которая стала губительна для многих национальных языков как на территории России, так и по всему миру.

Ключевые слова: языковое сознание, буряты, бурятский язык.

Буряты являются одним из коренных народов Российской Федерации. Основная часть российских бурят проживает на территории Республики Бурятия, многонациональном регионе, в котором насчитывается более 120 национальностей. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., численность русских на территории Республики составила 630 783 чел., численность бурят – 286 839 чел. [Всероссийская перепись населения...].

Буряты проживают в Иркутской области и Забайкальском крае, законодательство которых также отражает в том числе и языковые права бурятского населения [Катунин 2011], до недавнего времени буряты являлись частью населения Усть-Ордынского Бурятского и Агинского Бурятского автономных округов. Группа бурят численностью 40-50 тысяч человек составляет одно из национальных меньшинств

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ №15-04-00378а

Республики Монголия, в качестве национального меньшинства присутствуют они и в Китайской Народной Республике [Дагбаев 2010].

В 2002 г. по решению ЮНЕСКО бурятский язык занесен в Красную книгу исчезающих языков планеты, хотя в 1992 г. законом «О языках народов Республики Бурятия» бурятскому языку наряду с русским придан статус государственного. Однако при этом наблюдается интенсификация процесса его вытеснения из общественных сфер, сужается область его функционирования. Признание языка государственным не решило проблему его престижности, не ввело в употребление в общественной жизни и не привело к улучшению его изучения и развития.

В 1996 г. принята государственная программа сохранения и развития языков народов Республики Бурятия и план мероприятий по реализации Закона «О государственных языках Республики Бурятия» на 2005-2007 гг., но она не была поддержана финансированием. Проводились отдельные мероприятия, которые носили фрагментарный характер. Вследствие многолетних дискуссий в 2009 г. принята Концепция развития бурятского языка, цель которой систематизировать усилия по его сохранению. По некоторым оценкам, программа «Сохранение и развитие бурятского языка» на 2011-2014 гг., впервые за долгие годы четко сформулировавшая и финансово обеспечившая политику по поддержанию языка, может дать результаты. Но несмотря на процессы, дающие повод для оптимизма, эксперты настаивают на диаметрально противоположных прогнозах его будущего. Одни считают, что тенденция утраты языка, который за последние годы потерял 10 тыс. носителей, будет прогрессировать и к 2035 г. он полностью исчезнет [Кальмина 2012].

В 2005-2006 гг. проводились исследования по выявлению уровня этнической идентичности школьников бурятского происхождения, проживающих в китайском и монгольском культурном окружении. Было опрошено 200 учащихся, из которых 49 учащихся зафиксировали свою принадлежность к бурятам. По оценкам преподавателей школ, фактически к бурятскому этносу из всей совокупности опрошенных принадлежит около половины учащихся, то есть до 100 человек, что косвенно свидетельствует о начале размывания этнической идентичности бурятских школьников. Несомненно, развитию бурятской идентичности до сих пор мешает «синдром 1937 года», когда в ходе политических репрессий буряты подверглись в том числе и этническим «чисткам». Афишировать принадлежность к данному этносу не было принято [Дагбаев 2010].

Определяющими параметрами идентичности были выделены следующие: общий язык (51%), общую психологию (43%), общую культуру (32%), общую территорию проживания (18%), общее государство (8%), самоидентификацию (7%), причем при выявлении уровня знания родного языка 94% опрошенных заявили, что они знают родной язык лучше какого-либо иного [Там же].

В силу полиэтничности Бурятии фактор выбора языка коммуникации имеет большое значение. Двуязычными в Бурятии являются, как правило буряты, поэтому сложившийся к сегодняшнему времени в республике тип двуязычия носит название бурятско-русское двуязычие [Егодурова 2012]. В.М. Егодурова отмечает, что общение на работе, в официально-деловой обстановке осуществляется на русском языке. Дома, в бытовой обстановке общение происходит как на русском, так и на бурятском языке. Бурятский язык оттеснен в сферу разговорно-бытового общения.

Автор обращает внимание на то, что двуязычные буряты при общении друг с другом легко переходят с русского языка на бурятский в самых различных ситуациях, в том числе на работе и в официально-деловой обстановке. В.М. Егодурова считает, что в одних случаях это происходит неосознанно, в других осознанно, чтобы сократить расстояние между собеседниками и тем самым придать доверительный характер беседе, подчеркнуть близость отношений с собеседником [Там же].

Преобладание русского языка общения исследователь объясняет, как психолингвистическими, так и лингвистическими факторами. Выбор русского языка обуславливается внутренней оценкой билингвами коммуникативной мощности русского языка. Бурятский язык по своему звуковому составу относится к числу вокалических. Вследствие этих признаков бурятская речь звучит, в отличие от русской, напевно, мелодично, в определенной степени протяжно, замедленно. Звуковая организация бурятского языка такова, что она не располагает к быстроте речи. При убыстрении темпа речи велика вероятность ее нечеткого акустического восприятия слушающими [Там же].

Проблемам двуязычия в Бурятии посвящено ряд работ, которые рассматривают этот вопрос в разных аспектах. Н.С. Бабушкина исследует реальное состояние двуязычия в различных элементах социальной структуры бурятского общества, выявляет особенности двуязычия в разных социокультурных сферах [Бабушкина 1999].

О.М. Хубриков анализирует социальные основы формирования государственного языка в Бурятии, его реальное состояние и тенденции его дальнейшего функционирования [Хубриков 2011].

Б.Ж. Цыбденова рассматривает содержание понятий «языковая ситуация», «языковое поведение», «языковая компетенция», «языковые ориентации», а также условия возникновения и развития национально-русского двуязычия в Бурятии. Исследователь предпринимает попытку построить типологию языковых ситуаций и выявить новые тенденции в языковом поведении населения Республики Бурятия [Цыбденова 2003].

Особо выделяется проблема поддержания и повышения престижа бурятского языка. Неоспорим факт доминирования русского языка во всех сферах общественной жизни, при этом нет необходимости в изучении бурятского языка, поскольку социальный статус, карьера, личностные взаимоотношения от степени владения им практически не зависят. Но в последние годы наблюдается положительный сдвиг в решении этой проблемы.

Ученые проводили социологическое исследование в школах г. Улан-Удэ в 2009 г., которое показало изменение психологических установок по отношению к изучению языка. Более 61% опрошенных родителей, независимо от национальности, желают, чтобы их ребенок в школе изучал бурятский язык [Кальмина 2010].

В это же время был проведен социологический опрос родителей дошкольников, который показал, что более половины респондентов – 59,76% – осознают обязательность изучения бурятского языка и его дальнейшее внедрение в детских садах: из них 30,49 % родителей русских и 29,27 % бурят [Рандалов, Дашибалова 2009].

Таким образом, мы видим, что наметились определенные тенденции и процессы, вселяющие оптимизм, несмотря на неблагоприятные прогнозы некоторых исследователей.

В связи с разработкой проблемы этнической идентичности поднимается вопрос изучения языкового сознания носителей бурятского языка.

Бурятский язык – уникальный в плане изучения онтогенеза, функционирования и трансформации языкового сознания, он наиболее архаичный среди монгольских языков и претерпевает в последние годы значительные изменения [Дырхеева 2002].

В последние годы активизировалось изучение национально-культурной специфики реального функционирования бурятского языка и увязываемых с ним культурных ценностей, однако недостаточно разработок, связанных с анализом лингвокультурной компетенции носителей бурятского языка, как в области русской языковой культуры, так и в области родной бурятской, а также с особенностями ее трансформации в связи с активным развитием двуязычия [Там же].

Исследования языкового сознания носителей бурятского языка проводятся при помощи метода ассоциативного эксперимента.

О.В. Казанцева использует этот метод для исследования традиционных представлений о пространстве в языковом сознании русских, немцев и бурят и описания стратегии ассоциативного поведения носителей данных языков. Автор выделяет универсальные и специфические черты пространственной концептуализации мира в сознании русских, немцев и бурят, определяющие отношение к пространству и его структурирование. О.В. Казанцева приходит к выводу, что существенные различия между мышлением людей в различных культурах соответствуют не языкам, на которых они разговаривают, а тем видам деятельности, в которых они заняты [Казанцева 2001].

Г.А. Дырхеева занимается изучением динамики языкового сознания бурят-билингвов. Исследователь провела эксперименты с промежутком в 10 лет и выявила некоторые тенденции и особенности.

Пока сила влияния национального языкового кода, равная отношению числа реакций бурятских слов к общему числу ответов, достаточно высокая и равна 0,81.

Разнообразие ассоциативных полей свидетельствует о достаточно высоком уровне рефлексий респондентов, хорошем знании русского языка.

Сравнительный анализ показал, что за 10 лет произошли незначительные изменения в уровне стереотипности реакций, в среднем его снижение составило 2% – 0,21.

Этноязыковое сознание бурят достаточно устойчиво и пока сохраняется, но наряду с традиционными стандартными ассоциациями возникают и укрепляются новые понятия на соответствующем языке [Дырхеева 2010].

Б.В. Дашиева провела сопоставительное исследование национально-культурной специфики языкового сознания русских, бурят и англичан. Материалом этой работы послужили результаты свободного эксперимента, в котором в качестве стимулов выступали слова, входящие в семантическое поле «Дом. Семья» [Дашиева 1999].

Испытуемыми стали носители бурятской культуры, владеющие родным бурятским и русским языком, носители бурятской культуры, владеющие только русским языком и считающие его первым языком и носители русской культуры, проживающие в одном социуме с носителями бурятской культуры.

Проанализировав полученные результаты, автор приходит к выводу, что языковое сознание представляется культурно обусловленным и отражает особенности образа мира носителей разных культур. На формирование этнического бурята значительное влияние оказывает род и коллектив, и индивидуальные качества проявляются через призму родовых норм поведения, которые в свою очередь сложились под воздействием окружающего мира [Там же].

Кроме того, было выявлено, что на образ мира оказывает влияние родной язык. Языковое сознание носителей бурятской культуры, считающих русский первым языком и не знающих бурятского, имеет отличия от языкового сознания носителей бурятской культуры, владеющих только родным языком. Русский язык является элементом нового образа жизни, усвоенного частью бурятского этноса, проживающего в городах Бурятии [Там же].

Ж.Б. Жалсанова предприняла попытку исследования этнокультурной специфики гендерного стереотипа в языковом сознании носителей русской и бурятской культур [Жалсанова 2009].

Испытуемыми так же, как и в предыдущем эксперименте стали представители разных групп, что обусловлено особенностью региона. Испытуемым был предъявлен список стимулов с просьбой зафиксировать первую ассоциацию на родном языке, возникающую в связи со стимулом. Список был составлен по итогам пилотажного эксперимента.

По материалам эксперимента были составлены ассоциативные словари, отражающие содержание гендерных стереотипов в языковом сознании русских и бурят с учетом гендерного фактора [Там же].

Автор делает вывод, что гендерные стереотипы «мужественность» и «женственность» имеют у бурят и у русских много общих черт. Воплощением гендерного стереотипа «мужественность» в русской и бурятской культурах является сильный, смелый мужчина, он – глава семьи, хозяин, который заботится о материальном благополучии своих родных, утверждает на профессиональном поприще. Гендерный стереотип «женственность» в русском и бурятском обществе представляет женщина, которая является матерью, она воспитывает детей, занимается домом и семьей.

Однако в русской и бурятской культурах гендерные стереотипы, имея много общих черт, все же сохраняют свою этническую специфику. Специфику гендерного стереотипа «мужественность» в бурятском языковом сознании определяет особое отношение к мужчине как к драгоценности. Как отмечает Ж.Б. Жалсанова, в бурятской культуре мужчиной считают уже маленького мальчика. Все это время ему оказывается почет и уважение. Со временем он мужает и становится взрослым мужчиной, который занимает особое место в обществе. В русском языковом сознании гендерный стереотип «мужественность» воплощается только во взрослом мужчине, хозяине [Там же].

Для гендерного стереотипа «женственность» в бурятском языковом сознании важна личность женщины, а также социальное положение женщины.

Она является, в первую очередь, женой, личностью, а потом матерью. В русском языковом сознании женщина, прежде всего мать, затем жена. В бурятском языковом сознании ярко выражены многочисленные родственные связи, что уже отмечалось в рассматриваемых выше исследованиях, это подтверждает тот факт, что для бурятского этноса институт родства играет важную роль.

Ж.Б. Жалсанова выявила, что в бурятском языковом сознании находит отражение традиционная религия бурят – буддизм с элементами шаманизма. В современной культуре бурятского народа сохраняются многие традиционные верования и культы, а в языковом сознании русских в большей мере присутствует сексуальный аспект взаимоотношения полов, что не наблюдается у бурят [Там же].

Е.С. Шойсоронова выделяет факторы формирования этнической (бурятской) языковой личности и типы этнической (бурятской) языковой личности.

Исторический подход позволил выявить типологию этнической (бурятской) языковой личности: этническая (бурятская) языковая личность советского и постсоветского периодов. Далее на основе социального подхода определились первичная и вторичная языковые личности (бурятская или русская) в этнической языковой личности. Далее автор выявил, что условия города и села формируют разные типы этнической языковой личности: первичная (русская) языковая личность + вторичная (бурятская) языковая личность (урбанизированный тип); русская языковая личность + (бурятская) этническая идентичность (урбанизированный тип); первичная (бурятская) языковая личность + вторичная (русская) языковая личность (сельский тип) [Шойсоронова 2006].

Стоит отметить работу Д.Д. Цынгуевой, которая носит преимущественно культурологический характер, но тем не менее решает проблемы этнической идентичности в аксиологическом ключе. Автор предпринимает попытку комплексного анализа эволюции традиционных культурных ценностей на примере бурятского этноса, выявляет систему культурных ценностей, ее структуру, становление, детерминированность природными и историко-социальными условиями жизни [Цынгуева 2004].

Кроме того, Д.Д. Цынгуева уточняет понятия «культурная эволюция», «культурно-историческая преемственность», «традиционные культурные ценности». Исследователь говорит о характере изменений традиционных культурных ценностей бурят и определяет механизмы культурно-исторической преемственности ценностей, содержанием которых являются традиции и инновации культуры, процессы изменчивости и устойчивости в определении структурных единиц культуры [Там же].

Л.И. Эрхитуева исследует особенности речевой коммуникации бурят. Автор отмечает, что традиционные бурятские ритуалы, связанные с речевой коммуникацией, являются способом формирования и поддержания национальной идентичности.

Применяя методику классификации на материале фразеологизмов, отражающих речевую коммуникацию, исследователь продемонстрировал, что существуют различия особенностей речевой коммуникации представителей бурятского и русского этносов, которая выявилась в специфике объединения фразеологизмов обоих этносов [Эрхитуева 2006].

Таким образом, можно отметить рост числа исследований бурятского языка как языка общения, что, разумеется, является позитивной тенденцией в наш век глобализации.

Возрождение интереса к национальным языкам в республиках и областях Российской Федерации способствует сохранению культурного наследия, росту национального самосознания. В современных условиях многим народам все труднее становится сохранить свою самобытность. Особенно сложно это бурятам, которым суждено развиваться на стыке крупнейших европейских и азиатских суперэтносов.

В сегодняшнем мире важно не утратить национального своеобразия и, в то же время, научиться поддерживать взаимовыгодные и добрососедские отношения с российскими народами, прежде всего русским, не утратить связей, культурных, экономических и генетических, с монгольскими народами, а также наладить контакты с другими народами.

Литература

Бабушкина Н.С. Социальный аспект двуязычия (на материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ, 1999. – 114с.

Всероссийская перепись населения 2010 г. // http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab7.xls

Дагбаев Э.Д. Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестник БГУ. 2010. №6. – С.134-141.

Дашиева Б.Д. Концепт образа мира в языковом сознании русских, бурят и англичан. Национально-культурный аспект: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 М., 1999.

Дырхеева Г.А. Развитие национально-языковых отношений и трансформация современных социолингвистических понятий и терминов // Двуязычие в Бурятии: новые аспекты изучения. Улан-Удэ, 2002. – С. 33-72.

Дырхеева Г.А. К проблеме изучения динамики изменения языкового сознания бурят-билингвов (по материалам ассоциативного эксперимента) // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2010. №3. – С.55-60.

Егодурова В.М. И всё-таки русский язык ... (факторы выбора языка коммуникации в полиэтнической Бурятии) // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. №2. – С.199-201.

Жалсанова Ж.Б. Этническая составляющая гендерного стереотипа в языковом сознании русских и бурят: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2009. – 26 с.

Казанцева О.В. Психолингвистические аспекты пространственных отношений в русской, немецкой, бурятской культурно-языковой среде: Дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 2001. – 231 с.

Кальмина Л.В. Бурятскому языку в школе быть // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. М., 2010. – С. 23.

Кальмина Л. В. Бурятский язык: от забвения к обретению // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. — М.: ИЭА РАН, 2012. – 641 с.

Катунин Д.А. Статус бурятского языка в современном российском законодательстве // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. №353. – С.17-21.

Рандалов Ю.Б., Дашибалова И.Н. Детские дошкольные образовательные учреждения и проблемы возрождения национального языка в Республике Бурятия (опыт социологического анализа). Улан-Удэ, 2009. – С.15.

Хубриков О.М. Социальные аспекты институционализации бурятского языка как государственного. Диссертация. кандидата социологических наук. Улан-Удэ, 2001. – 128с.

Цыбденова Б.Ж. Особенности языковой ситуации национального региона Российской Федерации: (На примере Респ. Бурятия): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. Наук / Б.Ж. Цыбденова; [Бурят. гос. ун-т]. – Улан-Удэ, 2003. – 22 с.

Цынгугева Д.Д. Эволюция традиционных культурных ценностей бурятского этноса: диссертация ... кандидата культурологии: Чита, 2004. – 153 с.

Шойсоронова Е.С. Языковая личность: этнический аспект: на материале бурятской языковой личности: диссертация кандидата филологических наук: Улан-Удэ, 2006. – 190 с.

Эрхитуева Л.И. Этнопсихологические особенности речевой коммуникации у бурят: Дис. ... канд. психол. наук: СПб. 2006. – 247 с.

ETHNICAL IDENTITY AND LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF BURYATS: SOCIOLINGUISTIC AND PSYCHOLINGUISTIC STUDIES

Anna A. Stepanova

Institute of Linguistics, RAS

B. Kislovskiy per. 1-1, Moscow, 125009

e-mail: st.anna@bk.ru

The article provides an overview of the sociolinguistic, psycholinguistic and social works of the recent years devoted to the Buryat language. The sociolinguistic studies raise the problem of the language situation in the Republic of Buryats and adjoining regions with Buryat population, problems of saving the national language and teaching the Buryat language at school. The psycholinguistic research is related to the studies of ethnic identity of the Buryat ethnos, comparing it with some others, language consciousness of the Buryat. The research method is the method of associative experiment. The researchers specify the dynamic of language consciousness and its tough relations to the culture of the region. The researchers also work out the problem of Buryat linguistic identity and define the types of it, provide the specific features of communication on the Buryat language compared it to the one in the Russian language. Due to multi-ethnicity of the region, the current problem of the region is choice of language for communication. The problems of the choice is often solved not in favor of the national language. Still we should indicate

the increase in the number of studies in the Buryat language, language consciousness and identity and the fact is especially important in the epoch of globalization that is mischievous to the national languages on the territory of Russia and in the whole world.

Keywords: Buryats, Buryat language, language consciousness.

References

Babushkina N.S. Sotsialnyy aspekt dvuyazyichiya (na materialah Respubliki Buryatiya) [Social Aspect of Bilingualism (based on the Data from the Republic of Buryat)]. Ulan-Ude, 1999. – 114 p.

Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010 g. [Russian Census in 2011] // http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab7.xls

Dagbaev E.D. Buryatskaya etnicheskaya identichnost: mejdu traditsiyey i modernizatsiyey [Buryat Ethnic Identity: between Tradition and Modernization] // Vestnik BGU [Reporter of BSU]. 2010. №6. P.134-141.

Dashieva B.D. Kontsept obraza mira v yazyikovom soznanii russkih, buryat i anglichan. Natsionalno-kulturnyy aspekt: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 [The Concept of the Image of the World in the Language Consciousness of the Russian, Buryat and English. National and Cultural Aspect. Cand. Philol. Sci. Diss.]. M., 1999.

Dyirheeva G.A. Razvitie natsionalno-yazyikovykh otnosheniy i transformatsiya sovremennykh sotsiolingvisticheskikh ponyatiy i terminov [Development of National and Language Relations and Sociolinguistic Terms] // Dvuyazyichie v Buryatii: novyye aspekty izucheniya [Bilingualism in the Republic of Buryats: New Aspects of Studies]. Ulan-Ude, 2002. – P. 33-72.

Dyirheeva G.A. K probleme izucheniya dinamiki izmeneniya yazyikovogo soznaniya buryat-bilingvov (po materialam assotsiativnogo eksperimenta) [To the Problem of Studies of Language Consciousness Dynamics in Buryats-Bilinguals] // Uchenyie zapiski ZabGU. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie [Scientific Newsletter of ZabSU. Series: Philology, History, Oriental Studies]. 2010. №3. P. 55-60.

Egodurova V.M. I vsë-taki russkiy yazyik ... (faktoryi vyibora yazyika kommunikatsii v polietnicheskoy Buryatii) [And still the Russian Language... (Factors of Language Choice in the Multiethnic Republic of Buryats)] // Uchenyie zapiski ZabGU. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie [Scientific Newsletter of ZabSU. Series: Philology, History, Oriental Studies]. 2012. №2. P.199-201.

Jalsanova J.B. Etnicheskaya sostavlyayuschaya gendernogo stereotipa v yazyikovom soznanii russkih i buryat: avtoref. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 [Ethnic Component of Gender Stereotype in the Language Consciousness of the Russian and Buryat. Cand. Philol. Sci. Diss.]. – M., 2009. – 26 p.

Kazantseva O.V. Psiholingvisticheskie aspektyi prostranstvennykh otnosheniy v russkoy, nemetskoy, buryatskoy kulturno-yazyikovoy srede: Dis. na soisk. uch. st. kand. filol. Nauk [Psycholinguistic Aspects of Space in the Russian, German and Buryat Cultural and Language Area. Cand. Philol. Sci. Diss.]. M., 2001. – 231 p.

Kalmina L.V. Buryatskomu yazyiku v shkole byit [The Buryat Language should be taught at School] // Etnokulturnoe obrazovanie. Metodyi sotsialnoy orientatsii rossiyskoy shkolyi [Ethnocultural Education. Methods of Social Orientation of the Russian School]. M., 2010. P. 23.

Kalmina L. V. Buryatskiy yazyik: ot zabveniya k obreteniyu [The Buryat Language: from Oblivion to Aquisition] // *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh v 2011 g.* [Ethnocultural Situation in Russia and Adjoining States in 2011]/ pod red. V. A. Tishkova, V. V. Stepanova. — M.: IEA RAN, 2012. — 641 p.

Katunin D.A. Status buryatskogo yazyika v sovremennom rossiyskom zakonodatelstve [The Status of the Buryat Language in the Contemporary Russian Legislation] // *Vestn. Tom. gos. un-ta* [Reporter Of Tomsk State University]. 2011. №353. P.17-21.

Randalov Yu.B., Dashibalova I.N. Detskie doshkolnyie obrazovatelnyie uchrejdeniya i problemyi vozrojdeniya natsionalnogo yazyika v Respublike Buryatiya (opyit sotsiologicheskogo analiza) [Children Preschool Edocational Institutions and Problems of the National Language in the Republic of Buryat (Social Studies Experience)]. Ulan-Ude, 2009. P.15.

Hubrikov O.M. Sotsialnyie aspektyi institutsionalizatsii buryatskogo yazyika kak gosudarstvennogo. Dissertatsiya. kandidata sotsiologicheskikh nauk [Social Aspects of Institutionalisation of the Buryat Language as a State one. Cand. Social. Sciens. Diss.]. Ulan-Ude, 2001. — 128 p.

Tsyibdenova B.J. Osobennosti yazyikovoy situatsii natsionalnogo regiona Rossiyskoy Federatsii: (Na primere Resp. Buryatiya): Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. sotsiol. Nauk [Features of the Language Situation of a National Region of the Russian Federation: on the Example of the Republic of Buryats. Cand. Social. Sciens. Diss.] / B.J. Tsyibdenova; [Buryat. gos. un-t]. - Ulan-Ude, 2003. — 22 p.

Tsyingueva D.D. Evolyutsiya traditsionnykh kulturnykh tsennostey buryatskogo etnosa: dissertatsiya ... kandidata kulturologii [Evolution of Traditional Cultural Values of the Buryat Ethnos. Cand. Cult. Sciens. Diss.]: Chita, 2004. — 153 p.

Shoysoronova E.S. Yazyikovaya lichnost: etnicheskiy aspekt: na materiale buryatskoy yazyikovoy lichnosti: dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk: [Language Personality: Ethnic Aspect: on the material of Buryat Language Personality. Cand. Philol. Sciens. Diss.] Ulan-Ude, 2006. — 190 p.

Erhitueva L.I. Etnopsihologicheskie osobennosti rechevoy kommunikatsii u buryat: Dis. ... kand. psiol. Nauk [Ethnopsychological Aspects of Verbal Communication in Buryats. Cand. Philol. Sciens. Diss.]: SPb., 2006 247 p.

**ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО
ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ¹**

Ильина Виолетта Александровна

доктор филологических наук, доцент
кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации РосНОУ
г. Москва, ул. Радио, д. 22
e-mail: violette-viola@inbox.ru

Маховиков Денис Викторович

кандидат филологических наук, научный сотрудник
отдела психолингвистики Института языкознания РАН
г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
e-mail: denisrich2708@yandex.ru

Нистратов Александр Алексеевич

научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова
г. Москва, ул. Моховая, д. 11
e-mail: a.nistratov@mail.ru

Синякина Наталья Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации РУДН
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая ул., д. 10, к. 2
e-mail: natalyakornilova@list.ru

Тарасов Евгений Федорович

доктор филологических наук, профессор
заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН
г. Москва, Большой Кисловский пер., д.1, стр.1
e-mail: eft35@mail.ru

Усвоение чужого языка как средства общения предполагает обязательное формирование инокультурного сознания и этот процесс мы называем *конструированием* у учащихся, изучающих чужой язык, *инокультурного сознания*, которое позволит ставить цели и достигать их по правилам чужой иной культуры.

Наиболее адекватный способ конструирования инокультурного сознания – присвоение содержания базовых ценностей носителей изучаемой культуры и языка. В статье предлагается статья *любовь* из «Словаря-справочника базовых ценностей русской культуры». Усвоение содержания 68 статей должно привести

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-04-12021в «Информационно-исследовательская база современного русского языка по материалам словаря-справочника «Общечеловеческие ценности в русском языковом сознании»».

к конструированию основы инокультурного сознания носителей изучаемого иностранного языка.

Ключевые слова: базовые ценности, языковое и неязыковое инокультурное сознание, конструирование сознания, предметная, деятельностная и идеальная форма культуры.

Цель нашей статьи попытаться очертить проблемы формирования инокультурного и (иностранного) сознания, конструирование которого является необходимым при овладении чужим языком. Забегая вперед, заметим, что процесс формирования первичного сознания, который осуществляется при присвоении родной культуры и при овладении родным языком, условно можно считать естественным процессом, т.к. он осуществляется облигаторно и в значительной мере не зависит от воли конкретного человека, который силою обстоятельств своей жизни вынужден овладевать родной культурой и родным языком, чтобы выжить в своем социуме.

Присвоение чужой культуры и овладение чужим (иностранном) языком можно считать искусственным процессом: овладение иностранным языком начинается с усвоения правил построения речевой цепи, на базе которых формируются языковые умения, затем речевые умения общаться на изучаемом языке в учебной аудитории и, в итоге, так называемые вторичные речевые навыки общения за пределами учебной аудитории. Легко увидеть, что родным языком ребенок овладевает, начиная с формирования речевых навыков и только в школе он формирует языковые навыки, правда, письменной речи. Еще Л.С. Выготский указывал, что направления овладения родным языком и обучение иностранному языку являются противоположными: при овладении родным языком ребенок формирует речевые навыки, а затем доводит рефлексию над своей речью до уровня знаний о системе языка, при обучении иностранным языкам речевые навыки формирования на основе предварительных знаний о системе языка.

Если необходимость присвоения чужой культуры при изучении иностранного языка не вызывает сомнения, то объем знаний о чужой культуре не является величиной определенной и эта проблема объема знаний требует дальнейшего решения. На сегодняшний момент представляется очевидным, что любой человек, изучающий чужой (иностраный) язык, прежде всего должен формировать *знания* об общенациональных ценностях носителей культуры изучаемого иностранного языка, и *умения* и *навыки* определения легитимных целей и способов их достижения, которые (цели и способы) обеспечивают процесс жизнедеятельности в обществе людей, носителей культуры и изучаемого иностранного языка, независимо от того, проживает ли он в своей или чужой культуре, потому что производство речи на чужом языке предполагает наличие умений не только строить форму речевых сообщений по правилам чужого языка, но строить содержание этих сообщений по правилам чужой культуры.

Для дальнейшего изложения целесообразно условиться в следующем. Родной или чужой язык изучают для того, чтобы при помощи языка развертывать общение с носителями родной или, соответственно, чужой культуры с целью организовать совместную деятельность (СД). Очевидно, что для развертывания общения с целью организации СД необходимо, чтобы коммуниканты обладали прежде всего

общностью (со)знаний, т.е. общими знаниями, которые позволят им общаться и сотрудничать по правилам родной и, соответственно, чужой культуры.

Формирование инокультурных знаний – это создание при помощи знаний (в функции метазнаний) своей культуры новых знаний – знаний о чужой культуре. Инокультурные знания могут существовать только при помощи знаний первичной культуры.

При формировании знаний о чужой культуре усваиваемая чужая культура несет в себе «следы» родной культуры субъекта, пожелавшего познать культуру, отличную от своей собственной: это очевидно, т.к. новые знания формируются только при помощи наличных знаний – чужая культура доступна только через свою. Поэтому знания человека, овладевшего чужой культурой, отличаются от культурных знаний аборигена.

В феномене знания целесообразно различать:

- объект понимания – это деятельность и общение: деятельность – воздействие на природу с целью изготовлению предметов культуры, удовлетворяющих потребности человека; общение – процесс организации СД, в общении люди воздействуют друг на друга, в ходе воздействия они регулируют поведение друг друга;

- средства сознания – это образы сознания – образы восприятия, функционирующие как перцептивные эталоны и ставшие в этой функции перцептивными эталонами образы воспоминания, образы представления – это объяснительные образы – как и все образы сознания – сформированные на основе прежних актов чувственного восприятия. (Образы сознания (образы восприятия объектов восприятия, представления, воспоминания) – это средства опознания, структурирования знаний об этом воспринимаемом объекте и также средство осмысления новых формируемых знаний, объясняющих этот воспринимаемый объект);

- субъект познания – человек, наделенный органами восприятия, которые позволяют ему фиксировать изменения в своем теле, произошедшие в результате процесса восприятия какого-либо объекта в виде, например, раздражения на сетчатке глаза, которое субъективно осознается как некое светлое окрашенное пятно, которое сравнивается с образами воспоминания и/или образами представления, объясняющими для субъекта чувственно воспринимаемый объект. Существенно заметить, что все объяснительные образы сознания сформированы при восприятии культурных предметов своей культуры;

- новое знание формируется при восприятии внешних объектов или при восприятии своего тела как объекта познания, субъект познания действует одинаково

- чувственно воспринимает познаваемый предмет;

- использует свое тело, наделенное как инструментами познания органами чувств и образами сознания, хранящимися в его социальной памяти;

- при восприятии письменных или устных текстов, со знаками которых у субъекта познания ассоциированы знания в форме образов сознания, образы языковых знаков, которые (образы) хранятся в памяти субъекта познания, овнешняются в виде звуков или графем конкретного естественного языка, из которых коммуниканты формируют слова; речевые сообщения (тексты) как физические объекты могут передаваться другим людям для восприятия; результатом восприятия этих физических объектов, которые суть только тела языковых знаков, является запуск сложно-

го процесса смыслового восприятия, который начинается со звукового и фонемного анализа речевой цепи и продолжается в виде ее лексического и грамматического анализа и заканчивается конструированием содержания воспринятой речевой цепи, это содержание существует в конечном итоге в виде симультанной схемы в сознании субъекта восприятия, состоящей из образов сознания, хранящихся в памяти субъекта восприятия.

При формировании инокультурного сознания целесообразно исходить из представления о культуре как совокупности надбиологических программ жизнедеятельности человека, «обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [Степин 2009: 405].

Деятельность каждой этнической культуры транслируется во времени и пространстве при помощи культурных предметов, в форме которых опредмечены способы их изготовления предыдущими поколениями носителей культуры, эти способы могут быть усвоены последующими поколениями в процессе их распреде-мечивания, т.е. в ходе развертывания так называемой адекватной деятельности, детерминированной формой культурного предмета. Из такого понимания культуры следует, что она существует в форме 1) культурных предметов, в форме 2) операций (способов) деятельности по изготовлению культурных предметов и в форме знаний о культурных предметах и способах их изготовления. Деятельность человека, направленная на природный материал, приводит к созданию культурного предмета, если деятельность осуществляется в соответствии с операциями конкретной культуры.

Труднее обстоит дело с трансляцией способов общения, принятыми в конкретном этносе, т.к. общение обслуживается знаками, в субстанции которых не отображены способы общения членов, этноса: общению, обслуживаемыми знаками, члены социума обучаются *по образцам*.

Кроме представления о трех формах культуры (предметной, деятельностной и идеальной=знаниевой), объясняющего трансляцию культуры от одного поколения к другому, необходимо для наших целей использовать парадигму категорий для описания культуры, предложенную В.С. Степиным.

Анализируя мировоззренческие универсалии как средство описания культуры, В.С. Степин выделяет два больших блока универсалий.

«К первому блоку относятся категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность. Они выступают в качестве базисных структур человеческого сознания и носят универсальный характер, поскольку любые объекты (природные и социальные), в том числе и знаковые объекты мышления, могут стать предметами деятельности. Их атрибутивные характеристики фиксируются в категориях пространства, времени, движения, вещи, отношения, количества, качества, меры, содержания, причинности, случайности, необходимости и т.д.

Но кроме них в историческом развитии культуры формируются и функционируют особые типы категорий, посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношение к другим людям и к обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни. Они образуют второй блок универсалий культуры, к которому относятся категории «человек»,

«общество», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «долг», «совесть», «справедливость», «свобода» и т.п. [Степин 2009: 406].

Эти категории, второго блока закрепляют надбиологические программы воспроизводства общества. При этом сами субъекты деятельности и общения функционируют как образцы, т.е. как знаковые системы, совокупность таких знаковых систем в функции трансляции моделей (норм) деятельности и общения получило название *социокодов*.

Культурные предметы, модели деятельностей, направленных на предметы (как на свои объекты и продукты) и модели общения людей, в которых люди и все культурные предметы фигурируют как квазипредметы, субстанция которых необходима только как семиотическое средство указания на смысл, ассоциированный с этой субстанцией.

Таким образом, социокод вводит в процесс анализа представление, о культурных предметах, обладающих, с одной стороны формой, в которой застыли (опредметились) операции (способы) по их изготовлению, а, с другой стороны, эти предметы функционируют как знаки, вернее, как тела знаков, обладающие способностью к смыслообразованию².

Как уже упоминалось ранее, наша статья представляет собой попытку решить проблему иноязычного сознания, точнее иноязычного аксиологического сознания, которое, по мнению В.С. Степина, относится к тому блоку универсалий культуры, которые определяют человека через его отношение к другим людям и обществу, к целям и ценностям социальной жизни. Это отношение, выражаемое ценностями, этнокультурно окрашено и требует целенаправленных усилий для своего познания.

Процесс обучения ценностям носителей изучаемого языка требует учета следующих обстоятельств.

В большинстве современных социумов содержание ценностей существует по крайней мере на трех уровнях сознания.

Первый уровень – это уровень официального общественного сознания, существующий в виде энциклопедических словарей, где эксперты от имени всего социума описали содержание ценностей.

Второй уровень – это фиксация содержания ценностей в толковых словарях (типа «Словаря русского языка» С.И. Ожегова), в которых отображена научная рефлексия над сознанием носителей языка.

Третий уровень – это обыденное общественное сознание профанных носителей языка, вскрываемое в психологических экспериментах.

Формирование инокультурного сознания может рассматриваться как аспект создания общности сознаний.

Общность сознаний коммуникантов для эффективного общения не вызывает сомнения, т.к. речевое общение – это процесс взаимного регулирования коммуникантами своего внешнего и внутреннего поведения при помощи речевых выска-

---

² Именно приобретение культурными предметами наряду с утилитарными атрибутами семиотических свойств, т.е. способами обозначать другие артефакты, положило начало формированию культурных социокодов.

зываний, производимых и предъявляемых друг другу для восприятия. При этом необходимо помнить, что речевые высказывания не несут никакой информации, а служат только для запуска процесса понимания этого высказывания и только в ходе этого понимания реципиент сконструирует содержания воспринятого высказывания, т.е. породит новую для себя информацию.

Если необходимость общности знаний не вызывает сомнения, то остается уточнить, какие знания должны образовывать эту общность.

Прежде всего общим должен быть *язык общения*, т.к. только языковые высказывания, состоящие из языковых единиц с их узуальными языковыми значениями, могут *стандартным* образом овнешнить мысли коммуникантов, которые, будучи по своей природе уникальными, без такой стандартизации могут оказаться неумопостижимыми.

Но не менее важно, что коммуниканты для эффективного общения должны обладать общностью знаний о мире, по крайней мере о том фрагменте, где коммуниканты организуют совместную деятельность. Знания о мире образуют содержание неязыкового сознания, общность которого формируется при присвоении этнической культуры в предметной, деятельностной и идеальной (знаниевой) форме.

Неязыковое сознание личности, присвоившей свою этническую культуру, состоит из знаний о субстанции, способах изготовления и о функции предметов своей культуры.

Знания, ассоциированные с языковыми знаками, образуют содержание языкового сознания. Соотношение языкового и неязыкового сознания является сложным и не до конца проясненным.

Таким образом, если мы ставим перед собой цель не только научить русскому языку, но и сформировать навыки сотрудничества с носителями русской культуры, то мы должны поставить перед собой задачу сформировать навыки постановки целей и навыки достижения этих целей по правилам русской культуры. Для этого студенты, изучающие русский, должны усвоить (интериоризовать) ценности русской культуры³.

Задача, решаемая в нашей работе – построение инокультурного (русского) сознания для студентов, изучающих русский язык как иностранный.

В общем виде существует два пути формирования инокультурного сознания.

Первый – это присвоение предметной, деятельностной и идеальной форм культуры, т.е. – это путь имитации способа присвоения родной (первичной) культуры. Этот путь возможен только при перемещении обучаемого во вторичную культуру.

Второй – это формирование вторичного сознания при помощи первичного сознания, которое выступает в функции метасознания. Метасознание при построении вторичного, инокультурного сознания предстает в одной из форм своего овнешнения, в том числе в форме вербальных сообщений, данных для восприятия субъекту, строящему свое инокультурное сознание.

---

³ Некоторые исследователи, например, П. Штомпка [2010: 272], полагают, что «правила, предметом которых являются способы или методы действия, средства, используемые для достижения цели, называются культурными нормами». «...А правила, предметом которых являются цели действия, называются культурными ценностями».

Попытка понять эти вербальные сообщения ведет к конструированию их содержания, при помощи которого строятся знания о знаниях вторичной культуры.

Повторим еще раз, что задача, решаемая в нашей статье – сформировать знания о русской, т.е. чужой культуре для носителей иных этнических культур – усложняется тем, что знания о предметах русской культуры, а также знания о технологиях их изготовления и знания о знаниях, созданных в русской культуре, даны только в знаковой форме преимущественно в виде речевых сообщений. Дело в том, что знания о русской культуре даны не прямо, а в форме, измененной телами языковых знаков, для анализа которых необходимо использовать понятие превращенной формы.

Понятие превращенной формы относится к объектам любой теории, объясняющей человеческую (социальную) реальность. Это понятие, введенное К. Марксом для анализа сложных систем связей, нашло в российской философии своего уникального исследователя – М.К. Мамардашвили. Он дает следующее определение превращенной формы: «Подобная форма существования есть продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Эти последние, являясь продуктом и отложением превращенности действия связей системы, в то же время самостоятельно бытийствуют в виде отдельного, качественно цельного явления, 2предмета» наряду с другими. В этой «бытийственности» и состоит проблема формы превращенной, которая видимым (и практически достоверным) образом представляется как особое, не разлагаемое далее образование, как «субстанция» наблюдаемых свойств» [<http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH7c4c2f199840818d24187c?p.s=TextQuery>].

К явлениям, которые описываются понятием превращенной формы, относятся языковые знаки, форма которых, приобретая самостоятельное значение, накладывает это значение на содержание всей системы и подменяет это реальное содержание содержанием своей языковой формы. Например, большое количество англицизмов в современном русском языке объясняется «влиянием английского языка на русский язык». Таким образом, если понимать это выражение как описание процесса, в котором английский язык в качестве субъекта оказывает *влияние* на объект «русский язык» путем внедрения в него калек-переводов с английского языка на русский или транслитерацией, то имеем типичное лингвистическое объяснение, в котором реальное содержание системы «сотрудничество носителей английской культуры и носителей русской культуры в процессе изготовления культурных предметов, предполагающего обмен культурными предметами, технологиями (операциями) их изготовления и знаниями о предметах и технологиях» подменяется анализом только поверхностного уровня, т.е. только анализом превращенной формы.

Легко заметить, что этнические культуры в процессе культурного обмена обладают разной активностью – по этому критерию они делятся на культуры-доноры и культуры-реципиенты, – и поэтому культура-реципиент сталкивается с проблемой наименования инокультурных предметов, инокультурных технологий и чужих знаний, вводимых в свою культуру, средствами родного языка.

Перед лингвистом-аналитиком всегда стоит проблема изучить предметы культуры на уровне только превращенной формы или анализировать всю систему конкретной деятельности и общения, которая на поверхностном уровне, т.е. в речевой цепи представлена непрямо, превращенно, но доступно и очевидным образом, т.е. феноменологически наглядно.

В современной лингвистике проблема анализа языковых средств и речевых продуктов как превращенной формы решается по-разному.

Если перед лингвистом стоит задача создания речевых продуктов в рамках конкретных проблем, требующих прагматического выхода, например, создание текстов для речевого воздействия (реклама, информационная война и т.п.), где стоит задача реального конструирования языкового сознания объекта воздействия, то лингвист делает объектом своего анализа не только превращенную форму – языковую материю, а всю систему взаимодействия и общения, в структуре которой функционирует субъект и объект речевого воздействия.

Языковой знак – это система, представленная формой – материальным носителем в виде фонематически расчлененных звуков, эта материальная форма имеет статус превращенной формы, т.к. между звуковой формой слова и ассоциированным с ним значением отсутствуют содержательные (объяснительные) связи. Характеристики содержания слова, обозначающего, например, предмет, могут быть раскрыты только при анализе 1) деятельности по изготовлению этого предмета и 2) при анализе его субстанции и 3) его функции.

Часто лингвисты уклоняются от такого анализа и создают условия для появления теорий типа теории Сепира-Уорфа.

Содержание ОЦ репрезентировано носителю чужого языка и чужой культуры только через свои превращенные и квазипредметные = знаковые формы, поэтому перед конструкторами инокультурного сознания стоит задача минимизировать влияние инокультурного метасознания, принадлежащего студенту, изучающему русский язык и культуру. Пути такой минимизации – это замещение образов родной культуры обучаемого образами, конструируемыми при присвоении русской культуры. Такое замещение возможно путем репрезентации предметов русской культуры через их превращенные знаковые формы, отличающиеся своей степенью превращенности: реалистическое изображение культурных предметов меньше искажает форму последних по сравнению с языковыми телами знаков.

Пытаясь нейтрализовать влияние превращенных форм, искажающее содержание ценностей, мы в нашем «Словаре-справочнике», репрезентируемом содержание одной и той же ценности многократно при помощи разных текстов, надеясь на то, что они компенсируют недостатки друг друга.

Но структура каждой статьи нашего «Словаря-справочника», содержащей множественные репрезентации содержания одной и той же ценности, обусловлена не только этими соображениями.

Этот принцип множественной репрезентации, названный нами принципом политекстовости, сформирован при наблюдении, во-первых, за функционированием сознания в социуме, а, во-вторых, за особенностью функционирования человеческой психики, получившей название мультипликативности.

Наблюдение за функционированием сознания в социуме позволяет сделать вывод, что общественное сознание, как уже упоминалось выше, существует, по крайней мере, на уровне официального общественного сознания, на уровне быденного сознания и на промежуточном уровне – на уровне содержания дефиниций в толковых словарях типа «Словаря русского языка» С.И. Ожегова.

Высший уровень официального общественного сознания – это содержание дефиниций в энциклопедиях, низкий уровень общественного сознания – это быденное сознание профанных носителей языка и культуры.

Мультипликативность – это характеристика человеческой психики, проявляющаяся в целостности ее функционирования, в которой психические функции – мышление, сознание, память и т.д. существуют в единстве и могут выделяться только условно для удобства анализа. Идея о целостности человеческой психики позволяет сделать вывод, что любое новообразование формирующееся, например, в сознании, становится достоянием и мышления, и памяти [Ананьев 1997; Барабанщиков 2006, Neisser 1982].

Структура каждой статьи нашего «Словаря-справочника» отображает принцип репрезентации содержаний и дискурсов членам социума, имеющим прескрипционную функцию: они представлены на уровне официального общественного сознания в виде дефиниций конкретной ценности на уровне быденного общественного сознания, вскрытого и описанного в рамках психосемантического и ассоциативного экспериментов, на уровне общественного сознания, представленного в форме дефиниций названий ценностей в толковых словарях русского языка (типа «Словаря русского языка» С.И. Ожегова). Кроме того, содержание ценностей репрезентировано в ходе рецепции пользователями словаря речевых высказываний, содержащих обозначение ценностей, существующее в речевом материале из Национального корпуса русского языка.

Пословицы, представленные в «Словаре-справочнике» в аутентичном виде и в форме, доступной для профанного носителя языка, показывают общность знаний носителей русского языка и русской культуры о ценности «любви» на протяжении, по крайней мере, двух столетий.

Дендрограмма, приведенная в конце статьи, обнаруживает содержательную связь между ценностью «любовь» и другими ценностями.

Визуальные образы любви напрямую демонстрируют культурные предметы, ассоциированные с ценностью «любовь».

Далее мы помещаем статью из «Словаря-справочника базовые ценности русского языкового сознания» «Базовая ценность *любовь*».

Предварительно поясним принцип построения «Словаря справочника базовых ценностей русского языкового сознания», каждая статья которого имеет стандартную форму и состоит из следующих частей.

Вводная статья

Первая часть вводной статьи содержит мифические знания, бытующие в русском языковом сознании как некоторые мифологемы, принимаемые всеми без особых доказательств.

Вторая часть вводной статьи – это научные знания о ценности *любовь*, сформированные на уровне официального общественного сознания.

Третья часть вводной статьи – это знания о *любви*, сформированные на уровне обыденного общественного сознания и отрефлектированные в лексикографических источниках русского языка.

Семантические компоненты содержания ценности *любовь* в энциклопедических источниках

В этом разделе содержатся знания о *любви*, сформированные на уровне официального общественного сознания, исследованные в рамках дефиниционного компонентного анализа и представленные в виде набора семантических компонентов содержания ценности *любовь*. Каждый семантический компонент проиллюстрирован в словаре-справочнике примером из Корпуса русского языка.

Семантические компоненты содержания ценности *любовь* в лексикографических источниках

В этом разделе помещены знания, сформированные профанными носителями языка на уровне обыденного общественного сознания и отрефлектированные учеными в лексикографических источниках.

Семантические компоненты содержания ценности *любовь* в ассоциативном словаре

Этот раздел содержит знания профанных носителей языка, полученные в ассоциативном эксперименте и представленные в форме ассоциативного поля, содержащего слова-реакции, данные в эксперименте носителями русского языка на слово-стимул *любовь*. Слова-реакции вступают в синтагматические и парадигматические связи со словом *любовь* при формировании речевой цепи и поэтому хранятся в вербальной памяти вместе со словом *любовь*. Эти слова-реакции указывают на предметы, действия, явления, которые связаны с явлением *любви* в реальной деятельности носителей русского языка.

Семантические компоненты содержания ценности *любовь* в паремиологическом фонде русского языка

Современные носители русской культуры обладают общностью знаний о своей этнической культуре, и эта общность знаний охватывает всех русских на протяжении, по крайней мере, двух столетий – наши современники без труда читают А.С. Пушкина. Поэтому паремии, имеющие своим содержанием значение слова *любовь*, репрезентируют знания о *любви*, необходимые для жизни среди носителей русского языкового сознания.

Содержание ценности *любовь* в сознании профанных носителей русского языка

Этот раздел содержит знания профанных носителей русского языка, вскрытые в психосемантическом эксперименте (семантический дифференциал Ч. Осгуда) и представленные в виде дендрограммы, которая отображает семантическую близость/удаленность между ценностями в русском аксиологическом образе мира: чем ближе к началу соединяются ветви дендрограммы, отображающие отдельные ценности, тем теснее связи, между ценностями. Ценность *любовь* тесно связана с ценностями *милосердие*, *мир*, *здоровье*, *безопасность*, *дружба*, *родина*, *порядочность*, *уважение к родителям* и все три ценности образуют один кластер.

Изображение явления *любовь* в русской культуре

Любовь в любой этнической культуре, носит специфические черты в форме расовых, этнических характеристик людей. Психические образы *любви* хранятся в сознании (в социальной памяти) носителей культуры и входят в этническую ментальность, поэтому изображение явления *любовь* русской культурной редакции для формирования адекватных психических образов должно присутствовать в словаре-справочнике.

После того, как мы показали принципы составления статей в нашем словаре-справочнике, покажем, в качестве примера, статью *любовь*.

ЛЮБОВЬ

Вводная статья

В сознании русских в содержании *любви* христианские и языческие представления о согласии и взаимности оказались совмещенными.

Любовь – это спокойствие согласия между равными и взаимность отношения между духовно согласными. Любовь – это единство духовной и физической близости, проявляется в совместной сознательной близости, в чувстве совместной душевной симпатии, духовного родства, исключая гнев и зло. Любовь у русских выше всех добродетелей, как абсолютное добро.

В науке любовь трактуется как культурная универсалия субъективного ряда, фиксирующая в своем содержании предельно индивидуально избирательное чувство, выступающее для субъекта любви в качестве максимальной ценности. Центральным аспектом любви является особый эмоциональный настрой ее носителя, выражающийся в душевном подъеме и радостной окрашенности восприятия мира.

В профанном сознании русских любовь как культурная ценность объединяет несколько групп ценностей: это, во-первых, *милосердие, мир, здоровье*, во-вторых, *безопасность, дружба, родина* и, в-третьих, *семья, уважение к родителям*. Эти ценности вычерпывают содержание ценности *любовь*.

I. Семантические компоненты содержания ценности *любовь* в энциклопедических источниках

Взаимоотношение

- *Нынешний век избрал новую любовь, называемую любовью для провождения времени. [И.И. Лажечников. Спасская лужайка (1812)]*
- *Таким образом протекали месяцы, и любовь их день ото дня получала новую силу. [И.И. Лажечников. Спасская лужайка (1812)]*

Потребность в идентификации с определенным объектом

- *Мария обещала уважить советы родителя, но сколько ни старалась преодолеть любовь свою, присутствие Евгения делало бесполезными все ее усилия; сколько ни удалялась от него, – милый образ везде следовал за нею. [Н. Мамышев. Злосчастный (1807)]*
- *Лучшая для меня награда была бы любовь прекрасной Татьяны... [В.В. Измайлов. Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор (1804)]*

Универсалия культуры субъектного ряда

- – *Послушайте, мои белые лебедки, не всегда травушку мороз побивает, часто вянет она и от красного солнца; не всегда девушку губит невольное замужье, губит ее часто и жаркая к милу другу любовь.* [П.Ю. Львов. Даша, деревенская девушка (1803)]
- *Если в словарях XVII – начала XVIII века “гурман” ещё синоним «обжоры», то энциклопедия Дидро и д’Аламбера уже квалифицирует гурманство как “утончённую и ненасытную любовь к хорошей еде”.* [Рецепты национальных кухонь: Франция (2000-2005)]

Глубокое индивидуально-избирательное интимное чувство

- *Только чем уже он не дарил меня – и серебром, и золотом, и бисером, и лентами, и парчой; но я ничего не брала: одна любовь его мне только нужна была.* [П.Ю. Львов. Даша, деревенская девушка (1803)]
- *Прихожу ли в березову рощу, – там, отстав от подруг, она подтверждала мне свою любовь нежными ласками.* [М.В. Сушков. Российский Вертер (1801)]

Самодостаточное стремление к предмету чувства

- *Это произведение о том, как человек впервые почувствовал, что в жизни есть бескорыстная любовь, что в мире есть Бог.* [Классика на школьной сцене // «Народное творчество», 2004]
- *Моя любовь была как раз того рода, которая не терпит сближения с любимым предметом.* [Мария Варденга. Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха (2002) // «Домовой», 2002.02.04]

О человеке, внушающем такое чувство

- *Любовь к сыну расценена им как наркотик и ампутирована, так как принесла реальное зло: изнеженный, он вырос с большим опозданием и, как далеко зашедший наркоман, принял на себя взрослую ответственность с большой ломкой.* [Анна Кузнецова. Функции ума // «Октябрь», 2002]
- *Любовь к жене, единственное чувство, не расценённое как фантом, в наркотики не годится, так как перерастает в мучительный страх за её жизнь.* [Анна Кузнецова. Функции ума // «Октябрь», 2002]

II. Семантические компоненты содержания ценности любовь в лексико-графических источниках

Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.

- *Я не представляю, в какой ещё стране королевская семья вызывает такое почтение и такую всенародную любовь.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]
- *В этой стране – уникальная конституционная монархия, любовь народа к представителям которой абсолютно искренна.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

Чувство расположения, симпатии к кому-л.

- *У меня к Галине Павловне необыкновенная любовь, почитание и в чём-то преклонение.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

- *Несмотря на всю любовь к Евгению Алексеевичу, вынужден дать очень жёсткое распоряжение своему помощнику... [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]*

Влечение к лицу другого пола

- *Они посмотрели друг другу в глаза и... да, это была любовь с первого взгляда! [Сергей Седов. Доброе сердце Робина // «Мурзилка», 2002]*
- *На кое-как прибранном перроне, издолблённом взрывами, вечером затеялись танцы под аккордеон, любовь недолговечная закрутилась, мимолётные страсти вспыхнули. [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)]*

Интимная связь

- *Но любовь её вспыхивает только в объятиях демона, каким Алханон притворился, чтобы беспрепятственно завоевать её непокорный дух и её запуганную плоть. [Спасительная эстафета игры (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06]*
- *Поверх звучащих голосов то и дело раздавались чьи-то уже неменяемые крики: «Любовь – это секс!»» Бога нет! [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]*

О человеке, внушающем такое чувство

- *Оставил больного ребёнка – и к ней. Любовь к женщине сильнее, чем сострадание. Кямал был любовником и остался им. [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]*
- *Но любовь к дочери была спрятана глубоко в сердце, а наружу вырывалась грубость, как ядовитый дым. [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]*

Внутреннее стремление, тяготение к чему-л.

- *Её энергия неиссякаема, как неиссякаемы её любовь и интерес к искусству. [Северная сказка (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06]*
- *Постепенно маленькое увлечение соломкой переросло в любовь к этому удивительному материалу. [Соломенные картины // «Народное творчество», 2004]*

Пристрастие к чему-л.

- *Проведение такого опроса представители института объясняют стремлением привить современной молодёжи любовь к классической литературе и отучить её от видеофильмов и компьютерных игр. [Новости (2002) // «Витрина читающей России», 2002.06.28]*
- *Давно забытый и, казалось бы, утолённый голод побуждал в ней любовь к этой роскоши бедных... [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]*

Глубокое эмоциональное влечение

- *Одно второстепенное в романе Лермонтова обстоятельство неожиданно получает глубокий смысл: единственную подлинную, непреходящую любовь Печорина зовут Верой. [Валерий Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // «Октябрь», 2002]*

- Я учился в Щепкинском училище при Малом театре и на всю жизнь сохранил любовь именно к этому дому – к традиционному русскому театру актёров-корифеев. [Федор Чеханков: Ненависть меня разрушает (2002) // «Витрина читающей России», 2002.09.13]

Готовность отдать свои силы общему делу

- Можно сказать, это был мой кумир, потому что эта любовь подвигла меня на какие-то поступки – быть может, отчасти благодаря ей я решилась в 14 лет уехать из дома и поступать в саратовское театральное училище – только туда брали таких маленьких девочек. [Мария Варденга. Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха (2002) // «Домовой», 2002.02.04]
- В любом случае людям из Вашингтона недоступна та мысль, что бывает любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам, проистекающая из этой любви верность своему государству, на родном пепелище как-то выросшему, и соответственно отсутствие автоматической готовности признавать верховный авторитет некоего далёкого дяди. [Максим Соколов. Меня уже никто не любит. Колонка обозревателя (2002) // «Известия», 2002.09.25]

При сопоставительном анализе семантических компонентов содержания ценности *любовь*, представленных в энциклопедических и лексикографических источниках, становится очевидным, что значение данной ценности, во-первых, более детально репрезентировано в лексикографических источниках, а, во-вторых, некоторые компоненты ее значения совпадают в энциклопедических и лексикографических источниках (*глубокое индивидуально-избирательное интимное чувство, взаимоотношение, о человеке, внушающем такое чувство*), в-третьих, что данная ценность в сознании носителей русской культуры ассоциируется с потребностью в идентификации с определенным объектом, глубоким индивидуально-избирательным интимным чувством, чувством глубокой привязанности к кому-, чему-л., влечением к лицу другого пола, готовностью отдать свои силы общему делу.

Семантические компоненты содержания ценности <i>любовь</i> в энциклопедических источниках	Семантические компоненты содержания ценности <i>любовь</i> в лексикографических источниках
взаимоотношение	взаимоотношение
-	чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.
потребность в идентификации с определенным объектом	-
-	чувство расположения, симпатии к кому-л.
универсалия культуры субъектного ряда	-
-	влечение к лицу другого пола

глубокое индивидуально-избирательное интимное чувство	глубокое индивидуально-избирательное интимное чувство
самодостаточное стремление к предмету чувства	-
о человеке, внушающем такое чувство	о человеке, внушающем такое чувство
-	внутреннее стремление, тяготение к чему-л.
-	пристрастие к чему-л.
-	глубокое эмоциональное влечение
-	готовность отдать свои силы общему делу

III. Компоненты содержания ценности *любовь* в ассоциативном словаре

ЛЮБОВЬ: семья **41**; счастье **26**; доверие **25**; дети **17**; сердце **16**; отношения **9**; вера, дружба, друзья **8**; жизнь, понимание **7**; мама, отношение, родители, свадьба, тепло **6**; доброта, животные, забота, мир, надежда, привязанность **5**; боль, взаимопонимание, гармония, дом, муж, папа, секс, чувства, чувство **4**; вечная, вечность, жена, жертвенность, мужчина, объятия, ответственность, преданность, радость, родные, свет, сила, уважение, улыбка **3**; Алиса, бабочки, бабушка с дедом, бог, в людях, везде, верность, взаимное чувство, влечение, внимание, во мне, волнение, всегда, вторая половинка, глаза, девушка, замужество, защита, значение, имя, интим, к родине, красота, милосердие, молодой человек, музыка, нежность, обнимашки, огонь, парень, партнёрство, песня, повсюду, преданная, природа, прощение, разочарование, ревность, родина, свобода, Себастьян, симпатии, симпатия, Симс **3**, смех, собака, спасёт мир, страсть, терпение, терпимость, тяга, удовольствие, что это, Юля **2**.

- *Социальная ячейка, сформированная обществом для осуществления любви:* семья **41**; свадьба **6**; дом **4**; замужество **2**.
- Чувства и состояния, сопровождающие любовь:

а) положительные:

счастье **26**; доверие **25**; вера **8**; дружба **8**; друзья **8**; понимание **7**; тепло **6**; доброта **5**; забота **5**; мир **5**; надежда **5**; привязанность **5**; гармония **4**; чувства **4**; чувство **4**; жертвенность **3**; ответственность **3**; преданность **3**; радость **3**; свет **3**; сила **3**; уважение **3**; бабочки (бабочки в животе) **2**; верность **2**; влечение **2**; внимание **2**; волнение **2**; защита **2**; значение **2**; красота **2**; милосердие **2**; музыка **2**; нежность **2**; огонь **2**; песня **2**; преданная **2**; прощение **2**; свобода **2**; симпатии **2**; симпатия **2**; страсть **2**; терпение **2**; терпимость **2**; тяга **2**; удовольствие **2**.

б) отрицательные: боль **4**; разочарование **2**; ревность **2**.

- *Символы любви:* сердце **16**; свадьба **6**.
- *Внешние знаки в поведении влюблённых:* отношения **9**; отношение **6**; секс **4**; объятия **3**; улыбка **3**; глаза **2**; интим **2**; обнимашки **2**; смех **2**.
- *Субъекты и объекты любви:* дети **17**; мама **6**; родители **6**; животные **5**; муж **4**; папа **4**; жена **3**; мужчина **3**; родные **3**; Алиса **2**; бабушка с дедом

2; бог 2; в людях 2; везде 2; во мне 2; девушка 2; к родине 2; молодой человек 2; парень 2; повсюду 2; природа 2; родина 2; Себастьян 2; собака 2; Юля 2.

- *Длительность процесса любви:* жизнь 7; вечная 3; вечность 3; всегда 2.
- *Обоюдность:* взаимопонимание 4; взаимное чувство 2; вторая половинка 2; партнёрство 2.
- Реакции на форму слова (фонетические реакции): имя 2.
- *Прецедентные тексты:* спасёт мир 2 (популярная эстрадная песня).

IV. Семантические компоненты содержания ценности *любовь* в паремиологическом фонде русского языка

- Жизнь

Без любви, как без солнышка, нельзя прожить.

Любовь является основополагающей ценностью.

- Жертва

Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает.

Настоящая любовь может потребовать жертвы.

- Насилие

Бояться себя заставишь, а любить не принудишь.

Любовь не подвластна сознательным усилиям человека.

- Постоянство

Верная любовь ни в огне не горит, ни в воде не тонет.

Любовь способна преодолеть все трудности.

- Положительная эмоция

Всяк страх изгоняет любовь.

Страх – более сильная эмоция, чем любовь.

- Страдание

Любовь зла, полюбишь и козла.

Любовь часто нелогична и может приносить страдания.

- Предчувствие

Любовь и не глядит, а все видит.

Любящий человек обладает особой прозорливостью.

- Изменения

Любовь и попа плясать научит.

Любовь сильно меняет людей.

Любовь и умника в дураки ставит.

Любовь сильно меняет людей.

- Прощение

Любовь не знает мести, а дружба – лести.

Любящий человек все прощает своему любимому, а друг должен говорить другу только правду.

- Чувство

Любовь не картошка – не выкинешь в окошко.

Любовь не подвластна сознательным усилиям человека.

Любовь закона не знает, годов не считает.

Любовь часто нелогична и бесконечна.

- Избирательность

Любовь не милостыня: ее каждому не подашь.

Любовь не подвластна сознательным усилиям человека.

- Искренность

Любовь правдой крепка.

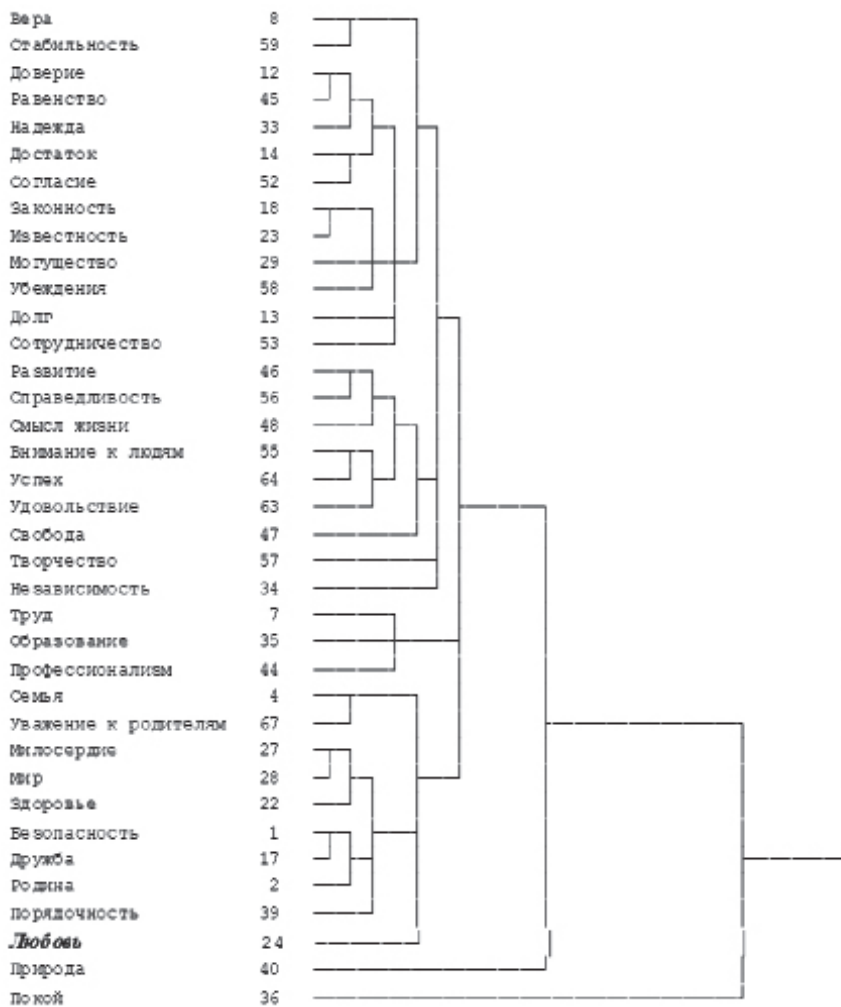
Любящие люди не должны лгать друг другу.

- Понимание

Милые бранятся – только тешатся.

Любящие люди могут ссориться, но это не влияет на их чувства.

Дендрограмма

Ценность *любовь* объединяет группу ценностей, которые так или иначе связаны в сознании с этим чувством. Как видно из дендрограммы *милосердие, мир, здоровье* составляют отдельный кластер. С этим кластером связан кластер *безопасность, дружба, родина*, а объединяет эти два кластера ценность *порядочность*. Далее видим, что кластер *семья, уважение к родителям* объединяется с ценностью *любовь* и вышеуказанными кластерами, составляя единый блок ценностей.

Изображения ценности *любовь* в русской культуре

К.А. Сомов. Влюбленные (1920)

В. Волегов. Секрет сестры (2004)

Литература

- Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 380 с.
- Барабанчиков В.А.* Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр; Высшая школа психологии, 2006. 238 с.
- Степин В.С.* Культура // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
- Neisser U.* Memory Observed: Remembering in Natural Contexts. San-Francisco: W. H. Freeman, 1982. Pp. XIII, 433 p.

Справочная литература

- Можсейко М.А.* Любовь // Всемирная энциклопедия. Философия XX века. / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицианов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор. 2002. 976 с.
- Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности. В 2-т. Т.1. А – О. С.Пб.: Златоуст: 2014. 592 с.
- Форма превращенная // Новая философская энциклопедия. – Режим доступа: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH7c4c2f199840818d24187c?p.s=TextQuery> (Дата обращения: 16.12.2016).

PROBLEMS OF CONSTRUCTING FOREIGN CULTURE CONSCIOUSNESS

Violetta A. Ilyina

associate Professor

Department of linguistics and intercultural communication at RosNOU

Moscow, ul. Radio, 22

e-mail: violette-viola@inbox.ru

Denis V. Makhovikov

researcher

Department of psycholinguistics

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Moscow, B. Kislovskiy per., 1/1

e-mail: denisrich2708@yandex.ru

Alexander A. Nistratov

researcher,

Lomonosov Moscow State University

Moscow, ul. Mokhovaya, 11

e-mail: a.nistratov@mail.ru

Natalya L. Sinyachkina

associate Professor

Department of Russian language and intercultural communication at RUDN
Moscow, ul. Miklukho-Maklaya, 10/2
e-mail: natalyakornilova@list.ru

Evgeniy F. Tarasov

professor

Head of the Department of psycholinguistics
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Moscow, B. Kislovskiy per., 1/
e-mail: eft35@mail.ru

The acquisition of a foreign language as a means of communication necessarily implies the formation of foreign culture consciousness and we call the process the construction of foreign culture consciousness in students learning a foreign language. The construction will allow setting goals and achieving them using the rules of a foreign culture.

The most appropriate way of constructing foreign culture consciousness is the acquisition of the content of basic values in the foreign culture and language.

The paper presents the entry *love* from the Dictionary of Russian Basic Values. The acquisition of the content of 68 entries is expected to result in the construction of the foundations of Russian language consciousness.

Keywords: basic values, linguistic and non-linguistic consciousness, the construction of consciousness, subject, activity and ideal form of culture.

References

Anan'ev, B.G. O problemah sovremennogo chelovekoznanija [On the problems of modern human study]. Moscow: Nauka, 1977. 380 p.

Barabanshikov, V.A. Psihologija vosprijatija: Organizacija i razvitie perceptivnogo processa [Psychology of perception. Organization and development of perception]. M.: Kogito-Centr; Vysshaja shkola psihologii, 2006. 238 p.

Stepin, V.S. Kul'tura [Culture]. *Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of the epistemology and philosophy of science]. Moscow: «Kanon +» ROOI «Reabilitacija», 2009. 1248 p.

Neisser, U. Memory Observed: Remembering in Natural Contexts. San-Francisco: W. H. Freeman, 1982. Pp. xiii + 433.

Mozhejko, M.A. Ljubov' [Love]. *Vsemirnaja jenciklopedija. Filosofija XX veka* [World encyclopedia. Philosophy of the 20th century]. A.A. Gricianov (Ed.). Moscow: AST, Minsk: Harvest, Sovremennyj literator. 2002. 976 p.

Kolesov, V.V., Kolesova, D.V., Haritonov, A.A. Slovar' russkoj mental'nosti [Dictionary of Russian mentality]. V 2-t. T.1. A – O. Saint Petersburg: Zlatoust: 2014. 592 p.

Forma prevrashhennaja [Converted form]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* [New encyclopedia of philosophy]. – <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH7c4c2f199840818d24187c?p.s=TextQuery>.

КТО ТАКИЕ «НЕМЕЦКИЕ ТУРКИ»? О ЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ

Трошина Наталья Николаевна

ведущий научный сотрудник
отдела языкознания ИНИОН РАН
117997 Москва, Нахимовский просп. 51/21
e-mail: troshinat@mail.ru

Проблема национальной идентичности особенно обостряется под влиянием процессов глобализации, одним из вызовов которой является формирование наднациональной идентичности как условия европейской интеграции. Эта проблема рассматривается на примере процесса интеграции немецкоязычных турок в немецкое общество, прежде всего, иммигрантов второго и третьего поколения, свободно владеющих немецким языком и при этом стоящих на позиции автономности немецкого языка от породившей его немецкой культуры. Турецкая диаспора избрана в качестве объекта исследования, как наиболее многочисленная иммигрантская диаспора в Германии – около 3 млн. чел. (20% населения ФРГ), причем 1,3 млн. чел. имеют немецкое гражданство. Рассматриваемая в статье проблема особенно актуальна для немецких турок, родившихся и выросших в Германии, но не принимающих немецкие культурные ценности и нормы и поэтому пребывающих в состоянии постоянного противоречия между европейской христианской современностью и национальной исламской традицией. Формирование наднациональной идентичности сопровождается взаимным дистанцированием немецких турок и этнических немцев, что усиливается различием в отношении к немецкому языку. В исследованиях немецкоязычных турецких германистов подвергается сомнению наличие органической связи между этническими немцами и немецким языком, которая сегодня считается органической: в этих исследованиях немецкий язык трактуется как наднациональная собственность, в равной степени принадлежащая всем, кто на нем свободно говорит. При этом язык «канак» как турецкий вариант немецкого языка используется немецкими турками для дистанцирования от немецкого окружения.

Ключевые слова: наднациональная идентичность, транснациональная идентичность, интеграция иммигрантов, модель интеграции, язык «канак», язык вторичной социализации.

Одним из важных понятий, порожденных процессами глобализации, является понятие наднациональной идентичности, вызывающее ожесточенные споры политиков, культурологов, психологов, этнографов, демографов и, конечно, лингвистов: ведь язык и культура в их неразрывной связи являются основными признаками национальной идентичности и воспринимаются людьми как скрепы, позволяющие жить рядом и общаться. На этом основывалась идея создания

мультикультурного общества – идея, от реализации которой зависит формирование европейской идентичности в Евросоюзе. Формирование этого лингвокультурного феномена стало одним из наиболее сложных вызовов европейской интеграции, с которым в большей и меньшей степени столкнулась каждая страна-член Европейского союза, принимающая иммигрантов. Ситуация усугубляется еще и ухудшением общей демографической ситуации для Европы, которая в этом плане теряет вес: в 1950 г. европейцы составляли 22% населения планеты, в 1975 г. – 16,6%, в 2000 г. – 12%, а в 2025 г. они составят, по расчетам ООН, не более 9,1% от 9 млрд. населения планеты [Марусенко 2015: 88]. Эта тенденция ощущается, прежде всего, в наиболее развитых европейских странах – Германии, Франции, Австрии, Италии. Как показал опыт этих стран, глобализационные процессы более сложны и противоречивы, чем это представлялось на рубеже веков, отмечает А.В. Кирилина [2015: 122], основываясь на наблюдениях Н. Купланда [Coupland 2010].

После Второй мировой войны в Европе сложились три основные модели интеграции иммигрантов:

- мультикультурная модель, предполагающая толерантное отношение
- к культурному и религиозному разнообразию, разработку антидискриминационного законодательства и облегченный доступ к гражданству;
- социогражданская модель, предоставляющая иммигрантам все виды
- социальных и экономических прав, но ограничивающая доступ к гражданству;
- республиканская модель, предоставляющая легкий доступ к
- гражданству, но требующая, чтобы иммигранты сами избавились от проявления этнических или религиозных особенностей в публичной сфере [Марусенко 2015: 530].

По данным Википедии, Германия сегодня находится на втором после США месте по количеству мигрантов, прибывших на длительный срок: около 20% населения ФРГ являются либо мигрантами, либо их потомками. Большинство иммигрантов происходит из Турции – около 3 млн. чел., причем 1,3 млн. чел. – граждане ФРГ [Иммиграция в Германию. Эл. ресурс].

В Германии, начиная с 1955 г., когда был заключен договор между Германией и Италией о вербовке иностранных рабочих для работы в Германии [Германия: Эл. Ресурс], и до наших дней превалировала первая, т.е. мультикультурная модель интеграции. Сегодня эта модель если не провалилась, то, во всяком случае, переживает серьезный кризис, особенно в связи с наплывом беженцев в Германию. Одна из причин этой неудачи состоит в провале интеграции иностранцев второго-третьего поколения.

Первое поколение турок-иммигрантов приехало в Германию с целью, заработав денег, вернуться в Турцию, однако многие из них по разным причинам остались в Германии, практически не интегрировавшись в немецкое общество, в связи с чем Ялчин Ылдыз – немец турецкого происхождения (т.е. немецкий турок), специалист по проблема миграции – называет этих людей «потерянным поколением» [Yildiz Yalcin: Эл. ресурс].

В отличие от первого поколения, турки из второго и третьего поколения иммигрантов, родившиеся и выросшие в Германии, оказались нежеланными в этой стране людьми: они подвергаются дискриминации на рынке труда и жилья, в результате чего у них не формируется чувство родины. Как показывает печальный опыт турок, даже получивших высшее образование в Германии и свободно владеющих немецким языком, это не дает им гарантий для интеграции в немецкое общество» [Цит. раб]. Многие из них имеют немецкое гражданство, но не признают немецкие культурные ценности и нормы, в связи с чем находятся в состоянии противоречия между европейской (христианской) современностью и своей национальной (исламской) традицией, т.е. живут, по выражению С. Хантингтона, „zwischen Tradition und Moderne“. В этой формулировке, без которой не обходится почти ни один материал в СМИ о немецких турках, сжато представлен тезис, сформулированный С. Хантингтоном в книге «Столкновение цивилизаций» [Huntington 1998]. Согласно этому тезису, западная культура – современна и ориентирована на прогресс, а исламская – отсталая и при этом «чужая». По данным статистики, на которые ссылается Ялчин Ылдыз, более 30% этих людей хотели бы выехать в Турцию, однако для них это не просто возвращение на родину, а эмиграция со всеми отсюда вытекающими проблемами.

Ситуация с немецкими турками доказывает неуспех идеи Евросоюза создать новую, наднациональную европейскую идентичность, которая строится на чувстве включенности человек в совместный образ жизни. В частности, на это нацелена и Болонская конвенция интегрированного европейского образования. Тем не менее, на практике вместо этого формируется образ Другого – Чужого: «Несмотря на то, что идентичность определяется по чувству принадлежности и солидарности, возникающему на основе совместной жизни, она концентрируется на противопоставлении себя другому. Идентификация происходит путем установления различий при построении бинарной классификации ‘мы - они’. При определении характеристик группы важно не то, что объединяет ее членов, а то, что отделяет их от других групп. Исторически национальная идентичность в европейских государствах находила свою легитимность в существовании других. Европейский союз пытается идти по такому же пути. Он автоматически создал новый образ ‘чужого’ – не-гражданина Евросоюза. На практике это означает исключение из числа ‘своих’ еще всех иностранных резидентов не-европейского происхождения» [Марусенко 2015: 447].

Другая проблема заключается в том, что наднациональный взгляд на идентичность, тем более в сочетании с принципом толерантности, подталкивает иммигрантов к пренебрежению ценностями и нормами принявшей их страны, которая в этом противостоянии отстывает. Как отмечает цитированный выше автор, «всегда, когда толерантная культура принимает у себя неуступчивую культуру, первая сдает свои позиции» [Марусенко 2015: 88]. Таким образом, глубокие различия в культуре и образе жизни являются основой взаимного дистанцирования этнических немцев и немецких турок.

Следует, однако, отметить, что немецкие турки второго и третьего поколения не едины в своем восприятии и оценке ситуации, в которой они оказались в Германии, ср. мнения, приведенные в книге Дурсун Аккам «Deutsches Heim – Glück allein» на сайте wikipedia.org:

Феридун Заимоглу:

«Невозможно понять отношение немцев (к туркам – *Н.Т.*). Они делают все, чтобы оттолкнуть турок от себя, а потом жалуются, что турки не хотят интегрироваться»;

Гемаль Тюмтюрк:

«Не слушайте болтовню о враждебности немцев к иностранцам. Эта страна подверглась иноземному нашествию. Банды разбойников перевернули все жизненные привычки немецкого народа. И несмотря на это, они (немцы – *Н.Т.*) с большой терпимостью поделились с иностранцами работой и хлебом. Разбойники же видят в тех, кто наполнил их желудки, в людях, которые их накормили, врагов. Эта враждебность есть враждебность примитива к цивилизации. Чем виноват немецкий народ? Уж не тем ли, что создал науку, искусство, культуру и высоко развитую технику?» [Аксам 1982. Эл. ресурс].

При том, что именно культурные, а не языковые различия являются основной причиной взаимной неприязни этнических немцев и немецких турок, языковой аспект играет в этой ситуации также немаловажную роль: ведь именно к нему часто апеллируют немецкие турки во втором и третьем поколении, настаивая на том, что в языковом отношении, а значит и в плане идентичности, они равны этническим немцам. В качестве примера можно привести ситуацию на одном ток-шоу на немецком телевидении. Участник – этнический немец – сказал участнице-турчанке: «Вы очень хорошо говорите по-немецки» и в ответ услышал: «Вы тоже». Разгорелся скандал на тему «кто вправе считать немецкий язык своим, кому он принадлежит», – скандал, в основе которого лежит наднациональный взгляд на идентичность, подход к языку как к явлению, автономному от породившей его культуры. Такая установка побуждает иммигрантов обращаться с немецким языком по своему усмотрению, поскольку они, как и этнические немцы, свободно говорят по-немецки. Такое отношение к немецкому языку обосновывается в публикациях германиста турецкого происхождения Ясмин Ылдыз, родившейся в Германии и закончившей Гамбургский университет по специальности «немецкая литература» (в настоящее время Ясмин Ылдыз является профессором Корнельского университета в США) [Yildyz Yasmin 2012]. По ее мнению, «говоря о будущем немецкого языка, следует переосмыслить считающуюся сегодня органической связью между этническими немцами и немецким языком» [Yildiz Yasmin 2004: 322, цит. по: Кирилина 2015: 127]. Как справедливо считает А.В. Кирилина, факты изменения немецкого языка в контексте глобализации (а сюда относятся и миграционные процессы) еще не означают права мигрантов обращаться с немецким языком, как им вздумается и экспериментировать над ним.

Носители же немецкого языка и немецкой культуры стоят на другой этической позиции по отношению к своему языку, считая (и чувствуя!), что «транснациональная идентичность не испытывает страха утраты языка и ничто не сдерживает ее в экспериментах с языком» [Кирилина 2015: 127; Hüppauf: 2004].

Добавим, что именно создав язык «канак» (*Kanak-Sprache*, синонимы: *Türkendeutsch* «турецкий немецкий», *Türkenslang* «турецкий сленг», *Ghettosprache* «язык гетто»), мигранты второго и третьего поколения используют его для дистанцирования от немецкоязычной среды.

Эта ситуация усугубляется еще и тем, что немецкий язык как национальный и государственный язык все же недостаточно защищен законодательно, поскольку его статус не закреплен в Основном законе ФРГ – в Конституции. Получилось, что он ничей и претендовать на него могут не только этнические немцы. Георг Люди – немецкий лингвист, живущий и работающий в Швейцарии, считает, что определение статуса немецкого языка в Конституции было бы полезно для немецкого как национального языка по следующим причинам:

- 1) язык – базис культурной идентичности;
- 2) язык – элемент, объединяющий все слои немецкого общества;
- 3) юридическое урегулирование статуса немецкого языка может быть воспринято в обществе как подтверждение важности сохранения немецкого языка и необходимости противостоять «медленной утрате его значимости» (schleichender Bedeutungsverlust der deutschen Sprache) [Lüdi 2013: 276];

- 4) упоминание немецкого языка в Основном Законе укрепило бы позиции немецкого языка в Европейском Союзе и «сделало бы его действительно равноправным с английским и французским языками» [Цит. раб.: 276].

Эта юридическая мера была бы полезна для защиты немецкого языка как национального на трех уровнях, считает Дж. Люди:

- 1) на формальном – как способ сохранения его чистоты и противодействие его порче;

- 2) на национальном – как инструмент для создания единого экономического и коммуникативного пространства;

- 3) на международном – как противодействие падению привлекательности немецкого языка как иностранного.

Оценить, насколько обоснованы притязания немецкоязычных турок на немецкий язык, не просто еще и потому, что сформировался феномен межкультурной немецко-турецкой литературы. Авторы – немецкие турки второго-третьего поколения пишут по-немецки, например, Феридун Заимоглу (1964 г. р.) – лауреат многих литературных премий, его книги

(„Kanak Sprak“, „Liebesbrand“, „Hinterland“ usw.) переведены на многие языки, а также Зафер Шеночак, Селим Оздоган, Хатиче Акюн и др. Всего в Германии живут более десяти литераторов турецкого происхождения, чье творчество подготовило так называемый «турецкий поворот» (Turkish Turn) в литературе современной Германии. Это бывает очень заметно на Франкфуртских книжных ярмарках, где немецкоязычной турецкой литературе отводятся специальные разделы. Это направление стало особенно сильно развиваться после присуждения турецкому автору Орхану Памуку Нобелевской премии по литературе 2006 г. за роман «Снег», посвященный конфликту между западничеством и исламизмом в современной Турции.

Как же в повседневной речевой практике проявляется турецкоязычный фактор? Насколько велик его конфликтогенный потенциал? Как, например, немцы справляются с произнесением трудных для них турецких имен и фамилий? Фонетические искажения очень раздражают немецких турок. В связи с этим немецкоязычная турчанка-журналистка Карин Эшилада выступила в Интернете с предложением, чтобы ведущие немецкие СМИ, учитывая проживание около 3 млн. турок в Германии, давали транскрипцию их имен и фамилий [Yeşilada 2012], чтобы не задевать национальные чувства самой большой диаспоры. Пока этого еще не делается, но, может быть, только пока ...

С 2007 г. власти ФРГ пытаются обеспечить языковой аспект интеграции иммигрантов (сначала именно турок, но затем и всех иностранцев) в немецкое общество с помощью сертификата о владении немецким языком на уровне B1 (в соответствии с системой «Общеввропейских компетенций владения иностранным языком» [Common European Framework of Reference. Эл. ресурс]. Это считается достаточным уровнем знания немецкого языка как языка вторичной социализации для лиц, проживающих на территории функционирования немецкого языка как официального языка страны. Иностранцы-иммигранты, не имеющие немецкого гражданства, но сдавшие такой экзамен, получают разрешение на бессрочное пребывание (*zeitlich unbegrenzte Niederlassungserlaubnis*) в соответствии с Законом о пребывании для граждан государств, не входящих в ЕС (от 01.01.2005). Экзамен на такой сертификат должны сдать люди, желающие переехать в Германию для воссоединения семьи. Однако такой экзамен оказывается для многих непреодолимым барьером, в связи с чем турки восприняли это требование как нарушение их демократических свобод и обратились в Европейский суд по правам человека, который рекомендовал ФРГ отказаться от «языкового теста» (*Deutschtest*). В результате немецкая партия зеленых внесла в конце 2014 г. на рассмотрение Бундестага законопроект «Об отмене теста на знание немецкого языка», что вызвало острые дискуссии по вопросу интеграционной политики: «зеленые» и социал-демократы выступили за отмену теста, ХДС / ХСС – против такой отмены. Проблема пока обсуждается ...

Действительно, толерантная культура сдает свои позиции, что опять же не может нравиться многим этническим немцам, особенно в ситуации наплыва мигрантов. Таким образом, неготовность и нежелание многих мигрантов приложить некоторые усилия для освоения языка принимающей их культуры может усилить психологическое напряжение в обществе и способствовать росту националистических настроений, что и проявляется, например, в распространении движения *Regida*: ее отделения появились уже во многих городах и землях Германии – *Bogida* (в Бонне), *Legida* (в Лейпциге), *Begida* (в Берлине), *MV-Gida* (в земле Мекленбург-Передняя Померания) и т.д.

Литература

Болонская декларация 19 июня 1999 г. URL: <http://www.ehea.info/> (дата обращения: 11.03.2015).

Германия. URL: http://studopedia.ru/8_78943_germaniya.html (дата обращения: 26.03.2015).

Иммиграция в Германию. URL: <http://gruzdoff.ru/wiki> (дата обращения: 26.03.2015).

Кирилина А.В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. – М., 2015. – С.122-135.

Марусенко М.А. Языки и национальная идентичность: Современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. – М.: научно-политическая книга, 2015. – 575 с.

Aksam, D.(1982). *Deutsches Heim – Glück allein.* – Göttingen, 1982. URL:https://de.wikipedia.org/wiki/Deutsches_Heim_-_Glück_allein._Wie_Türken_Deutsche_sehen Дата обращения: 20.04.2016.

Ammon, U. (2015). *Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt.* – Berlin, München, Boston: de Gruyter. XVII, 1295 S.

Coupland, N. (2010). Sociolinguistics in the global era. In: *The handbook of language and globalization*. N.Y. 1-27.

Huntington, S. Ph. (1998). Kampf der Kulturen: Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. 5. Aufl. München: Siedler-Taschenbücher. 580 S.

Yeşilada K.E. Deutsch? Türkisch? Deutsch-türkisch? Wie türkisch ist die deutsch-türkische Literatur? – URL: <https://heimatkunde.boell.de/2008/11/18/deutsch-tuerkisch-deutsch-tuerkisch-wie-tuerkisch-ist-die-deutsch-tuerkische-literatur> (дата обращения: 19.03.2016).

Yildiz Yalcin. Man kann bei der älteren Generation von einer „verlorenen Generation sprechen“. – URL:

<http://www.berlin-institut.org/publikationen/interviews/yalcin-yildiz.html> (дата обращения: 15.04.2016).

Yildiz Yasmin (2012). Beyond the Mother Tongue: The Postmonolingual Condition. N.Y.: Fordham UP. XI, 292 p.

Yildiz Yasmin (2004). Critically “Kanak”: A reimagination of German culture. In: *Globalization and the future of German*. Berlin. 319-340.

Lüdi G. (2013). Ist Englisch als lingua franca eine Bedrohung für Deutsch und andere Nationalsprachen? In: *Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache*. Berlin. 275-292.

WHO ARE GERMAN-SPEAKING TURKS? ON THE LANGUAGE ASPECT OF THE PROBLEM

Natalia N. Troshina

Leading researcher

Russian Academy of Sciences

Institute of Scientific Information for Social Sciences

Linguistic Department

117997 Moscow Nakhimovsky Prosp. 51/21

e-mail: troshinat@mail.ru

The problem of national identity is particularly acute under the influence of globalization; one of the challenges of globalization is to create a supranational identity as a prerequisite of the European integration. This issue is considered at the example of German-Turkish integration in German society; especially the immigrants of the second and third generations are viewed. They are fluent in the German language and believe in the autonomy of the German language. The problem under consideration in this article is particularly typical for German Turks, who were born and grew up in Germany but who do not accept German cultural values and norms and therefore are in the state of constant contradiction of European Christian modernity and national Islamic traditions. The formation of supranational identity is accompanied by mutual distancing of German Turks and ethnic Germans, which is increased by different approach towards the German language. In their researches German-speaking Turkish germanists throw doubt upon the presence of congruent relationship between ethnic Germans and the German language which is considered today congruent: in this research the German language is interpreted as the su-

pranational property equally belonging to everybody who speak it fluently. In addition, the “kanak” language as a Turkish variant of the German language is used by German Turks to disassociate from the German environment.

Keywords: supranational identity, transnational identity, integration of immigrants, integration model, “kanak” language, the language of the second socialization.

References

Bolonskaya deklaratsiya 19 iyunya [The Bologna Declaration of 19 June 1999]. URL: <http://www.ehea.info/> (accessed date: 11.03.2015).

Germaniya [Germany] URL: http://studopedia.ru/8_78943_germaniya.html (accessed date: 26.03.2015).

Immiigratsiya v Germaniyu [Immigration to Germany]. URL: <http://gruzdoff.ru/wiki> (accessed date: 26.03.2015).

Kirilina A.V. Lingvofilosofskaya refleksiya v epohu globalizatsii [Linguophilosophical reflection in the epoch of globalization]. In: *Yazykovaya situatsiya v Yevrope nachala 21 veka*. Moscow, 2015, pp. 122-135.

Marusenko M.A. Yazyki i natsional'naya identichnost': Sovremennyye vyzovy natsional'nomu yedinstvu i territorial'noy tselostnosti [Languages and national identity: contemporary challenges to national unity and territorial integrity]. – Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2015. 575 c.

Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Language Policy Unit. Strasbourg. URL: www.coe.int/lang-CEFR (accessed date: 28.03.2016).

Akcam, D. (1982). Deutsches Heim – Glück allein. – Göttingen. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Deutsches_Heim_-_Glueck_allein._Wie_Tuerken_Deutsche_sehen (accessed date: 20.04.2016).

Ammon, U. (2015). Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Berlin, München, Boston: de Gruyter. XVII, 1295 S.

Coupland, N. (2010). Sociolinguistics in the global era. In: *The handbook of language and globalization*. N.Y. 1-27.

Huntington, S. Ph. (1998). Kampf der Kulturen: Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. 5. Aufl. München: Siedler-Taschenbücher. 580 S.

Yeşilada K.E. Deutsch? Türkisch? Deutsch-türkisch? Wie türkisch ist die deutsch-türkische Literatur? URL: <https://heimatkunde.boell.de/2008/11/18/deutsch-tuerkisch-deutsch-tuerkisch-wie-tuerkisch-ist-die-deutsch-tuerkische-literatur> (accessed date: 19.03.2016).

Yildiz, Yalcin. Man kann bei der älteren Generation von einer „verlorenen Generation sprechen“. URL:

<http://www.berlin-institut.org/publikationen/interviews/yalcin-yildiz.html> (accessed date: 15.04.2016).

Yildiz, Yasmin (2012). Beyond the Mother Tongue: The Postmonolingual Condition. N.Y.: Fordham UP. XI, 292 p.

Yildiz, Yasmin (2004). Critically “Kanak”: A reimagination of German culture. In: *Globalization and the future of German*. Berlin. 319-340.

Lüdi G. (2013). Ist Englisch als lingua franca eine Bedrohung für Deutsch und andere Nationalsprachen? In: *Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache*. Berlin: de Gruyter, 275-292.

**АВТОСТЕРЕОТИПЫ И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ
РУССКИХ И ТАТАР В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН**

Ханова Айгуль Филусовна

доцент, Набережночелнинский институт КФУ,
пр-т Сююмбике д.10
e-mail: ahan.85@mail.ru

Станкевич Екатерина Александровна

аспирант, Елабужский институт КФУ
ул. Казанская, 89
e-mail: katy-stankevich@yandex.ru

В статье представлены результаты экспериментального исследования языкового сознания русских и татар, проживающих в республике Татарстан с целью определения уровня межэтнической напряженности и выявления особенностей автостереотипов и гетеростереотипов, детерминированных территорией проживания в сопоставлении с Русским ассоциативным словарем [РАС 2002]. Исследование проведено в 2015 г. с целью верификации экспертных результатов Центра исследования национальных конфликтов [ЦИНК 2014]. Полученные данные свидетельствуют об особенностях конвенциональных стереотипов, обусловленных территорией проживания нетитульного этноса республики. Результаты исследования показывают, что региональное русское языковое сознание имеет больший индекс толерантности по отношению к татарскому народу – в их языковом сознании зафиксированы этнические представления о татарах не как о татаро-монголах, а как о потомках Волжских Булгар. Данные свободного ассоциативного эксперимента подтвердили тезис о содержании в гетеростереотипах представления о внешнем облике. Результаты сопоставительного анализа с Русским ассоциативным словарем репрезентируют тот факт, что различное этническое окружение влияет как на структуру и содержание автостереотипов, так и гетеростереотипов и наряду с другими исследованиями этнокультурной специфики языкового сознания этносов в различных субъектах Российской Федерации прольют свет на вариативность оппозиции «свой/чужой».

Ключевые слова: языковое сознание, региональное языковое сознание, ассоциативный эксперимент, свободный ассоциативный эксперимент, межэтническая напряженность, автостереотип, гетеростереотип, татарский язык, республика Татарстан, титульный этнос, нетитульный этнос.

Введение

Гармонизация и стабилизация межконфессиональных и межэтнических отношений является первостепенной задачей любого государства, в том числе, и многонациональной России. Данная статья ставит перед собой задачу верификации результатов исследования уровня межэтнической напряженности в регионах Рос-

сии, проводившегося сотрудниками Центра изучения национальных конфликтов (ЦИНК) и федерального информационного агентства «Клуба регионов» в период с сентября 2013 г. по март 2014 г. [ЦИНК 2014: 1]. Как отмечают специалисты, наиболее угрожающая межэтническая ситуация по совокупности причин сложилась в Москве, Московской области, Петербурге, в Ставропольском крае, на Северном Кавказе (Дагестан) и в Поволжье (республика Татарстан). Если напряженность в регионах Южного федерального округа (Волгоградская, Ростовская области, Краснодарский край и др.) обусловлена близостью Северного Кавказа, то Поволжье эксперты характеризуют как «самостоятельный очаг напряженности». Следует отметить, что Татарстан является одним из наиболее экономически развитых регионов Российской Федерации. Столица Татарстана, Казань, – третий по количеству мигрантов город в Приволжском федеральном округе, однако, внешняя миграция не входит в число наиболее значимых факторов межнациональной напряженности ни в городе, ни в республике. Основной конфликтной ситуацией, по мнению экспертов, являются конфликтные действия, вызванные противоречиями между титульным (татарами) и нетитульным (русскими) этносом, особенно в языковом вопросе. В целом, эксперты не считают, что статус титульного этноса в субъекте Федерации обязательно является фактором напряженности, в то же время отмечают проблемы, связанные с вытеснением представителями титульного этноса представителей других народов, в первую очередь русских, из государственных и муниципальных органов власти в ряде республик, прежде всего, в Татарстане и Якутии [ЦИНК 2014: 5].

Таким образом, целью нашего исследования является диагностика межэтнической напряженности между представителями русского и татарского этносов в республике Татарстан. Характер межэтнических отношений складывается в зависимости от исторического прошлого, социально-политической обстановки, от экономических и культурно-бытовых условий жизни, непосредственной конкретной ситуации или заинтересованности в общении.

Этнический стереотип

В данной работе мы, вслед за Г.У. Солдатовой, рассматриваем межэтническую напряженность как форму социальной напряженности, трансформация которой в межэтническую является закономерным процессом в условиях глубоких изменений полиэтнического общества [Солдатова 1998: 15].

Опираясь на теорию социальной идентичности Г. Тешфела и Дж. Тернера, С.В. Гуцунаева берет за основу предположение о том, что взаимодействие представителей этнических групп поликультурного региона определяется их этническими представлениями, что приводит к социальной категоризации [Гуцунаева 2009: 16]. Стоит отметить, что с межэтническими отношениями тесно связаны понятия этнические представления и этнический стереотип. Стереотипы содержат в себе этносоциальные представления, составляющие содержание этнической идентичности и репрезентируются, таким образом, как концепт, в состав которого входят содержательные компоненты и эмоционально-оценочное отношение к ним. Этнические стереотипы подразделяют на автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипы – это представление членов конкретной этнической группы о самих себе. В данном случае объектом этнического стереотипа являются наиболее типичные представители своей этнической группы. Автостереотипы, как правило, представляют ком-

плекс положительных оценок и отрицательных элементов. Гетеростереотипы – это образы представителей других этнических групп, сложившиеся в данной группе. Гетеростереотипы могут быть как позитивные, так и негативные, в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных народов [Шимбель 2014: 3].

Этнические представления находятся в фокусе внимания многих общественных наук. Междисциплинарный подход обусловлен спецификой объекта исследования – этническим сознанием, которое в психолингвистике рассматривается как языковое сознание. Согласно этнопсихолингвистическому подходу языковое сознание предстает в виде совокупности «образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Уфимцева 2011: 26]. Психолингвистика (этнопсихолингвистика), занимающаяся проблемой репрезентации системности языкового сознания носителей различных культур, выдвигает в качестве основного метода ассоциативный эксперимент (АЭ). Суть данного метода состоит в том, что этносоциальные представления, составляющие содержание этнической идентичности, фиксируются в констатных ментальных образованиях – конвенциональных стереотипах, специфически репрезентированные в языке.

В данной работе представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Подобным методом проводилось исследование З.Г. Адамовой, где вербально была диагностирована степень межэтнической напряженности в республике Саха (Якутия) [Адамова 2005: 88]. Результаты, полученные направленным ассоциативным экспериментом (НАЭ), и представленные в диссертационном исследовании Т.М. Никаевой «Этнокультурная специфика образа себя и образа другого в языковом сознании русских, якутов, эвенков и эвенов» освещает также структуру авто- и гетеростереотипов, которые свидетельствует о невысокой межэтнической напряженности в республике Саха (Якутия) [Никаева 2013: 20].

Анализ ассоциативных реакций русских и татар выявил основные компоненты авто- и гетеростереотипов, свойственные для языкового сознания русского и татарского этносов, проживающих на территории республики, и наряду с другими методами социологических и психологических исследований репрезентирует специфические структурные и содержательные компоненты межэтнических отношений. Использование регионального материала открывает перспективы моделирования значения как достояния определенных категорий индивидов, а также решения частных психолингвистических задач, например выявления содержания овнешняемой части сознания современного человека в условиях меняющейся социокультурной ситуации, учета перцептивно-когнитивно-аффективной деятельности говорящих одного региона, установления тенденций изменения семантики, качества эмотивно-чувственного значения и пр. [Бутакова 2013: 160].

Экспериментальное исследование

Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) проводился в феврале-марте 2015 г. на русском языке. При отборе респондентов был использован метод сплошной выборки. Опрос был создан на сервере виртуальных исследований <http://virtualexs.ru> [Виртуалекс 2015]. В данном эксперименте приняли участие 80 респондентов, из них: 43 представителя русской национальности (54%), 32 представителя татарской национальности (40%) и 5 представителей других национальностей

(6%). Средний возраст испытуемых – 23 года, в качестве респондентов выступили, как правило, студенты Казанского федерального университета. Нами было обработано 1600 реакций.

Респондентам были представлены слова-стимулы *русские, татары*, где полученные реакции (R) представлены в виде ассоциативного поля (АП) и проанализированы нами методом семантического гештальта Ю.Н. Караулова. Результаты САЭ репрезентируют, таким образом, содержание автостереотипа и гетеростереотипа русских и татар, проживающих в республике Татарстан. Следует особо подчеркнуть, что АП, получаемое в результате проведения ассоциативного эксперимента, по словам Н.В. Уфимцевой, – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженный в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов, оценок, и следовательно, его культурных стереотипов [Уфимцева 2011:140-141].

Реакции на стимул «*татары*» у татар: *нация (5), народ (4), сильные (4), добрые (2), хитрость (2), веселье (2), вперед! (2)*, единичные реакции: *душевные, люди, мусульмане, открытые, отзывчивые, повсюду, простота, религия, русские, скромность, тепло, трудолюбивые*.

Содержание автостереотипа «*татары*» актуализируется в следующих компонентах: понятия – 11 (34%), эмоциональное отношение – 18 (54%), свой/чужой – 2 (6%), другое – 2 (6%). Содержание гетеростереотипа «*русские*» репрезентировано в компонентах: понятия – 19 (54%), эмоциональное отношение – 15 (43%), свой/чужой – 1 (3%).

Реакции на стимул «*русские*» у татар: *народ (6), люди (5), россияне (3)*, и единичные реакции: *веселые, добрые, заводные, ленивые, крепостные, мир, масленица, нация, национальность, непобедимые, повсюду, православие, простота, религия, сказки, соседи, смелость, татары, хороши, хаос, юмор*.

Следует отметить тот факт, что компонент «внешний облик» не представлен в автостереотипе «*татары*». Как справедливо утверждают Н.В. Шимбель и Е.В. Собор «в основе гетеростереотипов лежит такое свойство, как антропостереотипичность, т.е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида. Внешность часто выступает практически важным признаком, несущим в себе информацию об этнической принадлежности субъекта. Признаки, из которых слагаются внешний облик и поведение, могут иметь осведомительное значение и выполнять регулятивную функцию. В гетеростереотипах на уровне обыденного сознания внешний облик представителя соответствующей этнической общности чаще всего связывается с определенными психологическими чертами человека. На основе этих стереотипов неизбежно создаются соответствующие типы межэтнического общения и поведения людей» [Шимбель 2014: 2]. В нашем случае не было получено ни одной реакции, входящей в семантическую зону (СЗ) «внешний облик» как автостереотипа «*татары*», так и гетеростереотипа «*русские*». Семантическая зона «свой-чужие» преобладает в большей степени в автостереотипе (*R – русские, мусульмане*), чем в гетеростереотипе (*R – татары*). Примечательно, что реакция «*татары*» на слово-стимул «*русский*» характеризует крепкие исторические связи, включенность данного этноса в контекст татарского языкового сознания. Представления об этнической культуре в автостереотипе отсутствуют, в отличие от гетеростереотипа

(*R – масленица*). Эмоционально-оценочный компонент автостереотипа характеризуется реакциями с положительной коннотацией (*R – сильные, открытые, отзывчивые, душевные, добрые, скромность, веселье, трудолюбивые*). Реакция (*R – хитрый*) репрезентирует наряду с частотными положительными ассоциациями также представление о себе как о хитром народе. В гетеростереотипе, в эмоционально-оценочном компоненте, представлено большое количество реакций с положительной коннотацией (*R – мир, смелость, веселье, добрые, заводные, хорошие, юмор, непобедимые, простота*). Реакции (*R – ленивые, хаос*) представляют, по мнению татар, черты отрицательных качеств русского народа. Примечателен тот факт, что реакция (*R – повсюду*) представлена как в автостереотипе, так и в гетеростереотипе, и репрезентирует тот факт, что в сознании татар численность титульного и нетитульного этноса приблизительно равна в количественном отношении. Это доказывает тот факт, что самые частотные реакции в автостереотипе татар и гетеростереотипе представлены реакцией (*R – народ, нация*), и осознается, таким образом, уважительное отношение, как к своему, так и русскому народу.

Содержание автостереотипа «русские» актуализируется в следующих компонентах: понятия – 25 (55%), эмоциональное отношение – 5 (11%), свой/чужой – 9 (20%), другое – 6 (14%). Следует отметить, что компонент «внешний облик» не представлен в автостереотипе «русские», также как и в автостереотипе «татары». В гетеростереотипе «татары» у русских внешний облик татар представлен единичной реакцией (*R – смуглый*). Содержание гетеростереотипа репрезентировано в компонентах: понятия – 30 (72 %), эмоциональное отношение – 3 (7%), свой/чужой – 5 (12%).

Семантическая зона «свои-чужие» преобладает в большей степени в автостереотипе (*R – братья, россияне, родня, свои, украинцы*), чем в гетеростереотипе (*R – русские, братья, друзья, мусульмане, живем плечом к плечу*). Единичная реакция (*R – монголы*) имеет отрицательную коннотацию, остальные несут положительную оценку, и репрезентируют также включенность татарского этноса в контекст русского сознания. Примечательно, что представления об этнической культуре в автостереотипе русских также отсутствуют, в отличие от гетеростереотипа (*R – кулинария*), т.е. татары ассоциируются с богатой национальной кухней, в частности, выпечкой. Эмоционально-оценочный компонент автостереотипа характеризуется реакциями с положительной коннотацией (*R – добряки, широкая душа, крепкие*). Реакция (*R – хитрый*) в гетеростереотипе русских совпадает с реакцией в автостереотипе татар, т.е. представление татар о себе как о хитром народе воспринимается русскими аналогично. Татары ассоциируются у русских также с шумом (*R – шум*). Представления о конфессии в гетеростереотипе актуализируются реакциями (*R – ислам, мечеть, мусульмане*), также как и в автостереотипе (*R – православие, церковь*).

Следует особо подчеркнуть тот факт, что в структуре автостереотипов «татары» и «русские» имеют место реакции в форме своеобразного лозунга, девиза: у татар (*R – Вперед!*), у русских (*R – были, есть и будем, мы все! не сдаются!*). Реакция (*R – Вперед!*) является калькой татарского слова «Алга!». Реакции были даны респондентами с восклицательным знаком, таким образом, они содержат высокую степень экспрессивности и патриотизма обоих этносов.

Проанализировав данные, полученные в ходе свободного ассоциативного

эксперимента, мы приходим к выводу, что ситуация между русским и татарским этносом не является этнически напряженной. Наличие реакций с отрицательной коннотацией не частотны, отсутствие ассоциаций с семой «конфликт», «конфронтация» символизирует мирный характер сосуществования народов в республике. Таким образом, результаты исследования репрезентируют, согласно классификации, предложенной Г.У. Солдатовой, позитивную этническую идентичность, которая представляет баланс толерантности по отношению к собственным и другим этническим группам.

По словам ведущего научного сотрудника отдела этнической социологии Центра исследования межнациональных отношений института социологии РАН С.В. Рыжовой, в Татарстане снизилось представительство русских в органах власти. Произошли изменения пропорций в сферах государственного управления и бизнеса: соотношение неуклонно меняется в пользу представителей титульного этноса [ЦИНК 2014: 17]. С целью верификации заключения экспертов о наличии межэтнической напряженности между титульным и нетитульным этносом нам представляется необходимым проведение АЭ в сферах управления и органов власти.

Русский ассоциативный словарь

На наш взгляд важным представляется сопоставительный анализ регионального русского языкового сознания с русским языковым сознанием, репрезентированным в Русском ассоциативном словаре (РАС). Ассоциативный словарь является уникальным инструментом лингвокогнитивного, лингвокультурологического, социо- и психолингвистического исследования, будучи одним «из возможных способов описания “коллективного обыденного” сознания реальных носителей языка» [цит. по Морель 2012: 135]. Русский ассоциативный словарь (РАС) репрезентирует усредненное языковое сознание россиянина, чьим родным языком является русский.

Следует подчеркнуть тот факт, что в РАС имеются данные по стимулам «русский» и «татарин», а не «русские» и «татары». Таким образом, представленные реакции не репрезентируют обобщенный образ этноса, а лишь собирательный образ представителя того или иного этноса. Тем не менее, несмотря на данные погрешности, нам представляется значимым также сопоставительный анализ. Как справедливо замечает Т.М. Никаева «Представители одного этноса, проживающие на разных территориях и имеющие разное этническое окружение, могут обладать различиями в автостереотипах» [Никаева 2013: 21].

По данным РАС, получено следующее ассоциативное поле «татарин» (102 реакции на слово-стимул): *национальность* (9), *барин* (7), *русский* (7), *человек* (5), *монгол* (4), *чурка* (3), *башкир* (2), *враг* (2), *гость* (2), *иго* (2) и единичные реакции: *басмач*, *брат*, *восток*, *Гагарин*, *грузин*, *дворник*, *жадный* и т.д. [Русский ассоциативный словарь 2002].

Наиболее частотными реакциями (R) на слово-стимул «русский» (всего 112 реакций) являются: *язык* (29), *человек* (16), *мужик* (6), *еврей* (4), *Иван* (3), *Ваня* (2), *дурак* (2), *дух* (2), *характер* (2), *эмигрант* (2), далее единичные реакции: *бизнес*, *большой*, *Ванька*, *вера*, *ветер*, *друг*, *квас*, *композитор*, *конь*, *красивый*, *красная рубаха*, *лень*, *лес*, *мало*, *мешочник*, *Москва* и т.д. [Русский ассоциативный словарь 2002].

Структуру ассоциативного значения слова-стимула «татарин» по данным

РАС составляют понятия – 22 (22%), представления – 20 (20%), эмоции и оценка – 14 (14%) и отказ – 2 (2%). Структура ассоциативного значения слова-стимула «русский» по данным РАС репрезентируется в следующих аспектах: понятия – 28 (25%), представления – 16 (14%), эмоции и оценка – 5 (4,5%) и отказ – 4 (4%)

Содержание автостереотипа актуализируется в следующих компонентах: «свои-чужие» – 16 (14%), внешний облик – 2 (2%), образ жизни – 11 (10%), этническая культура – 1 (1%), эмоции и оценка – 9 (8%). Содержание гетеростереотипа репрезентировано в компонентах: «свои-чужие» – 22 (22%), внешний облик – 10 (10%), образ жизни – 7 (7%), этническая культура – 10 (10%), эмоции и оценка – 16 (16%).

Таким образом, компонент «свои-чужие» преобладает в большей степени в гетеростереотипе, чем в автостереотипе, представляющий татар в качестве иноземцев (R – *враг, гость, сосед, человек заграничный*). Примечательно, что вторая по частотности реакция «русский» на слово-стимул «татарин» также характеризует крепкие исторические связи, включенность данного этноса в контекст русского сознания.

Представление о внешнем облике практически отсутствует в автостереотипе (R – *красивый*), но значительно преобладает в гетеростереотипе (R – *маленький, немый, с черными глазами, узкоглазый, черный*). Представления об этнической культуре в гетеростереотипе (R – *восток, Золотая Орда, коран, монголо-татарское иго, Хан Батый* и т.д.) значительно превышают аналогичные в автостереотипе (R – *мешочник*).

Эмоционально-оценочный компонент автостереотипа характеризуется реакциями с положительной коннотацией (R – *большой, красивый, розовое, сильный, умный, уважение* и т.д.). Две реакции с отрицательной коннотацией (R – *шовинизм, дурак*), где реакция *дурак* наряду с частотными реакциями *Иван, Ваня, Ванька* не эксплицирует, на наш взгляд, ярко выраженный негативный оттенок. Эмоции и оценка в структуре гетеростереотипа отличается преобладанием реакций с явной отрицательной коннотацией (R – *монгол, чурка, басмач, жадный, злобный, косой, мертвый, наглец, наглый, плохой, проклятый, сволочь* и т.д.)

Вследствие чего, актуализация образа татарина в русском языковом сознании подчинена общему стереотипу об этносе татар как завоевателях (монгол, Золотая Орда, татаро-монгольское нашествие и т.д.), носит, безусловно, отрицательный характер, т.е. имеет место негативизм в содержании гетеростереотипа.

Дискуссия

Языковое сознание русских, проживающих на территории республики, репрезентирует знания и представления о двух культурах, позитивная идентичность которого детерминирована территорией проживания. Русские, проживающие за пределами республики и, не имеющие тесных межэтнических контактов с татарами, представляют себе обобщенный образ данного этноса (реакции *монгол, завоеватели, татаро-монгольское иго*).

Важным направлением национальной политики по гармонизации межконфессионального и межэтнического согласия в многонациональной России является, на наш взгляд, трансляция исторических фактов, знаний о культуре и быте, проживающих на территории РФ народов и этносов. Например, в структуре регио-

нального русского сознания не выявлена ни одна реакция с семей «Золотая Орда», «монголо-татары», что эксплицирует знание истории Татарстана русским народом, проживающего на территории республики, и соотнесение татарского народа не к монголо-татарам, а к потомкам Волжских булгар.

В контексте данного исследования считаем необходимым осветить актуальное и новаторское направление в лингвистике, как лингвопропедевтика, которая, по мнению таких авторов как Р.Р. Замалетдинов, И.С. Карабулатова, И.Е. Ярмакеев и Е.Н. Ермакова вводит нас в курс проблем разных лингвистических культур и способна стабилизировать напряженную ситуацию в полиэтнических регионах [Zamaletdinov et al. 2014: 164]. Современная лингвопропедевтика позволяет рассмотреть проявление национализма и экстремизма через призму языка. Более того, лингвопропедевтика открывает большие возможности для лингвистов, этнологов, филологов, экономистов, историков и т.д. Основная цель современной лингвопропедевтики – перемещение этноцентризма в культурный релятивизм. Основную мысль культурного релятивизма можно выразить следующим высказыванием: «Все культуры разные, и в то же время равные», где подразумевается, что «наши культурные ценности, нормы, традиции не лучше и не хуже, чем другие» [Zamaletdinov et al. 2014: 165].

Культурное воспитание граждан в многонациональной России приобретает особую актуальность в свете последних мировых событий. Национальная доктрина РФ рассматривает в качестве основных также задачи обеспечения воспитания граждан, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, культуре, традициям других народов: формирование культуры мира и межличностных отношений. Существенным аспектом в исследовательском плане является целостное понимание толерантности в процессе национального воспитания [Березина 2003: 14-15].

Резюме

В качестве заключения отметим, что представленные результаты исследования верифицируют с одной стороны заключение Т.М. Никаевой, что «сопоставление реакций русских из разных регионов России позволило выяснить, что контактность проживания влияет на процентное соотношение положительных и отрицательных атрибуций в содержании гетеростереотипов» [Никаева 2013: 22]. С другой стороны, результаты исследования, представленные в работе А.А. Степановой «Языковая ситуация в республике Татарстан: конфликт или толерантное равновесие?» о напряженности в среде русской общественности в отношении преподавания татарского языка в школах [Степанова 2015: 171], и упомянутый в начале нашей статьи фактор языкового вопроса, показали, что межэтнические отношения в республике не находятся на критической стадии развития. На сегодняшний день проблема межэтнических отношений особо остро стоит во всем мире, в том числе и в нашей стране. Этнопсихолингвистический подход открывает широкие возможности для исследования языкового сознания всех этносов, проживающих на территории РФ.

Литература

Адамова З.Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: Автореф. дис. канд. фил.наук. Тверь, 2006.19 с.

Адамова З.Г. Моделирование автостереотипа «якуты» «сахалар» на материале ассоциативного эксперимента // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2005. № 3. С.88-94.

Багрийчук Е.П. Управление пропедевтикой развития толерантности в процессе гражданского воспитания на основе проектной деятельности // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2011. № 12. С.183-189.

Брезина В.А., Виноградова Л.И. Воспитать человека //Сборник нормативно-правовых, научно-методических, организационно-практических материалов по проблемам воспитания. М.: Вента-на-Графф, 2003.384 с.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка // Вопросы Психолингвистики. 2013. № 2(18). С. 158-174.

Виртуалекс: Психолингвистическое исследование межэтнической напряженности в Республике Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualexs.ru/cgi-bin/exsurveys/research.cgi?mode=qresults&ac=10607> (дата обращения 18.10.2016).

Гуцунаева С.В. Типы этнической идентичности и стратегии межэтнического взаимодействия // «Научные проблемы гуманитарных исследований» 2008. №9. С.15-19.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира, 2000. С. 191-206.

Морель Д. А. Комплексное использование данных ассоциативного эксперимента в исследовании фрагмента языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). С. 134-144.

Никаева Т.М. Этнокультурная специфика образа себя и образа другого в языковом сознании русских, якутов, эвенков и эвенов: Автореф. дис. канд. фил.наук. Москва, 2013. 24 с.

Русский ассоциативный словарь. [Электронный ресурс].URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>(дата обращения 24.10.2016).

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.

Степанова А.А. Языковая ситуация в республике Татарстан: конфликт или толерантное равновесие? //Вопросы психолингвистики. 2015. № 4 (26). С. 169-181.

Стрельцова В.В., Маслова Л.Н. Лингвистические методы исследования межэтнической напряженности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. №24. С. 73-85.

Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. 312 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

ЦИНК. Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России [Электронный ресурс]. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html> (дата обращения: 24.10.2016).

Шимбель Н.В., Собор Е.В. Автостереотипы и гетеростереотипы в межнациональных отношениях [Электронный ресурс]. URL: <http://ovv.esrae.ru/231-1028> (дата обращения: 24.10.2016).

Zamaletdinov R.R. Linguo-Propaedeutics of Ethnic Conflicts as a Basis for Stability in Complex Polyethnic Regions // *Asian Social Science*. – 2014. Vol. 10, No. 20. P.164-173.

AUTOSTEREOTYPES AND HETEROSTEREOTYPES OF RUSSIAN AND TATAR IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Aigul F. Khanova

Assistant professor, Naberezhnye Chelny Institute KFU
Naberezhnye Chelny, Syuumbike pr.10
e-mail: ahan.85@mail.ru

Ekaterina A. Stankevich

Postgraduate, Elabuga Institute KFU
Elabuga, Kazanskaya st., 89
e-mail: katy-stankevich@yandex.ru

The article presents results obtained in the experimental studies of linguistic consciousness of the Russian and Tatars living in the republic of Tatarstan. The goal of the research is to identify potential trouble spots and expose the autostereotypes and heterostereotypes peculiarities. Russian Associative Dictionary [RAD, 2002] is used. The research was undertaken in 2015. The goal is to verify the results by National Conflict Research Center [NCRC, 2014]. Empirical data testify peculiarities of conventional stereotypes and the reason for this is the territory of non-titular ethnic group. The results of research show that tolerance develops more in Russian regional linguistic consciousness; there are ethnic notions in linguistic consciousness about Tatar as about Volga Bulgarian people. Empirical data of optional association experiment confirmed the fact that there are conceptualizations of visage in heterostereotype. The results of contrastive analysis with RAD not only represent the fact that different ethnic environment has an impact on structure and content of autostereotypes and heterostereotypes, but also throw light on variation of opposition «us/them» in different regions of Russian Federation.

Keywords: linguistic consciousness, local linguistic consciousness, association experiment, optional association experiment, ethnic tension, autostereotype, heterostereotype, Tatar language, Republic of Tatarstan, titular ethnic group, non-titular ethnic group.

References

Adamova Z.G. Modelirovanie avtostereotipa «jakuty»»sahalar» na materiale asociativnogo jeksperimenta [Modelling of autostereotype «jakuty»»sahalar» as exemplified in associative experiment] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova [Newsletter of Northeastern Federal University n.a. M.K.Ammosov]. 2005. № 3. S.88-94.

Adamova Z.G. Verbal'naja diagnostika mezhjetnitcheskoj naprjazhennosti [Verbal diagnostics ethnic tension]: Avtoref. dis. kand. fil.nauk [Autoabstract of Candidate of Philological Sciences]. Tver', 2006.19 s.

Bagrijchuk E.P. Upravlenie propedevtiko jrazvitija tolerantnosti v processe grazhdanskogo vospitanija na osnove proektnoj dejatel'nosti) [Handling propaedeutics development of tolerance in the process of civic education on the basis of project activity] // Gorny jinformacionno-analiticheskij bjulleten' (nauchno-tehnicheskij zhurnal [Gorny informational and analytical bulletin (scientific and technical journal)]. 2011. № 12. S.183-189.

Butakova L.O., Guc E.N. Associativno-semanticheskij slovar' kak osnova dlja modelirovanija cennostnyh fragmentov jazykovogo soznaniya nositelej jazyka [Associative and semantic dictionary as a basis for modeling the value of fragments of language consciousness of native speakers] // Voprosy Psiholingvistiki [Questions of Psycholinguistics.]. 2013. № 2(18). S. 158-174.

Berezina V.A., Vinogradova L.I. Vospitat' cheloveka [Bringing up human] // Sbornik normativno-pravovyh, nauchno-metodicheskij, organizacionno-prakticheskij materialov po problemam vospitanija [Collection of legal, scientific, methodical, organizational and practical materials on education issues]. M.: Venta-na-Graff, 2003.384 s.

CINK. [NCRC] Grozd'ja gneva. Rejting mezhjetnitcheskoj naprjazhennosti v regionah Rossii Grozd'ja gneva. [Rating of ethnic tensions in the regions of Russia] [Jelektronnyj resurs] [Electronic resource]. URL:<http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html> (data obrashhenija: 24.10.2016).

Gucunaeva S.V. Tipy jetnitcheskoj identichnosti i strategii mezhjetnitcheskogo vzaimodejstvija [Types of ethnic identity and strategy of interethnic interaction] // «Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij» [«Scientific problems of Humanitarian Studies»]. 2008. №9. S.15-19.

Karaulov Ju.N. Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v asociativno-verbal'noj seti [Indicators of national mentality in associative-verbal network] //Jazykoe soznanie i obraz mira [Language consciousness and image of the world]. 2000. S. 191-206.

Khanova A.F., Stankevich E.A. Lingvopropedevcheskij podhod v issledovanii mezhjetnitcheskoj naprjazhennosti v Respublike Tatarstan [Linguo-Propaedeutic approach in research of ethnic tension of the Republic of Tatarstan] // Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskij konferencii [Collection of scientific papers of the international scientific-practical conference]. Kazan'. 2016. S.381 - 384.

Morel' D. A. Kompleksnoe ispol'zovanie dannyh asociativnogo jeksperimenta v issledovanii fragmenta jazykovej kartiny mira [Integrated use of associative experiment data in the study fragment of a language picture of the world] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Questions of theory and practice]. 2012. № 7 (18). C. 134-144.

Nikaeva T.M. Jetnokul'turnaja specifika obraza sebja i obraza drugogo v jazykovom soznanii russkih, jakutov, jevenkov i jevenov [Ethnocultural specificity of self-image and the image of the other in Russian, Yakuts, Evenki and Evenl language consciousness]: Avtoref. dis. kand. fil.nauk Moskva [Autoabstract of Candidate of Philological Sciences], 2013. 24 s.

Zamaletdinov R.R., *Linguo-Propaedeutics of Ethnic Conflicts as a Basis for Stability in Complex Polyethnic Regions* / R.R. Zamaletdinov, I.S. Karabulatova, I.E. Yarmakeev, E.N. Ermakova. // *Asian Social Science*. – 2014. Vol. 10, No. 20.–P.164-173.

Russkij asociativnyj slovar' [Russian Associative Dictionary]. [Elektronnyj resurs] [Electronic resource]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (data obrashhenija 24.10.2016).

Shimbel' N.V., Sobor E.V. Avtostereotipy i geterostereotipy v mezhnacional'nyh ot-noshenijah [Autostereotypes and heterostereotypes in international relations] [Elektronnyj resurs] [Electronic resource]. URL: <http://ovv.esrae.ru/231-1028> (data obrashhenija: 24.10.2016).

Soldatova G.U. Psihologija mezhhjetnicheskoj naprjazhennosti [Psychology of ethnic tensions]. M.: Smysl [Meaning], 1998. 389 s.

Stepanova A.A. Jazykovaja situacija v respublike Tatarstan: konflikt ili tolerantnoe ravnovesie? [The language situation in the Republic of Tatarstan: Conflict or tolerance balance?] // *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. 2015. № 4 (26). S. 169-181.

Strel'cova V.V., Maslova L.N. Lingvisticheskie metody issledovanija mezhhjetnicheskoj naprjazhennosti [Linguistic research methods of ethnic tension] // *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobroljubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University after Dobrolyubov]. 2013. №24. S. 73-85.

Tarasov E.F. Jazyk kak sredstvo transljacii kul'tury [Language as means of transmission og culture]. M.: Nauka [Science], 2000. 312 s.

Ufimceva N.V. Jazykovoje soznanie: dinamika i variativnost' [Language consciousness: the dynamics and variability]. M.: Institut jazykoznanija RAN [Institute of linguistics RAS], 2011. 252 s.

Virtualeks: Psiholingvisticheskoe issledovanie mezhhjetnicheskoj naprjazhennosti v Respublike Tatarstan [Psycholinguistic research of inter-ethnic tension in the Republic of Tatarstan] [Elektronnyj resurs] [Electronic resource]. URL: <https://virtualeks.ru/cgi-bin/exsurveys/research.cgi?mode=qresults&ac=10607> (data obrashhenija 18.10.2016).

УДК 544.7:372,8:159.9: [001.4:81]

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛОВ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ МЕТОДОМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА

Хекало Татьяна Валентиновна

доцент, кафедра химии ГБОУ ВПО ДВГМУ
680000 г. Хабаровск ул. Муравьева-Амурского д35
e-mail: ofkhim@mail.ru

Предметом данной экспериментальной работы является усовершенствование преподавания физколлоидной химии в медицинском вузе. Объект изучения – определение личностного смысла, эмоциональной окраски физико-химических терминов (конкретных химических объектов). С этими объектами студенты выполняли эксперименты во время лабораторного практикума. Используемый метод – семантический дифференциал, 57 шкал, биполярный. Считались значимыми и анализировались шкалы, которые одинаково оценили не менее 75% информантов. Воспроизводимость определена тремя методами: методом повторения данной шкалы в данном эксперименте, методом повторения данной шкалы в виде инверсии, а также методом ретестирования (через 1 – 1,5 месяца). Воспроизводимость оценки в пределах от 5 до 20 %. Сдвига оценки значимых шкал не было обнаружено. Значимыми оказались шкалы из трех основных факторов Осгуда: фактор оценки, фактор активности и фактор силы. Это согласуется с литературными данными для других объектов. Особенно устойчивыми оказались метафорические (эмоционально-оценочные) шкалы, несмотря на то, что данные объекты относятся к неэмоциогенным.

Результаты эксперимента доказали, что личностный смысл данного слова зависит от «контекста» предшествующего опыта. Полученные данные возможно использовать для изучения формирования «профессионального образа мира» в процессе обучения данной специальности.

Ключевые слова: физколлоидная химия, преподавание, студень, кристалл – дендрит, семантический дифференциал, личностный смысл.

Уже простое восприятие предмета есть отражение его не только как обладающего формой, цветом, но вместе с тем как обладающего определенным значением

Леонтьев А.Н. [Леонтьев 1975]

Введение

Значение, которое стоит за словом, закреплено в толковых словарях, энциклопедиях. Но значение является формой фиксации общественного человеческого опыта. На уровне индивидуальности, на уровне субъекта такие значения неразрывно связаны с другими образующими сознания человека, с личностным смыслом, с оценочно-эмоциональным значением данного слова, с эмоциональной окрашенностью. Методами лингвистики личностный смысл слова, объекта не определить, для этого следует использовать методы психосемантики.

Семантический дифференциал (СД) – метод контролируемых вербальных ассоциаций – был разработан в середине 50-х гг. американскими учеными под руководством Ч. Осгуда [Осгуд, Суси, Танненбаум 1972]. Данный метод служит для качественного и количественного индексирования значений, смыслов с помощью двухполюсных шкал, задаваемых парами антонимичных прилагательных. На наш взгляд, этот метод является весьма информативным для изучения восприятия учащимися различных объектов познания. Целью работы является изучение личностного смысла (значения) конкретных химических объектов.

Актуальность данного исследования заключается в том, что семантический дифференциал позволяет увидеть **отношение** испытуемого к изучаемому предмету. Психика человека разделяется на сознательную и бессознательную части. Сознательная часть контролируется человеком, а бессознательная – нет. Метод СД обращен к бессознательной психике, минуя психологическую защиту. Это и является главным преимуществом данного метода.

СД находит широкое применение в психологии, клинической психодиагностике и позволяет получить ценную информацию об оценке испытуемым своих близких, направленности и особенностях межличностного общения, идентификации себя с окружающими. СД применим для анализа значений, оценок, контактности при подборе лиц, тесно связанных процессом профессиональной деятельности, а также в других различных сферах. Имеются очень немногочисленные примеры использования метода СД в учебно-методических целях, конкретно в преподавании естественных дисциплин. Например, это работа [Боброва, Никулова 2015], в которой метод СД использовали для оценки пользователями (студентами) программных продуктов учебного назначения (для преподавания физики в школе).

Представленная работа призвана восполнить пробел в использовании метода СД – метода проективной психологии – в целях усовершенствования преподавания естественной дисциплины «Физическая и коллоидная химия» в медицинском ВУЗе.

В качестве концептов были выбраны химические объекты (студни, кристаллы-дендриты), с которыми испытуемые выполняли эксперименты во время прохождения лабораторного практикума по дисциплине физическая и коллоидная химия. Каждый концепт оценивали по 57-ми биполярным шкалам, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов. Испытуемыми являлись 34 студента 2 курса дневного отделения фармацевтического факультета ДВГМУ, средний возраст которых – 18-19 лет, пол – женский. Испытуемые получили инструкцию – выбрать из каждой пары слов-антонимов одно, то, которое подходило к заданному понятию, и его подчеркивали. Эксперимент должен был занимать как можно меньший промежуток времени, чтобы испытуемые не смогли обдумать, критически оценить и редактировать свой ответ.

Способ представления результатов был групповым и состоял в том, что для каждого концепта выделялись свойства (шкалы) одинаково оцененные – 75% – 95% испытуемых, эти шкалы являются значимыми. Остальные шкалы считались не значимыми и далее не анализировались. Была определена воспроизводимость результатов тремя методами: методом повторения данной шкалы в данном эксперименте, методом повторения шкалы в виде инверсии в данном эксперименте, а также методом ретестирования (повторение эксперимента через 1-3 месяца).

Воспроизводимость оценена в пределах от 5 до 20%. Сдвига оценки значимых шкал не было обнаружено.

57 шкал семантического дифференциала были выбраны следующим образом: 25-шкальная модификация (стандартный 25-шкальный СД), из [Артемьева 1999: 60-61], дополнена шкалами из [Петренко 2005: 94-97] до 57-ми шкального набора. Таким образом, кроме осгудовских шкал (факторов) «оценка», «сила», «активность», появились факторы «упорядоченность» (или «стабильность»), «сложность», «комфортность», «обычность» (или «частота встречаемости») [Петренко 2005: 94-97]. Далее приводятся шкалы с названием фактора:

1) Фактор «сила»

Сильный – слабый
Большой – маленький
Тяжелый – легкий
Густой – жидкий

2) Фактор «активность»

Активный – пассивный
Напряженный – расслабленный
Быстрый – медленный
Плавный – порывистый
Яркий – тусклый
Тихий – громкий
Упругий – пластичный
Энергичный – скованный

3) Фактор «оценка» (другое название «эмоционально – оценочные шкалы»):

Приятный – противный
Светлый – тёмный
Красивый – безобразный
Злой – добрый
Тёплый – холодный
Чистый – грязный
Грубый – нежный
Несчастный – счастливый
Пессимистичный – оптимистичный
Здоровый – болезненный
Поощряемый – наказуемый
Полезный – бесполезный
Весёлый – грустный
Страдающий – наслаждающийся
Жизнерадостный – унылый
Плохой – хороший
Родной – чужой
Дорогой – дешёвый
Любимый – ненавистный
Глупый – умный

Страстный – равнодушный

Монотонный – резкий

Старый – молодой

Смелый – трусливый

Сытый – голодный

Гладкий – шершавый

Свежий – гнилой

Острый – тупой

Горький – сладкий

4) Фактор «упорядоченность» («стабильность»)

Упорядоченный – хаотичный

Устойчивый – изменчивый

Движущийся – неподвижный

Кратковременный – длительный

Единый – дискретный

Живой – безжизненный

5) Фактор «обычность» («частота встречаемости»)

Редкий – частый

Единичный – повторяющийся

Новый – типичный

Таинственный – обычный

6) Фактор «сложность»

Сложный – простой

Неограниченный – ограниченный

Конкретный – абстрактный

7) Фактор «комфортность»

Опасный – безопасный

Мягкий – твердый

Прочный – непрочный

Результаты эксперимента приведены в Таблице 1.

Таблица №1

Значимые шкалы для стимулов «студень» и «кристалл-дендрит»

Название фактора	Шкалы	Значимые для «студень»	Значимые для «кристалл-дендрит»
Сила	1 Тяжелый – легкий 2 Сильный – слабый 3 Большой – маленький 4 Массивный – миниатюрный	Легкий	Сильный Большой

Актив- ность	1 Яркий – тусклый 2 Плавный – порывистый 3 Тихий – громкий 4 Упругий – пластичный 5 Пассивный – активный 6 Напряженный – расслабленный 7 Быстрый – медленный 8 Энергичный – скованный 9 Движущийся – неподвижный	Плавный Медленный	Яркий
Оценка	1 Приятный – противный 2 Светлый – темный 3 Красивый – безобразный 4 Злой – добрый 5 Теплый – холодный 6 Чистый – грязный 7 Грубый – нежный 8 Несчастный – счастливый 9 Пессимистичный – оптимистичный 10 Здоровый – болезненный 11 Поощряемый – наказуемый 12 Полезный – бесполезный 13 Веселый – грустный 14 Живой – безжизненный 15 Страдающий – наслаждающийся 16 Приятный – раздражающий 17 Страстный – равнодушный 18 Монотонный – резкий 19 Плохой – хороший 20 Родной – чужой 21 Дорогой – дешевый 22 Любимый – ненавистный 23 Старый – молодой 24 Смелый – трусливый 25 Сытый – голодный 26 Гладкий – шершавый 27 Влажный – сухой 28 Жизнерадостный – унылый 29 Свежий – гнилой 30 Острый – тупой 31 Горький – сладкий 32 Упорядоченный – хаотичный 33 Устойчивый – изменчивый 34 Кратковременный – длительный 35 Единый – дискретный 36 Сложный – простой 37 Таинственный – обычный 38 Неограниченный – ограниченный 39 Конкретный – абстрактный	Приятный Светлый Добрый Нежный Счастливый Оптимистичный Здоровый Поощряемый Полезный Монотонный Хороший Родной Любимый Молодой Гладкий Влажный Жизнерадостный Свежий Единый Мягкий Безопасный	Приятный Красивый Холодный Чистый Грубый Счастливый Оптимистичный Здоровый Поощряемый Полезный Веселый Наслаждающийся Резкий Хороший Родной Дорогой Любимый Молодой Смелый Сухой Жизнерадостный Свежий Острый Сложный Таинственный Густой Прочный Твердый Новый

Дискуссия

Результаты эксперимента показали, что:

1) Согласно теоретическим положениям метода СД, значимыми оказались шкалы из 3х основных факторов Осгуда: фактора оценки (добрый – злой, приятный – неприятный); фактора активности (плавный – порывистый, тяжелый – легкий); фактора силы (сильный – слабый, густой – жидкий, большой – маленький). Это соответствует многочисленным литературным данным для других объектов [Артемьева 1999, Петренко 2005].

2) Особенно устойчивыми оказались метафорические (эмоционально - оценочные) шкалы, хотя химические объекты, оцениваемые испытуемыми, вовсе не эмоциогенные.

Шкалы, относящиеся к фактору «оценка», можно классифицировать следующим образом:

А) Операциональные и функциональные – отвечают на вопрос «каково то, что я вижу?» (типа «влажный – сухой»);

Б) Эмоциональные (метафорические) – отвечают на вопрос «каково для меня то, что я вижу?» (типа «плохой – хороший», «добрый – злой»);

Далее, существует классификация шкал по модальностям: модальности бывают: цвет, запах, вкус, звук, тактильность (фактура поверхности).

У «студня» и «кристалла-дендрита» есть общие модальности, это тактильность и визуальность, следовательно, ожидаются значимые шкалы:

В тактильности:

- 1) «Твердый – мягкий»
- 2) «Густой – жидкий»
- 3) «Упругий – пластичный»
- 4) «Грубый – нежный»
- 5) «Гладкий – шершавый»
- 6) «Влажный – сухой»
- 7) «Острый – тупой»
- 8) «Прочный – непрочный»

Согласно результатам эксперимента, из семи перечисленных тактильных шкал значимыми оказались:

Для «студня» – нежный, гладкий, влажный, мягкий;

Для «кристалла-дендрита» – грубый, сухой, острый, густой, прочный, твердый. Шкалы «мягкий-твердый» и «сухой-влажный» для «студня» – это денотативные, предметные, закрепленные в значении (в толковом словаре) признаки объекта. Для «кристалла-дендрита» такими денотативными значениями, будет очевидно, шкала «тупой-острый». [Петренко 2005: 100]

Визуальной модальности соответствуют две шкалы:

- 1) «яркий – тусклый»;
- 2) «светлый – темный»

Эксперимент показал, что:

«Студень» – светлый, «Кристалл-дендрит» – яркий

В методе СД принято выделять шкалы-метафоры или социально-антропоморфные шкалы:

- 1) Злой – добрый
- 2) Несчастный – счастливый
- 3) Пессимистичный – оптимистичный
- 4) Здоровый – болезненный
- 5) Веселый – грустный
- 6) Живой – безжизненный
- 7) Страдающий – наслаждающийся
- 8) Страстный – равнодушный
- 9) Родной – чужой
- 10) Глупый – умный
- 11) Старый – молодой
- 12) Смелый – трусливый
- 13) Сытый – голодный
- 14) Жизнерадостный – унылый

По мнению информантов, «студень» – добрый, счастливый, оптимистичный, здоровый, родной, любимый, умный, молодой, жизнерадостный.

«Кристалл-дендрит» – счастливый, оптимистичный, здоровый, веселый, наслаждающийся, родной, дорогой, любимый, умный, молодой, смелый, жизнерадостный.

Интересно, что именно этот тип шкал – метафорический – имеет для обоих понятий максимальное число совпадений. Как известно, эмоционально-оценочные характеристики обнаруживают понятия вовсе не эмоциогенные. Так, и «студень» и «кристалл-дендрит» не вызывают эмоций, но, несмотря на это, они характеризуются целым набором эмоциональных шкал

Шкалы, выражающие свойства организации, системы, т.е. рассмотрение объекта как схемы, организации:

- 1) Упорядоченный – хаотичный
- 2) Единый – дискретный
- 3) Сложный – простой
- 4) Конкретный – абстрактный
- 5) Единичный – повторяющийся

Оказалось, что «Студень» – единый, а «Кристалл-дендрит» – сложный.

В этих шкалах из 5-ти шкал значимы всего по одной шкале – это очень мало в сравнении со шкалами других типов!

Следует также отметить, что результаты исследования позволяют выявить направленность человеческой деятельности испытуемых [Артемьева 1999: 238]. Принято считать, что техноцентрированные люди, ориентированные на однозначно структурированную реальность, характеризуются меньшей выраженностью использования эмоционально-оценочных свойств, чем люди, склонные к профессиям типа «человек – природа» [Артемьева 1999: 78].

Существует классификация профессий:

- 1) Человек – природа
- 2) Человек – человек
- 3) Человек – знаковая система

Деятельность наших студентов-фармацевтов точно не относится к третьему типу профессий – «человек – знаковая система». Она близка к профессиям типа «человек – природа», т.к. сильнее проявляются антропоморфные эмоциональные характеристики.

Известно, что при встрече с любым объектом, столь короткой, что человек не успевает его рассмотреть, всё же он способен характеризовать объект по двум критериям: 1) опасный – безопасный; 2) съедобный – несъедобный. Так как всё горькое – несъедобное, то эта шкала аналогична «сладкий – горький».

С точки зрения информантов, «студень» – безопасный, а про «кристалл-дендрит» этого сказать точно нельзя (шкала не является значимой). Далее, оба понятия, и «студень» и «кристалл-дендрит» не определены в шкале «сладкий – горький», и, следовательно, в шкале «съедобный – несъедобный».

Резюме

Таким образом, результаты эксперимента доказали, что личностный смысл данного слова и того объекта, который концепт означает, зависит от «контекста» предшествующего опыта и изменяется в процессе познавательной активности индивида. Семантический дифференциал Осгуда дает достаточно объективную картину восприятия учащимися тех объектов, с которыми они работают.

Используя метод СД, широко применяемый в психосемантике и психолингвистике, был определен «личностный смысл» двух физико-химических объектов. Получены новые интересные данные, которые можно использовать в дальнейшем для уточнения понятия «профессиональный образ мира», формирование которого является одной из задач обучения специальности. Ведь, как известно, каждое слово имеет «привкус» профессии, имеет профессиональную окраску [Бахтин 1975: 06]. Процесс обучения можно рассматривать как процесс формирования профессионального образа мира, который будет служить в дальнейшем у испытуемых ориентировочной основой для эффективной профессиональной деятельности.

Литература

Артемяева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. Цит. по: *Леонтьев Д.А.* Значение и личностный смысл: две стороны одной медали // Психологический журнал, т.17, №5, 1996, с.19 – 30.

Боброва Л.Н., Никулова Г.А. Расширение критериального диапазона оценивания программных продуктов учебного назначения. URL:<http://ifets.ieee.org/russian/depository/v14 i2/html/9r.htm> (дата обращения 9.06.2015).

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Наука, 1975. – 304 с.

Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам /Семиотика и искусствознание. М., 1972.-366 с.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

STUDY OF PERSONAL MEANING OF PHYSICAL AND CHEMICAL OBJECTS BY MEANS OF SEMANTIC DIFFERENTIAL

Tatyana V. Khekalov

Associate Professor, Department of Chemistry, Medical University DVG MU
680000 Khabarovsk Amur ul. Muraveva-D35
e-mail: ofkhim@mail.ru

In this paper we report experimental work where the subject matter of study was improvement of teaching Physical and Colloid Chemistry at a medical university. Object of study was to identify personal meaning and emotional coloring of physical and chemical terms (particular chemical entities). The students carried out experiments with the objects of study during the laboratory practicum. Method used: semantic differential of 57 bipolar scales. The scales equally rated by no less than 75% of informants were deemed relevant and were analyzed. Reproducibility was assessed by three methods: a method of repetition of a given scale in a given experiment, method of repetition of a given scale by inversion, and method of retesting (in 1-1.5 months). Reproducibility of ratings was found to be within the range of 5% to 20%. No shift in ratings on relevant scales was found. The scales accounting for the Osgood's three main factors – evaluation, activity and potency – proved relevant. This correlates well with literature data for other objects. Metaphoric (emotion-rating) scales proved especially stable in spite of the fact that the given objects are classified as non-emotiogenic.

The results of the experiment have proved that personal meaning of a given word depends on the 'context' of previous experience. The data obtained can be used to study the development of professional vision of the world in the process of teaching the given discipline.

Keywords: physical and colloid chemistry, teaching, jelly, crystal-dendrite, semantic differential, personal meaning.

References

- Artem'eva E. Ju.* Osnovy psihologii subektivnoj semantiki. [Fundamentals of psychology of subjective semantics] M.: Nauka; Smysl, 1999. – 350 s.
- Bahtin M.M.* Voprosy literatury i jestetiki. [Questions of literature and aesthetics] M., 1975. Cit. po: Leont'ev D.A. Znachenie i lichnostnyj smysl: dve storony odnoj medalii [The significance and personal meaning: the two sides of the same coin] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal], t.17, №5, 1996, s.19 – 30.
- Bobrova L.N., Nikulova G.A.* Rasshirenie kriterial'nogo diapazona ocenivanija programmyh produktov uchebnogo naznachenija. [Expansion of the range of criteria-based assessment software for educational purposes] URL:<http://ifets.ieee.org/russian/depository/v14/i2/html/9r.htm> (data obrashhenija 9.06.2015).
- Leont'ev A.N.* Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. [Activities. Consciousness. Personality] M.: Nauka, 1975.-304 s.

Osgud Ch., Susi Dzh., Tannenbaum P. Prilozhenie metodiki semanticheskogo differenciala k issledovanijam po jestetike i smezhnym problemam /Semiotika i iskusstvometrija. [Application of semantic differential technique to research on aesthetics and related issues / Semiotics and Artmetry] M., 1972.-366 s.

Petrenko V.F. Osnovy psihosemantiki. [Basics of psychosemantics] – 2-e izd., dop. – SPb.: Piter,2005. – 480 s.

Ψ λ

**МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТИВЫ «СОВЕСТЬ», «СТЫД»,
«ХОРОШО»/ «ПЛОХО», «НЕЛЬЗЯ» В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ
ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
(по материалам «Русского ассоциативного словаря» (РАС-1)
и пилотажного эксперимента в Татарстане)¹**

Чулкина Нина Леонидовна

профессор кафедры общего и русского языкознания Российского
университета дружбы народов,
Россия, 117298 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2а,
e-mail: nina.tchulkina@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках проекта, связанного с проблематикой этнической конфликтологии.

В статье представлен сопоставительный анализ образов сознания русских и татар, овнешненных языковыми знаками, обозначенными нами как «морально-этические регулятивы повседневного поведения» представителей данных этносов в различных комбинациях соотношения: места проживания, национальности и родного языка.

В аспекте межкультурной коммуникации в условиях совместного проживания в одном регионе представителей разных этносов эта проблема сводится к междисциплинарному изучению конфликтогенных зон языкового сознания. Такое исследование позволяет выявить с помощью различных (в нашем случае – психолингвистических) методов те несовпадения в образах мира, которые могут при определенных условиях коммуникации привести к конфликту ее участников.

В качестве материала исследования были выбраны следующие морально-этические концепты-регулятивы: «совесть», «хорошо»/ «плохо», «нельзя», «стыд», представленные в базе данных Института языкознания РАН на русском и татарском языках. Данные морально-этические концепты заслуживают особого внимания в нашу «переломную» эпоху, когда происходит явная переоценка традиционных ценностей и потеряны некоторые жизненные ориентиры, которые определяют поведение и поступки людей в их повседневной жизни.

Ключевые слова: этническая конфликтология, ассоциативный эксперимент, морально-этический регулятив, языковое сознание, русские, татары.

Введение

Объектом исследования и описания в статье является языковое сознание русских и татар.

Предмет изучения – сопоставительный анализ – морально-этических концептов-регулятивов повседневного поведения: «совесть», «стыд» «хорошо»/ «плохо», «нельзя», в русском и татарском языковом сознании.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ грант РГНФ № 15-04-00378а «Конфликтогенные зоны в языковом сознании русских, коми, якутов, татар и бурят: межязыковые параллели» (рук. Н.В. Уфимцева)

Цель подобного сопоставления – выявление таких различий в содержании названных концептов, которые составляют конфликтогенные зоны языкового сознания, представляющие потенциальную возможность превращения в реальные конфликты между представителями этносов в межкультурной коммуникации.

Материалом для анализа послужили результаты пилотажного ассоциативного эксперимента, проведенного в Татарстане в 2016 году. Эти результаты представлены в базе данных Института языкознания РАН.

Методы исследования: психолингвистический (свободный ассоциативный эксперимент), сопоставительный, когнитивный (интерпретация психолингвистического значения слов-стимулов и слов-реакций).

1.1. Концепты-регулятивы «совесть», «стыд» «хорошо»/ «плохо», «нельзя», в обыденном языковом сознании.

«Среди многих функций, выполняемых языком, одной из самых важных и, к сожалению, наименее изученных является функция концентрации и синтеза человеческого опыта. <...> Засвидетельствованный в языке опыт устанавливает границы мыслительной деятельности, а структурная организация, запечатленная в языковой классификации опыта, образует национальное мировоззрение. Лингвистическая модель мира в этом случае полностью сливается с той внутренней моделью, которая создается в сознании человека в процессе накопления им опыта и которая, по сути, и является тем, что именуется сознанием [Звегинцев 2008, с.133, 159]. Эти слова В.А.Звегинцева можно было бы предпослать в качестве эпиграфа к исследуемому нами материалу, так как в нем как раз и содержится кладезь разнообразных знаний о мире и о повседневной жизни, в особенности. Причем эти знания получили «преломление» в индивидуально м сознании носителей языка, а собранные воедино (в вербально-ассоциативной сети), они представляют собой «наивную» языковую картину мира, так сказать, в «чистом виде». Рассматривать и анализировать эту картину можно в разных аспектах, но в нашем небольшом исследовании нас будет интересовать тот слой «социального запаса знания», который пополняясь и изменяясь от поколения к поколению, составляет, с одной стороны, базовые культурные ценности, с другой – те ориентиры, которые определяют обыденные мысли и поступки людей.

В структурировании этого многообразного опыта нам помогли рассуждения А.М.Панченко: «Обиход слагается из «прописей», из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации [Панченко 2000, с.15].

Вопросы, на которые мы хотим найти ответы, можно было бы сформулировать так: «В каком виде аксиомы, определяющие поведенческие структуры, этические и нравственные запреты и рекомендации хранятся в вербальной памяти двух разных этносов – русских и татар? Что такое этика повседневности, или «наивная» этика, воплощенная в национально маркированном слове?».

Для того чтобы ответить на поставленные нами вопросы, обратимся к анализу ассоциативных полей базовых морально-этических концептов, полученных в ходе пилотажного ассоциативного эксперимента, проведенного в Татарстане, на территории которого компактно проживают как татары, так и русские.

Анализ и интерпретация данных эксперимента

Нами было проанализировано 10 названных слов в парах стимул-реакции и реакция-стимулы в следующих комбинациях:

Респондентами являлись:

- 1) жители Татарстана / этнические татары / родной язык – татарский
- 2) жители Татарстана / этнические русские / родной язык – русский

В обыденном языковом сознании представление о морали и нравственности сводится к правилам поведения в обществе, регулируемом законами и нормами, содержащими некий свод запретов и определенных правильных поступков. Что касается этики, то она ассоциируется с культурой и соблюдением некоторых светских правил и норм.

Итак, концепты, именующие область морали, нравственности и этики в «наивном» языковом сознании выражены обычно словами: *совесть, стыд, можно, нельзя, хорошо, плохо*. Именно они являются реальными регуляторами поведения, поступков людей и определенными маркерами моральных оценок в обыденной жизни.

Анализ концепта «совесть»

Обратимся к анализу слова «совесть», представленному в пилотажном ассоциативном эксперименте в первой группе в комбинации:

- место проживания – Татарстан / национальность – татарин / родной язык – татарский

В прямом эксперименте слово «совесть» являлось стимулом. Всего от респондентов было получено 109 реакций-ассоциатов. Из них – 66 разных (60,6%); 53 (48,6%) – единичных; 23 респондента отказались от ответа.

В содержательном аспекте самыми частотными оказались следующие реакции: *кеше* (человек) – 26; *чиста* (чистый) – 5; *вежда*(совесть) – 4; *намуслы*(честный, порядочный) – 3; *акыл (ум),эйбат* (хорошо,хороший), *кирэк* (надо, нужно), *кушканча*(как велит), *кунел* (душа), *намуслылык* (честность, порядочность) – 2. Остальные реакции – единичны. Однако не стоит пренебрегать ими при анализе. Например, среди этих реакций есть такие ассоциаты, которые обнаруживают важные для понимания и оценки татарами данного морального концепта: *нравственность, мораль, беспокоит, пусть будет, правильный, честный, справедливость, правда, сердце, человечный, велеть, с чистой душой; порядок, дисциплина, поведение; нравственность, спокойный, надежный человек, хороший, прекрасный, добрый; добро*. В обратном эксперименте были получены такие ассоциаты (10 слов), некоторые из которых определяют «совесть» как *живое существо*, так как она *беспокоит, велит*.

Вторая группа участников «ассоциативного эксперимента была представлена следующими параметрами:

- место проживания – Татарстан / национальность – русский / родной язык – русский

Рассмотрим для сравнения результаты этой части пилотажного эксперимента. Сначала слово «совесть» было предъявлено респондентам как стимул. Полученные реакции в основном совпадают с теми, что были даны татарами на татарском языке: *чиста* 4; *душа, мучает, справедливость, стыд, чистая* 2; *грызет, есть, искренность, направляет, осознание, страх, правда, спокойно, судьба, убивать, угрызение, честность, чувство*.

Приведенные данные почти полностью совпадают с довольно пространственным толкованием этого слова-концепта в «Словаре живого великорусского языка» В.И.Даля: «СОВѢСТЬ – нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращение ото лжи и зла; невольная любовь к добру и истине; прирожденная правда, в различной степени развития» [Даль, 1998, с.256-257].

1.2.2. Концепт «стыд» в пилотажном ассоциативном эксперименте: результаты и комментарии

Близкое по семантике к слову «совесть» – слово «стыд», которое также было включено в пилотажный ассоциативный эксперимент в Татарстане. Приведем результаты этого эксперимента. Прежде всего, проанализируем первый вариант:

- место проживания – Татарстан / национальность – татарин / родной язык – татарский

В представлении стимул-реакции было получено 117 реакций.

57 из них (48.7%) – разные; 36 (30.8%) – единичные и 16 отказов от ответа.

Приведем наиболее частотные реакции: *кызару* (краснеть) – 11 *хурлык* (унижение, позор) – 7; *оятка калуя* (опозориться) – 6; *оятсыз* (бесстыжий, нахальный, наглый) – 6; *кызыл* (красный) – 5; *эш* (работа, занятие, труд) – 5; *кеше* (человек) – 3; *курку* (бояться) – 3; *намус* (честь, совесть) – 3; *хис* (чувство) – 3; *юк* (нет) – 3; *генан* (грех) – 2; *кирак* (надо, нужно) – 2; *оялу* (стесняться) – 2; *оят тугелме* (не стыдно) – 2; *хэл* (состояние, самочувствие) – 2; *эшэке* (плохой, дурной) – 1. Среди значимых единичных реакций отметим особо такие, как: *елау* (плакать, плач), *кеше ояты* (человеческая совесть), *фэхеш* (разврат), *ялангач* (голый).

Отметим, что эти два концепта имеют довольно много схожих реакций: *стыд*, *совесть*, *надо*, *нужно*, *честность*, *порядочность*, *душа* и др. В обеих культурах эти два концепта принадлежат к миру чувств и нравственных регулятивов повседневного поведения человека.

Вторая комбинация поведения эксперимента:

- место проживания – Татарстан / национальность – русский /родной язык – русский

дала следующие результаты. При прямом предъявлении стимула «стыд» было получено **38** ответов из которых 25 (65.8%) -разные реакции; 20 – единичные и 1 отказ.

Поскольку данное ассоциативное поле невелико, приведем его полностью:

СТЫД: позор 5; совесть 5; срам 4; красный 2; Фассбендер 2; быть, вина, голый, дело, жалость, за слова, и позор, и срам, краска, ложь, не порок, не учиться, опускать глаза, опускать голову, от содеянного, проступок, секс, сесть в лужу, смелость, страх 1.

В обратном эксперименте слово «стыд» оказалось реакцией на такие стимулы, как *совесть* 2 и *ложь* 1 (ибо было получено всего 3 ответа).

В комментарии к этой части эксперимента хотелось бы подчеркнуть более яркое лексическое богатство реакций и наличие среди них «визуальных», типа: *опускать глаза*, *опускать голову*; такие реакции, как *краска* и *красный* присутствуют и у татар. И опять же многие ассоциаты (в обоих экспериментах) пересекаются с реакциями, данными на слово «совесть».

Поведенческие регулятивы «можно»/«нельзя»

Одним из важнейших поведенческих регулятивов являются слова «можно»/«нельзя». Однако из этой антонимической пары в пилотажном ассоциативном эксперименте было предъявлено только слово «нельзя». Поэтому для получения более детальной картины мы решили подключить к анализу и материалы «Русского ассоциативного словаря». Однако сначала все же обратимся к результатам пилотажного эксперимента.

В группе 1) на слово-стимул «**нельзя**» было дано 107 ответов. Из них 64 – разных реакций; 46 – единичных и 23 отказа.

Наиболее частотные реакции: *ярый* – можно (17); *эшларга* – работать, трудиться (5); *алдарга* – обманывать(3); *тима* – не трогай(3); *бармак* – палец (2); *генаһ* – грех (2); *ярымый торган эш* – то, что нельзя делать(2); *ашыгырга* – торопиться(1); *эшекелек кылырга* – совершать подлость; *бирешерга* – сдаваться; *начарлык эшлэу* – сделать плохое; *нишлэп* – почему; *тәмәке* – табак; *тәмәке тартырга* – курить; *урларга* – воровать; *хәрмәт* – уважение; *эшләмәу* – не работать; *ялганларга* – лгать; *ярамаган эш* – недозволенное дело.

В той части эксперимента, когда в качестве ответов респондентов были получены стимулы, наблюдается следующая ситуация. Всего было получено 53 ответа из которых 15 – разных; остальные – единичные. В содержательном плане это выглядит так:

Наиболее частотные ассоциаты-стимулы: *югалтырга* – 19; *эчәргә* – 10; *алдау* – 4; *сейләргә* – 3; *начар* – 2; *курку* – 1.

В группе два (Татарстан, русский, русский) получены следующие результаты. Всего ответов – 40. Из них разных – 28; единичных – 21; отказов – 3.

Представим эти реакции:

Нельзя: *можно* 6; *врать* – 3; *брать*, *запрет*, *красный*, *курить* – 2; *убивать*, *быть*, *запрет ребенку*, *играть*, *лениться*, *никак*, *обижать*, *плохо*, *предавать*, *пропускать часы напрасно*, *убийство*, *условность* – 1.

Для полноты картины присовокупим к полученным в пилотажном эксперименте данные РАС-1, в которых, правда, семами «нежелательности и запрета» слова: «нельзя», «нехорошо», «плохо», «стыдно», «грех». На них были получены следующие реакции: *убивать*, *воровать*, *обманывать*, *врать*, *лгать*, *драться*, *курить*, *пить*, *много есть*, *сорить*, *шуметь*, *так больше жить*, *опаздывать*; *жадность*, *насилие*, *предательство*, *преступление*, *самоубийство*, *жестокость*, *зависть*.

Как видим, ассоциативное поле морально-нравственных запретов в обычном языковом сознании как русских, так и татар имеет довольно четкие границы, и представление о том, что такое «плохо» и «нельзя» закреплено в стандартных языковых единицах.

Надеемся, что основной этап ассоциативного эксперимента даст нам ответы и на то, что «можно» в представлении татар. Однако мы считаем нужным представить здесь данные РАС-1 относительно этого слова - «можно», так как в его ассоциативном поле отражены довольно тревожные тенденции, ибо область того, что «допускает» и «поощряет» современная мораль и нравственность, оказывается довольно размытой и включает в себя прямо противоположные критерии. Особенно настораживают такие реакции, как: *можно все*, *было бы желание*; *уйти от ответственности*; *национализм*, *фашизм*, *сталинизм*, *пьянка*, *опиум*.

Такое положение представляется закономерным и понятным: ведь мы сегодня в который раз оказались «на перепутье» и вновь должны определять свои морально-нравственные ориентиры. Остается только надеяться, что «даже в периоды скачков <...> старые ценности, выработанные многовековым народным опытом, только отгесняются на задний план, но не покинут «вечного града культуры» [Панченко, 2000, с.262-263].

Интерпретация результатов эксперимента с концептами «хорошо»/ «плохо»

Вернемся к материалам пилотажного ассоциативного эксперимента, проводимого в 2016 году в Татарстане и обратимся еще к двум базовым моральным предикатам «хорошо»/ «плохо», о которых спрашивал своего отца и «крошка сын», пытавшийся усвоить ориентиры «правильного» и «неправильного» поведения. Так что же, по мнению современных татар и русских «хорошо», а что «плохо»?

Начнем со слова «хорошо». И снова представим результаты в двух вариантах:

- место проживания – Татарстан / национальность – татарин / родной язык – татарский

Всего было получено 129 реакций. Из них 56 – разных; 42 – единичных и 7 отказов.

Приведем ассоциативное поле на слово-стимул «хорошо»: *кеше* – человек 26; *айбәт* – хорошо, хороший 11; *эш* – работа, занятие, труд 7; *яман* – плохой, дурной 7; *дус* – друг 6; *кәеф* – настроение 6; *начар* – плохой, скверный, дурной 5; *кен* – день 3; *суз* – слово 2; *бала* – ребенок 2; *гадәт* – привычка 2; *дерес* – правильный, честный 2; *уй* – мысль 2; *эшләү* – работать, – трудиться 2; *әби* – бабушка, старуха 1; *әти-әни* – папа-мама (родители) 1; *булышу* – помогать 1; *буләк* – подарок 1; *врач* – врач 1; *гомер* – жизнь 1; *душлык* – дружба 1; *китап* – книга 1; *машина* – машина 1; *ей* – дом 1; *савап* – религ. благодеяние, вознаграждение 1; *тәрбияле* – воспитанный 1; *уку* – читать, учиться 1; *укыту* – учить, обучение, преподавание 1; *урнак* – образец, пример 1.

В приведенном ассоциативном поле очень «гармонично» выстроены базовые традиционные ценности современных молодых татар – работа, друг, дружба, родители, ребенок, дом, учеба, книга и, наконец, сама жизнь. При этом, мы не пренебрегаем и единичными реакциями.

А что же «хорошо» для русских, проживающих в Татарстане?

Всего было получено 39 реакций. Из них 25 – разных; 22 – единичных и 2 отказа.

Ассоциативное поле на стимул «хорошо» в этой группе выглядит так: плохо 9; жить 6; отлично 2; добро 1; жить на земле 1; играть 1; летать 1; песня 1; работать 1; река 1; учеба 1; уютно 1; хорошо 1.

«Обратный» эксперимент (реакции – стимул) дал 35 ответов, из которых 12 – разных.

Итак, «хорошо» по-русски – это: всё 10; плохо 10; жить 4; очень 2; правда 2; вместе – 1; деньги 1; знать 1; помогать 1; счастье 1; тепло 1; хорошо 1.

Наконец, с помощью пилотажного ассоциативного эксперимента нам удалось выяснить, что «плохо» в представлении двух народов, живущих вместе в Татарстане.

Покажем здесь и эти результаты по уже отработанной схеме.

Итак, в группе 1) (Татарстан, татарин, татарский) на стимул «плохо» были получены такие результаты: всего 127 реакций; 48 - разных; 28 – единичных и 8 отказов.

Ассоциативное поле на слова- стимулы «плохо, плохой» (наречие и прилагательное в татарском языке не различаются) выглядит так: *кеше* – человек 18; *яхшы* – хороший, прекрасный, добрый 15; *эш* - работа, труд 10; *гадэт* – привычка 9; *суз* – слово 7; *эйбэт* – хорошо, хороший 5; *эшэке* – плохой, дурной 5; *гамал* – поступки, деятельность 3; *уй* – мысль 2; *дус* – друг 2; *ялган* – ложный, лживый 2; *ярамый* – нельзя 2; *эшэкелек* – подлость, низость 1; **бай** – богатый 1; *вакытны бушка уздыру* – проводить время впустую; *дошман* – враг; *жан* – душа; *зарарлы* – вредный; *каранкы* – темный, темно; *начар натижэ* – плохой результат; *сыну* – ломать; *тамэке* – табак; *юл бирмәу* – не уступать дорогу; *явызлык* – зло; *ямсез* – некрасивый 1.

Приведем здесь сразу и АП на слово «**плохо**», полученное от русских, живущих в Татарстане (всего 35 слов; 25 – разных реакций; 23 – единичных; 3 отказа): хорошо 10; самочувствие 2; боль, быть черным, воспитан, врать, говорить, делать зло, злиться, красный, не думать, нельзя, относиться, поступок, сделать, серый, совесть, спать, стараться, страх, убивать, учиться 1.

Сравним реакции татар и русских. Первое, что бросается в глаза, - это наличие у татар таких реакций, которые не встречаются у русских: проводить время впустую; табак; богатый. Вероятно, оценка этих явлений чаще всего негативна. У русских словом «плохо» оценивается самочувствие, боль и страх. Хотя, в целом, большинство реакций совпадают.

Выводы

Проведенное пилотажное исследование не позволяет сделать какие-либо строгие обобщения относительно различий и совпадений в языковом сознании русских и татар, проживающих на одной территории – в Татарстане. Для таких выводов потребуется проведение более обширного по количеству испытуемых (татар и русских) ассоциативного эксперимента. Однако и проделанная предварительная работа дала свои результаты и наметила пути и методы исследования полученного материала. Некоторые из наблюдений описаны нами в представленной статье, работу над которой мы планируем продолжить после проведения основного этапа свободного ассоциативного эксперимента в Татарстане.

Литература

Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. – М.:Изд-во URSS. 2008. – 336 с.
Панченко А.М. О русской истории и культуре. – СПб.,2000. – 464 с.

Словари

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Рус. яз., 1998.

Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А. Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – М.: Астрель; АСТ, 2002.

**MORAL AND ETHICAL “REGULATIVES”:
“CONSCIENCE”, “SHAME”, “GOOD / BAD”, “ONE CANNOT DO”
IN RUSSIAN AND TATAR EVERYDAY LANGUAGE CONSCIOUSNESS
(BASED ON A PILOT EXPERIMENT IN TATARSTAN)**

Nina I. Chulkina

professor of General Linguistics Department
Peoples ' Friendship University of Russia,
Miklukho-Maklaya str., 10-2A, Moscow, Russia, 117298
e-mail: nina.tchulkina@yandex.ru

A study performed in the framework of the project associated with ethnic conflicts.

The article presents a comparative analysis of the images of the consciousness of the Russians and Tatars presented by linguistic signs, labeled us as «ethical conduct» daily regulatives represented as ethnic data in different combinations: place of residence, nationality and native language.

In the aspect of intercultural communication in the context of cohabitation in the same region of representatives of different ethnic groups, this problem reduces to the interdisciplinary study of conflict zones of linguistic consciousness. This study helps you identify using different (in our case psiholingvistic) methods of those mismatches in the images of the world, which may, under certain conditions, lead to conflict.

As the material of the study were chosen following ethical concepts-reguljatives: «conscience», «good»/»bad», «one cannot do», «shame», presented in the database on Russian and Tatar languages. Data ethical concepts deserve particular attention in our «out» era, when there is an explicit re-evaluation of traditional values and lost some vital benchmarks that define the behavior and actions of people in their everyday lives.

Keywords: ethnic conflicts, the associative experiment, moral-ethical regulatives, language consciousness, Russians, Tatars.

References

Zvegitshev V.A. Mysly o lingvistike [Thoughts on Linguistics]. Moscow, URSS publ, 2008. 336 p.

Panchenko A.M. O russkoy istorii i kulture [About Russian History and Culture]. St.-P., 2000. 4 64 p.

Dictionaries

Dal V.I. Tolkovyi slovar jivogo vtlikoruskogo jazyka. – 4t. [Dal V. Explanatory Dictionary of Life Russian Language]. Moscow: Russian Language Publ., 1998.

Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin U.A., Tarasov E.F. Russkiy assotsianivnyi slovar: 2 t [Karaulov . – M.: Astrel; AST, 2002. U.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin U.A., Tarasov E.F. Russian Associative Dictionary in 2 v.]. Moscow: Astrel: AST, 2002.

УРОВНЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО ЛЕКСИКОНА

Воронцов Кирилл Александрович

аспирант Института языкознания РАН,
Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
e-mail: kavorontsov@yandex.ru

В статье рассматривается влияние на вербальные ассоциации возраста усвоения стимульных слов. Механизмы данного влияния анализируются в контексте модели внутреннего лексикона В.А. ван Лун-Вервурн и др. Согласно этой модели, слова, усваиваемые рано, составляют базовый лексикон (basic lexicon), а слова, усваиваемые поздно, составляют лексикон второго порядка (higher order lexicon). В значениях слов, усваиваемых рано, имеется выраженный сенсомоторный компонент. Значения же слов, усваиваемых поздно, преобладает «вербальный» компонент, формирующийся через посредство самого языка, а не через посредство взаимодействия человека с окружающим миром. Это проявляется при ассоциировании: слова, усваиваемые рано, чаще вызывают ассоциации, отражающие то, как объекты воспринимаются, как они действуют, что ими делают. Ассоциации на слова, усваиваемые поздно, чаще являются названием суперординатной категории или синонимом. В настоящей статье делается попытка эмпирически определить (1) насколько исчерпывающим является описание внутреннего лексикона в плане путей приобретения значений слов, их связей с видами опыта в рамках модели ван Лун-Вервурн и др., (2) насколько устойчивой является связь возраста усвоения слов с характером ассоциирования и (3) не образуется ли эта связь благодаря действию знакомости слов. Полученные результаты позволяют утверждать, что описание внутреннего лексикона в рамках модели ван Лун-Вервурн и др. является достаточно полным, но не исчерпывающим, а также что, так как связь возраста усвоения слов с характером ассоциирования сохраняется при контроле знакомости, она не может быть атрибутирована ее действию.

Ключевые слова: возраст усвоения слов, внутренний лексикон, знакомость, репрезентация значений, словесные ассоциации.

Введение

Возраст усвоения слов (ВУ) является одной из самых изученных на данный момент психолингвистических переменных. Попытка оценить влияние ВУ и других психолингвистических переменных на процессы обработки информации человеком предпринималась во многих исследованиях: изучалось влияние ВУ на скорость наименования изображений [Barry, Hirsh, Johnston, Williams, 2001; Barry, Morrison, Ellis, 1997; Carroll, White, 1973], скорость чтения слов [Brown, Watson, 1987; Ellis, Morrison, 1998; Gerhand, Barry, 1998; Monaghan, Ellis, 2002; Morrison, Hirsh, Chappell, Ellis, 2002], принятие лексического решения [Gerhand, Barry, 1999; Morrison, Ellis, 1995, 2000; Turner, Valentine, Ellis, 1998], решение о реальности изображения [Holmes, Ellis, 2006; Moore, Smith-Spark, Valentine, 2004; Vitkovitch, Tyrrell, 1995], семантическую классификацию [Brybaert, Wijnendaele, De Deyne,

2000; Catling, Johnston, 2006; Holmes, Ellis, 2006; Johnston, Barry, 2005]. Из других психолингвистических переменных изучалось влияние на выполнение данных задач образности слов, их знакомости и частотности [Morrison, Ellis, 1995; Lev-elt, 2002; Carroll, White, 1973; Hanley, Kay, Edwards, 2002; Lewellen, Goldinger, Pi-soni, Greene, 1993]. Однако влияние возраста усвоения слов и других психолингвистических переменных на ассоциативные процессы изучалось не так широко. Этим вопросом в основном занималась группа нидерландских ученых [Elbers & Van Loon-Vervoorn, 1990; Van Loon-Vervoorn & Van der Ham-van Koppen, 1988; Van Loon-Vervoorn, 1988]. Эти авторы предложили следующую модель внутреннего лексикона. Слова, усваиваемые рано, представляют фундаментальные аспекты человеческого опыта – перцептивные и моторные взаимодействия с окружающим миром. Из этого следует, что в репрезентациях значений слов, усваиваемых рано, имеется выраженный сенсомоторный компонент. Именно эти слова, которые усваиваются рано, впоследствии составляют необходимый первичный вербальный контекст для формирования значений других слов. В значениях этих других слов, усваиваемых поздно, преобладает другой компонент, который можно назвать «вербальным» в силу того, что он формируется через посредство самого языка, а не через посредство взаимодействия человека с окружающим миром. Слова, усваиваемые рано, составляют базовый лексикон (basic lexicon), а слова, усваиваемые поздно, составляют лексикон второго порядка (higher order lexicon). Эти различия в типах лексикона проявляются при ассоциировании. Слова, усваиваемые рано, в репрезентациях значений которых преобладает сенсомоторный компонент, чаще вызывают ассоциации, отражающие то, как объекты воспринимаются (лошадь-луг, лимон-кислый), как они действуют (птица-летит), что ими делают (нож-резать). Ассоциации на слова, усваиваемые поздно, в репрезентации значений которых преобладает вербальный компонент, чаще являются названием суперординатной категории (жук-насекомое, ива-дерево) или синонимом (доктор-врач). Ассоциации первого типа даются не только на слова, усваиваемые рано, но могут встретиться и среди ассоциаций на слова, усваиваемые поздно (напр., пустыня-песок), в тех случаях, когда суперордината или синоним недоступны.

Попытка описать внутренний лексикон человека при помощи подобной психолингвистической модели вызывает следующие вопросы:

1) Насколько исчерпывающей в плане описания путей приобретения значений слов, их связей с видами опыта, она является.

2) Насколько устойчивой является связь ВУ с характером ассоциирования, предположенная В.А. ван Лун-Вервурн и др. [Elbers & Van Loon-Vervoorn, 1990; Van Loon-Vervoorn & Van der Ham-van Koppen, 1988; Van Loon-Vervoorn, 1988].

3) Нельзя ли атрибутировать связь ВУ с характером ассоциирования действию каких-либо третьих переменных.

Действительно, ВУ коррелирует со многими другими психолингвистическими переменными: со знакомостью, образностью и частотностью слова [Morrison, Ellis, Quinlan, 1992; Grigoriev, Oshhepkov, 2013]. Различия в характере ассоциирования могут вызываться какими-либо из этих переменных. Благодаря тому, что эти же переменные коррелируют с ВУ может возникнуть корреляция ВУ с характером ассоциирования. Наиболее вероятным кандидатом является знакомость слов: ча-

сто встречаемые, более знакомые объекты должны бы чаще вызывать ассоциации, отражающие опыт их восприятия и взаимодействия с ними, в то время как редко встречаемые, менее знакомые объекты должны бы чаще вызывать ассоциации, отражающие абстрактные знания, например, о принадлежности к суперординатной категории.

В настоящем исследовании делается попытка осветить эти вопросы, используя материалы ассоциативного словаря [<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>] и нормы для возраста усвоения слов и ряда других психолингвистических переменных [Grigoriev, Oshhepkov, 2013].

Метод

Исследование проходило в три этапа. На первом этапе осуществлялся отбор слов из норм для возраста усвоения слов и ряда других психолингвистических переменных. На втором этапе проводилась экспертная оценка наиболее частотных ассоциаций на отобранные слова с целью выяснения релевантности модели, предложенной В.А. ван Лун-Вервурн и др. [Elbers & Van Loon-Vervoorn, 1990; Van Loon-Vervoorn & Van der Ham-van Koppen, 1988; Van Loon-Vervoorn, 1988]. На третьем этапе изучалась связь характера ассоциаций с ВУ.

Отбор слов

Для определения того, действительно ли существует связь между характером ассоциирования и ВУ, необходимо отобрать слова, имеющих в ассоциативном словаре с разным возрастом усвоения, из норм для ВУ. Так как мы хотим проверить, не является ли возможная связь ВУ с характером ассоциирования следствием связи их обоих со знакомостью, необходимо проконтролировать, чтобы эти слова не различались по знакомости.

Исходя из этого соображения, из норм для возраста усвоения слов и ряда других психолингвистических переменных было отобрано 28 рано усваиваемых слова и 28 поздно усваиваемых слов, не различающихся значительно по знакомости. Средний возраст усвоения для выборки рано усваиваемых слов 38,98 месяцев, стандартное отклонение 12,48; для выборки поздно усваиваемых слов, соответственно, 82,07 и 22,23. Различие между средними значимо, $p < 0,001$. Средняя знакомость в выборке рано усваиваемых слов 1,95, стандартное отклонение 0,26; в выборке поздно усваиваемых слов 1,84 и 0,37. Различие средних незначимо, $p > 0,1$. Из ассоциативного словаря русского языка [<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>] к ним были подобраны самые частотные ассоциации.

Процедура сбора экспертных оценок

В экспертизе принимало участие четыре эксперта. Каждому из них был выдан листок с перемешанными друг с другом стимульными словами и самыми частотными ассоциациями к ним. От экспертов требовалось отнести ассоциации, указанные напротив стимульного слова, к одному из двух типов. Если эксперт относил ассоциацию к первому типу (ассоциация, по его мнению, отражает сенсомоторный компонент репрезентации значения), то его ответ кодировался нулем, если ко второму типу (ассоциация, по его мнению, отражает вербальный компонент ре-

презентации значения), то единицей, если он ставил знак вопроса, то как 0,5. Затем определялась согласованность экспертных оценок, показатель которой (альфа Кронбаха) оказался равным 0,77. Это значение говорит об удовлетворительной согласованности оценок экспертов.

На основании того, что оценки экспертов являются согласованными, мы можем утверждать об определенной степени валидности модели, предложенной В.А. ван Лун-Вервурн и др. [Elbers & Van Loon-Vervoorn, 1990; Van Loon-Vervoorn & Van der Ham-van Koppen, 1988; Van Loon-Vervoorn, 1988] – мы действительно можем разделить ассоциативные связи на два типа. Ответы экспертов не согласовывались бы друг с другом и давались бы ими наугад, если бы предложенная классификация ассоциаций не была валидной. Следовательно мы можем утверждать, что подобная классификация является эффективной, по крайней мере, для большей части выборки наших ассоциаций. Но так как согласованность является только «удовлетворительной», а не «хорошей» или «отличной» – о «хорошей» согласованности говорят значения альфы Кронбаха от 0,8 до 0,9, об «отличной» от 0,9 – не весь подобранный материал укладывается в классификацию В.А. ван Лун-Вервурн и др. [Elbers & Van Loon-Vervoorn, 1990; Van Loon-Vervoorn & Van der Ham-van Koppen, 1988; Van Loon-Vervoorn, 1988]. Такие ассоциативные связи как «крокодил-Гена», «мухачокотуха» не входят ни в один из предложенных ими классов. Их источником не может быть непосредственное взаимодействие с объектами, они вербальные, но это не суперординатные и не синонимичные связи. Как относиться к тому, что подобные ассоциации нередки в словаре, причем даже среди самых частотных? Считать их появление артефактом или считать их указывающими на какой-то компонент репрезентации значения? Этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи.

Связь типа ассоциаций с возрастом усвоения слов

На третьем этапе нашего исследования определялось, связан ли тип ассоциаций с возрастом усвоения слова, то есть относятся ли рано усваиваемые слова чаще к одному типу, а поздно – к другому. Был рассчитан суммарный показатель, отражающий мнения всех экспертов о принадлежности ассоциации к одному из двух типов: коды их ответов складывались. Сумма равная нулю означала, что все эксперты отнесли ассоциацию к первому типу (отражает сенсомоторный компонент репрезентации значения), сумма равная пяти – что все эксперты отнесли ассоциацию ко второму типу (отражает вербальный компонент репрезентации значения). Среднее этого показателя для рано усваиваемых слов оказалось равным 0,46, для поздно усваиваемых 1,82. Различие между средними статистически значимо, $p < 0,001$.

Таким образом, для рано и поздно усваиваемых слов действительно характерен разный тип ассоциаций, даже при контроле знакомости слов. В той мере, в которой тип ассоциаций говорит о репрезентации значения слова (а мы исходим из этого), мы можем сказать, что характер репрезентации значений рано и поздно усваиваемых слов различен: в репрезентации значений рано усваиваемых слов преобладает сенсомоторный компонент, в репрезентации значений поздно усваиваемых – вербальный.

Полученные нами результаты согласуются с моделью нидерландских ученых.

Литература

Barry, C., Hirsh, K.W., Johnston, R.A., & Williams, C. L. Age of acquisition, word frequency, and the locus of repetition priming of picture naming. *Journal of Memory and Language*. 2001. T. – 44 (3). – C. 350–375.

Barry, C., Morrison, C. M., & Ellis, A.W. Naming the Snodgrass and Vanderwalt pictures: Effects of age of acquisition, frequency, and name agreement. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1997. T. 50 (3). – C. – 560–585.

Brown, G. D. A., & Watson, F. L. First in, first out: Word learning age and spoken word frequency as predictors of word familiarity and word naming latency. *Memory and Cognition*. 1987. T. 15 (3). – C. 208–216.

Brysbaert, M., Van Wijnendaele, I., & De Deyne, S. Age-of-acquisition in semantic processing tasks. *Acta Psychologica*. T. 104 (2). – C. 215–226.

Catrina M. Morrison, Andrew W. Ellis, Phillip T. Quinlan. Age of acquisition, not word frequency, affects object naming, not object recognition. *Memory & Cognition*. 1992. T. 2 (6). – C. 705-714.

Carroll, J. B., & White, M. N. Word frequency and age-of-acquisition as determiners of picture-naming latency. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1973. T. 25 (1). – C. – 85–95.

Catling, J. C., & Johnston, R. A. The effects of age of acquisition on an object name classification task. *Visual Cognition*. 2006. T. 13 (7-8). – C. 968–980.

Elbers, L. H., and WA van Loon-Vervoorn. «Taal als resultaat van actief leren.» *Logopedie en Foniatrie*. 1990. T. 69. – C. 19–23.

Ellis, A. W., & Morrison, C. M. Real age-of-acquisition effects in lexical retrieval. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 1998. T. 24 (2). – C. 515–523.

Gerhand, S., & Barry, C. Age of acquisition and frequency effects in speeded word naming. *Cognition*. 1999. T. 73 (2). – C. – B27–B36.

Gerhand, S., & Barry, C. Word frequency effects in oral reading are not merely age-of-acquisition effects in disguise. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1998. T. 24 (2). – C. 267–283.

Grigoriev A., Oshepkov I. Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: relationships with other psycholinguistic variables. *Behaviour Research Methods*. 2013. T. 45 (4). – C. 1208–1217.

Hanley JR, Kay J, Edwards M. Imageability effects, phonological errors, and the relationship between auditory repetition and picture naming: Implications for models of auditory repetition. 2002. T. 19 (3). – C. 193–206.

Holmes, S. J., & Ellis, A. W. Age of acquisition and typically effects in picture naming, object decision and category verification. *Visual Cognition*. 2006. T. 13 (7-8). – C. 884–911.

Johnston, R. A., & Barry, C. Age of acquisition effects in the semantic processing of pictures. *Memory and Cognition*. T. – 33 (5). – C. 905–912.

Jonathan C. Catling & Robert A. Johnston. The varying effects of age of acquisition. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2009. T. 62 (1). – C. 50-62.

Loon-Vervoorn, WA van. «Imageability and age of acquisition as determinants of word selection in word association.» *Imagery and cognition: Proceedings of the Second*

- European Workshop on Imagery and Cognition. 1988. С. 101–110.
- Mary Jo Lewellen, Stephen D. Goldinger, David B. Pisoni, Beth G. Greene.* 1993. Lexical Familiarity and Processing Efficiency: Individual Differences in Naming, Lexical Decision, and Semantic Categorization. *Journal of Experimental Psychology General*. Т. 122 (3) – С. 316–330.
- Monaghan, J., & Ellis, A. W.* Age of acquisition and the completeness of phonological representations. *Reading and Writing: An Interdisciplinary Journal*. 2002. Т. 15 (7-8). – С. 759–788.
- Moore, V., Smith-Spark, J. H., & Valentine, T.* The effects of age of acquisition on object recognition. *European Journal of Cognitive Psychology*. 2004. Т. 16 (3). – С. 417–439.
- Morrison, C. M., & Ellis, A. W.* Roles of word frequency and age of acquisition in word naming and lexical decision. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1995. Т. 21 (1). – С. 116–133.
- Morrison, C. M., & Ellis, A. W.* Real age of acquisition effects in word naming and lexical decision. *British Journal of Psychology*. 2000. Т. 91 – С. 167–180.
- Morrison, C. M., Hirsh, K. W., Chappell, T., & Ellis, A. W.* Age and age of acquisition: An evaluation of the cumulative frequency hypothesis. *European Journal of Cognitive Psychology*. 2002. Т. 14 (4). – С. 435–459.
- Turner, J. E., Valentine, T., & Ellis, A. W.* Contrasting effects of age of acquisition and word frequency on auditory and visual lexical decision. *Memory and Cognition*. 1998. Т. 26 (6). – С. 1282–1291.
- Loon-Vervoorn, WA van.* «Imageability and age of acquisition as determinants of word selection in word association.» *Imagery and cognition: Proceedings of the Second European Workshop on Imagery and Cognition*. 1988. С. 101–110.
- Van Loon-Vervoorn, Anita, and Miep Ham-Van Van Der Koppen.* «The importance of age of word acquisition for imageability in word processing.» *Cognitive and neuropsychological approaches to mental imagery*. Springer Netherlands. 1988. С. – 99–107.
- Van Loon-Vervoorn, W.A.* *Eigenschappen van basiswoorden* [Characteristics of base-words]. Lisse, The Netherlands: Swets and Zeitlinger. 1989.
- Vitkovitch, M., & Tyrrell, L.* Sources of disagreement in object naming. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1995. Т. 48 (4). – С. 822–848.

LEVEL ORGANIZATION OF THE INTERNAL LEXICON

Kirill A. Vorontsov

Ph.D. candidate of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 1 Bolshoi Kislovsky lane, 1 bld.
e-mail: kavorontsov@yandex.ru

The article explores age-of-acquisition effects of stimulus words on verbal associations. The mechanisms of these effects are analyzed in the context of the internal lexicon model by W.A. van Loon-Vervoorn and et al. According to this model early acquired words constitute a basic lexicon and late acquired words constitute a higher order lexicon. The meaning representations of early acquired words have a strong sensorimotor component. The meaning representations of late acquired words have a verbal component which is formed through language use itself, without direct interaction of a human with the external world. This distinction is revealed in word association: early acquired words produce responses which reflect how objects are perceived, how they function, how they are acted upon. The word associations of late acquired words are usually based on superordination or synonymy. In the present paper we attempt to define empirically (1) how fully the internal lexicon is described in the context of the acquisition of word meanings, their connections with the types of experience, within the model by W.A. van Loon-Vervoorn and et al. (2) how persistent the connection of age-of-acquisition of words with the characteristics of word associations or (3) this connection exists due to the effect of word familiarity. The obtained results are allowed to claim that the description of internal lexicon within the modal by W.A. van Loon-Vervoorn and et al. is sufficiently full, but not exhaustive; since the connection of age of acquisition of words is kept with word familiarity controlled, it can't be attributed to its effects.

Keywords: age of acquisition; internal lexicon; familiarity; meaning representations; word associations.

References

Barry, C., Hirsh, K.W., Johnston, R.A., & Williams, C. L. Age of acquisition, word frequency, and the locus of repetition priming of picture naming. *Journal of Memory and Language*. 2001. T. – 44 (3). – C. 350–375.

Barry, C., Morrison, C. M., & Ellis, A.W. Naming the Snodgrass and Vanderwalt pictures: Effects of age of acquisition, frequency, and name agreement. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1997. T. 50 (3). – C. – 560–585.

Brown, G. D. A., & Watson, F. L. First in, first out: Word learning age and spoken word frequency as predictors of word familiarity and word naming latency. *Memory and Cognition*. 1987. T. 15 (3). – C. 208–216.

Brysbaert, M., Van Wijnendaele, I., & De Deyne, S. Age-of-acquisition in semantic processing tasks. *Acta Psychologica*. T. 104 (2). – C. 215–226.

Catriona M. Morrison, Andrew W. Ellis, Phillip T. Quinlan. Age of acquisition, not word frequency, affects object naming, not object recognition. *Memory & Cognition*. 1992. T. 2 (6). – C. 705-714.

Carroll, J. B., & White, M. N. Word frequency and age-of-acquisition as determiners of picture-naming latency. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1973. T. 25 (1). – С. – 85–95.

Catling, J. C., & Johnston, R. A. The effects of age of acquisition on an object name classification task. *Visual Cognition*. 2006. T. 13 (7-8). – С. 968–980.

Elbers, L. H., and WA van Loon-Vervoorn. «Taal als resultaat van actief leren.» *Logopedie en Foniatrie*. 1990. T. 69. – С. 19–23.

Ellis, A. W., & Morrison, C. M. Real age-of-acquisition effects in lexical retrieval. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 1998. T. 24 (2). – С. 515–523.

Gerhand, S., & Barry, C. Age of acquisition and frequency effects in speeded word naming. *Cognition*. 1999. T. 73 (2). – С. – B27–B36.

Gerhand, S., & Barry, C. Word frequency effects in oral reading are not merely age-of-acquisition effects in disguise. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1998. T. 24 (2). – С. 267–283.

Grigoriev A., Oshepkov I. Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: relationships with other psycholinguistic variables. *Behaviour Research Methods*. 2013. T. 45 (4). – С. 1208–1217.

Hanley JR, Kay J, Edwards M. Imageability effects, phonological errors, and the relationship between auditory repetition and picture naming: Implications for models of auditory repetition. 2002. T. 19 (3). – С. 193–206.

Holmes, S. J., & Ellis, A. W. Age of acquisition and typically effects in picture naming, object decision and category verification. *Visual Cognition*. 2006. T. 13 (7-8). – С. 884–911.

Johnston, R. A., & Barry, C. Age of acquisition effects in the semantic processing of pictures. *Memory and Cognition*. T. – 33 (5). – С. 905–912.

Jonathan C. Catling & Robert A. Johnston. The varying effects of age of acquisition. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2009. T. 62 (1). – С. 50–62.

Loon-Vervoorn, WA van. «Imageability and age of acquisition as determinants of word selection in word association.» *Imagery and cognition: Proceedings of the Second European Workshop on Imagery and Cognition*. 1988. С. 101–110.

Mary Jo Lewellen, Stephen D. Goldinger, David B. Pisoni, Beth G. Greene. 1993. Lexical Familiarity and Processing Efficiency: Individual Differences in Naming, Lexical Decision, and Semantic Categorization. *Journal of Experimental Psychology General*. T. 122 (3) – С. 316–330.

Monaghan, J., & Ellis, A. W. Age of acquisition and the completeness of phonological representations. *Reading and Writing: An Interdisciplinary Journal*. 2002. T. 15 (7-8). – С. 759–788.

Moore, V., Smith-Spark, J. H., & Valentine, T. The effects of age of acquisition on object recognition. *European Journal of Cognitive Psychology*. 2004. T. 16 (3). – С. 417–439.

Morrison, C. M., & Ellis, A. W. Roles of word frequency and age of acquisition in word naming and lexical decision. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1995. T. 21 (1). – С. 116–133.

Morrison, C. M., & Ellis, A. W. Real age of acquisition effects in word naming and lexical decision. *British Journal of Psychology*. 2000. T. 91 – C. 167–180.

Morrison, C. M., Hirsh, K. W., Chappell, T., & Ellis, A. W. Age and age of acquisition: An evaluation of the cumulative frequency hypothesis. *European Journal of Cognitive Psychology*. 2002. T. 14 (4). – C. 435–459.

Turner, J. E., Valentine, T., & Ellis, A. W. Contrasting effects of age of acquisition and word frequency on auditory and visual lexical decision. *Memory and Cognition*. 1998. T. 26 (6). – C. 1282–1291.

Loon-Vervoorn, WA van. «Imageability and age of acquisition as determinants of word selection in word association.» *Imagery and cognition: Proceedings of the Second European Workshop on Imagery and Cognition*. 1988. C. 101–110.

Van Loon-Vervoorn, Anita, and Miep Ham-Van Van Der Koppen. «The importance of age of word acquisition for imageability in word processing.» *Cognitive and neuropsychological approaches to mental imagery*. Springer Netherlands. 1988. C. – 99–107.

Van Loon-Vervoorn, W.A. *Eigenschappen van basiswoorden* [Characteristics of base-words]. Lisse, The Netherlands: Swets and Zeitlinger. 1989.

Vitkovitch, M., & Tyrrell, L. Sources of disagreement in object naming. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1995. T. 48 (4). – C. 822–848.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА В АСПЕКТЕ ВОЗРАСТНЫХ РАЗЛИЧИЙ РАССКАЗЧИКОВ

Кормазина Ольга Петровна

ассистент, Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
e-mail: olga.kormazina@mail.ru

Исследование феномена воспоминания находится на пересечении нескольких научных областей – в первую очередь психологии и лингвистики. Настоящая статья посвящена выявлению специфики воспоминания как жанра русской разговорной речи, обусловленной возрастными характеристиками говорящих. Объектом исследования стала особая тематическая разновидность жанра – воспоминания о детстве. Материалом для наблюдения послужили расшифрованные аудиозаписи устной речи жителей Приморского края в ситуациях семейного и дружеского общения, сделанные автором в период с 2012 по 2015 гг.; записана речь информантов, принадлежащих к двум возрастным группам: молодежь (16-30 лет) и старшее поколение (55-85 лет). Анализ воспоминаний о детстве проводится в логико-семантическом аспекте, предполагающем описание тематической специфики жанра, то есть его диктумного содержания, а также выявление особенностей реализации в текстах воспоминаний модусной категории оценочности. Проведенное исследование позволило сделать вывод о возможности выделения в текстах воспоминаний определенных маркеров возраста, проявляющихся как на содержательном уровне, так и на уровне оценок описываемых фактов.

Ключевые слова: воспоминание, детство, диктумное содержание, модусное значение, оценка.

Учение о речевых жанрах признано одним из ведущих направлений современной антрополингвистики. Несмотря на то, что с каждым днем количество работ в этой области неизменно увеличивается, многие вопросы по-прежнему остаются открытыми; в их числе и монографическое описание отдельных жанров.

Объектом данного исследования стал речевой жанр воспоминания, традиционно описываемый на материале речи диалектоносителей (например, в работах Т. А. Демешкиной, Л. Г. Гынгазовой, Н. В. Лагуты, С. Н. Волошиной и др.) [см.: Демешкина 2000; Гынгазова 2001; Лагута 2005; Волошина 2006]. Воспоминание является одновременно как лингвистическим, так и психологическим феноменом. С точки зрения психологии, «воспроизведение локализованных во времени и пространстве образов прошлого из автобиографической памяти» [Мещеряков, Зинченко 2003: 74]; в лингвистике же воспоминание рассматривается как особый тип дискурса, который может быть описан в том числе и в аспекте его жанровой специфики.

Если говорить об объекте воспоминаний, то к числу наиболее частотных среди текстов исследуемого нами жанра относятся воспоминания о детстве.

Данное обстоятельство вполне объяснимо, поскольку период детства, по словам Я. Л. Коломинского, – это «пора, наполненная такими могучими впечатлениями, такими стремлениями, что потом человек всю жизнь испытывает на себе его влияние» [Коломинский 1976: 45]. В связи с этим представляется возможным рассматривать воспоминания о детстве как особую тематическую разновидность данного жанра. Наши первые наблюдения показали, что в воспоминаниях о детстве рассказчиков, принадлежащих к разным поколениям, обнаруживаются некоторые различия. Выявление данных различий и стало целью настоящего исследования. Материалом для наблюдения послужили записи устных рассказов-воспоминаний о детстве жителей Приморского края двух возрастных групп: молодежи (16–30 лет) и старшего поколения (55–85 лет).

Нами предпринята попытка проанализировать тексты воспоминаний о детстве в логико-семантическом аспекте, то есть с точки зрения их диктумного содержания и модусного значения, в частности, проявления в текстах воспоминаний категории оценочности.

Проведенное исследование показало, что в целом тексты воспоминаний о детстве имеют сходное диктумное содержание независимо от возраста информантов. Наиболее типичны такие темы, как «Игры в детстве», «Школа», «Взаимоотношения братьев и сестер», «Взаимоотношения с другими детьми», «Семейные события» и некоторые другие.

В качестве примера приведем фрагменты из воспоминаний двух рассказчиц – 16 и 76 лет – на тему «Взаимоотношения со старшей сестрой».

Рассказчица 1 (16 лет):

Она меня обижала.../ Если/ она говорила/ «Маша помой посуду»/ я говорю «не буду»/ она мне даст подзатыльник я пойду помою// Если я начинала плакать и говорила «сейчас позвоню маме»/ она отключала телефон из розетки/ и я не могла его включить//

Рассказчица 2 (76 лет):

А я/ бегала/ за тебя дела делала// Всё меня покупала/ «сказку тебе расскажу»// Ляжем спать// «А ты Надя то сделай»// А сама майнёт/ уюлять с кем-нибудь// «А ты Надя/ сделай/ а я тебе ска-а-азку!»

Как видно из данных фрагментов, рассказы на указанную тему не имеют существенных различий, зависящих от того, к какому поколению принадлежат информанты: и рассказчица 16-ти лет, и рассказчица 76-ти лет вспоминают о том, как старшие сестры тем или иным способом заставляли их выполнять какую-либо работу.

Однако есть и темы, выполняющие функцию своеобразного маркера возрастной группы, что объясняется социально-исторической спецификой того времени, к которому относится период детства рассказчиков. Так, в рассказах информантов старшего поколения почти не встречается тема «Детский сад», тогда как в воспоминаниях молодежи данная тема возникает регулярно. Например:

(М. (21 год) рассказывает о переезде своей семьи из Польши в поселок Дунай Приморского края)

Первое мое воспоминание это было уже дунайское/ и по-моему оно было связано с какой-то ясельной группой в которую я жутко не хотел идти/ плакал и/ упирался/ потому что я не видел смысла находиться с этими детьми//

Напротив, есть темы, которые типичны для воспоминаний именно старшего поколения. Одной из них является тема «Еда». В частности, это воспоминания о любимой в детстве еде, например:

(М., 85 лет) вспоминает о детстве)

Я больше/ любил камсу// Селёдки у нас мало настоящей// Рыбы этой/ мало/ камсы сколько хочешь// Мы пацанами как было/ в один карман камсы/ в другой карман пучок лука/ во/ ломать хлеба.../

Стоит отметить, что подобные рассказы нередко сопровождаются комментарием – объяснением незнакомого слушателям слова:

Камса.../ Вот такая маленькая рыбка/ как селёdochка// Вкус/ точно как у селёдки// Почему/ и селёдку и по сей день люблю//

Кроме того, к данной теме относятся и воспоминания о продуктах (чаще всего сладостях), которые во времена детства рассказчиков были труднодоступными, например:

(Ж., 76 лет)

Сладость люблю из-за того/ что я его ни.../ не съела/ в детстве// А так хотелось/ ужас// Помню/ дядя Костя когда приезжал в гости/ или баба Варя/ привозили вот эти/ орехо-соевые/ в полосочку// А тоже/ выдадут/ норму/ а то спрячут//

Характерными для представителей старшего поколения оказываются также воспоминания о старинных традициях (*Помню были похороны// И помню что вот эти все.../ Ну раньше ж эти плакальщицы были/ шло там/ плакали/ и так страшно было!*) и о старинных предметах быта (например об иконах в рушниках, о большой русской печи и домотканых простынях в бабушкином доме, о большом сундуке, на котором спали дети, и т.п.).

В воспоминаниях пожилых людей находят отражение и исторические события, на фоне которых проходило их детство: голод 30-х годов, Великая Отечественная война, тяжелое восстановление страны в послевоенные годы. Примечательно, что в этих воспоминаниях рассказчики уже не позиционируют себя как детей: они вспоминают, как работали наравне со взрослыми, заботились о младших братьях и сестрах. Например:

(Ж., 84 года) вспоминает о жизни в годы войны)

Ну в основном уже одиннадцати-двенадцатилетних уняли в колхоз// Уже я осталась считай старшая/ Валя новорожденная/ мама с темна до темна работала...//

Такой «взрослый» уровень самосознания Я. Л. Коломинский объясняет тем, что «в детстве не было детства: дети слишком рано вступали в период взрослости, где основная деятельность уже не игра, а труд» [Коломинский 1976: 52]. По этой причине, на наш взгляд, в рассказах информантов старшего поколения значительно меньше (чем в рассказах молодежи) и воспоминаний о детских играх, тогда как большое место занимает тема «Работа». Приведем пример:

(Ж., 77 лет)

Вот значить война когда уже была/ я лето была у тёток у в Китай-уороде/ а зиму здесь была ну и так вот/ а трудно ж было/ и хлеба не хватало и всего не хватало/ и нечего было есть нечего было/ вот/ так я значить/ один год работала/

было такой магазин который обслуживал милиционеров/ там и без карточек было и всё/ ну/ так вот я там помогла//

Однако возрастные различия авторов воспоминаний о детстве проявляются не только в диктумном содержании текстов (определенные темы, маркирующие возраст рассказчиков). Различия обнаруживаются и в отношении рассказчиков к содержанию их воспоминаний, то есть в модусном значении высказываний.

Мы обратили внимание на эмотивный план модуса (модус эмоционального состояния и отношения), который, по определению Н. Д. Арутюновой, выражает оценку содержания высказывания с позиции говорящего [Арутюнова 1988: 109]. На возрастную специфику проявления оценочности в текстах воспоминаний о детстве указывают следующие признаки:

- 1) выражение различного эмоционально-оценочного отношения к высказываниям со сходным диктумным содержанием;
- 2) наличие / отсутствие обобщающего вывода, представляющего собой оценочное противопоставление «раньше – теперь»;
- 3) совмещение отрицательной оценки содержания высказывания и общего положительного вывода.

Представим характеристику возрастных различий по каждому из названных признаков.

Наши наблюдения показали, что даже сходные по своему диктумному содержанию высказывания нередко приобретают различное эмоционально-оценочное значение в речи рассказчиков разных поколений. Так, нами были отмечены случаи, когда, вспоминая о своих играх в детстве, молодежь дает им отрицательную оценку. Например:

(Ж., 23 года)

У нас в детстве была какая-то дурацкая игра/ называлась телепортом или что-то типа такого//

(Ж., 25 лет)

А это еще помнишь все вечно приставали/ «а ты купи слона».../ Такая тупость вообще//

Для воспоминаний о детских играх рассказчиков старшего возраста характерна только положительная оценка, основным средством выражения которой часто оказываются глаголы эмоционального отношения «любить» и «нравиться»:

(Ж., 84 года)

Тогда ж детей мною было.../ Соберемся/ «будем иурать в «А мы просо сеяли»?»// Ох мы любили эту иуру!

Причина подобных различий видится всё в том же разном уровне самосознания детей разных поколений (о чем уже говорилось выше). Помня о тяжелых временах, когда игры зачастую заменяла работа, рассказчики старшего возраста придают большую ценность игре как возможности побыть ребенком, тогда как современная молодежь, детство которой проходило в гораздо более благоприятных условиях, нередко относится к своим детским играм с некоторой долей иронии.

Наблюдаются различия и в эмоционально-оценочном отношении к диктумному содержанию воспоминаний о школе. Для рассказов информантов

старшего поколения (многие из них окончили всего несколько классов) характерно исключительно положительное отношение к школе:

(Ж., 84 года)

*Школа это что-то было обязательное/ **святое**/ и/ **хорошее**/ мы жили дружно/ в школе не дрались//*

Чаще всего с неизменным уважением и даже любовью пожилые люди вспоминают о своих школьных учителях:

(Ж., 60 лет)

*Первая учительница – Ксения Петровна/ такая **добрая**/ **хорошая**.../ Ну я вот считала/ что **она как мама**//*

Примеры негативного отношения к учителям в воспоминаниях информантов старшего возраста оказываются единичными. Обращают на это внимание и сами рассказчики:

(Ж., 60 лет)

*Вот Сергееву я не любила// Она была как та Баба Яга/ ну вот одна она **такая**//*

Напротив, для информантов молодого поколения характерной оказывается тенденция к преобладанию отрицательной оценки, что выражается в активном использовании молодежного жаргона, сниженной лексики, уничижительных прозвищ. Например:

(Ж., 25 лет)

*Ну она молодая была и вообще какая-то **заполонная**/ у нас на уроках вообще по-моему каждый занимался чем хочет; А до меня **Раиска** все время **докапывалась**// Ни одной ошибки а за сочинение четыре//*

Возрастная специфика проявления оценочности в текстах воспоминаний о детстве обнаруживается также в наличии или отсутствии определенного обобщающего вывода с противопоставлением «раньше-теперь». Наличие такого вывода мы считаем характерной чертой воспоминаний старшего поколения. Как правило, в вышеназванном противопоставлении «раньше» имеет положительную оценку, «теперь» – отрицательную. Например:

(Ж., 76 лет)

Вот такое у нас было детство/ не то что вы сейчас/ растёте// Не знаете как постирать;

(Ж., 83 года)

А как мы купались! Если б ты видела как я ныряла с берега.../ А щас куда нырнёшь-то? Всё заужено крууом...//

Характерной особенностью воспоминаний о детстве информантов старшего поколения является и совмещение отрицательной оценки описываемых событий с общим положительным выводом:

(Ж., 83 года)

*Помню одевались/ пацаны все в **ба́тьковых** старых телогрейках/ **драных**/ но всё равно мы были **счастливые советские дети** (отрицательная оценка: **в старых телогрейках/ драных** – общий положительный вывод: **но всё равно мы были счастливые советские дети**).*

Приведем еще один пример:

(Ж., 84 года)

Идем/ в школу/ страшные/ голодные/ но счастливые//

В этой короткой фразе отражена специфика восприятия себя и своего детства представителями старшего поколения: **страшные** (то есть плохо одетые, худые), но при этом **счастливые** (потому что имели возможность учиться).

Таким образом, возрастная специфика воспоминаний о детстве проявляется как в их диктумном содержании, так и в модусном значении. Следовательно, можно говорить об определенных маркерах возраста, содержащихся в текстах воспоминаний: кроме специфичной для каждого поколения тематики текстов, характерной особенностью воспоминаний представителей старшего поколения является преобладание положительной оценки описываемых событий и фактов (в частности, в воспоминаниях о школе и детских играх), наличие обобщающего вывода, представляющего собой оценочное противопоставление «раньше – теперь», а также совмещение отрицательной оценки содержания высказывания и общего положительного вывода. В свою очередь, маркерами возраста в воспоминаниях молодежи можно считать возможность иронического или критического отношения к содержанию высказываний и отсутствие обобщающего вывода, противопоставляющего прошлое и настоящее.

Сделанные выводы являются результатом первых наблюдений, а потому нуждаются в дальнейшем исследовании и уточнении. Заслуживает внимания и обращение к другим аспектам данной темы: возрастная специфика рассказов с другими объектами воспоминаний; жанр воспоминания в онтогенезе; проявление в тексте воспоминания типа речевой культуры и др.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Волошина С.В. Информативные речевые жанры в диалектной коммуникации // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. С. 351-358.

Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики. Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века». Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 167-174.

Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.

Коломинский Я.Л. Беседы о тайнах психики. М.: Молодая гвардия, 1976. 208 с.

Лагута Н.В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3: Формы существования современного русского языка. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 86-101.

Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 672 с.

**RECOLLECTIONS OF CHILDHOOD: GENRE PECULIARITIES IN TERMS
OF NARRATORS AGE DIFFERENCES**

Olga P. Kormazina

Assistant lecturer

Far Eastern Federal University

Suhanova Str., 8, Vladivostok, 690950

e-mail: olga.kormazina@mail.ru

The study of the recollection phenomenon is located on the intersection of several scientific fields – primarily, psychology and linguistics. This article is devoted to detection of the speech genre “Recollection” specificity, which determined by the age differences of narrators. The object of our study was a special thematic kind of the genre – recollection of childhood. The material for research were the transcribed records of Primorsky Region inhabitants’ live speech in situations of family and companion communication, which were made by the author between 2012 and 2015. We recorded speech of informants belonging to two age groups: the youth (16-30 years) and the older generation (55-85 years). The analysis of recollection of childhood is held in the logical-semantic aspect, which implies description of the thematic specifics of the genre, i.e. its dictum content, and detection of implementation specifics of evaluation modus category in the texts of recollections. The study led to the conclusion about possibility of providing in the texts of recollections certain markers of age, which appears at the substantial level and at the level of the evaluation of the described facts.

Keywords: recollection, childhood, dictum content, modus sense, evaluation.

References

Arutjunova N.D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt [Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact]. – Moscow, Nauka Publ., 1988, 341 p.

Voloshina S.V. Informativnye rechevye zhanry v dialektnoj kommunikacii [Informative speech genres in the dialectal communication] // Aktual’nye problemy rusistiki [Actual problems of Russian Studies]. Vyp. 3. Tomsk, TGU Publ., 2006, pp. 351-358.

Gyngazova L.G. O rechevom zhanre vospominanija (na materiale jazyka lichnosti) [On the speech genre recollection (in the language of the individual material)] // Aktual’nye napravlenija funkcional’noj lingvistiki. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Jazykovaja situacija v Rossii konca XX veka» [Topical areas of functional linguistics. Proceedings of the scientific conference “Language Situation in Russia in the late twentieth century”]. Tomsk, TGU Publ., 2001, pp. 167-174.

Demeshkina T.A. Teorija dialektного vyskazyvanija. Aspekty semantiki [The theory of dialectal discourse. Aspects of semantics]. Tomsk, TGU Publ., 2000, 190 p.

Kolominskij Ja.L. Besedy o tajnah psihiki [Conversations about the mysteries of the psyche]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1976, 208 p.

Laguta N.V. O rechevom zhanre vospominanija (na materiale russkih govorov Priamur’ja) [On the speech genre recollection (based on Russian dialects of the Amur region)] // Slovo: Fol’klorno-dialektologicheskij al’manah [Word: Folklore dialectological Almanac]. Vyp. 3: Formy sushhestvovaniya sovremennogo russkogo jazyka [Forms of existence of the modern Russian language]. Blagoveshhensk, AmGU Publ., 2005, pp. 86-101.

Meshherjakov B.G., Zinchenko V.P. Bol’shoj psihologicheskij slovar’ [Comprehensive psychological dictionary]. St. Petersburg, Prajm-Evroznak Publ., 2003, 672 p.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ
«ПОСАДОЧНЫХ» СТРАНИЦ**

Полянская Анастасия Геннадьевна
аспирант Института языкознания РАН
Москва, Большой Кисловский пер. д.1/1
e-mail: nayzze@yandex.ru

Данная работа посвящена исследованию особенностей текстов корпоративных сайтов на материале текстов «посадочных» страниц (другими словами, целевых страниц или лендинг пейдж). В рамках данного исследования были проанализированы креолизованные тексты 20 лендинг пейдж, отличающиеся тематикой и способом преподнесения информации – произвольная выборка. В статье выделяются лингвистические особенности данных текстов и описывается характер и роль невербальной информации. Задача данного исследования – выявить, систематизировать и описать особенности данного вида креолизованного текста для дальнейшего исследования его восприятия, а также исследовать его стилистическую принадлежность. Актуальность данной работы обусловлена широкой популярностью целевых страниц, которые позволяют не только оценивать эффективность рекламных кампаний, но и делать выводы об эффективности речевого воздействия. В нашей работе выделяется важнейшая характеристика текстов лендинг пейдж – изменяемость. Тексты «посадочных» страниц подвержены регулярному редактированию, что позволяет оценивать качество внесенных изменений и судить об эффективности текста в целом. Как показывает исследуемый материал, невербальная информация может не только дополнять вербальный текст, но и являться основным элементом, демонстрирующим преимущества продвигаемого товара или услуги.

Ключевые слова: текст, креолизованный текст, лингвистические особенности, лендинг пейдж

Введение

Прежде чем перейти к исследованию лингвистических особенностей, дадим определение ключевых для нашей работы терминов. Для описания текста (вербального) мы будем придерживаться классического определения понятия, предложенного И.Р. Гальпериным в конце 1970-х годов: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18].

Стоит, тем не менее, отметить, что некоторые исследователи склоняются к иному пониманию текста. Так, современная культурология относит к текстам не только словесные, но и несловесные сообщения, в числе которых архитектура,

кинематограф, музыка и другие форматы [Миловидов 2000]. Важно понимать, что собственно лингвистический анализ применяется только к вербальным средствам.

В отечественных и зарубежных исследованиях внимание прежде всего акцентируется на двух главных свойствах текста: цельности и связности. А.А. Леонтьев выделяет психолингвистическую природу цельности текста: «Признаки связности не задаются коммуникативной (речевой) интенцией говорящего, а возникают уже в ходе порождения текста как следствие его цельности. Реципиент использует их не как опору для восстановления общей структуры текста, а лишь как сигналы, определяющие способ текущей обработки этого текста. В противоположность связности, цельность есть характеристика текста как смыслового единства и определяется на всем тексте (или на отдельных его фрагментах, относительно законченных в содержательном отношении). Она имеет психолингвистическую природу» [Леонтьев 2005].

Лендинг пейдж (другими словами, «целевая страница» или «посадочная страница») представляет собой один из видов корпоративного сайта, веб-страницу, зачастую построенную по определенной структуре. Ее основной задачей является сбор контактных данных целевой аудитории. Лендинг пейдж обычно содержит информацию о товаре или услуге и используется для усиления эффективности рекламы или увеличения аудитории. Ключевой особенностью посадочной страницы является побуждение посетителей к целевому действию, а анализ действий пользователей позволяет специалистам определить успешность рекламы.

Тексты посадочных страниц имеют большое количество невербальной информации, чаще всего строятся по единой схеме и имеют схожие элементы: информация о компании, контакты, оффер (условный заголовок, привлекающий внимание и обычно содержащий информацию об одной или нескольких ключевых выгодах), акции и спецпредложения, информация о товаре и услуге, выгоды для потребителя, кейсы (примеры успешных работ), отзывы клиентов. Более подробно это описывается в статье «Структурные особенности «посадочной» страницы как одного из видов корпоративных сайтов» [Полянская 2016].

Лингвистические особенности

Длина текста зависит от ряда факторов. Например, от характера невербальной информации (фото или видео с примерами работ вместо текстового описания), от стоимости товара или услуги или очевидности выгод для потенциальных клиентов.

Так, в проанализированном материале средний объем вербальной информации составил от 2 до 5 тысяч знаков с пробелами. Наибольшее количество текстовой информации содержалось на сайте дизайнера платьев (29127 знаков с пробелами) и на сайте компании, предлагающей системы контроля автотранспорта (12020 знаков). В первом случае присутствовало подробное описание заслуг и регалий дизайнера, описание отдельных элементов коллекции, а также большое количество эмоционально окрашенных отзывов клиентов. Во втором случае большой объем текстовой информации был необходим для того, чтобы подробно объяснить, что такое системы контроля автотранспорта, кому они могут быть полезны и какие выгоды можно получить от их использования. Из содержания текста становилось понятно, что данная информация не является очевидной для потенциальных потребителей. Наименьший объем текстовой информации (около 1000 знаков)

был отмечен на странице школы боевых искусств. Содержалась информация о школе и ее учениках, насыщенная статистическими данными («57000 учеников // 15 видов боевых искусств // 109 Чемпионов России и Мира»), один отзыв и призывы заказать звонок, оставить заявку и «стать сильнее» – [budokanschool.ru]. Опираясь на представленные выше данные, можно предположить, что фактор гендерной принадлежности целевой аудитории тоже может влиять на объем текста. В текстах, ориентированных на женскую аудиторию, может содержаться больше подробностей и деталей, а текстах, ориентированных на мужскую аудиторию – «сухих» фактов и цифр, что существенно сокращает объем.

Необходимо отметить и тот факт, что тексты посадочных страниц имеют некоторые принципиальные отличия от «традиционных» текстов. Они могут представлять скорее совокупность информационных блоков, имеющих между собой только смысловую связь. Длинные фрагменты текста обычно разбиты на небольшие абзацы и дополнены многочисленными заголовками, подзаголовками и невербальными элементами. В отличие от рекламных текстов и текстов СМИ заголовки и подзаголовки в данных текстах скорее служат для комфортной навигации по сайту, поэтому редко содержат каламбуры, способы языковой игры и средства художественной выразительности. Типичными для лендинг пейдж заголовками можно считать следующие примеры: «Отзывы клиентов», «Наша продукция», «Как мы работаем» и более сложные варианты, например, «Компании, доверившие ремонт нам» и «Узнайте, почему высокое качество работ гарантировано» [ofisremont.by].

Тексты посадочных страниц стоит относить к публицистическому стилю по ряду причин:

Активное употребление экономической и общекультурной лексики в сочетании с элементами разговорного стиля («Как мы уже писали, опыт показывает, что в России шанс «похалтурить» упустил, наверное, только ленивый. В этом можно винить и невысокий уровень образования водителей и механиков, недобросовестный характер, несовершенство законов и постоянно растущие цены на продукты, чем и вызвано желание «подработать», даже русский менталитет, но в результате в минусе остаетесь Вы и Ваше предприятие. <...> Сложно представить, на какие ухищрения могут пойти сотрудники, чтобы забрать себе «кусочек» побольше: <...> слив «обратки»; выполнение «левых» рейсов – [naviscan.ru]). Нередко элементы разговорного стиля можно встретить в отзывах клиентов («Раньше я, как нормальный, типичный мужик, всегда думал, что лучший подарок для женщины – это техника Apple» – [shop.chrisbery.ru]). Часто в отзывах клиентов можно найти и намеренно присутствующие ошибки и опечатки, создающие эффект реального и неотредактированного модераторами сайта комментария («Сделав такой подарок, женщина просто сойдет от мужика с ума» – [shop.chrisbery.ru]).

Использование средств художественной выразительности («держат руку на «пульсе») – [naviscan.ru]; «рычаги управления целевой аудиторией в надежных руках» – [atom-media.ru]).

Активное употребление личных местоимений 1 и 2 лица и соответствующих форм глагола («Если вы владелец предприятия или автопарка, у Вас собственная служба доставки, в Вашем ведении находятся транспортные средства и

спецтехника, или у Вас в штате есть водители, задайте себе следующие вопросы <...>» – [naviscan.ru]. Нередко от 1 лица описываются предполагаемые мысли и желания потенциального клиента («*Хочу, чтобы Вы мне прямо сейчас рассказали о том, как правильно и эффективно нужно продвигать мой сайт*» – [eggo.ru]; «*Я хочу экономить до 30% на топливе. С чего мне начать?*» – [naviscan.ru]). В 19 из 20 проанализированных текстов употреблялось обращение к читателю на «Вы/вы» (встречалось написание и со строчной, и с прописной буквы), и только в одном тексте было отмечено менее формальное общение с читателем на «ты».

Относительно редкое использование причастных и деепричастных оборотов. В большинстве случаев они заменяются придаточными предложениями («*Для тех, кому удобнее оплачивать заявки потенциальных клиентов. Для тех, кому необходимо решить какие-либо специфические задачи*» – [eggo.ru]).

Большое количество побудительных и восклицательных предложений, риторических вопросов («*выполняй упражнения*» – [lingualeo.com]; «*почитайте отзывы наших клиентов*» – [ofisremont.by]; «*Оплатите оборудование из сэкономленных денег!*» [1000leds.ru]; «*Вы всегда хотели знать, где в данный момент находится машина, чем водители занимаются на маршрутах и когда они выполнят работу?*» – [naviscan.ru]).

Частые лексические и синтаксические повторы («*Для кого эта услуга? – Для молодых сайтов // – Для сайтов, требующих доработки и наполнения // – Для сайтов под санкциями поисковых систем*» – [eggo.ru]). Большая часть проанализированных текстов является seo-адаптированными (адаптированными под поисковые системы), и прием многократного повторения ключевых слов и фраз нередко используется авторами текстов намеренно для лучшей индексации по ключевым запросам.

Таким образом, мы будем относить тексты лендингпейджкпублицистическому стилю. Если не считать намеренное использования разговорного стиля в некоторых отзывах, наибольшее отступление от публицистического стиля было отмечено только в одном исследованном тексте:

«Сказ о том, как 2 тракториста начальника провели

Жили-были 2 тракториста в северной Столице нашей Родины – Санкт-Петербурге. Был у трактористов суровый начальник. Жили, не тужили, но вот пришла зима. Зима суровая, с сильными снегопадами и метелями, да такими сильными, что засыпало все дорожки и тротуары в городе. Люди пройти не могут, машинам не проехать.

И сели трактористы в свои машины, выехали город спасать от коллапса и улицы расчищать. Но ни конца, ни края снегу видно не было, работы невпроворот.

Начальник суров, денег платит мало бравым трактористам, а работать заставляет много и усердно.»Несправедливо!», – подумали трактористы и решили схитрить... А о том, как трактористы захотели начальника провести, смотрите на видео ниже». (Далее следует видеоматериал «*Мошенники в действии*») – [naviscan.ru].

В данном случае иносказательная история является подводкой к видеосюжету и является иллюстрацией ситуации, в которую может попасть посетитель сайта, если не воспользуется предложением компании. Можно предположить, что автор

текста намеренно использует данный способ преподнесения информации, чтобы просто, доступно и с юмором рассказать о сложных схемах мошенничества, не вызывающих в реальной жизни никаких приятных эмоций.

Что касается типов речи, то наиболее используемыми являются описание и рассуждение. Описание чаще всего применяется для ознакомления посетителя с товаром или услугой. Например, *«Уникальность этого кошелька заключается в ручной работе и неповторимости древесных отпечатков. Каждое изделие имеет свою неповторимую текстуру, а так же хранит изысканность и тепло рук мастеров, непревзойдённых в своем деле»* – [dinero.ru]. Рассуждение обычно используется при перечислении достоинств товара или услуги и упоминании выгод для клиента: *«Еще один интересный факт: По статистике люди, владеющие английским зарабатывают на 32% больше, чем те, кто не может на нем свободно говорить»* – [metland.me].

Еще одной характерной чертой стиля текста лендинг пейдж является большое количество фактологической информации: *«Более 7 лет на рынке туристических услуг // Более 50 офисов по всей России // Более 15 000 постоянных клиентов <...> Любые туры на 5% дешевле, чем у других турфирм»* – [travelv.ru]; *«Английский за 3 месяца <...> Сможете учить до 90 слов в день, с помощью нашей скоростной методики, и будете помнить до 98% всех выученных слов и выражений»* – [metland.me].

Как мы видим, тексты лендинг пейдж, если исследовать их вербальную составляющую, во многом близки к рекламным и журналистским текстам. Общими являются черты публицистического стиля, использование схожих типов речи, описания и рассуждения. В числе особенностей можно выделить редкое использование каламбура и языковой игры в заголовках, употребление большого количества повторов, глаголов в повелительном наклонении, частое обращение к читателю и использование форм 1 лица единственного числа для описания предполагаемых мыслей, вопросов и сомнений читателя. Другим принципиальным отличием является изменяемость текстов лендинг пейдж. Если журналистские и «классические» рекламные тексты представляют собой статичные единицы, то тексты лендинг пейдж подвержены регулярному редактированию. Оценка эффективности текста в целом напрямую зависит от эффективности внесимых изменений, что оценивается с помощью данных интернет-аналитики. Наблюдение за текстом в динамике позволяет делать выводы о влиянии отдельных факторов (структура, стиль, объем текста и пр.) на его восприятие.

Невербальная информация

Креолизованные тексты «посадочных» страниц могут включать в себя фото- и видеоматериалы, карты, значки и иконки, логотипы и другие невербальные элементы.

Если обратиться к структуре, то стоит отметить возможность использования невербальных (изобразительных) средств передачи информации в качестве фона страницы, отдельных блоков или заголовков. Например, на сайте туристической фирмы [travelv.ru] можно увидеть различные изображения моря и пальм именно в качестве фоновых изображений. Нередко изображения используются в информационных блоках для привлечения внимания и/или усиления красочности

страницы, создания определенных визуальных эффектов. Однако далеко не всегда невербальная информация является второстепенной, сопровождающей и «обслуживающей» вербальную составляющую.

Если рассматривать отдельные структурные элементы текстов лендинг пейдж, то наиболее часто невербальная информация используется в блоках с примерами работ компании, описанием товаров и отзывами. На нескольких исследованных интернет-страницах были представлены видеосюжеты о компании или ее услугах вместо развернутой текстовой информации. Встречались и примеры, в которых один или несколько основных аргументов в пользу сотрудничества с компанией были представлены с очевидным преобладанием невербальной информации. Например, на сайте компании, продающей зарубежную недвижимость, акцент был сделан на большом количестве красочных изображений выставленных на продажу вилл, домов и замков, а на сайте компании, предлагающей организацию свиданий, – на видеосюжетах о реализованных проектах. На этих страницах фото- и видеоматериалы не только привлекали внимание своей яркостью и красочностью, но и были вынесены в самое начало страницы. Несложно сделать вывод, что в начало страницы выносятся самая главная и важная информация, после знакомства с которой пользователь принимает решение, остаться еще какое-то время на сайте или покинуть ресурс.

В разделах, в которых содержится упоминание каких-либо фактов, аргументов или этапов работ, для систематизации вербальной информации обычно используется разбивка на небольшие текстовые блоки (от нескольких слов до нескольких предложений), озаглавленные подходящими иконками или значками. Кроме того, иконки и изображения обычно сопровождают любую перечисляемую информацию. Например, при перечислении стран используются изображения их флагов, компаний-клиентов – их логотипы.

Среди прочих элементов, сочетающих вербальную и невербальную информацию и позволяющих продлить время пребывания пользователя на сайте или увеличить вероятность заключения сделки, можно отметить «тикающие часы» и калькулятор цен. Первый вариант представляет собой условные часы, ведущие обратный отсчет времени до конца действия акции или спецпредложения. Второй вариант – так называемый калькулятор, позволяющий пользователю самостоятельно вносить и изменять переменные и узнавать примерную или точную стоимость работ.

Если обобщить представленную информацию, можно сделать вывод, что невербальная информация в текстах «посадочных» страниц может играть как вспомогательную роль, так и ключевую, наглядно и красочно демонстрируя товар или примеры работ компании. Во втором случае создатели сайта скорее обращаются к эмоциям, а не к логике посетителей страницы. Нередко использование невербальной информации в качестве основного аргумента нарушает привычную структуру лендинг пейдж. Так, в самое начало страницы выносятся не оффер, объясняющий одну или несколько ключевых выгод для потребителей товара или услуги, а фото- или видеоматериал, демонстрирующий товар или услугу. Кроме того, особенностью креолизованных текстов посадочных страниц является наличие большого количества иконок и значков, помогающих систематизировать

вербальную информацию и дополнять ее графическими элементами для более комфортной навигации по сайту.

Литература

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. – 140 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Академия, 2005. – 288 с.

Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса. Тверь: Тверской государственный университет, 2000. – 92 с.

Полянская А.Г. Структурные особенности «посадочной» страницы как одного из видов корпоративных сайтов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 16. № 3. (в печати)

Сайт агентства Atom Media [Электронный ресурс]. URL: <http://atom-media.ru/> (дата обращения: 01.11.2016).

Сайт компании ChrisBer'Y [Электронный ресурс]. URL: <http://shop.chrisbery.ru/> (дата обращения: 01.11.2016).

Сайт компании Dinero [Электронный ресурс]. URL: <http://dinero.ru/> (дата обращения: 01.11.2016).

Сайт компании English Revolution [Электронный ресурс]. URL: <http://metland.me/method/> (дата обращения: 01.11.2016).

Сайт компании Navisan [Электронный ресурс]. URL: <http://naviscan.ru/> (дата обращения: 01.11.2016).

Сайт школы боевых искусств «Московский будокан» [Электронный ресурс]. URL: <http://budokanschool.ru/> (дата обращения: 01.11.2016).

Сайт компании «СтройШевИнвест» [Электронный ресурс]. URL: <http://ofisremont.by/> (дата обращения: 01.11.2016).

Сайт компании «Турлидер» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.travelv.ru/> (дата обращения: 01.11.2016).

Сайт компании «ЭГГО» [Электронный ресурс]. URL: <http://eggo.ru/> (дата обращения: 01.11.2016).

Сайт компании «Энергосберегающие системы» [Электронный ресурс]. URL: <http://1000leds.ru/> (дата обращения: 01.11.2016).

LANGUAGE FEATURES OF LANDING PAGES TEXTS

Anastasiia G. Polianskaia

Post-graduate of Institute of linguistics of Russian academy of sciences
125009, Moscow, Bolshoy Kislovskiy per. 1/1
e-mail: nayzze@yandex.ru

This work is devoted to the study of corporate sites texts features based on landing pages texts. In this study we analyze multimodal texts of 20 Landing pages, different topics and manner of presenting information – convenience sample. The article highlights

the linguistic features of these texts and describes the type and role of non-verbal information. The purpose of this study is to identify, organize and describe the features that distinguish this type of creolized text for further study of its perception, as well as explore its stylistic affiliation. The relevance of this work is due to the wide popularity of landing pages that allow you not only to evaluate the effectiveness of advertising campaigns, but also to draw conclusions about the effectiveness of speech influence. The work outlines the most important characteristic of these texts, their variability. The texts of landing pages are subject to the regular editing that allows you to assess the quality of the changes and judge the effectiveness of the text as a whole. The material of the study shows that non-verbal information can complement the verbal text and can be the most important element in demonstrating the advantages of the promoted goods and services.

Keywords: text, creolized text, multimodal texts, linguistic features, landing page.

References

Galperin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka, 1981. – 140 p.

Leontiev A.A. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Akademia, 2003. – 288 p.

Milovidov V.A. Ot semiotiki teksta k semiotike diskursa [From text to semiotics semiotics discourse]. Tver: Tverskoi gosudarstvennii universitet, 2000. – 92 p.

Polyanskaya A.G. Strukturnye osobennosti «posadochnoj» stranicy kak odnogo iz vidov korporativnyh sajtov [Structural features of landing page as one of the types of corporate websites]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Jazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics]. 2016. Vol. 16. № 3. (In press)

Website of the agency Atom Media [electronic source]. URL: <http://atom-media.ru/> (accessed date: 11.01.2016).

Website of the company ChrisBer'Y [electronic source]. URL: <http://shop.chrisber-y.ru/> (accessed date: 11.01.2016).

Website of the company Dinero [electronic source]. URL: <http://dinero.ru/> (accessed date: 11.01.2016).

Website of the company English Revolution [electronic source]. URL: <http://metland.me/method/> (accessed date: 11.01.2016).

Website of the company Navisan [electronic source]. URL: <http://naviscan.ru/> (accessed date: 11.01.2016).

Website of the school Moscow Budokan [electronic source]. URL: <http://budokanschool.ru/> (accessed date: 11.01.2016).

Website of the company StroyShefInvest [electronic source]. URL: <http://ofisremont.by/> (accessed date: 11.01.2016).

Website of the company Turleader [electronic source]. URL: <http://www.travelv.ru/> (accessed date: 11.01.2016).

Website of the company EGGO [electronic source]. URL: <http://eggo.ru/> (accessed date: 11.01.2016).

Website of the company Energy Saving System [electronic source]. URL: <http://1000leds.ru/> (accessed date: 11.01.2016).

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ, КУЛЬТУРА, СОЗНАНИЕ:
ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Янь Кай (КНР)

аспирант кафедры русского языка
филологического факультета

Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

ул. Ленинские горы, д.1, корп. Г, кв. 319, Москва. 119234
e-mail: ky_710@mail.ru

В данной статье рассматривается проблема взаимосвязи художественного текста, культуры и (языкового) сознания с точки зрения психолингвокультурологического подхода (разрабатываемого В.В. Красных). На наш взгляд, в современной лингвистической науке одним из важнейших подходов интегративного характера является психолингвокультурологический, который обуславливает сближение лингвокультурологического и психолингвистического подходов. В.В. Красных считает, что психолингвокультурология – новое направление, посвященное изучению «живодействующей связи языка, культуры, сознания сквозь призму человека говорящего». А объектом психолингвокультурологии может быть «признана лингвокультура с учётом совокупности всех факторов, её предопределяющих и ею предопределяемых» [Красных 2016: 129].

В предлагаемом подходе рассматривается взаимосвязь художественного текста, культуры и человека говорящего как неразделимое единство. В работе мы предлагаем схему процесса порождения и восприятия текста (в том числе и художественного).

В русле нового направления, психолингвокультурологии, мы формулируем своё понимание художественного текста, выделяем три уровня его восприятия (поверхностный, глубинно-смысловой и когнитивно-дискурсивный), выявляем их существенные особенности, а также предлагаем методику его анализа с учетом разных аспектов (общелингвистического, лингвокультурологического и психолингвистического)

Ключевые слова: культура, языковое сознание, человек говорящий, художественный текст, психолингвокультурологический подход.

В современных лингвистических исследованиях феномены культуры, (художественного) текста и языкового сознания все чаще рассматриваются как неразрывные составляющие единого комплекса.

Так, культура, по словам В.Н. Телия, есть результат восприятия мироздания [Телия 2010: 776]; «мировидение и миропонимание определенного народа, обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222]. В основе мировидения и миропонимания народа лежит своя система предметных значений, стереотипов и когнитивных схем. Поэтому человеческое сознание всегда этнически обусловлено;

мировидение и миропонимание каждого народа нельзя перевести простым перекодированием на язык культуры другого этноса [Леонтьев 1993: 20]. По А.А. Леонтьеву, культура – это «своего рода указатель оптимального способа действий в мире и понимания мира» [Леонтьев 2001: 124]. В данной статье мы, вслед за Ю.М. Лотманом, понимаем культуру как «надивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых, который может пониматься как пространство некоторой общей памяти» [Лотман 1992: 200–202].

С позиции психологии, память есть когнитивная способность человека, которая позволяет удерживать в голове информацию о мире [КСКТ 1996: 114], а также «культурный процесс, выполняющий в жизни функции запоминания, сохранения и воспроизведения информации» [Немов 2010: 219].

Слово «информация», согласно И.Р. Гальперину, употребляется в двух значениях. В бытовом значении информация понимается как всякое сообщение, оформленное в виде словосочетания номинативного характера; это может быть высказывание, предложение и цельный текст. Во втором значении «информация» употребляется в трудах по теории коммуникации и предполагает получение новых сведений о предметах, явлениях, отношениях, событиях объективной действительности [Гальперин 2007: 26].

И.Р. Гальперин предложил при анализе разных видов текстов различать информацию содержательно-фактальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую; при этом последняя, будучи скрытой, извлекается из первой благодаря в том числе «способности предложения внутри СФЕ приращивать смыслы» [Гальперин 2007: 28]. В целом смысл играет важнейшую роль, т. к. именно он формирует текст как единое целое и позволяет воспроизводить его содержание и соотносить с действительностью. Соответственно, смысл должен рассматриваться в тройном аспекте: «в его отношении к памяти, к реальной действительности и к конкретным языковым средствам, образующим текст» [Гальперин 2007: 10].

В.А. Маслова считает, что текст в рамках лингвокультурологии – это «истинный стык лингвистики и культурологии, т. к. текст принадлежит языку и является его высшим ярусом, в то же время текст есть форма существования культуры» [Маслова 2010: 53]. Отметим, что многие лингвисты и культурологи пришли к выводу, что культуру в целом можно рассматривать как текст и что текст насыщает культурную память. В некотором смысле продолжая эту же идею Ю.М. Лотмана, Г.В. Денисова отмечает, что культурную память формирует «целый набор текстов и культурных клише с закрепленным за ними определенным содержанием», который существует в языковом сознании человека [Денисова 2003: 261].

Языковое сознание, вслед за Е.Ф. Тарасовым, трактуется как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» [Тарасов 2000: 26], т. е. как «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996: 7].

С психологической точки зрения Т.В. Ушакова смотрит на текст в широком понимании: через текст, через речевую продукцию в коммуникации мы можем понять и почувствовать человека (автора), его мысль, определить настроение, характер, воспитание и т. д. [Ушакова 2011: 240].

Рассматривая текст в русле психолингвистики, А.А. Леонтьев писал о том, что текст есть «организованное смысловое целое, а его формальная структура и объединяемые ею компоненты текста служат лишь опорой при выявлении этого смыслового целого и оперирования с ним» [Леонтьев 2001: 242]. И.Н. Горелов и К.Ф. Седов определяют текст как некоторое сообщение, выраженное средствами национального языка [Горелов, Седов 2008: 43]. В.П. Белянин считает текст сложным семантическим образованием, обладающим рядом характеристик, которые отсутствуют у единиц языка, а именно: цельностью, связностью, эмотивностью, креолизованностью, прецедентностью, скважностью [Белянин 2011: 162]. В.В. Красных выделяет следующие аспекты текста как единицы дискурса: собственно лингвистический, экстралингвистический, когнитивный и семантический [Красных 2003: 118]. А.И. Новиков считает, что особенность текста заключается в том, что «он представляет собой целостный комплекс языковых, речевых и когнитивных компонентов, неразрывное единство и взаимодействие которых и определяют его внутреннюю смысловую сущность» [Новиков 2003: 91–97].

Итак, текст имеет тесную связь как с культурой, так и с языковым сознанием, т. к. отражает духовный мир человека; текст также хранит информацию обо всем, что составляет содержание культуры [Маслова 2008: 157], а культура – это форма сознания, отображающая мировоззрение человека [Телия 1996: 224].

На основе анализа различных точек зрения предложим свое понимание текста. Итак, текст (особенно художественный текст) представляет собой: 1. совокупность языковых единиц в лексико-грамматическом единстве (т. к. в тексте функционируют такие единицы языка, как слова, фразеологические единицы, предложения и др.); 2. результат овнешнения сознания и форма существования культуры; 3. хранилище культуры, отражающее языковую картину мира [Янь Кай 2014: 200–201].

Известно, что текст художественного произведения выступает «в двух ролях – как знак художественной реальности и как её структурный фрагмент, т. е. одновременно как означающее и частично означаемое» [Розин 2008: 209]. Значит, художественный текст имеет сложную иерархическую семиотическую природу; помимо этого он представляет собой специфический способ опредмечивания образа мира, существующего в сознании человека говорящего [Сорокин 1993: 98] (выделено нами. – Я.К.). По В.В. Красных, человек говорящий формируется как личность языковая, речевая и коммуникативная, как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества именно в коммуникации, впитывая в себя культуру данного сообщества с помощью языка данного общества [Красных 2011: 15]. За каждым художественным текстом стоит автор (человек говорящий), его личность (языковая, речевая и коммуникативная), стремящаяся в своей речевой деятельности воплотить характерный для её самосознания идеал, который отражает идеи культуры того времени и того народа [Диброва 2008: 18].

Как видим, культура, текст (художественный) и человек говорящий сосуществуют в едином коммуникативном пространстве; текст создается человеком как речемыслительный продукт и является единицей коммуникации, с помощью которой происходит диалог между автором и читателем как представителями определенных (возможно, разных) исторических периодов, определенных (возможно,

разных) культур и/или субкультур и т. д. Текст (особенно художественный) – это хранилище культуры, отражение ментального пространства человека и действительности (материальной и духовной), закрепленной в знаках языка и с помощью знаков языка выражаемой [Янь Кай 2014: 204].

Вспомним слова Н.В. Уфимцевой, что коммуникация в рамках родной культуры – это взаимодействие двух языков, постоянный перевод с внутреннего языка на внешний (при порождении речи/текста) и с внешнего языка на внутренний – при понимании. Изучение иностранного языка вне его культурной среды может привести к билингвизму, а не к бикультурности, поскольку человек овладевает лишь внешним, формальным языком данной культуры. Н.В. Уфимцева отмечает, что «образ мира, т. е. те знания, с которыми работает внутренний язык, принадлежит родной культуре, и в случае искусственного билингвизма формируется лишь умение переводить знания, принадлежащие образу мира своей культуры, на внешний формальный язык другой культуры» [Уфимцева 2011: 176].

Таким образом, текст (художественный) обладает собственно-лингвистической природой, лингвокультурной спецификой и психолингвистическими особенностями. Следовательно, на наш взгляд, при анализе художественного текста необходимо учитывать следующие аспекты:

а) общий лингвистический аспект, поскольку текст создается единицами всех уровней языка (от фонемы до синтаксемы (высказывания); от фонетического до синтаксического уровня языка); следовательно, при анализе художественного текста возможно применять методики фонетико-интонационного, лексико-стилистического, морфо-синтаксического анализа и под.;

б) лингвокультурологический аспект, т. к. текст, с одной стороны, создается на фоне широкого историко-социо-культурного контекста, с другой – сам порождает некоторый лингво-социо-культурный контекст; в любом случае текст в той или иной степени отображает не только языковую личность автора, но и культуру народа, закрепленную в знаковых формах. Таким образом, анализу могут подвергаться языковые единицы, обладающие культураносными смыслами (напр., фразеологизмы и отфразеологизированные лексемы); различные языковые единицы в их соотношении с кодами культуры; метафоры (авторская, когнитивная и пр.); символические выражения и словосочетания; средства выражения гендерных отношений; проявления и средства описания стереотипного поведения; прецедентные феномены; лингвокультурные и лингвокогнитивные концепты и др.;

в) психолингвистический аспект, поскольку порожденный текст и его восприятие / понимание / интерпретация суть результат речемыслительной деятельности коммуникантов: автора и читателя.

Известно, что у любого художественного текста есть два «автора», между которыми происходит диалог культур (межэтнический, эстетический, субкультурный). Первый автор – художник, который отображает созданный им мир в тексте; второй «автор» – читатель текста, который воспринимает, понимает и интерпретирует текст художника на фоне своей лингво-социо-культуры.

По словам А.А. Леонтьева, сущность восприятия текста – в создании у реципиента образа содержания текста [Леонтьев 2001: 239]. А содержание текста «по-

лифонично, многоаспектно, стоящий за ним мир может быть “увиден” читателем по-разному, в зависимости от того, что ему нужно в этом мире “увидеть”, только степень вариантности точек зрения разная» [Леонтьев 2001: 240].

Понимание текста, как отмечал А.И. Новиков в рамках психолингвистики текста, – это сложный мыслительный и психологический процесс, проходящий ряд этапов, в результате чего «происходит активное перекодирование словесной формы текста, представляющее собой многократное перекодирование. Областью кодовых переходов является внутренняя речь, в которой совершается переход от внешних кодов языка к внутреннему коду интеллекта, на основе которого формируется содержание текста как результат понимания» [Новиков 1983: 46]. С точки современной психолингвистики, результатом процесса понимания является «активное преобразование словесной формы сообщения в ментальную структуру, принадлежащую сознанию адресата» [Пешкова 2014: 114].

Таким образом, ситуацию понимания художественного текста можно схематически изобразить так (что соотносится с упрощенной схемой коммуникации Р.О. Якобсона): автор – текст – читатель (интерпретатор). При этом автор и интерпретатор могут выступать как две духовные силы, два психических мира (реальности мира) (см. схему 1).

Схема № 1

1. Автор производит текст 1 и воздействует на сознание читателя. Значит, при порождении текста 1 адресанту (автору) необходимо:
  - воспринимать и получать информацию/знание о действительности 1 (материальной или духовной);
  - перерабатывать/обрабатывать полученные данные на фоне своего фонового знания и социального опыта;
  - систематизировать и структурировать свою идею и мысли, которые воплощаются в знаковых формах;
  - порождать текст 1, отражающий субъективный образ объективного мира и индивидуально-авторскую картину мира.

2. При восприятии текста 1, адресат (читатель) должен:

- получать, воспринимать текст 1, воплощенный в знаковых формах;
- через призму своего внутреннего мира проводить переработку/обработку полученных представлений о действительности 1;
- анализировать внутренний мир автора;
- систематизировать своё понимание – текст 2, соотносить его с авторским;
- интерпретировать текст 1;
- порождать текст 2 [Янь Кай 2014: 202].

Как известно, существуют различные уровни интерпретации и понимания текста в зависимости от типов информации (смысла) в данном тексте: «Условия и ситуации логического понимания у автора и интерпретатора могут быть различными. Чтобы интерпретатор был в состоянии понять автора, они должны иметь нечто общее. Таким объединяющим началом является, прежде всего, их общий логический мир (мир смысла)» [Постовалова 2014: 13]. Именно в таком случае читатель «обладает достаточным знанием культурно-исторического контекста эпохи, в которую жил автор» [Там же].

Как мы видим, текст выступает как инструмент отражения действительности, с помощью которого начинается диалог между автором и читателем; в порождении и восприятии текста проявляется человеческое мышление и сознание.

Как пишет Е.Ф. Тарасов, сознание включено в познавательную активность человека, которая «начинается с процесса восприятия, приводящего к конструированию чувственного образа объекта восприятия...» [Тарасов 2014: 24–25].

При анализе восприятия художественного текста предполагается рассмотрение следующих уровней (ср. с уровнями, описываемыми Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1987: 93–94]) (см. таблицу 1).

Таблица №1

Уровни восприятия текста

1	Поверхностный уровень – восприятие.	В фокусе внимания – все языковые единицы в лексико-грамматическом единстве.
2	Глубинный (смысловой) уровень – понимание.	В фокусе внимания – лингвокультурный смысл текста (раскрывается через анализ метафор, символов, прецедентных феноменов, концептов, кодов культуры и т. д.
3	К о г н и т и в н о - дискурсивный уровень – интерпретация.	В фокусе внимания – полевая структура текста, его концептуальное поле, картина мира и т. д.

Совершенно очевидно, что все уровни понимания художественного текста взаимообусловлены, а сам процесс понимания имеет определенную иерархическую структуру, которая проявляется в постепенном переходе от восприятия прямых значений отдельных слов и грамматических форм к пониманию смысла целых высказываний (обладающих – в том числе – национально-культурной спецификой) и затем – к осмыслению общего смысла текста (ср.: при восприятии же мы «восходим» (согласно Л.С. Выготскому) от понимания слов к пониманию смысла (цит. по: [Красных 2012: 127]). Иными словами, понимание текста есть переход «от язы-

ковых форм к когнитивным» [Новиков 2003: 97]. Поэтому главная задача восприятия и понимания художественного текста состоит не только в восприятии знаковых форм, но и в понимании того, что стоит за текстом.

Такого рода представления требуют выработки интегративного подхода, поскольку, по А.А. Залевской, именно интегративный подход к слову и тексту, учитывающий неразрывную взаимосвязь между телом, сознанием и культурой, способен сделать качественно новые шаги на пути к раскрытию взаимопонимания при общении, в том числе – в условиях различающихся языков и культур [Залевская 2005: 488]. Подход, имеющий интегративный характер, как нам представляется это, – психолингвокультурологический (разрабатываемый В.В. Красных), который обуславливает сближение современной психолингвистики, лингвокультурологии и лингвистики текста; а также призван помочь сделать новые шаги к раскрытию особенностей взаимопонимания в условиях межкультурной коммуникации – общения носителей разных языков, языковых сознаний и культур, включая также восприятие и понимание иноязычных / инокультурных художественных текстов.

Литература

- Белянин В.П.* Психолингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 226 с.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: URSS, 2007. – 148 с.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2008. – 320 с.
- Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
- Диброва Е.И.* Художественный текст: структура, содержание, смысл: избранные работы. Т. 1. – М.: ТВТ Дивизион, 2008. – 430 с.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования: Слово. Текст: избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
- Красных В.В.* Многогранник бытия homo loquens: «язык – сознание – культура – коммуникация – сообщество» // Материалы конференции «Жизнь языка в культуре и социуме-2». – М.: Эйдос, – 2011. С. 14–16.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики. – М.: Гнозис, 2012. – 329 с.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
- Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с.
- Кубрякова Е.С.* Текст – проблемы понимания и интерпретации // Семантика целого текста. – М.: «Наука», – 1987. С. 93–94.
- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт, – Воронеж: НПО «МОДЕК», 2001. – 448 с.

- Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания РАН, – 1993. С. 16–21.
- Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении [Электронный ресурс] // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202. – URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92f.htm> (Дата обращения: 12.05.2015).
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Академия, 2010. – 202 с.
- Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
- Немов Р.С.* Психология. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. – 684 с.
- Новиков А.И.* Семантика текста и её формализация. – М.: Наука, 1983. – 214 с.
- Новиков А.И.* Текст как объект исследования лингвopsихологии // Методология современной психолингвистики. – Москва; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, – 2003. С. 91–99.
- Пешикова Н.П.* Из опыта экспериментальных исследований понимания речи в русле психолингвистики текста А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики. – 2014, – 2 (20). – С. 113–122.
- Постовалова В.И.* Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции Вильгельма Фон Гумбольдта. – М.: URSS, 2014. – 256 с.
- Розин В.М.* Визуальная культура и восприятие: как человек видит и понимает мир. – М.: URSS, 2008. – 269 с.
- Сорокин Ю.А.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт Языкознания РАН, – 1993. С. 98–117.
- Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. – М.: Институт языкознания РАН, – 2000. С. 24–32.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, – 1996. С. 7–22.
- Тарасов Е.Ф.* Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. – 2014, – 4 (22). – С. 24–35.
- Телия В.Н.* Послесловие, замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, – 2010. – С. 776–782.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Уфимцева Н.В.* Язык, культура, сознание: психолингвистический аспект // Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии: Сб. науч. статей / под ред. В.В. Красных. – М.: Азбуковник, – 2011. – С. 175–182.
- Ушакова Т.Н.* Рождение слова: проблемы психологии речи и психолингвистики. – М.: Институт психологии РАН, 2011. – 524 с.
- Янь Кай.* О понимании художественного текста в свете лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов // Вестник ТвГУ. Серия филология. – 2014, – №4. – С. 99–205.

FICTION, CULTURE, MIND:
PSYCHO-LINGUO-CULTURAL APPROACH

Yan Kai (CHINA)

Ph.D. student of the Russian language Department
of the Philological Faculty, MSU
Str. Leninskiye Gon, d. 1, bldg. G, Apt. 402, Moscow, 119234
e-mail: ky_710@mail.ru

This article deals with the relationship between literary text, culture and (linguistic) consciousness in the light of psycho-linguo-cultural approach (developed by V. V. Krasnyhk). In our opinion, one of the most important approaches of an integrative nature in modern linguistic science is psycho-linguo-cultural approach, which determines the convergence of the cultural linguistic and psycholinguistic approaches. V. V. Krasnyhk thinks that psycho-linguo-culture is a new trend devoted to the study of «active relationship between language, culture and consciousness through the prism of a speaker». And the object of psycho-linguo-culture can be «recognized as linguistic culture taking into account all factors, which predetermine it and be predetermined by it» [Krasnyhk 2016: 129].

The relationship between literary, culture and speaker as inseparable unity is discussed in the proposed method. In the paper we propose a scheme of the process of generation and perception of the text (including literary text).

In the new direction of psycho-linguo-culture we offer our understanding of literary text and reveal the method of the aspect of analysis (in other words, general linguistic, cultural linguistic and psycholinguistic aspects), and there are three levels of perception of a literary text (in other words, superficial, deep-semantic and cognitively-discursive) and their essential features.

Keywords: culture, linguistic mind, Homo loquens, fiction, information, levels of text perception, psycho-linguo-cultural approach.

References

- Beljanin V.P.* Psiholingvistika [Psycholinguistics]. – M.: Flinta: Nauka. 2011. – 226 p.
- Halperin I.R.* Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. – M.: URSS, 2007. – 148 p.
- Gorelov I.N., Sedov K.F.* Osnovyi psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. – M.: Labirint, 2008. – 320 p.
- Denisov G.V.* V mire interteksta: yazyik, pamyat, perevod [In the world of intertext: language, memory, translation]. – M.: Azbukovnik, 2003. – 298 p.
- Dibrova E.I.* Hudozhestvennyiy tekst: struktura, sodержanie, smysl: izbrannyye raboty. T. 1. [Artistic text: structure, content, meaning: selected works. T. 1.]. – M.: TVT Division, 2008. – 430 p.
- Zalevskaya A.A.* Psiholingvisticheskie issledovaniya: Slovo. Tekst: izbrannyye trudy [Psycholinguistic studies: Word. Text: selected Works]. – M.: Gnozis, 2005. – 543 p.

Krasnyhk V.V. Mnogogrannik byitiya homo loquens: «yazyik – soznanie – kultura – kommunikatsiya – soobschestvo» [Polyhedron of being homo loquens: «language -- consciousness -- culture -- communication – community»] // Materialy konferentsii «Zhizn yazyika v kulture i sotsiume-2» [Materials of the conference «Life of language in culture and society-2»]. – M.: Eydos – 2011. pp. 14-16.

Krasnyhk V.V. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. – M.: Gnozis, 2012. – 329 p.

Krasnyhk V.V. «Svoy» sredi «chuzhih»: mif ili realnost? [«Ones'» among «others'»: myth or reality?] – M.: Gnozis, 2003. – 375 p.

Krasnyhk V.V. Slovar grammatikal'ingvokultury; Osnovy psiholingvokulturologii [Dictionary and grammar of lingua-culture: Basis psycho-linguo-cultural studies] – M.: Gnozis. 2016. – 496 p.

Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Y.G., Luzina L.G. Kratkiy slovar kognitivnykh terminov [Abridged dictionary of cognitive Terms] / Pod obschey redaktsiei E.S. Kubryakovoy [Edited by E.S. Kubryakova]. – M.: Philological faculty of Moscow State University, 1996. – 245 p.

Kubryakova E.S. Tekst – problemy ponimaniya i interpretatsii [Text -- the problems of understanding and interpretation] // Semantika tselogo teksta [Semantics of intact text]. – M.: «Nauka» – 1987, pp. 93-94.

Leontiev A.A. Yazyik i rechevaya deyatelnost v obschey i pedagogicheskoy psihologii: Izbrannyye psihologicheskie trudy [Language and speech activity in general and educational psychology: Selected psychological works]. Moscow.: Moscow psychosocial institute, – Voronezh: NPO «MODEK», 2001. – 448 p.

Leontiev A.A. Yazyikovoie soznanie i obraz mira [Language consciousness and image of the world] // Yazyik i soznanie: paradoksalnaya ratsionalnost [Language and consciousness: the paradoxical rationality]. – M.: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences – 1993. pp. 16-21.

Lotman Y.M. Pamyat v kulturologicheskom osveschenii [Elektronnyy resurs] [Memory in cultural interpretation [electronic resource]] // Lotman Yu.M. Izbrannyye statii. T. 1. [Lotman Y.M. Selected articles. T. 1.] Tallinn, 1992, pp. 200-202. – URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92f.htm> (reference date: 05.12.2015).

Maslova V.A. Lingvokulturologiya [Lingvo-culturology]. – M.: Academy, 2010. – 202 p.

Maslova V. A. Sovremennyye napravleniya v lingvistike [Modern trends in linguistics]. – M.: Academy, 2008. – 272.

Nemov R. S. Psihologiya [Psychology]. – M.: Humanities. ed. center VLADOS, 2010. – 684 p.

Novikov A. I. Semantika teksta i eYo formalizatsiya [Semantic text and its formalization]. – M.: Nauka, 1983. – 214.

Novikov A. I. Tekst kak ob'ekt issledovaniya lingvopsihologii [Text as an object of study of linguoecology // Methodology of modern psycholinguistics]. – M.: Barnaul: Publishing house Alt. University, – 2003. P. 91-99.

Peshkova N. P. Iz opyta eksperimentalnykh issledovaniy ponimaniya rechi v rusle psiholingvistiki teksta A.I. Novikova [Experimental studies of speech understanding in the mainstream of psycholinguistics text I. A. Novikova // Questions of psycholinguistics]. – 2014, – 2 (20). – P. 113-122.

Postovalova V. I. Yazyik kak deyatelnost: Opyit interpretatsii kontseptsii Vilgelma Fon Gumboldta [Language as activity: an attempted interpretation of the concept of Wilhelm Von Humboldt]. – M.: URSS, 2014. – 256 p.

Rozin V. M. Vizualnaya kultura i vospriyatie: kak chelovek vidit i ponimaet mir [Visual culture and perception: how does one view and understand the world]. – M.: URSS, 2008. – 269 p.

Sorokin Yu. A. Pretsedentnyiy tekst kak sposob fiksatsii yazykovogo soznaniya [Precedent text as a way of capturing the linguistic consciousness // Language and consciousness: paradoxical rationality]. – M.: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, in 1993. P. 98-117.

Tarasov E. F. Aktualnyie problemy analiza yazykovogo soznaniya [Urgent problems of the analysis of language consciousness // Language consciousness and image of the world]. – M.: Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences, – 2000. S. 24-32.

Tarasov E. F. Mezhekulturnoe obschenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya [Intercultural communication – new ontological analysis of language consciousness // Ethnocultural specificity of language consciousness]. – M.: Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences – 1996. S. 7-22.

Tarasov E. F. Prolegomeny k teorii yazykovogo soznaniya [Prolegomena to a theory of language consciousness // Questions of psycholinguistics]. – 2014, – 4 (22). – Pp. 24-35.

Teliya V. N. Posleslovie, zamyisel, tseli i zadachi frazeologicheskogo slovarya novogo tipa [Afterword, purpose, goals and objectives of the phraseological dictionary of a new type // Large phraseological dictionary of Russian language. Value. Use. The cultural dictionary of the Russian language / Ed. edited by V. N. Telia]. – M.: AST-PRESS BOOK – 2010. – Pp. 776-782.

Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. – Moscow: Languages of Russian culture, 1996. – 288 p.

Ufimtseva N. V. Yazyik, kultura, soznanie: psiholingvisticheskii aspekt [In Language, culture, consciousness: psychological and linguistic aspects // Russian language in terms of linguistic and cultural polyphony: Sat. scientific. articles / edited by V. V. Krasnykh]. – M.: Azbukovnik, – 2011. – Pp. 175-182.

Ushakova T. N. Rozhdenie slova: problemy psikhologii rechi i psiholingvistiki [The birth of words: problems of speech psychology and psycholinguistics]. – M.: Institute of psychology RAS publ., 2011. – 524 p.

Yan Kai. O ponimanii hudozhestvennogo teksta v svete lingvokognitivnogo i lingvokulturologicheskogo podhodov [The understanding of a literary text in the light of cognitive and cultural approaches // Vestnik of Tver state University]. Series Philology. – 2014, – №4. – P. 99-205.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ

**ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Центр межкультурных исследований им. А.А. Леонтьева
(Институт языкознания РАН)

информирует, что

26 января 2017 г. состоится очередное заседание Центра и
выступление доктора филологических наук, профессора
Натальи Владимировны Уфимцевой с докладом
**«Русские и русскость глазами психолингвиста.
Попытка построения модели обыденного языкового
сознания».**

В докладе предполагается рассмотреть результаты
многолетних экспериментальных исследований языкового
сознания русских респондентов (студентов разных вузов
РФ) за период с 1988 по 2011 г.г. и проинтерпретировать
их исходя из теоретических представлений Московской
психолингвистической школы (А.А. Леонтьев) и взглядов
Ф. де Соссюра, А.Ф. Лосева, К. Касьяновой, А. Панарина,
В. Рамачандрана и др.

Институт языкознания РАН
Москва, Большой Кисловский пер. д.1/1,
Актальный зал

**XVIII Международный симпозиум по психолингвистике
и теории коммуникации
«Теория речевой деятельности: практики и эксперимент»
Москва, 23–26 мая 2016 г.**

23–26 мая 2016 г. отдел психолингвистики Института языкознания РАН совместно с Российским университетом дружбы народов провел XVIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». В этом году он прошел в рамках Международного конгресса «Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам», организованного Институтом языкознания Российской академии наук, Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, Российским психологическим обществом, Российской академией образования, Федеральным институтом развития образования, Российским университетом дружбы народов и Институтом экзистенциальной психологии и жизнетворчества. Конгресс был посвящен 80-летию со дня рождения А.А.Леонтьева.

23 мая участники конгресса собрались в Большой психологической аудитории факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, где любил выступать юбиляр. Было произнесено много теплых и добрых слов в адрес А.А. Леонтьева – личные воспоминания о годах сотрудничества с ним переплетались с описанием того научного вклада, который оставил нам этот выдающийся ученый. Свои доклады представили Александр Григорьевич Асмолов («От “Разума в обществе” (Л.С. Выготский) – к “Деятельному уму” (А.А. Леонтьев): культурно-деятельностное движение»), Евгений Федорович Тарасов («А.А. Леонтьев и формирование отечественной психолингвистики»), Наталья Владимировна Уфимцева («Теория речевой деятельности: откуда мы и куда идем»), Татьяна Васильевна Ахутина («Смысл, смысловое поле и модель ситуации текста»), Владимир Самуилович Собкин («Проблемы психологии искусства в подходе А.А. Леонтьева»), Виктор Владимирович Знаков («Психологическая модель понимания»).

Участники конференции на факультете психологии, приняв гостей в своих стенах накануне, 24 мая приступили к проведению секционных заседаний и круглых столов. В течение двух дней работали следующие секции: «Культурно-деятельностная психология и гуманитарное познание», «Деятельность и коммуникация», «Психология искусства», «Язык и сознание» и круглые столы «Алексей Алексеевич Леонтьев в нашей памяти», «Вопросы образования и развивающие практики», «Вопросы экспертизы: от психолингвистической к комплексной гуманитарной». Был также проведен мастер-класс «Кризисы во взаимоотношениях носителей языков в контексте психологии общения, речи и искусства: история и современность».

24–26 мая, одновременно с конференцией на факультете психологии МГУ, продолжил свою работу XVIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Пленарное заседание симпозиума, как и его последующая работа, состоялось в РУДН. С докладами выступили такие известные исследователи, как Александра Александровна Залевская («Мультимодальный гипертекст как продукт процессов познания и общения»), Владимир Григорьевич Борботько («Семиотика высказывания в свете трудов А.А. Леонтьева»), Виктория Владимировна Красных («От “галактики Гутенберга” к “галактике Робертса–Ликлайдера”: продолжение или начало? (в развитие учения А.А. Леонтьева о речевой деятельности)»), Кирилл Яковлевич Сигал («Принцип эвристичности А.А. Леонтьева как объяснительный инструмент»), Наталья Васильевна Дмитриук («Этноментальный феномен ядра языкового сознания: ассоциативные исследования в Казахстане»), Игнатий Владимирович Журавлев («Психолингвистические аспекты коммуникативного воздействия в психотерапии»), Ирина Владимировна Шапошникова («Реформа образования в контексте социальной детерминации идентификационных процессов»), Елена Владимировна Харченко («Виды ошибок в речи носителей русского языка»).

В течение двух дней на 11 секциях («Языковое сознание: онтология и гносеология», «Языковое сознание русских: динамика и вариативность», «Психолингвистические проблемы формирования сознания в сфере публичных коммуникаций» «Производство и восприятие речи», «Межкультурное общение: контакты и конфликты», «Текст и гипертекст: производство и восприятие», «Аксиологическое языковое сознание: проблемы анализа», «Овладение языком в онтогенезе», «Языковое сознание: онтология и гносеология», «Психолингвистические проблемы формирования сознания в сфере публичных коммуникаций», «Межкультурное общение: контакты и конфликты», «Билингвизм и полилингвизм. Изучение иностранного языка», «Психолингвистические проблемы перевода») и двух круглых столах («Гендер эпохи глобализации и смены технологий», «Культурно-филологические проблемы чтения: прошлое, настоящее, будущее») было заслушано около двухсот докладов ученых из России (Москва, Санкт-Петербург, Брянск, Владимир, Волгоград, Воронеж, Иркутск, Казань, Калининград, Калуга, Красноярск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Орел, Пермь, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Саратов, Сочи, Сыктывкар, Тверь, Челябинск, Уфа, Якутск), Австрии (Вена), Армении (Ереван), Белоруссии (Витебск), Вьетнама, Казахстана (Алматы, Шымкент), Канады (Торонто), Узбекистана (Ташкент), Украины (Киев, Переяслав-Хмельницкий, Славянск, Харьков).

А.Д. Козлова

Круглый стол

«Актуальные проблемы проведения и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов»

В рамках XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент» (Москва, 24-26 мая 2016 г.) прошел круглый стол «Актуальные проблемы проведения и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов».

В работе круглого стола приняли участие Н.В. Уфимцева (Институт языкознания РАН), И.А.Стернин (Воронежский государственный университет), В.Е. Гольдин (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского), А.П. Сдобнова (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского), Мишель Дебрэнн (Новосибирский государственный университет), Л.О. Бутакова (Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского), Е.Н. Гуц (Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского), А.В. Рудакова (Воронежский государственный университет), Е.Б. Чернышова (Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета), И.В. Гордиенко-Митрофанова С.Л.Саута (Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С.Сковороды), Е.В. Старостина (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского).

Целью круглого стола был обмен мнениями по дискуссионным вопросам проведения и обработки результатов ассоциативных экспериментов и их использования в разных целях. В ходе работы круглого стола были обсуждены следующие вопросы:

- зависимость результатов от использованных методов получения ассоциативных полей;
- проблема выделения порога релевантности результатов ассоциативных экспериментов;
- возможность интеграции результатов ассоциативных экспериментов, полученных разными методами;
- приемы описания групповых особенностей ассоциирования (гендерные, возрастные, территориальные, темпоральные и др.);
- проблема терминологического обозначения разных подходов к использованию результатов ассоциативных экспериментов.

Все участники круглого стола подтвердили, что именно психолингвистические эксперименты, в первую очередь ассоциативный эксперимент, дают возможность доступа к языковому сознанию носителей языка и описанию языковой картины мира.

Практика использования ассоциативного эксперимента в настоящее время расширяется, этот метод используется в разных научных направлениях, в частности, для изучения языкового сознания, языковой картины мира, когнитивных процессов человека, системной организации лексики и выделения лексических группировок, изучения механизмов порождения и восприятия речи и текста, изучения семантики языковых единиц, описания концептов как единиц мышления, а также

для решения определенных задач в др. науках.

Было подтверждено, что ассоциативный эксперимент предоставляет многочисленные возможности для интерпретации его результатов.

Одним из важных вопросов, которые были обсуждены в ходе работы круглого стола, был вопрос о возможной зависимости результатов психолингвистических экспериментов от способа проведения эксперимента (время, место, социально-политическая обстановка, личность экспериментатора, количественный и качественный состав испытуемых, форма проведения эксперимента). И.А. Стернин отметил, что проведенное исследование в соавторстве с О.Е. Виноградовой (Виноградова, Стернин 2016) показывает, что существует определенная зависимость результатов от выбранного метода исследования и полученных в ходе эксперимента результатов.

Эффективность отдельных методов для решения конкретных исследовательских задач такова:

- для выявления ядерных значений слова в сознании носителей языка наиболее эффективен метод субъективной дефиниции;

- для максимально полного описания периферии семантики языковой единицы наиболее эффективен метод направленного эксперимента по вопросам - стимулам;

- для выявления значений слов, актуальных для современного языкового сознания носителя языка наиболее эффективны метод свободного ассоциативного эксперимента и метод направленного ассоциативного эксперимента по вопросам-стимулам;

- для выявления устаревших значений, не актуальных для современного языкового сознания, наиболее эффективен лексикографический анализ, а психолингвистические эксперименты - метод свободного ассоциативного эксперимента и метод направленного ассоциативного эксперимента по вопросам-стимулам - могут наиболее объективно подтвердить (верифицировать) устаревшие значения;

- для наиболее полного и глубокого описания отдельного значения слова как феномена языкового сознания с фиксацией всей совокупности семантических компонентов от ядра до периферии наиболее эффективным является метод интеграции результатов, полученных методом свободного ассоциативного эксперимента, методом направленного ассоциативного эксперимента по вопросам-стимулам, а также методом субъективной дефиниции; а в более экономном варианте - сочетании свободного АЭ и НАЭ по вопросам-стимулам (Виноградова, Стернин 2016, с.142-143).

М. Дебрэнн указала, что значительных отличий в результатах психолингвистических экспериментов при различных способах сбора информации (устно-устная, устно-письменная, письменно-устная, письменно-письменная) в ее исследованиях не наблюдается: ни в содержательной части, ни в числе отказов.

При электронном сборе материала могут быть использованы два способа сбора ассоциативного материала - заполнение анкеты в интернете с возможностью возвращения ко всему списку стимулов и, соответственно, возможностью внести изменения в свои ассоциации, и вариант, не позволяющий вносить изменения. Второй вариант предпочтительнее, поскольку не включается момент рефлексии.

При этом в анкетах, полученных с использованием электронного вида получения информации встречается меньшее количество орфографических ошибок, что, возможно, связано с тем, что компьютерная программа подчеркивает ошибочно написанное слово и испытуемый имеет возможность внести изменения.

Участники отметили, что при электронном варианте опроса (т.е. в отсутствие непосредственного участия экспериментатора) в реакциях отмечается большая доля языковой свободы (отклонений от языковой нормы) по сравнению с вариантом сбора информации в присутствии экспериментатора, в электронных анкетах чаще присутствует бранная и сниженная лексика.

При этом М.Дебрэнн отметила, что у нее, к ее удивлению, при электронном опросе мало бранной и сниженной лексики, что, по ее мнению, следствие того, что в преамбуле к анкете указывалось, что это научное исследование, и это, возможно, настроило респондентов на серьезный лад.

Е.Б. Чернышова отметила, что результаты эксперимента могут отличаться и в зависимости от социального статуса экспериментатора: результаты эксперимента, проводимого преподавателем в студенческой аудитории, отличаются большим соответствием условиям эксперимента, нежели в случае, когда в качестве экспериментатора выступает человек с равным опрашиваемым или более низким социальным статусом (незнакомый для аудитории человек, студент – студент, студент – взрослые).

Е.В. Старостина провела сопоставление 55 одноименных ассоциативных полей в трех одновременных ассоциативных словарях русского языка (Старостина 2016, с. 72-73). Исследование показало, что в 33 ассоциативных полях неединичные ассоциаты стабильны, изменения в содержательной части незначительны. Однако были отмечены и несовпадения, которые, по мнению исследователя, связаны с социально-политическими изменениями, а также с методикой проведения экспериментов. При формировании ассоциативных полей двух словарей использовалась письменно-письменная форма, в третьем – устно-письменная. Е.В. Старостина отметила, что письменно-письменная форма проведения ассоциативного эксперимента вызывает большее число синтагматических реакций, чем устно-письменная. Это, скорее всего, связано с тем, что при визуальном восприятии стимула у испытуемого чаще возникает желание «дописать» предложение (предикацию). При устном предъявлении стимула чаще возникает парадигматическая реакция.

На соотношение синтагматических и парадигматических реакций влияет и временной параметр: в настоящее время по данным СИБАС и ЕВРАС наблюдается снижение доли синтагматических реакций (20 лет назад их наблюдалось больше).

Участники круглого стола поделились своими наблюдениями о зависимости результатов психолингвистических экспериментов от времени их проведения и подчеркнули, что данная проблема требует дальнейшего исследования и учета всех имеющихся данных.

Обсуждалось, каков временной период, по прошествии которого в ассоциативных полях происходят значительные изменения в содержательной части поля. Участники круглого стола пришли к выводу, что значительные изменения отмечаются примерно каждые 20 лет («поколенческий» период, по терминологии Н.В.Уфимцевой), а также в случае существенных социально-политических изме-

нений. Например, в РАС за 10 лет не отмечены серьезные содержательные изменения, а за последние десять лет все исследователи отмечают их: оказывает влияние фактор «социальное время» (бурные социальные процесс в стране). Был сделан вывод о том, что изменения в содержательной и структурной части ассоциативных полей часто связаны не с одним, а целом рядом факторов (социальный, гендерный, возрастной и др.).

Обсуждался вопрос об оптимальном количестве испытуемых для проведения ассоциативных реакций.

Было отмечено, что Г.А. Черкасова (2005) установила, что одноименные ассоциативные поля, сформированные на основе реакций 100 испытуемых, уже включают первые пять частотных реакций, которые при увеличении количества испытуемых в дальнейшем практически уже не меняются; при опросе 200 испытуемых – не меняется уже и их порядок (ранг). Н.В. Уфимцева указала,

что при 500 ии можно говорить об ассоциативной норме языкового сознания.

Все участники круглого стола отметили, что их собственные исследования подтверждают достаточность 200 ии для выявления основных релевантных реакций на любые стимулы.

Исследователи из Харькова И.В. Гордиенко-Митрофанова и С.Л. Саута отметили, что порядок и набор частотных реакций перестает различаться по гендерному признаку при 300 испытуемых. Ими был проведен свободный ассоциативный эксперимент со стимулом «игривость». Было опрошено более 5000 человек и на определенном этапе исследования было замечено, что характер и состав высокочастотных реакций уже не меняется. Была поставлена промежуточная цель: выяснить оптимальное количество респондентов для объективного исследования языкового сознания носителей русского языка при работе со стимулом «игривость».

Из 5000 человек случайным образом было выбрано 3000 респондентов, учитывая гендерный и возрастной факторы. Результат: 90% высокочастотных реакций из выборки «3000» вошли в выборку «5000».

Затем из выборки «5000» случайным образом было выбрано 100 респондентов, учитывая гендерные и возрастные различия. Результат: менее 50% совпадения высокочастотных реакций.

Далее, из 5000 человек случайным образом было выбрано 300 респондентов, учитывая гендерный и возрастной факторы. Результат: 75% совпадения высокочастотных реакций.

Затем, из 5000 человек случайным образом было выбрано 300 респондентов, не учитывая гендерный фактор. Результат: 75% совпадения высокочастотных реакций. Таким образом, можно заключить, что начиная с 300 человек, гендерный фактор не играет роли.

На данном этапе исследуются возрастные различия в вербальном поведении испытуемых.

В ходе исследования харьковчанами был сделан вывод о целесообразности создания фильтров значений для каждого стимула при описании психолингвистических значений, с целью возможности работы с разными выборками по критериям – «пол», «возраст», «тип профессии», «деятельность» и т.д.

Было обнаружено, что психолингвистическое значение обладает большой

познавательной ценностью при изучении феноменов, в частности личностных свойств, выраженных словами с нечеткой семантикой, но при этом являющимися актуальными лексемами в языковом сознании носителей языка. Психолингвистическое значение позволяет зафиксировать актуальные значения того или иного стимула, которые, с одной стороны, выявлены в языковом сознании, а, с другой, устойчиво артикулируются в научных текстах, часто с обратным индексом яркости.

Другим, не менее важным вопросом, который был поднят участниками круглого стола, был вопрос о пороге релевантности результатов психолингвистических экспериментов.

И.А. Стернин поставил вопрос о возможности «выбраковки» реакций с индексом яркости менее 5% как потенциально случайных. Участники круглого стола отметили, что подобная «выбраковка» при описании ассоциативных полей нежелательна, так как многое зависит от цели исследования (например, может отдельно изучаться личностная, подвижная часть ассоциативного поля – единичные, индивидуальные реакции и др.), в таком случае малочастотные и даже единичные реакции могут иметь ценность для исследования. При этом в зависимости от цели исследования сам исследователь может устанавливать границы релевантности экспериментального материала и оговаривать это в своем исследовании.

Не менее интересным было обсуждение вопроса о возможности интеграции результатов разных психолингвистических экспериментов. Многие участники указали на то, что исследование одного и того предмета исследования разными психолингвистическими методами позволяет получить более достоверные факты (стимул один, а методы исследования разные, например, свободный, направленный ассоциативный эксперименты, метод субъективных дефиниций, метод шкалирования и др.), однако объединять полученные результаты в единое ассоциативное поле не следует, так как это исказит представление об ассоциативных связях слов. Результаты ассоциативного эксперимента каждым методом должны завершаться построением своего ассоциативного поля, потом эти результаты могут сравниваться.

Любые объединения ассоциативных полей должны быть мотивированы целями исследования. Например, исследования О.Е.Виноградовой и И.А.Стернина (2016) показали, что при психолингвистическом описании семантики слова целесообразно интегрировать результаты, полученные психолингвистическими методами, с лексикографическими, а разные психолингвистические методики в описании семантики слова интегрировать целесообразно, поскольку такая интеграция дает более полное и глубокое описание семантики слова.

Общее мнение было сформулировано по проблеме интеграции разных ассоциатов при описании ассоциативного поля: интеграция разных словоформ при описании ассоциативного поля (лемматизация) - *человек, человеку, о человеке* и под. – в лемму *человек* необходима, а объединение ассоциатов разных частей речи или однокоренных ассоциатов при построении ассоциативного поля не должно иметь места, это искажает описание реального языкового сознания.

Лемматизация особенно необходима при построении обратных словарей, которые позволяют проследить ассоциативно-вербальные связи различных стимулов, определить ядро языкового сознания и др.

Вопрос об описании групповой специфики вызвал дискуссию о формах

представления результатов такого описания.

И.А.Стернин высказал предположение, что при сопоставительных исследованиях нужна определенная шкала уровней различий для сравнения полученных результатов.

Была предложена следующая шкала:

Уровни различий

0	полное совпадение, отсутствие различий
0,01 – 0,04	незначительный (<i>различия могут быть индивидуальными, случайными, статистически недостоверными, плохо подтверждаются верификацией</i>)

0,05 – 0,10

низкий

0,11 – 0,25

заметный

0,26 – 0,50

существенный

0,51 – 0,70

высокий

0,71 – 0,99

очень высокий (ярко выраженный)

1,00

абсолютный (предельный) – лакуны, эндемики

М. Дебрэнн поддержала эту идею, отметив, что при составлении французского ассоциативного словаря с дифференциацией испытуемых-франкофонов из Франции, Канады, Бельгии и Швейцарии, существует потребность в подобной шкале для сравнения различий.

Н.В. Уфимцева отметила, что, по ее мнению, единой шкалы быть не должно, поскольку неправильно было бы навязывать некоторую единую шкалу всем исследователям; кроме того, в разных исследованиях критерии могут различаться.

В.Е.Гольдин, характеризуя гендерный аспект ассоциативной дифференциации, отметил, что по его наблюдениям гендерные различия в ассоциативных полях школьников проявляются заметно начиная с 7-8 классов, и особенно ярко – в старших классах. В более младших группах гендерная дифференциация ослаблена.

А.П.Сдобнова отметила, что возрастная специфика на уровне ассоциативных полей проявляется у школьников весьма ярко. Наиболее ярко различается наполненность отдельных семантических категорий ассоциативных полей. Особенно существенные возрастные различия выявляются при сопоставлении 1-4 классов (особенно первоклассников) и группы 9-11-ых классов. При этом при переходе от одной группы к следующей возрастной группе около 60% основного лексикона предыдущей возрастной группы сохраняется.

И.А. Стернин предложил критерии сравнения гендерной и возрастной специфика при описании психолингвистических значений. Специфика проявляется в том, что:

- выявляются чисто гендерные, чисто возрастные значения и семы;
- совпадающие гендерные и возрастные значения различаются по индексу яркости более чем на 5%.

И.А.Стернин отметил, что при подобном подходе на материале психолингвистических значений гендерная специфика значений и сем выявляется ярче, чем возрастная.

И.А. Стерниным был также поднят вопрос о критериях, которые позволили бы уже на первом этапе отбирать стимулы, предположительно имеющие опреде-

ленную семантическую специфику (возрастную, гендерную, региональную и др.). В настоящий момент это чаще всего субъективные предположения исследователя. Примерно половина единиц, которые исследователь рассматривает как имеющих гендерную или возрастную специфику, такой специфики не выявляет, и наоборот – специфика выявляется в единицах, которые никак нельзя было в этом «заподозрить». Предпринималась попытка предварительно выявить путем опроса информантов мужские и женские слова, молодежные, взрослые и старческие слова. Выявленные таким приемом лексические единицы также в половине случаев групповой специфики семантики не выявляют. Участники круглого стола отметили, что определение подобного предварительного критерия облегчило бы исследование групповой специфики значения слова, однако пока этот критерий еще не определен.

Остается метод сплошного обследования лексики, либо при наличии электронной базы ассоциативных словарей обращение в этой базе, где ассоциаты дифференцированы по полу и возрасту.

Все участники круглого стола сошлись во мнении, что территориальная (региональная) дифференциация результатов ассоциативных экспериментов выражена слабо. Это наглядно показал Ассоциативный словарь школьника, а также предварительное сопоставление материалов ЕВРАС и СИБАС.

Темпоральные различия ассоциативных полей, значений и семантических компонентов практически не изучены. Их описание затруднено влиянием разных факторов – например, одновременно с темпоральным фактором всегда действуют и факторы социальные, что также требует изучения.

Рассматривая вопрос о наименовании различных подходов в описании результатов ассоциативных экспериментов, А.В.Рудакова указала на возможность использования следующей терминологии при использовании ассоциативного эксперимента для описания семантики слова:

психолингвистический семемный словарь (приводятся значения слова и список объективирующих их ассоциативных реакций);

психолингвистический семный словарь (приводятся значения слова и семы, полученные путем семантической интерпретации объективирующих их ассоциативных реакций);

психолингвистический семантический словарь – семно-семемный словарь психолингвистических значений, совмещающий семный и семемный психолингвистические словари. Еще одно название такого словаря - ассоциативно-семантический словарь (Л.О.Бутакова).

Психолингвистический семантический словарь может быть также предложен в гендерном, возрастном, территориальном, темпоральном вариантах, а также в варианте психолингвистического словаря собственных имен; кроме того, возможны психолингвистические синонимические и антонимические словари (словари симиляров и оппозитивов, по терминологии А.А.Залевской)

Участники круглого стола отметили, что принципиального значения название типа словаря не имеет, но оно должно быть обосновано, определено и пояснено исследователем.

В заключение круглого стола все участники признали обсуждение весьма плодотворным и выразили благодарность организаторам.

Литература

Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова: монография / О.Е. Виноградова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2016. – 160 с.

Дебрени М. Лексические отношения в ассоциативных словарях французского языка // Вопросы психолингвистики 2016, вып. 1, №16 с.76-89.

Исакова Е.С. Гендерная дифференциация семантики слова (на материале ассоциаций РАС) // Психолингвистика и лексикография. – Вып.2. – Воронеж: «Истоки», 2015. – С. 187-193.

Патренкина Н.С. Возрастная специфика сем психолингвистического значения глагола *врать* // Психолингвистика и лексикография. – Вып.2. – Воронеж: «Истоки», 2015.- С. 210-215.

Рудакова А.В., Стернин И.А. Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова // Психолингвистика и лексикография. – Вып.2. – Воронеж: «Истоки», 2015.с.100-133

Старостина Е.В. Влияние времени и метода сбора ассоциативного материала на характер «главных ассоциатов» поля / Е.В. Старостина // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам: материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент» (Москва, 24-26 мая 2016 г.) – М.: Издательство «Канцлер», 2016. – С. 73-74.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Индексы яркости и групповая дифференциация семантики слова // Психолингвистика и лексикография. – Вып.2. – Воронеж: «Истоки», 2015.- С.96-100.

Стернин И.А., Стернина М.А. Методики индексализации и шкалирования в рамках сопоставительно-параметрического метода // Сопоставительные исследования. Воронеж: «Истоки», 2016. – С. 22-29.

Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. – Калуга, 2005. – С.227-242.

А.В.Рудакова, И.А.Стернин

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактным адресам и/или телефонам.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегии.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

Рукописи оформляются по данному ниже образцу.

УДК

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ

Фамилия, имя, отчество автора

должность, место работы

адрес

электронный адрес

Аннотация **на русском языке (150-250 слов)**

(Структура аннотации должна быть в соответствии с логикой статьи: тема, предмет/объект, цель, методы, результаты, итог)

Ключевые слова **на русском языке**

Основной текст статьи

Рекомендуемая структура основного текста:

Введение

Тематические подзаголовки

Дискуссия (обсуждение)

Резюме (выводы)

Литература (**на языке оригинала источника**)

Название статьи на английском языке, сведения об авторе/авторах на английском языке, аннотация на английском языке, ключевые слова на английском языке и транслитерированная (с переводом) литература помещаются **после основного текста статьи**.

Аннотация на английском языке должна быть переводом аннотации на русском языке.

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Фамилия, имя, отчество автора **на английском языке**

должность, место работы **на английском языке**

адрес **на английском языке**

электронный адрес

Abstract (**англ.**)

Keywords (**англ.**)

References (**англ.**) – транслитерация (см. <http://ru.translit.ru/?account=bgn>)

и [перевод на англ. яз].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере; гарнитура – NewTimesRoman,

Размер шрифта – 14; поля – 2,5 см. с каждой стороны; интервал между строками – 1,5 см.; абзацный отступ – 1.25.

Абзацный отступ необходимо задавать автоматически. Знаками табуляции и клавишей пробела при установлении абзацного отступа не пользоваться.

В тексте должны различаться прописные и строчные буквы, а также символы: O (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или прописная буква «i»), - (дефис) и – (тире).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы набираются прямым стандартным шрифтом.

Таблицы

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

Указание номера таблицы *Таблица №* дается перед таблицей (выравнивание по правому краю, точка после номера не ставится).

Ниже дается название таблицы (выравнивание по центру, точка после названия не ставится).

Размер шрифта текста в таблице – 12, интервал между строками – 1,0 см.; абзацный отступ – «нет».

Ниже дан образец оформления таблицы.

Таблица №1

Название таблицы

--	--	--

Сноски

Оформление текста сносок: Размер шрифта – 10; строками – 1,0 см.; абзацный отступ – 1.25.

Ссылка на грант дается в сноске после названия статьи по образцу: *Исследование выполнено при поддержке гранта (финансирующая организация) №, название.*

Иллюстрации

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ. Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Литература

Литература оформляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ Р 7.0.5-2008 (для e-library).

Список литературы дается в алфавитном порядке с указанием количества страниц для каждого источника.

Номер источника по порядку не ставится.

Лексикографические источники и интернет-документы указываются в общем списке источников.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

Источники на русском языке

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. – С. 305-412.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Автореферат диссертации:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rifawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Источники на английском или другом иностранном языке (оригинал)

Монография:

Baker, M. (1992). In Other Words. London: Routledge. 301p.

Статья:

Alexieva, B. (1997). A Typology of Interpreter-Mediated Events. The Translator Vol. 2. No. 2. 153–175.

Источники с транслитерацией и переводом на английский язык

Монография:

Nenashev M.F. Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

Статья:

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo – [Oil Industry]*, 2008, no. 11, pp. 54–57.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Рады сообщить, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов (2015 год), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Также сообщаем, что журнал «Вопросы психолингвистики» включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science. Полный список журналов, вошедших в RSCI, доступен по ссылке:

http://wokinfo.com/media/pdf/RSCI_Journal_List.pdf

а также при поиске на e-library:

http://elibrary.ru/projects/blogs/post/2015/12/17/WoS_7.aspx

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс 37152.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru

Редколлегия

